ШАНЬГО ЧЖУАНЬ

Алексей Штрыков

ПОВЕСТИ ГОРНОЙ СТРАНЫ

ТЕТРАДЬ В БЕЛОМ БАРХАТЕ

ШАНЬГО ЧЖУАНЬ

Алексей Штрыков

ПОВЕСТИ ГОРНОЙ СТРАНЫ

ТЕТРАДЬ В БЕЛОМ БАРХАТЕ

Алексей Штрыков

Шанього чжуань. Тетрадь в белом бархате

Примечания автора:

Примечания автора:

I место на конкурсе «Технология чудес»: https://author.today/contest/20

⁂

Примите участие в опросе, связанном с потенциальным изданием книги:

https://docs.google.com/spreadsheets/d/1GyvkBnlweKcqsu5zbrokskioTUD8setmDhiENFJOgIY/edit?usp=sharing

⁂

Если вам нравятся

※ китайские классические романы,

※ корейские дорамы,

※ инопланетные миры, после глобальной катастрофы скатившиеся в средневековье,

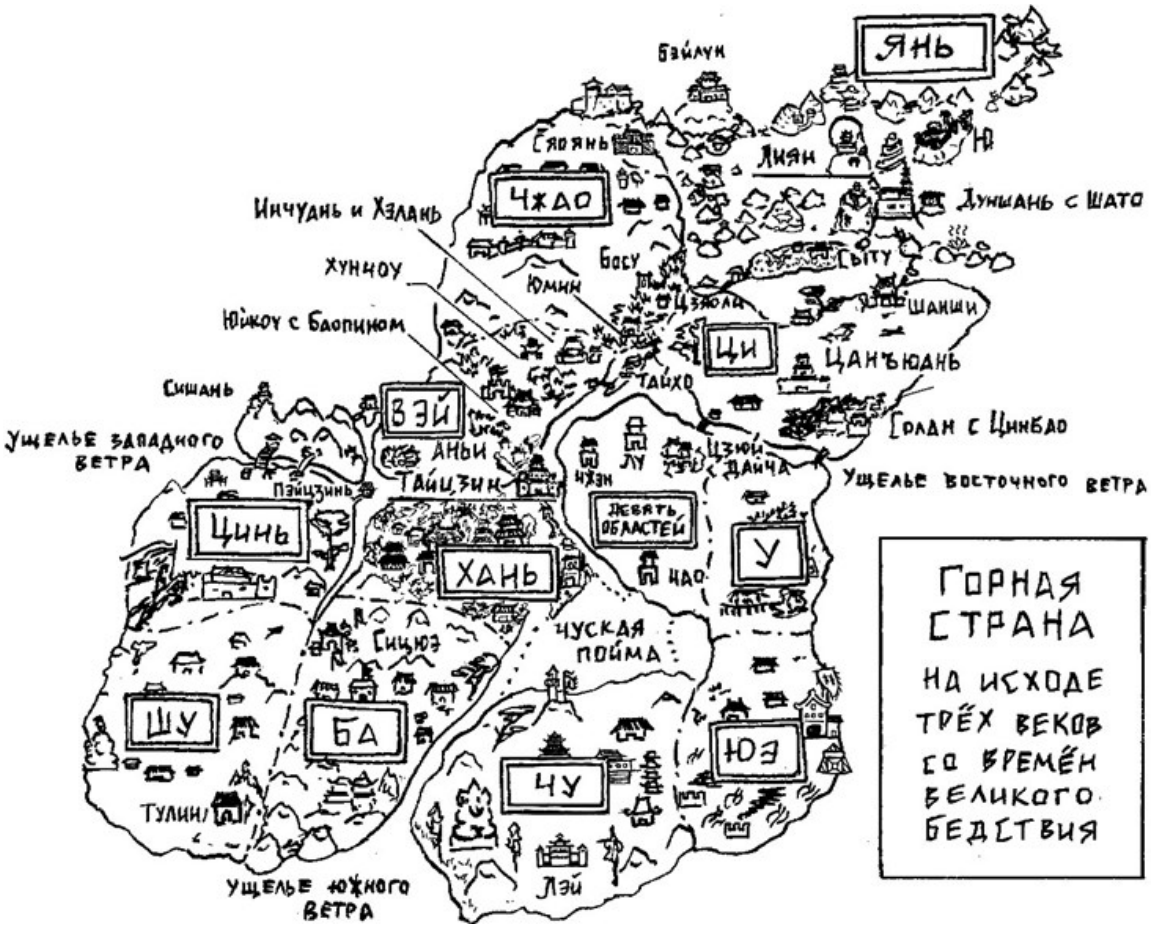
※ повествование от первого лица,

эта книга ждёт вас.

Страница книги https://author.today/work/19811

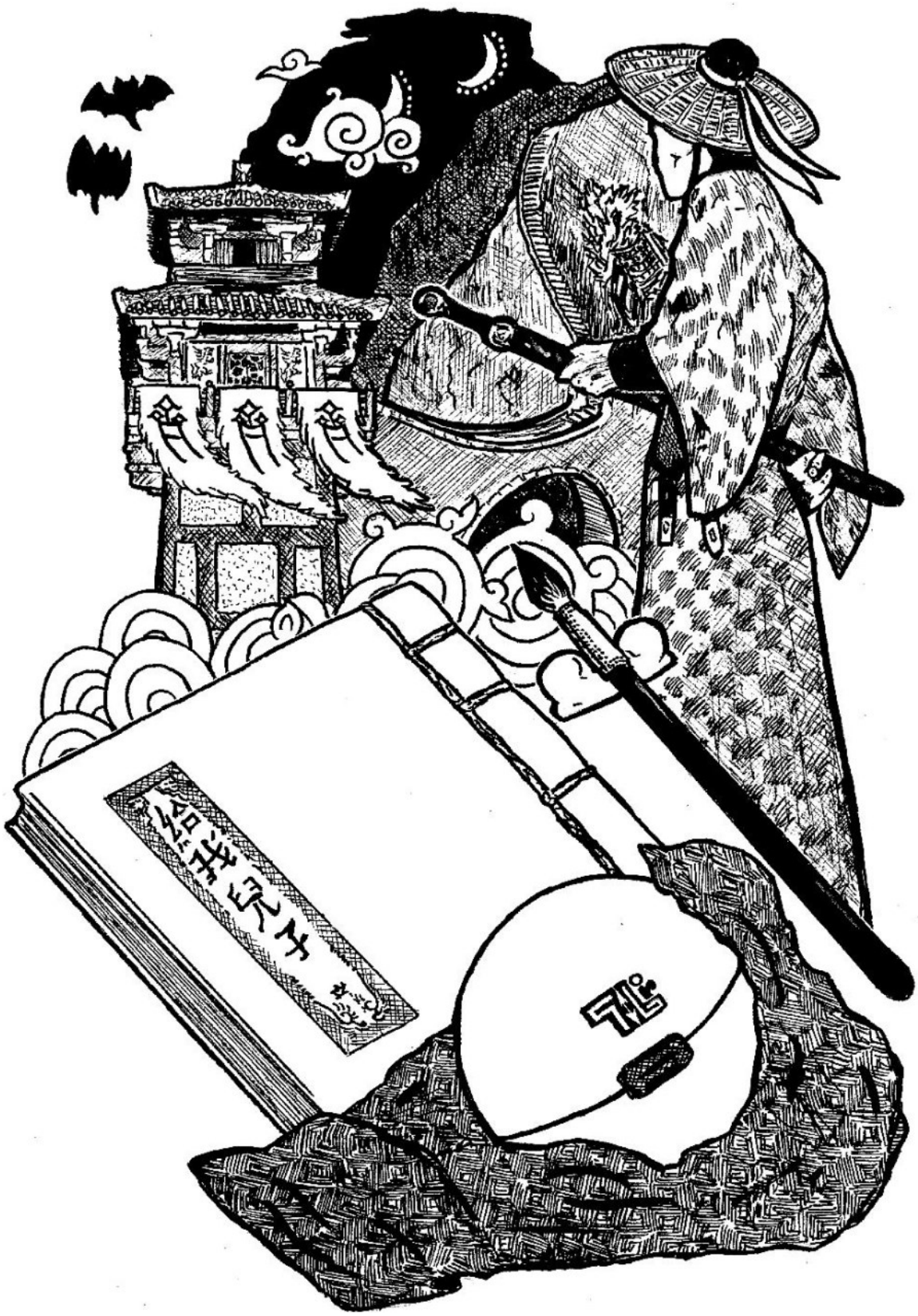
Карта

Общая карта горной страны, с указанием городов, деревень и поместий, имеющих отношение к первой книге.



Возможно, появится отдельная карта северо-востока (области Янь и Ци).

Пролог



Капитан подал мне тетрадь:
— Путь предстоит неблизкий. Ты не скучай. Лучше записывай.
— Что записывать? — на всякий случай уточнил я.
— Всё. Всё, что знаешь.
Я чуть было не рассмеялся ему в лицо.

Глава первая. Дуншаньский префект принимает гостей, господин из Лаоту рассуждает о добре и зле

На северо-востоке горной страны, в области Янь, где пастбищ становится разительно меньше, а горы соединены не тропами, а ненадёжной паутиной дощатых мостков, стоит массивный потухший вулкан — отставной вояка, гостеприимный Дуншань. Три века назад, когда проснулись его братья и вся планета пульсировала, звенела боевым барабаном, он не откликнулся на зов и, вместо того чтобы истреблять людей, приютил их, подарил клочок плодородной земли, превосходное место для города и камни для крепости. Такой, какие умеют строить, наверное, только корейцы. Смотришь, и кажется, что стены и башни не сложены руками человека, а вырастают прямо из горы, словно её естественное продолжение. Каменные укрепления, точно заботливые руки, обнимают город, подхватывают каждый домик, каждый сарайчик ниже по склону — закрой глаза, и услышишь, как Дуншань шепчет им: «Куда вы, глупые! Дальше нельзя! Опасно!»

Однако, справедливости ради, нужно сказать: здесь, на северо-востоке, своя, неповторимая красота отличает каждую вершину, каждый город. Недаром их так любят художники. Многоярусный Маоцзян не спутаешь со слепым гигантом Цзефэном, а двенадцать знамённых башен Люйшаня — с чёрными бастионами Ю. Но и поговорка родилась недаром: «Различия яньских городов заканчиваются за городскими воротами. Проживи месяц в любом из них — и не поймёшь, где ты». Но про Дуншань такого не скажешь. Он другой. И в мои детские годы, и впоследствии у него всегда была одна особенность. Гости господина Чхве. Именно гости были жизненной силой города. Сейчас я бы сравнил его с ульем, который пасечник ставит, ожидая привлечь бродячий рой. Ремесленные кварталы, площади, управы и канцелярии, да и мы все были его стенами и

рамами. А пчёлами — гости. Вот старательные медоносы трудятся в школах и скрипториях, вот отчаянные трутни, вооружённые мечами и пиками, стоят в карауле у спящих гуйшэней, вот сидит над трактатом крылатая пчелиная матка — странствующий администратор Ли. И в сторонке отдыхает, покуривая трубку, довольный пасечник, господин Чхве.

Люди, прибывавшие с приказами из столицы, называли его Цуй Гуанцзу. Но те, кто приезжал на службу, произносили фамилию и имя по-корейски: Чхве Гванджо. Чтобы лишний раз показать понимание картины. Понимающие люди всегда в цене. Понимающие и понятные.

Но, наверное, за сравнениями я упустил подробности, которые нелишне будет указать во избежание непонимания. Гости господина Чхве не были гостями в привычном, обиходном значении слова. Обычный гость приходит на краткий срок: кто на полчаса, кто на полдня, кто даже на полмесяца. К господину Чхве приходили насовсем. Обычный хозяин, оставляя гостя на ночь, размещает его в своём доме, отводя по собственным возможностям кто комнату, кто

этаж, кто флигель. Правитель Дуншаня для своих гостей устроил целую слободу — впрочем, на некотором отдалении от городских кварталов. Они прибывали из других яньских городов, но чаще из соседних и даже дальних областей — то поодиночке, то целыми компаниями. На каждого заводили собственное личное дело. Всего в гостевом архиве было несколько сотен, а то и с тысячу отдельных папок. При первой беседе хозяин или администратор Ли (сам из гостей и обладатель весьма солидного досье) ненавязчиво, но обстоятельно вызнавал у новоприбывшего сведения о происхождении, заслугах, умениях и привычках, а тайно сидевший за перегородкой скорописец заносил всё в протокол.

Большинство составляли так называемые «удальцы», люди небольших талантов, но храбрые и умеющие обращаться с оружием. Из них формировалась негласная личная армия господина Чхве. По закону ему, разумеется, не разрешалось набирать войско, но кто осудит ватагу молодцев, которые по собственному почину проводят дни в боевой подготовке и охране общественных мест! Более смышлёных определяли в письмоводители и особые порученцы, а самых ценных — в чрезвычайные советники. От последних ждали научных изысканий, технических нововведений и помощи в работе над любимым детищем правителя — «Большим сводом всеобщих знаний». Были и те, кто не проявлял способностей ни к чему. Их не гнали и даже оставляли на содержании, но при весьма скромном пайке. Говаривали, что таких людей хозяин любит больше всего: если умелый мог приписать пропитание своим умениям, то неумелый неизбежно чувствовал себя должником господина Чхве и пошёл бы за него в огонь и в воду. Впрочем, за справедливость этих слухов я не поручусь.

Мальчишками мы этого ранжира не различали. Каждый новый человек на Дуншане, будь то книжник или воин, мудрец или бездельник, вызывал у нас неподдельный интерес. Мы старались разговориться с каждым и выудить что-нибудь о жизни в других городах. Затаив дыхание, мы слушали на площадях рассказы удальцов о войне против южных мятежников и тайных вылазках Ци против Чжао. Один из гостей правителя, родом с другого края горной страны, преподавал у нас музыку, и, как ни скучно было слушать его лекции о двенадцатиступенчатом звукоряде, я не пропустил ни занятия и жадно вбирал из уроков короткие рассказы об опасных приключениях, через

которые он прошёл по пути в Янь. Но настоящий праздник устраивал мне отец, время от времени приглашая домой кого-нибудь из странствующих учёных и разрешая мне присутствовать при беседе. Я многого не понимал, но отец запрещал мне переспрашивать и вообще подавать голос, поэтому я во что бы то ни стало настроился запоминать — надеясь (и, как оказалось, правильно надеясь) понять сказанное потом.

Когда мне было двенадцать лет, я услышал историю, которую впоследствии часто вспоминал. И она, наверное, уместно будет смотреться здесь, в самом начале рукописи.

К отцу пришли двое. Одного я к тому времени уже знал — это был начальник «добровольной стражи» капитан Дуань. Высокий, богатырского сложения, немного угловатый, с суровым лицом и роскошными чёрными бакенбардами — своим видом он напоминал барса или медведя, но однажды я случайно услышал о нём слово «лисица» и с тех пор замечал в его поведении только лисье. Второго гостя — сухонького старичка, которого отец называл не иначе как «уважаемый Лунвэй», — я видел тогда в первый и последний раз.

Разговор зашёл о гуйшэнях — извечной беде горной страны. Возможно, там, куда я следую, этой напасти не бывает, поэтому расскажу о ней, но простите, если мой рассказ окажется излишен. С того самого дня, как народ ушёл от ядовитого тумана в горы, люди стали обнаруживать камни примечательной, грушевидной формы — размером с большую собаку. Они появлялись среди рассыпавшихся кусков породы в самых неожиданных местах, обычно после бурь. В толстой части этой «груши» неизменно два глазка, похожие на кварцевые вкрапления. Когда туман внизу становится белёсым, «груши» оживают. Каменная скорлупа трескается, и можно увидеть, что внутри — животное, туго спелёнатое собственными крыльями. Сделав один вдох, оно расправляет крылья и взмывает вверх. Поначалу эти существа мечутся бесцельно, но, заметив других пробудившихся родичей, инстинктивно сбиваются в стаю. Если их оказывается больше десяти, у них словно возникает разум. Один на всех. Разум, злоба и чудовищная кровожадность. Это хищники. В стае они крайне хитры и опасны, а умение летать превращает их в настоящий кошмар. Едва столкнувшись с этой бедой, люди рассудили, что имеют дело с нечистой силой, — и назвали новых врагов гуйшэнями, то есть бесами.

Убить спящего гуйшэня практически невозможно — слишком прочна скорлупа. Справиться с летящим крайне трудно. Остаётся момент пробуждения, когда животное становится уязвимым для оружия и ещё не поднялось на высоту.

В отличие от других городов, Дуншань от них почти не страдал, и свою роль в этом играли как раз капитан Дуань и его подчинённые. Ежедневно утром и вечером гору сверху донизу обходил патруль. За каждую новонайденную каменную «грушу» полагалась щедрая награда, а к ней самой приставлялся сменный караул. У спящего гуйшэня дежурили по двое удальцов: один с копьём и мечом, другой с письменным приказом господина Чхве «умертвить преступное чудовище». В момент пробуждения приказ надлежало быстро зачитать — и сразу же привести в исполнение. За это следовала ещё бóльшая награда, и люди сами рвались сутками стоять ради неё в карауле.

— А зачем ещё этот приказ? — спросил Лунвэй.

— Да как же без него! — возразил капитан. — Приказ — это самое главное.

— Толково устроено, — подумав, одобрил старик. — Жаль, что мы в Лаоту до такого не додумались.

Звонкое молчание.

— Я и не знал, уважаемый Лунвэй, что вы из Лаоту! — наконец произнёс отец. — Поистине неожиданно.

О деревне Лаоту слышал у нас любой ребёнок. Когда мы убегали слишком далеко от города или поздно возвращались домой, взрослые стращали: «Помнишь, что произошло с деревней Лаоту?!» Мы, конечно, помнили. Гуйшэни растерзали там всех до единого. Лет десять жители держали оборону, но чудовищ было слишком много: сто, а то и больше. Налёты, как рассказал старик, шли не постоянно, время от времени прекращались, чтобы потом продолжиться сильнее прежнего.

— Мы бы не продержались ни дня, если бы не верили друг в друга. Понимаете, у нас было настоящее братство. Когда капитан Чэнь вёл нас в бой, сосед готов был жизнью расстаться ради соседа. Когда женщины варили детям еду, то не делили детей на своих и чужих. Мы знали, что любой день может быть последним. Как умели, радовались жизни и понимали, что вместе либо победим, либо погибнем.

О том чтобы бежать, не то что не говорили, даже не думали. Из Лаоту шла одна-единственная тропа, и уйти по ней всей деревней было невозможно, а в одиночку — немыслимо. И не потому, что с неба на тебя устремятся сто пар хищных глаз, а из-за простого и честного слова «вместе».

— Мы знали: не будет чудовищ, и настанет счастливая жизнь. Спокойная и изобильная. Но нас становилось всё меньше, и капитан решил отправить гонца с просьбой о помощи. Поручение было опасное, но иного выхода он не видел. Жребий пал на меня, — Лунвэй со значением ткнул себя пальцем в грудь. — Мне тогда было лет двадцать.

Стоит ли говорить, что наивный деревенский парень, чудом избежав смертоносных когтей и клыков, подкрепление в Лаоту не привёл, попросту не сумев преодолеть стену человеческого безучастия. Зато с избытком насмотрелся на «спокойную и изобильную жизнь». На ложь и жадность, на пьяниц и грабителей. Самое сильное впечатление на него произвёл рассказ о чьём-то самоубийстве.

— По странному стечению обстоятельств, в тот же день я узнал нечто, что навсегда изменило мою жизнь, — Лунвэй понизил голос. — Не скажу от кого, но я узнал, как правильно и наверняка уничтожать гуйшэней. Это оказалось очень просто. Настолько просто, что средство я изготовил на следующий же день.

— Действительно! Что уж проще рогатины! — осклабился Дуань.

— Ошибаетесь, — серьёзно сказал старик. — У меня была не рогатина и не лук. Помню, как я шёл из Лаоту — быстрым шагом, стараясь не попасться чудовищам на глаза, прячась в тени, словно преступник. Обратно я шагал хозяином, а гуйшэни падали с неба и корчились у моих ног.

— Но погодите, — отец приложил кончики пальцев к вискам. — Ведь деревня Лаоту погибла!

— Да, две трети пути по тропе я не дошёл.

Дуань, который, кажется, собирался что-то спросить, поперхнулся незаданным вопросом. Отец, не моргая, смотрел на Лунвэя, и тот продолжил:

— В деревне мы каждый день проживали с чувством общего дела. Мы ценили жизнь, ценили себя и других. Но почему этого не ценили в Байчэне и Цзые? Что было не так? Что было по-другому? У нас был

враг, и борьба с ним закаляла души и делала их чистыми. В бедной и несчастной Лаоту попросту не было места для грязи. А я шёл туда и нёс ей эту грязь. Уничтожь я угрозу целиком и полностью (а я мог это сделать) — и грязь постепенно заполонит человеческие жизни. К западу от Цзые я видел деревню, как две капли воды похожую на нашу, но ни единого вечера там не проходило без пустых споров и пьяных драк. А если бы я просто вернулся и умолчал о полученном знании, уже моя собственная жизнь превратилась бы в каждодневное лукавство. Я больше не принадлежал своей деревне. Мне не было места среди этих честных людей. И я принял единственно правильное решение — уйти и никогда не возвращаться.

Отец выразительно посмотрел на меня, а вслух сказал, что жители Лаоту погибли страшной смертью.

— Зло и добро — два полюса одной стрелки. Когда в комнате зажигают свечу, на стены ложатся тени, — назидательно сказал Лунвэй.

Отец вновь выразительно на меня посмотрел, но уже ничего не сказал. Впрочем, паузы не возникло: Дуань принялся расспрашивать старика о мощи его тайного оружия, и старик, не раскрывая сути, похвастал, что легко убивает любое количество гуйшэней в воздухе и на земле и, если господин Чхве пожелает, за один день навсегда избавит гору от этой напасти. В том числе от спящих — как уже обнаруженных, так и оставшихся в глубине горной породы, — чему капитан упорно отказывался верить.

В это время явился привратник и передал донесение вечернего патруля. Внизу, у самого тумана, удальцы нашли ещё одну «грушу» и теперь радостно ожидали наград.

— Пойдёмте туда немедленно! — оживился старик. — Вы всё увидите лично, на примере этой самой «груши». Господин директор, изволите пройтись с нами?

(Отец был директором управления взысканий и поощрений.)

— Увы, нет, уважаемый Лунвэй, и вам настоятельно не советую ходить по ночам столь далеко от города. Разумнее дождаться утра. Вы познакомитесь с господином Чхве и всё ему покажете.

— И в самом деле, — поддержал его Дуань. — Вы здесь человек новый, а к низу горы уступы очень ненадёжны.

Но спорить было бесполезно. И, попрощавшись с отцом, капитан, поддерживая старика под руку, отправился показывать ему находку. Когда дверь за ними закрылась, отец велел мне взять тетрадь и кисточку. Вечером я всегда что-то писал под диктовку, отрабатывая почерк. Он встал и веско произнёс:

— Свеча загорается от искры, а не от темноты, — и ушёл из комнаты.

Гуйшэни не исчезли. Много лет спустя, получив назначение в гостевой архив, я специально искал там личное дело Лунвэя из Лаоту и не нашёл о нём ни единого упоминания.

Глава вторая. Бао Бревно обезглавливает чудовище, в доме траура звучат стихи

Я был в семье единственным и поздним ребёнком. Говорили, что когда я родился, отец души во мне не чаял и повсюду ходил, сияя улыбкой. Но через пять лет умерла мама, и с нею словно умерло всё тёплое, ласковое и живое, что было в отце. Маму я не помнил совсем, а отца всегда знал таким — несколько отчуждённым и скупым на слова и эмоции. Он был таким не только со мной. Он был таким со всеми и всегда.

Нужно было видеть его, скажем, за чтением книги. Идеальная осанка, расправленные плечи. Не шевелится ни один мускул на лице. Не слышно дыхания, глаза смотрят, не мигая. И только по движению зрачков можно понять, что перед тобою человек, а не статуя. Дома и на государственной службе отец поддерживал самый строгий порядок и вызывал у других благоговейный страх, в том числе у меня.

…Перечитал эти строки. Образ получился какой-то совсем уж холодный и безразличный. Это неверно. Я знал, я всегда знал, что он меня любит. Лет до десяти он неизменно проводил последние часы перед сном в моей спальне.

— Расскажи сказку, — просил я.

— Правда намного удивительнее, — вполголоса говорил он.

И вот какие истории он мне рассказывал.

Раньше в мире всё было иначе. Не было ядовитого тумана, не было и людей. На земле было пусто. И тогда на больших летающих лодках спустились великие предки из разных небесных стран. Отец перечислял самые удивительные названия: Страна Храбрецов, Страна Законов, Прекрасная Страна и даже Внезапная Страна — ну, и естественно, Срединная Страна, где на небе жили китайцы.

Великие предки дали начало земным народам и построили города в низинах, в поймах рек и на берегах больших скоплений воды, которые назывались озёрами и морями. Они засеяли землю семенами трав,

кустарников и деревьев; разбили парки и пастбища и выпустили туда животных, больших и малых; развели рыб и птиц. Они дали имена близкому и далёкому, живому и неживому, высокому и низкому. Они исчислили время и разбили год начетверо, и каждую четверть натрое, и каждый день на двадцать четыре доли. Они назвали солнце солнцем, а луны — лунами, как привыкли делать у себя на небе.

Это был Золотой век, когда не было ни войн, ни даже государств и границ, все люди были равны между собой и свободно летали на небо и обратно, а небожители заботились о том, чтобы у них ни в чём не было недостатка. Но пришёл день, когда они перестали спускаться на землю, и люди начали жить по своим законам, тревожиться о нехватке еды, завидовать и не доверять друг другу. Они обзавелись оружием, провели межи и разделились между собой. Он сделали себе боевых чудовищ из стали и пламени. Они приучились действовать силой и угрозами, воспели убийство и объявили его справедливостью. Две сотни лет земля терпела их дела, и реки безропотно пили человеческую кровь. Две сотни лет железные когти распахивали поля и засевали их смертью. И в свой срок посевы взошли.

В один и тот же день и час язвы земли раскрылись: вспыхнули вулканы, закипело море и растрескалась суша. Из недр на поверхность хлынул густой ядовитый туман и укутал планету толстым смертоносным одеялом. Вдыхавшие его умирали в ужасных мучениях. Он разъедал кожу и выжигал лёгкие, ослеплял и оглушал — и те, кто не погиб сразу, умирали долго и мучительно. Спаслись только те, кто бежал в горы. Не всем повезло так, как нам. Многие народы, освоившие низины, сгинули в них без следа. У нас же была рядом горная страна — и Первый Лидер увёл в неё китайцев и корейцев, а с ними индийцев и других наших соседей. Многие знания оказались утеряны, многие имена искажены, а для нас наступила новая эпоха — скудости и невзгод, великих подвигов и великих потерь. И пока с подножий гор не сходит туман, эта эпоха продолжается.

Это повествование меня завораживало. Помню, как я рисовал небесные лодки и стальных боевых зверей, помню, как мне хотелось узнать об этих временах больше, но приставать к отцу с расспросами я боялся — и обратился к нашему учителю. Тот строго и важно посоветовал мне внимательнее читать учебные книги. В учебных

книгах история начиналась с Первого Лидера, и до него словно не было ничего и никого.

И ещё помню (почему-то захотелось об этом написать): сумерки, мы с ребятами стоим во дворе школы, и Сяоэр, которому я как-то проговорился, кричит, тронув меня за плечо и указывая в небо:

— Ты смотри! Что это по небу плывёт?

Я тут же вытянул шею и даже встал на цыпочки. А Шикуай насмешливо сказал:

— Подсадить, коротышка? Не видать, небось!

Я тогда сильно обиделся на шутку — а особенно на «коротышку». До самого окончания школы я рос очень плохо и был ниже всех своих сверстников, да к тому же щуплым. Когда-то отец вкопал во дворе особый столбик, на котором я отмечал свой рост, и одно время я по нескольку раз в неделю (бывало, и каждый день) подходил к нему, и горько досадовал, что не вырос ни насколько. А позже оказалось — хорошо, что не вырос.

Мне было четырнадцать лет, и я всё так же нет-нет да сбегал из школы за город — поговорить с удальцами-караульными. Кое с кем я успел сдружиться, а один из них, громадина по прозвищу Бао Бревно, даже побратался со мною и подарил мне нож, острый, тяжёлый, с гравировкой: «Навстречу смерти». Вместе мы выглядели потешно: огромная гора мускулов и рядом — я, тощий воробушек. Я знал, когда и куда Бао назначают в караулы, и порою, вместо того чтобы идти на учёбу, шёл к нему — вместе сторожить гуйшэня.

Однажды внизу горы патрульные нашли не одну «грушу», а две, лежащие рядом. Капитан Дуань решил не выставлять дополнительный пост и ограничиться двумя бойцами. В конце концов, в момент пробуждения времени обычно более чем достаточно, чтобы справится и с двумя. Я каждый вечер бегал посмотреть, не проснулись ли чудовища, а однажды отправился туда с самого утра — в карауле как раз стоял Бао.

— О, братец, здорóво! — радостно закричал он, издали увидев меня.

Я подошёл, поклонился, как было положено, и сел на скалу. Бао примостился рядом. Его сослуживец спал, что было строго запрещено. В этой части Дуншань весь изрыт пещерками и усыпан валунами. Бао кивнул на них и весело сказал, что, наверное, в каждом из них

спрятано по «груше», которые только ждут своего часа, чтобы принести награды для удальцов. И, достав из-за пазухи засохший кусок сыра, разломил пополам:

— Постоишь в карауле за меня?

— Конечно! — радостно согласился я.

— Да я пошутил, — Бао добродушно потрепал меня по плечу.

Я быстро съел свою половину и сидел на холодном камне, болтая ногами и поглядывая на туман. Густое марево то и дело меняло цвета. В то утро оно было тёмно-красного цвета. Вдруг я заметил белые прожилки, вначале тонкие, потом всё более уверенные, и вот уже весь туман побелел.

— Гуйшэни! — крикнул я.

Каменная скорлупа трескалась на обоих. Бао спрыгнул со скалы, схватил копьё и пнул товарища в бок. Тот осоловело вскочил и принялся поправлять шлем и одежду, видно, решив, что на подходе проверка. Потом, сообразив, что к чему, потянулся к тубусу с приказом, попутно лепеча: «Законной властью повелевается…» Ближайшая ко мне груша рассыпалась, и я впервые так близко увидел живого гуйшэня. Чудовище расправляло крылья и таращило глаза прямо на меня. Распахнулась необычайно широкая пасть — что называется, от уха до уха, вся усыпанная длинными кривыми зубами. Бао крикнул: «Скушай!» — и вогнал ему копьё в глотку. Второй караульный бросился к тому месту, где лежала другая «груша», и отчаянно выругался.

Второй гуйшэнь поднялся в воздух.

Он громко хлопал перепончатыми крыльями и метался туда-сюда, словно осваиваясь в новой стихии. Мне показалось, что и этот тоже почему-то смотрит именно на меня. Наверное, потому что из нас троих я больше всего походил на добычу. Вообще одинокие гуйшэни опасаются взрослых людей, как и любое животное побаивается того, кто больше ростом. Но щуплый и низкорослый мальчишка явно воспринимался иначе.

Решение пришло само собой. Я выхватил нож и несколько раз полоснул себя по левой руке. Кровь пошла сразу. Густая, красная, цвета давешнего тумана. Я помахал порезанной рукой в воздухе, зачем-то вдобавок вымазал кровью ладони и лицо, сбросил халат и поспешил по склону — подальше от своих. Гуйшэнь бросился за мной.

Я бежал, а в ушах пульсировали слова, написанные на лезвии: «Навстречу смерти, навстречу смерти, навстречу смерти». Впереди между камнями проглядывалась пещерка — узкая, тесная, но, как мне казалось, достаточно глубокая, чтобы мне можно было в ней спрятаться. Я бежал и очень боялся, что ошибся. Крылатое чудовище приотстало, и появился новый страх: что оно откажется от погони. До пещеры оставалось совсем недалеко. Сжавшись в комок, я стал перекатываться по земле, царапая и разбивая ладони, локти и колени. «Так даже лучше, — думал я. — Так даже больше крови». В пещеру я заполз ногами вперёд, рассчитывая, что, в случае чего, у меня нож и я отобьюсь.

Через мгновение в проёме появилась голова чудовища. Сложив крылья, оно ползло за мной. А я в этой тесноте не мог даже пошевелить рукой — какое там отбиваться! В темноте глаза у гуйшэня — выпученные, круглые, как у кролика, — горят красным. Я выставил нож перед собой и гадал, смогу ли я таким образом убить его. Сердце колотилось в висках, заглушая все звуки. В глазах мутилось, и я почувствовал, как теряю сознание.

Я очнулся от шёпота Бао: «Братец! Братец!» — он держал меня, как мать младенца, и сказочно обрадовался, когда я открыл глаза. Левая рука у меня была перевязана, раны натёрты какой-то мазью. Недалеко, на том самом месте, где мы совсем недавно сидели и разговаривали, лежала отрубленная голова гуйшэня.

— Твоя добыча, — улыбнулся Бао и поставил меня на ноги. — Стоять можешь?

— Да, — ответил я. Поклонился и пошёл домой. Мне было не очень хорошо.

Вечером к отцу пришёл капитан Дуань. Разговор длился менее четверти часа, затем отец вызвал меня к себе и строго спросил:

— Ты слышал наш разговор? — Он сам знал, что я ничего не слышал. — Господин Дуань попросил меня и тебя хранить всё в тайне. Что именно?

Я не стал врать и всё ему рассказал и даже показал порезы и царапины, которые поначалу хотел от него скрыть. Извинился за пропущенные уроки и порванную одежду и пообещал, что больше это не повторится. Отец несколько секунд по-своему, не мигая, смотрел на меня. Потом я впервые увидел на его лице улыбку. Тёплую, родную улыбку.

— Пойдём, я кое-что тебе покажу, — сказал он и повёл меня в свой кабинет, куда до этого строжайше запрещал заходить. Там было много удивительных вещей, но я, удивлённый и несколько испуганный,

смотрел только на отца. Он взял со столика чёрную шкатулку и вынул из неё квадрат бумаги размером с ладонь: — Держи.

На бумаге карандашом был нарисован портрет молодой женщины с цветком в волосах. Она смотрела на меня и ласково улыбалась. Совсем как сейчас — отец.

— Твоя мама, — сказал он. — Каждый вечер я ей про тебя рассказываю. Теперь можешь рассказывать сам.

После этого случая отец очень быстро постарел. Через четыре года его не стало. И это были самые счастливые четыре года моего детства. Каждый вечер мы вместе выбирали свежий цветок и клали его рядом со шкатулкой. И после этого долго-долго разговаривали и не могли наговориться. В последний год он выглядел древним стариком: седина без единого тёмного волоса, глубокие морщины и усталые выцветшие глаза. Он дождался, пока я окончу школу и сдам экзамен на чиновничью должность — и словно перестал держаться за жизнь. На третий день моей службы в управлении общественных работ у него случился приступ.

Наши ведомства были рядом, и я обо всём узнал сразу же. Когда я прибежал, отец как раз пришёл в сознание, но врач, сидевший поодаль, отрицательно качал головой: «Не выберется». Я опустился на колени и взял отца за руку. Он посмотрел мне в глаза:

— А, сынок… Умираю я, сынок. Ты послушай кое-что важное… — его взгляд скользнул по стоящим вокруг подчинённым и опять остановился на мне. Отец глубоко вдохнул и, прикрыв глаза, слабым голосом пропел:

Летят, подгоняемы ветром, походные марши,
Года пролетают, но мы не становимся старше…

Потом опять посмотрел на меня и серьёзно сказал:

— Лиян.

Я никогда не слышал этих строк и не знал, причём тут Лиян. Чиновники зашептались между собой о том, что директор бредит. А кто-то предположил, что скоро должна приехать проверка из Лияна, областной столицы, и он, наверное, вспомнил о ней. Отец сжал мою руку (удивительно сильно для умирающего) и сказал:

— Покорми сегодня моего попугая. Сам. Тем, что найдёшь в сундуке. Обещаешь?

Я пообещал, а про себя решил, что он действительно в бреду. Отец притянул мою руку к своим губам, поцеловал и умер.

Меня вызывались проводить до дому, но я дошёл один. Новости расходились быстро, и слуги встречали меня у порога словами соболезнования. Трогать вещи покойного родителя до кремации считалось верхом сыновней непочтительности, но я рассудил, что отец, давая мне последнее поручение, сам хотел, чтобы я вошёл в его кабинет и открыл сундук. Я начал перебирать вещи, но нигде не находил того, что могло бы сгодиться в пищу попугаю. В самом низу сундука лежала завёрнутая в белый бархат тетрадь с надписью: «Моему сыну». Я невольно открыл её и начал читать.

Там были стихи. Я никогда не знал, что отец все эти годы писал стихи. В некоторых строках угадывались события моей жизни. Каждое стихотворение было обращением отца к сыну. Я сидел и читал стихи. Попугай в клетке — кажется, единственный, кто не знал о смерти хозяина, — жизнерадостно чирикал и иногда повторял: «Документ! До-до-о-о-кумент!» Со страниц на меня смотрели аккуратные иероглифы, выведенные отцовской рукой, было грустно и вместе с этим — тепло и спокойно. Я знал, что теперь он всегда будет со мной, как с ним всегда была мама. И вдруг по спине пробежали мурашки: на одном из листов я увидел знакомые слова:

Летят, подгоняемы ветром, походные марши,
Года пролетают, но мы не становимся старше.
Кто мыслью крылат, я закован в неё, как в колодки,
Слезой орошаю свои дорогие находки,
Лицо закрываю, но вечером снова встречаю
Янтарное небо, застывшее в чашечке чая.

Почему отец вспомнил именно их? Я ещё раз пробежал их глазами и зацепился за последние две строчки, за их первые слоги: Ли-ян. Перелистнув страницу, я посмотрел на другие стихи. По всей тетради первые слоги последних строк складывались в названия городов нашей и других областей. Я нашёл даже столицу. Но зачем был нужен такой шифр, не понимал. Заслышав шаги, я спрятал тетрадь за пазуху, а сам вернулся к сундуку.

Вошёл старый слуга Чжан.

— Отец сказал мне, чтобы я взял отсюда корм для попугая, — бросил я ему через плечо.

— Корм для птицы — рядом с клеткой, — ответил Чжан.

Прошло три дня. Тело отца с почестями сожгли в большой печи для государственных служащих, прах развеяли с моста Небесного Спокойствия. После церемонии ко мне подошёл господин Чхве.

— Я очень ценил и любил твоего отца. Для меня это большая потеря, — сказал он. — Понимаю, твой дом сейчас — это дом скорби. Но твой отец до последнего дня трудился на благо отечества и не успел принести из дома несколько важных государственных бумаг…

Я сказал, что, конечно, верну документы, господин Чхве вздохнул:

— Не нарушай траура. Сегодня придёт заместитель твоего отца и сам всё возьмёт.

Так сундук в кабинете опустел наполовину. А наш дом погрузился в длительный траур. На протяжении трёх лет я не выходил из дома сам и не принимал гостей. Никого. Но каждый день выбирал во внутреннем садике свежий цветок. Дарил его маме и читал ей стихи отца.

Глава третья. «Матушка Кён» проповедует, сидя в паланкине; чиновник из управления общественных работ получает два повышения

Вновь увидев Дуншань, я не узнал его. Говорят, в столице и крупных городах иные улицы могут по нескольку раз в году менять вывески и перестраиваться, но та улица, на которой жил я, всё моё детство оставалась неизменной. Когда соседи решали подкрасить ворота или переложить черепицу, это сразу бросалось в глаза. А сейчас другим стал каждый дом, кроме нашего, который словно застрял в прошлом. Главными цветами улицы стали красный и чёрный. Красные стены, чёрная черепица — никак иначе. Тем сильнее выделялись на общем фоне зелёные и жёлтые знамёна, установленные по всей улице с интервалом в десять шагов. На каждом из них красовалась краткая цитата из трактата Люй Дацюаня «О верности долгу». Те же цитаты заменили собой традиционные пожелания долголетия и благополучия на плашках над воротами. Но люди смотрелись ещё удивительнее. За весь путь на службу я не встретил на улице никого в привычной глазу повседневной одежде. Люди вышагивали в долгополых чёрных хламидах с нашитыми красными лоскутами, а поверх — зелёные или жёлтые накидки или ленты через плечо, испещрённые словами Люй Дацюаня. На поясе — бубенец или деревянная колотушка, за спиной — тугой ранец, а на голове — обязательная пёстрая повязка раза в два выше самой головы. И, конечно, лица! Каждое разделено вдоль — половина выкрашена в красный цвет, половина в чёрный, а на лбу и щеках золотые иероглифы: «Верность долгу».

С каким же облегчением я вздохнул, когда заглянул в кабак и увидел там Рябого Вана в его грязном сером халате и с пьяным румянцем во всё лицо! В детстве я часто смеялся над тем, что он не

может связать двух слов, а тут обратился к нему с расспросами, как к самому ценному источнику. Ван, разумеется, не научился говорить лучше, но из его слов я понял, что это секта, облюбовавшая область Янь.

Года три назад (как раз когда начался мой траур) в Маоцзяне появились проповедники нового учения. Это была весьма примечательная группа, и уместно будет рассказать о ней сейчас, хотя всё это я узнал несколько позже памятной беседы с кабатчиком. Во главе проповедников стояла старуха. Её называли «матушкой Кён», но никто никогда не видел её в лицо. На площади Маоцзяна её приносили в паланкине, после этого четыре адепта — «добродетельные сыновья» — возводили вокруг паланкина экраны и вставали, обратившись на четыре стороны света. Когда старуха тихим дребезжащим голосом начинала свою проповедь, «сыновья» хором громко повторяли сказанное. Мощный квартет производил неизгладимое впечатление: четыре дюжих молодца стоят с каменными лицами, устремив пронзительные взгляды поверх толпы, и без запинки декламируют; а где-то за их рокочущими голосами-водопадами журчит лейтмотивом тихий ручеёк слов «матушки Кён». У всего этого было какое-то пугающее очарование, которое усиливалось от того, что молодцы были одинакового сложения, а при своих вычурных одеждах и раскраске и вовсе казались близнецами. Поначалу над ними посмеивались, но вскоре проповеди стали обрастать слушателями и почитателями. Стоило паланкину появиться на главном базаре, и торговля замирала. Говорят, даже самые жадные лавочники запирали двери и шли внимать «добродетельным сыновьям».

Правитель Маоцзяна отнёсся к проповедникам настороженно и недоброжелательно. Первым его порывом было запретить новое учение как вредное и опасное, но смущало само его содержание. «Матушка Кён» и её адепты проповедовали верность долгу. В том числе — повиновение властям и соблюдение законов. Ядовитый туман и гуйшэни, обвалы и землетрясения, пожары и неурожаи — всё объяснялось несоблюдением принципов Люй-цзы. Трактат, написанный ещё при Первом Лидере и не блещущий ни красотой слога, ни глубиной мысли, сектанты именовали великим классическим каноном и хранилищем высшей истины. И это находило у людей отклик — возможно, ещё и потому, что «О верности долгу» в

обязательном порядке читали в начальной школе: при всех своих прочих качествах произведение Люй Дацюаня обладало важным достоинством — состояло из самых простых иероглифов и идеально подходило для отработки навыков чтения и письма. Некоторые фрагменты трактата переписывались и заучивались наизусть, и многие слушатели базарных сентенций радостно отмечали знакомые мысли и пассажи. Впрочем, «матушке Кён» стоит отдать должное — её вариации на идеи Люй-цзы звучали глубже самого Люй-цзы.

Префект колебался. Поползли разговоры о том, насколько он сам отличается верностью долгу, злые языки находили в правлении недочёты, и в один прекрасный день площадные приставы явились для разгона собрания как «нарушающего общественное спокойствие и создающего помехи надлежащему ходу городской жизни». Можно было бы ожидать яростного сопротивления, но адепты, услышав приказ, подняли руки вверх и хором прогудели: «Подчиняемся! Подчиняемся!» — в одну минуту убрали экраны и удалились с паланкином. В Маоцзяне их больше не видели, а префекта через неделю сняли с должности, уличив в каком-то позорном деле.

Через месяц «матушка Кён» со свитой объявились в Ю и нашла там не в пример лучший приём. Юский правитель сам пришёл на первую проповедь, всю её простоял на коленях, а затем торжественно выкрасил лицо в красный и чёрный. Его тоже отправили в отставку — на этот раз почётную. Секта начала своё шествие по области. В каких-то городах её встречали теплее, в каких-то — прохладнее. Корейцы вступали с большей охотой, китайцы — с меньшей. Но там, где власти относились к новому учению открыто дружелюбно, быть «двуцветным» стало выгодно. Так, на Дуншане красно-чёрное лицо лучше всякой рекомендации говорило, что его носитель — честный человек, который уж точно не подведёт. В скором времени за «добродетельными сыновьями» записали несколько толстых книг, в разы превосходивших трактат Люй-цзы. Всё это письменное богатство стало принято повсеместно носить с собой, и появились уже упомянутые ранцы. Границ области секта не перешагнула, превратившись в предмет бесконечной гордости для многих яньцев и бесконечных насмешек для прочих.

В управлении общественных работ — одном из немногих — не было никого, кто ходил бы с красно-чёрным лицом. И я не знал, радоваться мне или нет, когда меня через месяц с повышением перевели в гостевой архив.

Прошёл ещё месяц, и меня вызвал к себе господин Чхве. Раньше я никогда не был у него на приёме и, увидев на стенах драпировки с саженными иероглифами «верность долгу», решил, что мне здесь, чего доброго, с порога вручат две банки с краской. Опасения усугубились, после того как он обратился ко мне словами «мой мальчик», как будто хотел дать мне отеческое напутствие и указать на какие-то мои ошибки. Я ждал, но напутствия не было.

— Я рад наблюдать за твоими успехами, — говорил мне господин Чхве. — Ты достойный сын своего отца, и я вижу, ты сильно вырос и возмужал за эти годы.

Действительно, за то время, что не выходил на улицу, я успел сильно вытянуться и окрепнуть. Любопытства ради я разыскал всех бывших одноклассников и удовлетворённо отметил, что стал выше их всех, кроме добродушного великана Сыпэя. Да, сейчас я гораздо сильнее напоминал покойного отца, и, конечно, услышать такие слова

от господина Чхве было приятно. Он и сам был в чём-то похож на моего отца в последние годы жизни, было какое-то неуловимое сходство, и я перестал чего-то опасаться.

Господин Чхве похвалил меня за ответственность на службе, спросил моё мнение по каким-то мелочам и сказал, что совсем скоро в Тайцзине, столице горной страны, состоится большая дворцовая ассамблея — крупное событие, на которое прибудут чиновники от всех областей и префектур. В том числе от Дуншаня. И эту честь господин Чхве совершенно неожиданно предложил мне, заверив при этом, что не шутит.

— Простите меня, бесталанного, но я откажусь, — ответил я. И чтобы это не сошло за ритуальный отказ-согласие, добавил: — На Дуншане множество именитых чиновников годами старше меня, опытнее и мудрее. Даже если вы почему-то решили наградить меня доверием, я боюсь нанести им обиду. Не лучше ли было бы отправить их говорить на ассамблее от вашего лица?

Господин Чхве с улыбкой сказал, что мой ответ настолько же правилен, насколько ошибочен. Действительно, другие области отправляют самых старых и почтенных, но Янь всегда представляли молодые. Причина проста. Центральные части горной страны находятся на плоскогорьях, и путь между городами, в основном, проходит по мощёным дорогам. Местами встречаются и расщелины, но через них налажены прочные каменные мосты, на которых легко разъедутся четыре повозки. Янь — это россыпь горных вершин, соединённых чаще всего мостами из верёвок и досок. Чиновники из прочих областей весь путь до столицы проводят в седле или карете. Яньские чиновники значительную его часть преодолевают пешком, а значит, крепкие ноги важнее седой бороды.

— Кроме того, говорить от моего лица не придётся. Придётся слушать и запоминать. И здесь молодость и смекалка тоже стоят дороже седины, мой мальчик. Что же до именитости, не беспокойся, накануне отбытия ты будешь назначен моим помощником по ведомствам левой руки.

(Почётная, денежная и совершенно неопределённая должность.)

Я вежливо отказался, потом согласился и с глубоким поклоном спросил, чтó я должен слушать и запоминать в столице.

— Слушать и запоминать, мой мальчик, нужно здесь, — господин Чхве провёл рукой по усам. — В Тайцзине есть один чиновник, имя которого ты узнаешь в своё время. Ты должен помочь ему перебраться на Дуншань.

— Втайне от столичного двора? — удивился я.

— Да, — кивнул господин Чхве.

— И от императора???

— Да, — вновь кивнул он. На фоне гигантской надписи «Верность долгу» это смотрелось особенно выразительно. — И, предупреждая твой следующий вопрос, спрошу сам. На чём стоит его власть?

Я уверенно ответил о небесном мандате и священных устоях. Чхве ласково улыбнулся:

— Я расскажу тебе, а ты послушай. Триста лет назад наши предки жили не на горах, а в низинах. То, что знали и умели они, настолько превосходит наши собственные знания и умения, что просто не укладывается в голове. Они летали по воздуху, обуздывали молнии и заставляли их служить человеку, построили великие города — не чета нашим неказистым деревушкам. Впрочем, и в горной стране есть то, что было создано их руками, а впоследствии приписано Цзи Далуну и его потомкам.

На этих словах я содрогнулся. Именовать императора, здравствующего или умершего, по фамилии и имени не полагалось. Тем более — Первого Лидера. Господин Чхве говорил резко и прямо, скинув прежнюю маску обходительности. Я не отважился посмотреть по сторонам, но совершенно уверен: ни в зале, ни в соседних галереях не было ни души. Кроме, возможно, его самых доверенных лиц — тех, кто не донесёт и о таком преступлении. А преступление было налицо.

Мир, который выстроили наши предки, поражал воображение, продолжал господин Чхве. Он был не таким уж хрупким — бушевали войны, свирепствовали эпидемии, но мир стоял назло всему. И только когда произошло великое бедствие, он рухнул, рассыпался на куски под натиском стихии. Нет сомнений, он выдержал бы и землетрясения, и извержения вулканов, но не туман. Первый Лидер, до той поры человек невысокого звания, но блестящих способностей, рискуя собственной жизнью, спас тысячи других, организовав бегство в горы. В неосвоенный район, где мир пришлось выстраивать почти с нуля. Он понимал, что сменится поколение-другое, и все накопленные знания, к

которым люди шли столько веков, будут утрачены за ненадобностью. Чтоб этого не допустить, он собрал уцелевших учёных, умельцев и знатоков своего времени и поручил им написать всё. Всё, что они знают в любой области жизни. Когда-нибудь, думал он, это вспомнится и пригодится, и нам не придётся блуждать впотьмах, самостоятельно нащупывая давно найденный путь.

Первый Лидер расселил спасшихся и обустроил хозяйство страны. За всё время его руководства никто не пытался занять его место. Его власть опиралась на его собственные таланты. И всегда рядом с ним был его сын, который вошёл в историю как Второй Лидер (господин Чхве назвал его просто по имени — Гочжи). В день великого бедствия ему было около двадцати. Неизменно сопровождая отца, он делил с ним отдых и труд, обсуждал то, что уже сделано, и то, что надлежит сделать, и о многих вещах знали только они двое. Когда Первый Лидер умер — а смерть его была внезапной, — преемника избрали единодушно. Возможно, кто-то и выражал недовольство, но новый правитель неуклонно следовал пути отца и довёл до завершения многие его задумки. Опорой его власти стали последовательность и твёрдость.

— Но было то, что постоянно тяготило Гочжи, — усмехнулся господин Чхве. — В своём наследнике Цзысине он не видел ни отцовских талантов, ни собственной последовательности. И тогда понял: власть рода Цзи должна стать священной.

Второй Лидер разделил горную страну на области, сформировал войско и установил ту систему государственной власти, которая с тех пор почти не менялась. Он заменил умелых людей на нужных, и в положенный час те принесли ему императорский титул, провозгласив на то волю Неба. Посмертно этот титул был присвоен и его отцу.

— Третий и все последующие правители горной страны в своей власти опирались на страх и эту хитрость своего предка, — сказал господин Чхве. — Великое собрание знаний в столичной библиотеке — это для них и сокровище, и проклятие. В нём ключ к нашему будущему, но они, сами не в силах открыть замóк, прячут его от остальных. Знал ли ты, мой мальчик, что вход в библиотеку строго запрещён? Знал ли ты, что за каждым чиновником, который там работает, ведётся постоянная слежка, а за переписывание архивов полагается казнь? Если бы ты всё это знал, то не удивлялся бы моим

словам. Люй-цзы призывал нас к верности долгу. Но если у нас и есть долг, то перед будущими поколениями. А долг перед развращённым родом Цзи погашен сполна.

Господин Чхве тоже собирал библиотеку. Вход туда был свободный.

— Выйти в путь нужно через неделю. Вначале — в Лиян.

Я поклонился и сказал, что жду указаний.

Глава четвёртая. Сельский учитель Яо приносит ключ, молодая красавица нарушает волю отца

На третий день после беседы с господином Чхве состоялась встреча, за которую впоследствии я неоднократно благодарил судьбу. В тот вечер, возвращаясь домой со службы, я увидел у ворот дома трёх человек, закутанных в дорожные плащи. Они стояли против солнца и были примерно одного роста и сложения. Лишь подойдя совсем близко, я понял, что передо мною семья: отец лет шестидесяти, мать лет на десять моложе и дочь, примерно моя ровесница. Я обратил внимание на их сильно обветренные лица — такие бывают после длительного путешествия.

Было странно встретить кого-то вот так на улице (посетителей, если те приходили раньше меня, привратник обычно провожал в гостиную), я не знал, сколько меня ждут эти люди и кто они, собственно, такие, но как можно спокойнее поприветствовал их, представился сам и спросил, чем могу быть полезен. Только тогда я заметил, что у отца семейства по щекам текут слёзы.

— Несчастный день, — сдавленным голосом сказал он. — Ваш слуга приглашал нас внутрь, но я не осмелился войти в дом без хозяина. Примите мои соболезнования, до сих пор я не знал, что ваш отец уже три года как умер, и шёл к нему со своей просьбой и горькими известиями.

Я заверил его, что выслушаю и помогу, и, как мог, постарался ободрить его, но и десять минут спустя, когда мы расположились в гостиной и слуги подали закуски, он продолжал время от времени утирать глаза платком. Его жена и дочь держались спокойно и молча смотрели в пол. Моего собеседника звали Яо Шаньфу. До недавнего времени он был сельским учителем в области Вэй, но месяц назад вместе с семьёй лишился крова. Разбойники, напавшие на их деревню, сожгли все дома до единого, жителей угнали в рабство. Семейство Яо спаслось лишь благодаря счастливой случайности. И как раз когда я

хотел спросить, как со всем этим связан мой отец, Яо Шаньфу протянул мне сложенный вчетверо лист бумаги.

Это было письмо, вернее, записка, сделанная рукой моего отца — в этом не было ни малейшего сомнения. Отец писал, что с сожалением покидает гостеприимный дом, просил помнить об общих начинаниях и, не стесняясь, обращаться за помощью. «Если же случится так, брат Шаньфу, что смерть заберёт меня раньше, чем я смогу тебе помочь, отдай этот лист моему сыну, и он поддержит тебя, как поддержал бы я». А дальше — словно не относящееся к делу: «И перестань засиживаться над книгой по ночам. Сон — счастливая находка».

— Простите, а как называлась ваша деревня?

— Тайхо, — сказал Яо.

К тому времени я хорошо помнил все стихи отца. Помнил и эти, о Тайхо:

Сон — счастливая находка, дорогой сынок.
Ветерок качает лодку, тихий ветерок.
Тайна звёздами искрится, плещет через край.
Хорошо, покуда спится. Крепче засыпай.

— Наш дом стоял на самой восточной окраине, третьим по счёту от начала улицы, — добавил зачем-то Яо. Я вдруг представил себе четыре ровных столбика иероглифов и в первом из них — третье слово: «находка». Мне стало отчётливо ясно, что это слово так или иначе присутствует в каждом отцовском стихотворении.

Я понял, что нашёл ключ.

В тот же вечер семейство Яо разместилось в правом флигеле нашего дома. Стыжусь сказать, но в тот момент, отдавая распоряжение прислуге, я был движим не только состраданием и чувством сыновней почтительности, но и огромным любопытством. «Общие начинания», упомянутые отцом в записке, не шли у меня из головы. Я понимал, что мой гость знает что-то важное, связанное с тетрадью в белом бархате. Впрочем, Яо Шаньфу довольно быстро меня осадил, наотрез отказавшись рассказывать что-либо и сославшись на то, что мой покойный отец в своё время поставил перед ним чёткие условия, кому и при каких обстоятельствах следует доверить знания:

— Возможно, этот человек — вы. Но я не вижу нужного знака, а без него обязан молчать.

И я оставил расспросы.

Через день у архива я встретился с администратором Ли. В детстве он наводил на меня страх. Высокая, тощая, нескладная фигура, вечно болезненное, землистого цвета лицо без усов и бороды, а в довершение к этому — широкие, просто огромные, глубоко посаженные глаза. Мне казалось, это не живой человек, а цзянши, мертвец, оживлённый злым колдовством. Когда администратор Ли в своём чёрном халате, прихрамывая, шёл по улице, дети разбегались врассыпную. Помню, как однажды он пришёл в гости к отцу, и тот, зная о моих страхах и желая их развеять, попросил подать блюдо красных фиников. Известно, что цзянши их не переносят. Я, боясь шелохнуться, сидел в своём углу и с замиранием сердца следил за длинными тонкими пальцами Ли. За весь вечер он ни разу не прикоснулся к финикам.

Официально Ли не занимал никакой должности, но все знали, что после господина Чхве он на Дуншане — второй человек. Под его началом находилась гостевая слобода со всеми её многочисленными персоналиями, он негласно курировал пополнение библиотеки и работу учёных и ежемесячно направлял правителю петицию с изложением стратегии государственного правления. Утверждали, что господин Чхве ни шага не ступит, не посоветовавшись с ним; так это или нет, но время от времени Ли покидал Дуншань и посещал соседние префектуры, главы которых обращались к нему за консультацией. Возможно, от этого и пошёл его удивительный титул — «странствующий администратор». Человек разносторонних талантов и самой подробной осведомлённости, он почти не оставлял записей (за исключением упомянутых петиций), полагаясь на свою исключительную память. Откуда он прибыл на Дуншань и где приобрёл свои познания и умения? Это оставалось для нас загадкой. Разумеется, в первый же день работы в архиве я, улучив минуту, бросился искать его личное дело. Досье Ли насчитывало восемь толстых папок — и каково было моё разочарование, когда все они оказались опечатаны.

Сейчас он уже не наводил на меня ужас, а последние годы сократили разницу в росте, но общаться с администратором Ли было неуютно.

— Я слышал, у вас гости? — спросил он тем тоном, каким можно спросить у торговца в лавке: «Я слышал, у вас свежая черешня?» И я сразу представил себе огромное блюдо черешни и господина Ли, который перебирает ягоды длинными пальцами и смотрит их на свет, щуря свои огромные глаза.

Почему-то мне не хотелось, чтобы он знал о Яо или интересовался ими. Я ответил, что меня навестили вэйские родственники (и по-своему не соврал, ведь отец в записке называл Шаньфу братом).

— Как жаль, что вам послезавтра отправляться в столицу, — сочувственно сказал Ли. — Гораздо приятнее провести месяц в тепле домашнего общения, чем в холоде долгого пути. Но я надеюсь, Айго будет приятным попутчиком.

От господина Чхве я знал, что со мною под видом слуги будет провожатый. Я не сомневался в том, что он отправит одного из своих гостей, но до сих пор не знал, кого именно. В архиве я довольно быстро перебрал картотеку и нашёл единственного человека с таким именем, по фамилии Чэнь. Но когда направился к стеллажам, личного дела на месте не оказалось. Вечером, перед тем как уйти, я проверил опять — на этот раз папка была на месте, но почти пустая. В ней не было ничего, кроме листка анкеты, обычно заполняемого писцом при первой беседе. Тушь на нём была свежая. Кто и когда поставил папку на полку, я не заметил, а спросить было уже не у кого. Наутро мне присвоили новую должность, и я не смог побывать в архиве, проведя целый день у господина Чхве. Но это был весьма полезный день.

До той поры я ни разу не покидал Дуншаня и о внешнем мире знал, главным образом, из чужих историй. В них было много яркого и увлекательного, но мало того, что сейчас могло пригодиться мне в путешествии. Господин Чхве постарался восполнить этот пробел в моих знаниях. Развернув передо мною подробную карту северо-восточных областей, он поручал мне самостоятельно построить несколько маршрутов, задав начальные и конечные точки, а позже «проводил» меня по ним, обстоятельно рассказывал обо всех опасностях на пути в горах и городах и отвечал на вопросы, если что-то оставалось неясным. После полуденной трапезы мне был устроен самый суровый экзамен. Правитель с пристрастием выспрашивал меня о каждом мосте, его виде и состоянии, о свойствах тумана, о его приливах и отливах, о рассадниках гуйшэней, разбойничьих бандах и

их условных знаках, подаваемых днём и ночью. И был весьма доволен ответами.

— Остаётся Тайцзин, — наконец сказал он, поглаживая бороду. — Разобраться в столичных хитросплетениях, поверь мне, труднее, чем в дорогах всей горной страны. Но, по счастью, в этом ты сможешь целиком и полностью положиться на провожатого.

Спустя какое-то время появился администратор Ли в сопровождении невысокого мужчины — судя по виду, из секты «матушки Кён». Господин Чхве сразу же представил его как моего спутника, Чэнь Айго. Мы сели вчетвером обсуждать план действий в столице. Я сидел напротив Айго и, как ни противен мне был внешний вид двуцветных почитателей Люй-цзы, полчаса смотрел только на него, стараясь найти в его внешности хоть какую-то запоминающуюся черту. Иначе, рассуждал я, завтра я рискую уйти с первым попавшимся человеком с красно-чёрным лицом и иероглифами «верность долгу» на лбу. В какой-то момент господин Чхве перехватил мой взгляд и, кажется, мысль — и со смехом вручил мне и Айго одинаковые перстни.

Выход был намечен на раннее утро. Придя домой и сделав все необходимые приготовления и распоряжения, я собирался пораньше лечь спать. Но от всего этого предприятия сознание моё приходило в такое волнение и возбуждение, что я, конечно, не мог заснуть. На небо высыпали звёзды, вышли сёстры-луны, за окном стрекотал сверчок, а мне всё не спалось. Я лежал в постели, подложив кулак под голову, смотрел на длинную полоску света на стене и про себя повторял отцовские стихи.

Вдруг я услышал снаружи тихое пение. Мне отчего-то захотелось выйти и посмотреть, кто это поёт. Хотя я уже тогда знал кто. Из наших слуг привычки напевать (тем более по ночам) не имел никто. Я быстро надел халат и вышел в сад в главном дворе. Тишина. Никого. Я обошёл центральную постройку и прошёл на задний двор, где был вырыт маленький пруд и стояла беседка. Тишина. Никого. Неужели показалось… Мне не хотелось сразу возвращаться к себе. Я зашёл в беседку и какое-то время стоял, облокотившись на перила, и смотрел на звёзды. Пения больше не было. Я развернулся было — и чуть не вскрикнул от неожиданности. Передо мной, прямо у входа в беседку, в лунном свете стояла дочь господина Яо, Мэйлинь. Она приложила

палец к губам и достала из рукава белый шар, похожий на биток для игры в чжуанцю.

— Отец будет ругать меня, но я права, — сказала Мэйлинь. Она говорила так тихо, что я удивлялся, как вообще могу ещё слышать. — Ты хороший, а эта вещь может спасти тебе жизнь, как спасла нам.

— Что это? — спросил я.

— Не знаю. В тумане сожми вот так, поверни одну половинку против другой и брось на землю. Тогда туман не тронет.

— Откуда это у вас?

— Использовать можно один раз, — продолжала она. — Я видела, как это делает отец. У нас осталась только одна. Но мы в безопасности, а ты в опасности.

Она вложила шар мне в ладонь и сжала мои пальцы вокруг него. Совершенная бесцеремонность и вместе с тем искренность этой девушки смутили меня. Я стоял, уставившись на её подарок и не находя слов. А когда поднял глаза, Мэйлинь уже не было. Я вернулся к себе и очень скоро заснул, положив её «волшебный шар» под подушку.

На следующее утро старый Чжан поднял меня до рассвета и помог одеться. У ворот меня ждал Айго в сопровождении двух удальцов —

им было поручено проводить нас до первой сторожки за пределами горы. Мы вышли за городские ворота, спустились по склону и подошли к массивным пилонам моста Белого Тигра, одного из четырёх, соединяющих Дуншань с внешним миром. Склон горы, до сих пор пологий, из-под пилонов круто обрывался и пропадал в тумане. В предрассветное время клубы тумана казались белыми. Лет в десять я залезал на этот мост на спор с соседскими мальчишками — и тогда ничего не боялся. А сейчас на меня обрушивались все страхи одновременно. Я думал, что, если сейчас из марева вынырнет гуйшэнь, мне некуда бежать и нечем отбиваться. Я думал, что, если поднимется сильный ветер, столь характерный для этого времени года, я едва ли смогу удержаться. Да и просто так — обязательно оступлюсь на этих коварных досках, предательски гуляющих под ногами, оступлюсь и сорвусь в туман.

— Не смотри вниз. Думай о хорошем, — вовремя посоветовал шедший сзади Айго.

Я нащупал в поясной сумке «волшебный шар», и идти сразу стало легче.

До восхода мы успели миновать несколько островков. На некоторых были выстроены башенки для караула, на некоторых — павильоны, где можно было сесть и передохнуть, но большинство были пустыми и служили лишь окончанием одного моста и началом другого. Солнце выглянуло из-за наших спин и позолотило ближние вершины Люйшаня и Маоцзяна. Мир просыпался во всей своей красоте. И я вскоре привык к тому, что шагаю по ненадёжным доскам по-над смертью.

Глава пятая. Примечательные люди беседуют в «Золотой звезде», смотритель молельни вынуждает гостя собирать благовонные палочки

Путь до Лияна занял у нас целый день. Первые часов пять мы шли без остановки, и мне не раз вспомнились слова господина Чхве о преимуществе крепких ног перед сединой. И ещё — чьи-то слова о том, что по-настоящему увидеть горы можно, только спустившись в низину. Даже я, не наделённый талантами художника, проходя мимо Маоцзяна, обратил внимание, насколько по-разному гора и город выглядят с разных точек обзора. Власти некоторых префектур снаряжали специальные художественные инспекции и обустраивали на близлежащих, а порою и отдалённых островках особые беседки, наилучшим образом ориентированные для живописцев. Одну из них мы увидели в окрестностях Люйшаня.

Издали кажется, что червлёная черепичная крыша парит над землёй — глаз не сразу замечает высокие резные столбы из белёного дуба. С близкого же расстояния видны не только они, но и помещённые между ними лазурные решётки — переплетение тонких, затейливых узоров. С внутренней стороны они украшены позолотой, и при правильном освещении кажется, будто ты не стоишь на земле, а паришь в небе, купаясь в солнечных лучах. От решёток свободны только два просвета: юго-западный, где находится вход, и северо-восточный, где столбы и высокая балюстрада образуют подобие окна, открывающего вид на Люйшань. У этого окна установлены два мраморных возвышения: для картины и для художественных принадлежностей. Беседка, как мудрый советчик, проводит гостя на нужное место и подсказывает выгодный ракурс; но, говоря начистоту, сама достойна внимания живописца.

Вспоминается великий Ло Вэйфань и картина «Мастер Хань Хао рисует Лиян, стоя в беседке Нефритового Феникса», которую он написал с соседнего, голого островка. Благодаря необычному углу обзора, смелому замыслу и крайне удачной асимметричной композиции картина оживает на глазах, причём мастеру Ло удалось схватить и хрупкую беседку с фигуркой Хань Хао, и мощные стены Лияна на фоне грозовых туч в закатном небе. Можно сказать, что это лучшее изображение яньской столицы. Я видел список этой картины в библиотеке Дуншаня, а оригинал сразу же был приобретён тогдашним губернатором Лю Цзо, но впоследствии утрачен. По распространённому рассказу, картина долгое время находилось на почётном месте в павильоне Пяти Добродетелей в западной части губернаторского дворца, и правитель области не упускал возможности похвастаться покупкой перед гостями. Однажды Лиян посетил императорский инспектор и большой ценитель искусства, по фамилии Му. Когда Лю Цзо подвёл его к этому полотну, Му долго одобрительно кивал и поглаживал бороду. Затем повернулся к господину Лю и сказал: «Но вы ведь понимаете, что это мятеж?»

Когда я был в упомянутом павильоне, единственной картиной на стенах оказалась работа «Лиян озарённый» кисти Хань Хао.

Возможно, Ло Вэйфань, будь он жив, и здесь, рядом с Люйшанем, нашёл бы более удачное место, но в целом вид из беседки открывался просто потрясающий. Лесистый склон, седая борода водопада и шесть из двенадцати неповторимых люйшаньских башен. На Дуншане я привык к приземистым башням-кубикам, едва выдающимся над линией стены, с приподнятой на столбах невысокой четырёхскатной крышей. Башни Лияна и Маоцзяна — чуть выше и стройнее. Столичные украшены изящными ротондами. Башни Люйшаня — настоящие гиганты. Семь массивных этажей ступенями уходят в небо и венчаются шпилем с городским знаменем (от этого и название башен — знамённые). Четыре башни высятся над внутренней крепостью на вершине горы. Ещё четыре стоят по углам крепости внешней. И, наконец, последняя четвёрка расположена внизу — карауля подступы к горе. С островка, на котором находилась беседка, превосходно была видна нижняя башня у Журавлиного моста. На шпиле билось жёлтое полотнище с цитатой из Люй Дацюаня: «Порядок — в повиновении».

Любопытства ради я заглянул в беседку. Она пустовала, но на мраморном возвышении слева лежал этюд той самой башни, выполненный весьма точно. Только знамя на нём было белым с красной каймой, и надпись гласила: «Державный Люйшань».

Общим счётом в тот день мы провели на ногах двенадцать часов. Если добавить к этому время трёх получасовых привалов, не удивительно, что к Лияну мы явились далеко после заката и, вместо того чтобы идти к закрытым городским воротам, остановились на ближайшем постоялом дворе, под вывеской «Золотая звезда».

По всей горной стране такие заведения выглядят одинаково, разве что где-то бывает почище. Это вытянутое трёхэтажное здание, часто на сваях, потому что строить приходится не на самых ровных горных участках. На первом этаже — комната хозяина, тот при входе дотошно вызнаёт о постояльце всю подноготную: имя, адрес, общественное положение. Сведения заносятся в особый реестр, который по требованию представляется местному сыскному управлению для поиска неблагонадёжных лиц. Здесь же располагается большая кухня, откуда обед подают на второй этаж, где постояльцы столуются. Обычно весь этаж занимает общий зал с несколькими столами и табуретами либо скамьями. Реже зал бывает разделён перегородками, и тогда помимо общей столовой имеются отдельные кабинеты, где более состоятельные гости могут трапезничать в относительном уединении. В «Золотой звезде» таких кабинетов не было. Третий этаж отведён под спальни. На деле это тоже одно помещение, разделённое картонными перегородками и ширмами.

Я так сильно устал и одновременно проголодался, что сердце моё разрывалось между вторым этажом и третьим. Но Айго убедил меня вначале зайти поесть. Несмотря на то что час был поздний (а может быть, как раз поэтому), народа за столами было немало. По шапкам и халатам я различил пару торговцев, по патлатой бороде и неухоженным волосам — шарлатана-даоса, два или три человека походили на путешествующих студентов или чиновников (возможно, кто-то, как и я, прибыл в Лиян от своей префектуры, чтобы дальше следовать в Тайцзин), ещё двое, безработные слуги, даже за едой не снимали с головы повязок с надписью: «Ищу работу!». Остальные же, человек пятнадцать, выглядели отчаянными головорезами, хотя не исключаю, что были среди них и приличные люди. Примечательно,

что, хотя среди людей в зале не было ни одного расписного ценителя Люй-цзы, на проходящего мимо Айго никто и головы не повернул. Из чего я сделал вывод, что сектанты «матушки Кён» успели прилично наследить по всей области, приелись и уже не вызывали своим видом ни удивления, ни насмешек.

Мы заняли отдельный стол и — не иначе как с голоду — заказали ужин из четырёх блюд и большой кувшин вина. Но после первой же тарелки сон стал одолевать, и я, оставив Айго в одиночку расправляться с заказом, пошёл на третий этаж, где хозяин любезно «отыскал» для меня свободную спальню. Не удивлюсь, что она стала таковой, после того как предыдущего постояльца среди ночи деликатно переместили за другую ширму. Спальня была невелика, зато с кроватями, а не с циновками на полу, так что я решил больше ни к чему не придираться, и, положив затылок на подголовник, погрузился в сон.

До сих пор помню, что в ту ночь мне снился отец. Наша последняя беседа, когда он лежал при смерти, — я вообще часто вспоминал её и видел во сне. Вот он обводит глазами чиновников, пристально смотрит на меня, с трудом разлепляет губы — и я знаю, здесь он должен пропеть две строчки стихов. Но отец почему-то не поёт. Он до боли сжимает мне руку и хрипит. Страшно, громко хрипит: «Помогите…»

Я проснулся от осознания того, что хрипит кто-то рядом. Совсем рядом, за перегородкой. Спал я, должно быть, недолго, потому что вторая кровать всё ещё пустовала. Я прислушался. Хрип раздался вновь. По правую руку от меня. И снова: «Помогите…» Я оделся, зажёг лучину и пошёл на звук. В соседней спальне на циновке лежал тощий мужчина, кожа да кости, весь в холодном поту. При тусклом освещении мне показалось, что на лице у него пятна. Вид крайне нездоровый. Он никак не отреагировал на моё появление — продолжал лежать, тараща глаза в потолок, и хрипло просил помочь.

— Что с вами? — спросил я.

— Умираю, — ответил он. Хотя, возможно, ответил неосознанно, не слыша меня, как смотрел на меня, не видя меня. Затем опять: — Помогите…

Я решительно отправился к хозяину постоялого двора. Тот, кажется, сам собирался лечь спать. Я объяснил ему, что в спальне рядом со мной лежит умирающий, хрипит и просит о помощи.

— Ах, извините, — виновато пролепетал хозяин. — Он вам очень досаждает?

— Нет, — ответил я. — Дело не в этом. Он ведь при смерти.

Хозяин кивнул:

— Это уж давно. И писать некому. Но и вещей-то нет.

Я понимал, о чём он. По закону, если умирает постоялец, хозяин обязан произвести опись его имущества и известить родственников покойного о происшедшем. Если они долго не являются за вещами, те переходят в собственность казны. Но то, что в такую минуту владелец «Золотой звезды» думал именно об этом, казалось мне диким, и я потребовал оказать больному хоть какую-то помощь. Мои слова подействовали (они стали звучать ещё убедительнее, после того как я развязал кошелёк), и хозяин, взяв с собою таз горячей воды, полотенце и какие-то пузырьки, понуро зашагал по лестнице. Я шёл следом. Мне хотелось проследить и удостовериться, что моего соседа не оставят лежать просто так.

У входа на второй этаж я на секунду задержался. Айго по-прежнему сидел за столом и поглощал, кажется, рубленую свинину с овощами. Напротив него, на моём давешнем месте, теперь восседал рыжебородый детина — ни дать ни взять разбойник! Его внешний вид крепко отпечатался в моей памяти, и вот почему. Лет в двенадцать я тайком раздобыл приключенческий роман «Братья-тигры и атаман Бусянь» (детям вообще не полагается такое читать) и, бывало, подолгу рассматривал цветные картинки. На одной из них, собственно, красовался атаман: дочерна загорелый бугай в красной стёганой безрукавке на голое тело, с мощными, мускулистыми руками, от плеч до пальцев покрытых татуировками, длинной огненно-рыжей косицей и ожерельем из коровьих зубов. Нынешний, живой «Бусянь» уступал книжному разве что загаром, да где-то потерял ожерелье. Остальное было точь-в-точь. Даже косица. И вот этот записной мятежник, сочно жестикулируя, что-то рассказывал моему спутнику, у которого верноподданность была в буквальном смысле написана на лбу. Айго молча слушал и ел свинину, то и дело кивая и прихлёбывая прямо из кувшина.

Сосед умер на следующее утро. Я дал хозяину денег на гроб и кремацию и отправился в город.

Лиян, пожалуй, удивил меня тем, что ничем не удивил. Гостиницы и ломбарды, лавки и мастерские, большие рестораций и маленькие киоски — бульонные и лапшичные, — сирые кумирни на задворках и яркие балаганы на площадях — и чайные, бесконечные чайные, рассыпанные по улицам, проросшие на крыльцах присутственных мест и на широких дворах святилищ, — все эти виды были мне хорошо знакомы. Даже городские парки со всеми их композициями были точно такими же, как на Дуншане, — будто дорога сыграла надо мною шутку и, обманув, привела обратно. Словом, в областной столице я не увидел ничего, чего не было бы в моём родном городе. Разве что губернаторский дворец, да и тот превосходил дуншаньский ямынь скорее размерами, чем красотой.

Господин Чхве замечательно рассчитал время. Мы явились как раз ко дню сбора делегатов. Встреча с губернатором была назначена на полдень, и у меня хватило времени снять комнату уже в городской гостинице, неплохо позавтракать и переодеться из походного в парадное. И хотя ко дворцовым воротам я отправился без Айго, перед самым приёмом, когда вся делегация, кроме лиянских чиновников, ожидала в павильоне Согласия и Умиротворения, один из будущих попутчиков подошёл ко мне и после краткого обмена любезностями спросил:

— Слуга, который будет вас сопровождать, кажется, принадлежит к учению «матушки Кён»?

— Именно так, — как можно спокойнее ответил я.

— Весьма необычный выбор, — сказал он.

В переводе с куртуазного на уличный это означало: «Да вы там спятили, что ли, на своём Дуншане? Идти в компании такого шута! Над вами — и над нами! — вся столица смеяться станет». Внутренне я был с этим согласен. Но вслух возразил, что нахожу такой выбор самым правильным, особенно для столь долгого и небезопасного путешествия, — учитывая самоотверженную преданность сектантов. Собеседник с интересом и опаской посмотрел на меня, словно у меня самого на лице начали проступать иероглифы, и с лёгким поклоном отошёл в сторонку. Господин Чхве действительно рассчитал всё очень верно. Объявись мы на пару дней раньше, Айго неминуемо отослали бы обратно с просьбой прислать другого слугу, с более приемлемой внешностью. Чуть позже я узнал, что чиновник, с которым у меня

состоялся этот короткий разговор, представляет Люйшань. Мне вспомнилась смена девизов на знамённой башне у Журавлиного моста и стало даже смешно.

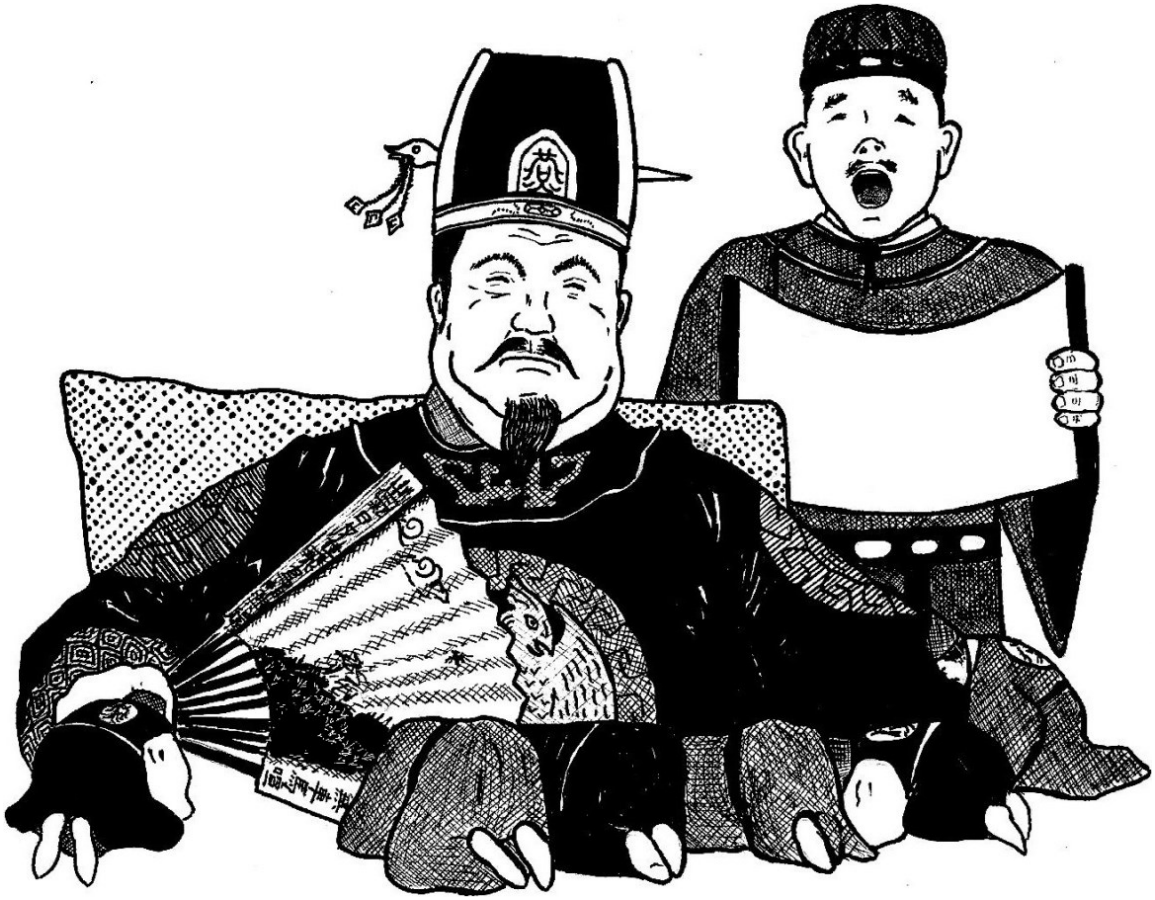
Явился распорядитель, и из павильона нас по крытой галерее препроводили в зал Державной Справедливости, где уже собралось человек тридцать. Помня слова господина Чхве, я сразу безошибочно определил делегатов от Лияна — тройку самых крепких на вид молодых людей. И, кстати, только они как-то отреагировали на наше появление. Остальные, стоя группками, демонстративно переговаривались между собой и словно выражали молодёжи из захолустья своё полное пренебрежение. Но все разговоры оборвались ударом гонга. На подиум в глубине зала вышла четвёрка телохранителей, а за ними — поддерживаемый под руки губернатор (в то время областью правил Тао Ханьло). Все мы распростёрлись ниц — и лежали так достаточно долго, пока он не добрался до середины подиума и не рухнул в кресло.

Бывший начальник императорской палаты акцизов, господин Тао недолюбливал Янь и своё недавнее на тот момент назначение в область воспринимал как ссылку и знак опалы. Глядя на его тучную фигуру, я мог понять его недовольство. Удивительно, что обрюзгший чиновник, привыкший, вероятно, передвигаться в колесницах и паланкинах, вообще сумел пешком (а как иначе?) преодолеть путь от границ области до Лияна. Он прочертил взглядом по нашим лицам, приподнял над подлокотником правую руку и, вытянув указательный и средний пальцы, дважды дёрнул ими в воздухе.

Делегаты-лиянцы стали выходить на середину зала, и мы интуитивно потянулись следом и встали перед губернатором стройным четырёхугольником. Тао Ханьло согнул руку в локте и качнул указательным пальцем. Я понял, что разговаривать с нами он, похоже, не собирается. Рядом с креслом тут же возник чиновник со свитком в руке.

— Высокое повеление… — затянул он. Мы снова пали ниц. Над нашими затылками загремели слова о том, какая большая честь нам выпадает, куда мы следуем и для чего. Слова, не нужные никому из собравшихся, поскольку все явные и тайные наставления о том, чтó предстоит делать в Тайцзине, каждый из делегатов получил заблаговременно.

Наконец нам повелели подняться и начали выкликать имена и названия префектур. Мы с поклоном отзывались. Я не старался никого запомнить. У меня на это была целая неделя пути. Возглавил делегацию второй помощник губернатора, Доу Ифу. Широкоплечий и статный, с заветренным лицом и огрубевшими руками, он мало походил на чиновника и уместнее смотрелся бы среди удальцов капитана Дуаня. Затем последовала хоровая присяга, после неё тот же чиновник, который читал указ и проводил перекличку, сообщил нам, когда и откуда мы выдвигаемся в путь. Всё это время господин Тао молчал, не спуская с нас недоверчивого взгляда. Но вот раздался новый удар гонга, мы опять распростёрлись на полу, и правитель области удалился. Церемония была окончена.



У меня в Лияне оставалось ещё одно дело. Я был рад возможности сделать его, не ставя в известность Айго, и сразу от дворца отправился в северо-восточную — прямо скажем, малоприятную — часть города. Достигнув угловой башни, я пошёл вдоль северной стены, отсчитывая ряды домов. Первый… Второй… Третий… Улочки тут были узкие.

Если по центральным с лёгкостью могли вместе проехать четыре повозки, то здесь и двум пешеходам не везде удалось бы разминуться. Вот он, четвёртый ряд. Я зашагал на юг. Каждое здание — одно слово из строки: «Слезой. Орошаю. Свои. Дорогие. Находки».

Я застыл у ворот крошечной обветшавшей молельни. Неужели здесь? Я с сомнением переступил порог. Ни души. Внутри вдоль стен стояли десять каменных тумб-жертвенников, над ними на облупившейся штукатурке было проставлено по иероглифу, выбранному без какой-либо видимой логики. Здесь были «солнце» и «рука», «белый» и «идти». Ни сами по себе, ни все вместе они упорно не хотели обретать какой-то смысл. Перед каждой тумбой стояли жестяное ведро с благовонными палочками и миска для денег.

— Вы от кого-то? — услышал я скрипучий голос за спиной. За мной стоял сгорбленный старикашка. Наверное, он присматривал за молельней и с улицы увидел, как я захожу. — Вас кто-то прислал?

Я почему-то сказал «да» и назвал имя отца. Старикашка, опираясь на клюку, прошёлся перед тумбами.

— Это святилище безымянных духов-покровителей области Янь! — известил меня он. — Да!..

Он остановился напротив тумбы со знаком «глаз», многозначительно потряс клюкой и неловким движением опрокинул ведро с палочками. Когда он было нагнулся их собирать, мне стало его жалко, и я пообещал, что всё соберу сам. Старикашка кивнул и вышел.

Кроме палочек в ведре оказалась потемневшая от времени дощечка. При падении она тоже выскочила на пол. Я из любопытства повертел её в руках. Три ребра были гладкими. Четвёртое — разлом. На дощечке виднелись надписи, и я вынес её на свет, чтобы лучше разобрать. С первых слов мне всё стало ясно:

Милый сынок…
Сердцем ищи…
В каждой…
Пчёлы летят…
Шандрою…
Ширится мир…

Шесть столбиков бежали сверху вниз и терялись с места разлома. Но я прекрасно знал, чтó там дальше:

Милый сынок, не рассудком ищи пути.
Сердцем ищи, чтобы разумом обрести.
В каждой находке — свой серебристый звон.
Пчёлы летят гурьбой на соседний склон,
Шандрою пахнет свежий пчелиный мёд.
Ширится мир, поднимается твой восход.

Любопытно, что в отцовской тетради эти стихи и стихи о Лияне были написаны с разных сторон одного листа. Я понял, что дощечка — что-то вроде верительной бирки, которую нужно будет предъявить в Шанши, второй дом третьего ряда от восточной стены.

Старикашка исчез. Я ещё раз посмотрел на тумбу и на иероглиф «глаз». «Слезой орошаю свои дорогие находки…» Мог бы догадаться сам и без рассыпанных палочек.

Снаружи, южнее по улице, я увидел человека в жёлтой накидке поверх халата и с высокой пёстрой повязкой на голове. На мгновение показалось, что это Айго. Скорее всего, я ошибся, но к гостинице предпочёл вернуться иной дорогой.

Глава шестая. Яньский чиновник видит в пути лицо мертвеца, Чэнь Айго сжигает тело

В назначенный час все мы собрались у малых западных ворот Лияна, известных как Арсенальные. Трудно сказать, почему именно они удостоились такого названия, — склад оружия в Лияне имелся у каждых ворот, и, скажем, у восточных был даже крупнее, чем здесь. Так или иначе, на месте встречи нас поджидали именно служители арсенала. Глава делегации Доу Ифу явился последним и отдал распоряжение строиться в две шеренги: впереди чиновники, позади слуги. Общим счётом нас было человек тридцать. Доу с видом войскового инспектора прошёл вдоль рядов и осмотрел наше снаряжение.

— Никуда не годится, — сказал он с неудовольствием. — Ладно люйшаньцы и юсцы — им идти всего ничего. Но как вы столько дней шли от Цзефэна и Бэйлуна, не взяв с собой оружия? Как вас только не утащили разбойники и летающие черти!

Слуги, как им и полагалось, действительно были безоружны. Мы имели при себе короткие рапиры, хотя они были скорее элементом чиновничьей формы. Кто-то (кажется, из Бэйлуна) возразил, что в пути до областной столицы их сопровождала вооружённая охрана. Глава делегации усмехнулся и вынул из ножен палаш:

— Мы теперь сами себе охрана. Слугам раздать алебарды, — бросил он арсенальным. И со значением добавил, глядя на нас: — А вам, господа, советую обзавестись чем-нибудь посерьёзнее. Не беспокойтесь, что в таком виде мы будем похожи на шайку разбойников — оружие нужно до тех пор, пока мы не прибудем в Сяоянь.

«Он слишком много себе позволяет», — услышал я чью-то ремарку вполголоса. Большинство не сдвинулось с места, но я, как и пара-тройка других чиновников, прислушался к совету и выбрал себе на складе палаш по руке.

Упомянутый Сяоянь был крайней западной точкой нашей области и единственным её владением на массивном плоскогорье. Оттуда в Тайцзин можно было уже не идти, а ехать. Быстрее и проще было бы добраться до «большой земли» и столицы, двигаясь на юго-запад, через Ци, но возникала заминка. Всякий раз областная делегация прибывала на ассамблею в богатых каретах, украшенных золотом и киноварью, и под девятью яньскими знамёнами. Но циский правитель, всегда предоставлявший кареты предшественнику Тао Ханьло, на сей раз отказался это сделать и предложил соседу либо самостоятельно нанять повозки, либо отправить делегатов в Тайцзин вместе с цискими чиновниками и под знамёнами области Ци. То ли господин Тао успел насолить ему на прошлой должности, то ли причина была в чём-то другом, но после переписки между двумя губернаторами южный маршрут оказался для нас закрыт, и теперь нужно было вначале идти на запад, а затем ехать на юг — через области Чжао и Вэй. Такой путь был не только дольше, но и опаснее: приходилось огибать Северную впадину, известный рассадник гуйшэней, да и мосты в этой части области оставляли желать лучшего. Доу Ифу лично контролировал

каждую переправу, следя за тем, чтобы одновременно на мосту не оказывалось больше трёх человек.

В итоге за первый день пути нам едва удалось одолеть половину той дистанции, которую мы двумя сутками ранее прошли вдвоём с Айго. За это время я успел наслушаться смешков в адрес моего слуги, а с ним заодно — и в мой адрес, и в адрес всего Дуншаня. Чиновники никогда не шутили при Доу Ифу, но, стоило начаться очередной переправе (а Доу всегда переходил мост первым), давали волю сомнительному острословию. В другое время я бы, возможно, посмеялся вместе с ними, но сейчас анекдотцы об адептах «матушки Кён» вызывали у меня всё большее раздражение. Айго, как ни странно, был совершенно спокоен, как будто всё это его не касалось.

На ночлег мы остановились в небольшой усадьбе, обустроенной под гостиницу. За ужином глава делегации разложил на столе карту и карандашом прочертил наш маршрут. В ответ на предложение держаться чуть южнее — и чуть дальше от гуйшэней — меня заверили, что чудовища легко достанут нас и там. С другой стороны, горы на севере изобиловали естественными укрытиями, и в случае большого налёта можно было где-то переждать атаку.

Засыпая, я почему-то вспомнил умирающего из «Золотой звезды». Его тощее лицо, высокие скулы, воспалённые глаза и сухие, потрескавшиеся губы, выдыхающие просьбу о помощи, — всё это мерещилось мне во сне. Наутро мне подумалось, что как раз сегодня тело должны кремировать.

Мы прошли ещё часов шесть. Чиновники приноровились, и теперь переправы давались заметно быстрее. Во время одной из них я обратил внимание на путника по другую сторону моста. Он подошёл одновременно с нами, даже раньше, но решил уступить дорогу, и сейчас ждал, низко склонив голову в плетёной крестьянской шляпе. Островок, на котором он стоял, был не больше двух саженей в поперечнике и едва выдавался над туманом. Сразу же за первым мостом начинался второй. Доу Ифу без задержки миновал оба, его помощник, ревизор И Мэнкун, встал на островке и скомандовал переходить. Слушать новые остроты чиновников не было сил, и я в тот день старался идти первым. Айго всегда шёл следом.

Уже подходя к островку, я заметил, как плохо сработан мост: между последней планкой и твёрдой землёй оставался большой зазор. Можно

было преодолеть этот участок, шагая по канату, но я понадеялся на свой широкий шаг — и, разумеется, потерял равновесие. Мне, наверное, суждено было бы свалиться в туман, но в последнее мгновение незнакомец, дожидавшийся нашего прохода, выбросил руку вперёд и схватил меня за запястье. Когда я увидел его лицо, чувство благодарности сменилось приступом ужаса: на меня, широко улыбаясь, смотрел давешний покойник из «Золотой звезды». Не успел я ничего сказать и даже собраться с мыслями, как И отправил меня по второму мосту.

Что это? Встреча с призраком? Или воображение сыграло со мной злую шутку? Оказавшись рядом с Доу, я хотел ещё раз посмотреть на путника в плетёной шляпе, но люди, идущие по второму мосту, постоянно закрывали обзор. Только когда прошёл И, я смог вновь увидеть островок. Ни на нём, ни на мостах никого не было. Едва ли человек сумел бы перейти так быстро. Мне захотелось узнать, видел ли его кто-нибудь, кроме меня, но спрашивать я поостерёгся, опасаясь злоязычия спутников.

Дальнейший путь проходил по крутому гребню необитаемой и совершенно лысой горы. Добравшись до наивысшей точки, Доу Ифу остановился, обозревая окрестности:

— До ближайшего хутора идти ещё часа четыре. Справимся без привала? — он как будто сказал это специально, чтобы услышать вздохи и ропот за спиной. — Тогда сделаем его прямо здесь.

С левой стороны гора делала уступ, подставляя широкую каменистую ладонь — идеальное место для краткого отдыха. Мы начали спускаться. Вдруг кто-то крикнул: «Гуйшэни!» Навстречу нам от подножия горы двигались двадцать крылатых теней. Спуск прекратился, кто-то замер на месте, кто-то дёрнулся обратно, людей охватила паника. Из оцепенения нас вывел грубый окрик: «Что встали, как истуканы! Скорее вниз, там пещера!»

Внизу в горе действительно была расселина, незаметная при спуске. Но три десятка человек там никак не помещались. Доу Ифу и И Мэнкун, руководившие спуском, вместе со своими слугами оставались на открытой площадке — лёгкая добыча для стаи остервенелых чудовищ. Я зашёл в пещеру последним, и сейчас шагнул наружу:

— Выходите все! Гуйшэни не станут нападать, если увидят, что нас больше и мы готовы обороняться!

Вслед за мной вышли Айго, ещё несколько слуг и третий чиновник от Лияна. Стая резко взяла вверх, поднялась над площадкой и начала кружить, выискивая наше уязвимое место.

— Лук бы сейчас. Или огня хотя бы… — произнёс И, не сводя глаз с противника. — Огня, кто-нибудь! — крикнул он в пещеру.

— Не поможет, — сказал Доу, удобнее перехватывая палаш. — Смотри, сколько их. Чтó им твой огонь?

Мы стояли, словно ощетинившийся дикобраз — слуги с алебардами и мы с клинками. Гуйшэни перестали летать кругами и начали сновать в видимом беспорядке. Я устал стоять, угрожающе подняв оружие и глядя вверх. Шея затекла, руки тоже, а летуны и не думали нападать.

— Изматывают, — сказал И. — Видят, что луков у нас нет.

— Справимся и так, — ответил Доу. — Ты только атаку не пропусти.

Гуйшэни внезапно успокоились, и всей стаей, сложив крылья, уселись на каменном гребне у нас над головами — как городские голуби садятся ворковать на балку дома. Мы развернулись в их сторону. Не может же эта игра в кошки-мышки продолжаться вечно. Доу Ифу опустил палаш, и мы поняли, что можно отдохнуть. Гуйшэнь взлетает не мгновенно, и мы успеем в случае чего взять оружие на изготовку. Так продолжалось несколько минут. И вот — вновь шелест крыльев. На этот раз в воздух поднялась только половина стаи. Я понял, что теперь они могут сколько угодно меняться, пока не утомят нас окончательно. И Мэнкун подобрал камень и швырнул в сидящих. Он не долетелел полтора локтя, чудовища даже не шелохнулись. В руках у Айго появилась импровизированная праща. Второй камень достиг цели: один противник рухнул вниз и тут же был разрублен надвое. Вся стая взвилась в небо.

— Сейчас начнётся, — пообещал Доу.

И началось.

Гуйшэни разделились на два клина — побольше и поменьше — и устроили против нас две атаки — ложную и настоящую. Ложная отвлекла на себя лиянцев. Настоящая обрушилась на тот край, где стоял я. Не знаю, почему они выбрали именно меня — вероятно, посчитали наименее серьёзным противником, — но я оказался сбит с ног, не успев нанести ни одного удара. Острые зубы и когти разодрали мне правое плечо и правую сторону лица. Глаз чудом уцелел. От удара о камень я потерял сознание и, конечно бы, погиб, если бы не Айго. Он точным ударом убил чудовище, которое уже собиралось перегрызть мне горло, и, рискуя собой, оттащил меня в пещеру. Затем вновь выскочил наружу и присоединился к защищавшимся.

За то время, что я лежал без сознания, кто-то заботливо обработал и перевязал мои раны, но правая рука не слушалась, и орудовать клинком я не мог. Открыв глаза, я, как заворожённый, смотрел в просвет пещеры, видел, как мечутся тени, и слушал крики и звуки ударов. И наконец опомнился:

— Огня! Вас же просили: огня!

Кто-то передал мне зажжённый факел, я, схватив его левой рукой, выбежал туда, где шла битва. Площадка была усеяна развороченными телами гуйшэней. У отвесной каменной стены лежали раненые, и Айго, сменив алебарду на палаш, не подпускал к ним чудовищ. Я разыскал И Мэнкуна и протянул ему факел.

— Теперь уж не нужно, — сказал он и, отерев пот со лба, кивнул в небо. Крылатые противники (их оставалось шестеро) улетали прочь. — Победа, видишь?

Она досталась нам дорогой ценой. Глава делегации и его помощник почти не пострадали, но их товарища нельзя было узнать — настолько обезображенным стало его лицо. Тяжелее всего пришлось слугам. Из них всех на ногах оставались только Айго и денщик господина Доу. На остальных было страшно смотреть: изуродованные руки и ноги, пропоротые бока и животы — никто из них, разумеется, не осилил бы путь до Сяояня. Слуги, высыпавшие из пещеры, перевязывали раненых. Вдруг кто-то вскрикнул: «Сюаньчжи насмерть!» Так звали молодого слугу И Мэнкуна. Когда с бинтами и мазями дошли до него, оказалось, что у Сюаньчжи пробита голова и

сердце уже не бьётся. Традиция требовала омыть тело и провести сожжение. Но на всей горе не было ни воды, ни деревьев.

— До хутора, вы говорили, идти четыре часа? — спросил я.

Доу Ифу кисло улыбнулся:

— Сейчас уже все восемь. Ночевать будем под открытым небом.

— Сюаньчжи был неприхотлив, — сказал И. — Лучше, наверное, просто спустить тело в туман.

Мы промолчали. Я подумал, что это, наверное, разумнее всего. Кровь неистово пульсировала в висках, и вдруг вспомнился речитатив из трактата Люй-цзы:

> Долг перед мёртвым — как перед живым.
> Мёртвый не взыщет. За мёртвого взыщется.

Доу вкратце рассказал, как мы будем идти теперь. За каждым раненым закреплялся поводырь. За теми, кто получил тяжёлые раны, — двое. Идти по крутым склонам и мостам и при этом нести другого, было опасно, но выбирать не приходилось. На какое-то время я потерял из виду Айго, а когда увидел вновь, вместо ранца у него за спиной был свёрнутый калачиком и обтянутый верёвками труп Сюаньчжи. Айго молча прошёл среди нас и устремился по каменистой тропинке вниз — к новому мосту. Первым. Как будто кроме него больше никого не было. И мы молча пошли за ним.

Уже у моста я, обернувшись, бросил последний взгляд на место страшного сражения, и мне показалось, что я вижу на площадке фигуру человека в плетёной крестьянской шляпе.

Как и предсказывал Доу Ифу, до хутора мы добрались только на следующий день, ближе к полудню. Тяжелораненых оставили на попечение местного трактирщика, прочим пострадавшим повторно обработали раны, наложили швы и повязки. Сюаньчжи купили гроб, и Айго вместе с другими слугами кремировали тело.

За всё время дальнейшего пути я не слышал ни единой шутки о Дуншане или последователях «матушки Кён».

Глава седьмая. Чжэн Лу играет на драгоценной цитре, горные разбойники меняют гнев на милость

Остаток путешествия прошёл без потерь, если не считать третьего лиянского делегата, который всё же решил остаться на излечение в Бэйлуне: раны, полученные в той битве, начали гноиться, и через пару суток он почти полностью лишился зрения. Встречи с гуйшэнями происходили теперь каждый день, но Доу Ифу был прав: чаще всего налёт удавалось переждать в укрытии. В те же редкие случаи, когда нужно было отбиваться, я со своим истерзанным плечом не принимал в этом участие. Айго как верный страж всегда стоял рядом, защищая меня от чудовищ и собственного бестолкового геройства. Мы теперь приобрели некоторое внешнее сходство: добрую часть пути моё израненное и воспалённое лицо оставалось наполовину красным. Позже воспаление спало, и остались шрамы, которыми я поначалу даже гордился, считая, что они придают мне вид человека бывалого и смелого.

Доу разметил путь так, чтобы всякий вечер мы прибывали в город, деревню или на хутор, хоть в этой местности их было и не так много. Привалы и ужины проходили в беседах. О многом из того, что я узнал тогда, мне впоследствии доводилось слышать неоднократно. Разумеется, этот подорожный обмен мнениями не отличался той степенью крамольной откровенности, что памятная беседа с господином Чхве, но среди всех многочисленных словесных поклонов в сторону императора и тайцзинского нобилитета явственно проглядывалось недовольство молодых чиновников положением в столице и стране. Особенно же доставалось фаворитке государя, красавице Шэн, которая недавно получила титул второй императрицы и обосновалась в Лазурном дворце.

Не знаю, как обстоят дела там, куда я следую, но, коль скоро речь об этом зашла, скажу, что в горной стране многожёнство не принято и в некоторых областях влечёт за собой суровое наказание, однако на императора это правило не распространяется: ему разрешается иметь двух жён. Этот обычай, насколько я знаю из хроник, пошёл не сразу. Первым, кто при живой супруге женился повторно, стал государь Триумфатор, пятый правитель страны. Он долго не решался, но сановник Ли Минь (впоследствии старший министр-блюститель нравов) очень своевременно подал «нижайшее прошение», в котором умолял императора «привести земное в соответствие с небесным». «Государь, — писал он, — подобен солнцу, затмевающему собой все прочие светила. Но солнце в его пути по небосклону сопровождают две луны: Нефритовая и Лазурная. Сколь тоскливо было бы небо без любой из них!» Прошение пришлось Триумфатору по душе, и он великодушно его удовлетворил.

Жёны императоров зачастую происходили из именитых чиновничьих фамилий, но бывало и обратное: умная и энергичная девица из незнатной семьи приводила свою родню к вершинам почёта и государственной власти, как это сейчас происходило и с Шэнами. Иногда правители осознанно потворствовали такой семейственности, желая создать противовес существующей знати, а порой императрицы происходили из двух враждующих родов, что, разумеется, имело для страны самые серьёзные последствия. При том же Триумфаторе итогом столичных усобиц стал подъём преступных тайных обществ, чья мятежные идеи неизменно облекались в мистическую форму. Наиболее значимым из них стало «Течение девяти принципов», о котором ещё будет повод рассказать подробнее. В те времена из-за него полыхал весь северо-восток, и отпавшие области пришлось пришивать к стране железом и кровью. А полторы сотни лет назад из-за борьбы за влияние в Тайцзине от государства отложилась южная область Чу (причины, правда, были несколько иные, но и здесь не обошлось без интриг на женской половине Запретного города), и вернуть её так и не удалось.

Иллюстрацией того, как проходили беседы по пути в Сяоянь, может послужить следующий эпизод. Когда мы прибыли в Бэйлун, нас любезно пригласил в своё загородное поместье господин Лю Эрфань, известный меценат и коллекционер музыкальных инструментов.

Узнав, что в составе делегации идёт инспектор Чжэн, также бэйлунец и превосходный игрок на цитре, Лю после ужина попросил его показать своё мастерство и велел слугам принести семиструнную цитру Юйцинь, сделанную сто лет назад по распоряжению государя Юного. Для дек тогда выбрали древнейший кипарис, росший на юэском склоне ещё с Золотого века. Дерево сушили в течение пятнадцати лет, затем деки в тридцать слоёв покрыли лаком, который богато украсили резьбой и искусной нефритовой инкрустацией. Лучшие поставщики шёлка состязались за право поднести дворцовым мастерам семь тонких шёлковых струн. Царственный заказчик не дожил до окончания работ, но получилось настоящее музыкальное сокровище. Отказаться от столь почётного приглашения было невозможно, и Чжэн, сев за инструмент, исполнил третью часть пьесы «Знамения осени», написанной на стихи Пао-цзы. Сами стихи не звучали, но вот этот фрагмент:

Знаю я, отчего и как происходит это,
Знаю я, что на сотни лет сведены таблицы,
Но когда среди дня не видно дневного света,
Сердце сковано ужасом и прекращает биться.
Вижу, в небе крылатый змей пролетает тенью,
И проносится грозный рёв от земли так близко.
Знаю: это продлится считанные мгновенья,
И опять засияет лик золотого диска.
Но сегодня тоска сильнее надежду застит:
Закрывает светило жестокая тень луны,
Осыпается мир листвой над белёсой пастью,
И мне кажется, будто часы его сочтены.

— Замечательно, — похвалил кто-то, когда мелодия закончилась, — но всё-таки был один недочёт.

— Неужели я где-то ошибся? — спросил уязвлённый Чжэн.

— Нет, сыграно безупречно, но исполнять это надлежало не на Нефритовой цитре, а на Лазурной.

— Такой у меня нет, — посетовал Лю Эрфань, понимающий, о чём разговор.

— Говорят, она появилась в столице, и министр Вэнь уже поплатился за отсутствие музыкального слуха.

(Министра юстиции Вэнь Пу сняли с должности после того, как началось расследование в отношении будущего императорского шурина Шэн Яня.)

— Как хорошо, что внимание нынче уделяется и таким обстоятельствам, — одобрительно сказал господин Лю. — Здравое суждение в деле государственного управления невозможно без хорошего чувства звука.

— Не об этом ли сказал древний: «Кто не любит музыки, может предать свою страну»? — вступил в разговор И Мэнкун. — Мелодия, звучащая во дворце, должна быть звонкой, как серебро; нежной, как шёлк; прозрачной, как драгоценные камни; и стремительной, как породистый жеребец. Такая музыка соединяет сердца и не знает преград. Благо в столице есть слушатели, умеющие ценить это искусство.

Разумеется, чиновники говорили о своём и между собой. У слуг были свои разговоры. Айго же держался особняком. Ел всегда молча и в свободное время раскрывал трактат «О верности долгу», словно ширмой, отгораживаясь им от мира. Не помню, чтобы после кремации Сюаньчжи он хоть раз обмолвился словом с кем-то, кроме меня.

Следует вспомнить и ещё один примечательный случай, происшедший за день до нашего прибытия в Сяоянь. Здесь отмечу, что по пути нам то и дело попадались хорошо известные мне каменные «груши». Вначале я по старой привычке обращал на них внимание (иногда — и внимание других), но впоследствии мало-помалу перестал их замечать. В разгар одной из переправ туман внизу побелел, и камни по обе стороны моста потрескались и угрожающе зашевелились. Это было худшее, что могло ждать нас в дороге: противостоять гуйшэням на мосту почти невозможно. Пришлось прервать переправу и временно разбиться на две группы, благо для обеих неподалёку имелись убежища. Среди тех, кто уже перешёл мост, были Доу, Чжэн и я — и наши слуги — всего шесть человек. На островке, куда мы переправились, была глубокая и тёмная пещера, скрытая, как портьерой, густой тяжёлой сетью, усыпанной шипами и привязанными сухими листьями. Мы юркнули в безопасный мрак и вдруг поняли, что не одни.

— А-а-а, господа путешественники! — послышался чей-то насмешливый голос. — Что, шумно снаружи?

Доу Ифу сухо поинтересовался, кто говорит, и голос, отрекомендовавшись «губернаторской инспекцией путей сообщения», ехидно посоветовал нам уплатить пошлину на содержание мостов и заодно — этой пещеры. Мы поняли, что имеем дело с разбойниками. Взгляд ещё не освоился в темноте, и мы не знали, сколько их, но, судя по звукам, они успели достать оружие и направить его на нас. В иных условиях разумнее было бы отступить, но сейчас снаружи поджидали гуйшэни.

— Поживее! — услышали мы. — Работа у нас тяжёлая и требует издержек.

Чиркнуло огниво, и робкий огонёк высветил золотые иероглифы на лице Айго. «Запла́тите позже!» — вдруг бросил тот же голос, и вооружённые оборванцы стремительно оттеснили нас вглубь пещеры. Сейчас начнётся резня, подумал я — и был сильно удивлён, когда откинулся полог и разбойники вышли наружу. Я различал только мелькание фигур и слышал чавкающие удары копий и щёлканье арбалетов, но понимал: они уничтожают гуйшэней. Когда с этим было покончено, наши неожиданные защитники отступили от выхода, как бы приглашая и нас покинуть пещеру.

Только тогда мы впервые как следует их разглядели. Поистине трудно представить себе столь колоритные типажи! Бритоголовые и косматые, щербатые и сверкающие золотыми зубами, одетые в лохмотья и щеголяющие кожаными доспехами с нашитыми поверх металлическими пластинами — каждый заслуживал полностраничного портрета в каком-нибудь сборнике авантюрных историй, и жаль, что самое большое, на что им приходилось рассчитывать — это фас и профиль, кое-как набросанные на листках, расклеенных у городских управ. Главарь этой компании угадывался сразу, хотя в отличие от книжных атаманов не отличался от сотоварищей ни самым большим ростом, ни особой силой, ни великолепным оружием. В чиновничьем одеянии и при рапире он и впрямь походил на государственного служащего, и лишь густой простонародный выговор убеждал в обратном.

— Направляетесь в Сяоянь? — с поклоном спросил он. Стало ясно, что ранее именно он вымогал у нас плату. — Позволите вас сопроводить?

— Скажи мы «нет», вы же не отвяжетесь, — произнёс Доу Ифу. Он успел вынуть клинок и в отличие от собеседника стоял наизготовку. — Но учтите, господа негодяи: нас много, и мы не дадим прирезать себя по дороге.

— Как можно! — ответил «губернаторский инспектор», и вся шайка отошла в сторону, позволяя нам завершить переправу.

Когда мы уже шли дальше — на безопасном расстоянии от бандитов, — Доу поинтересовался, чем вызван этот удивительный приступ человеколюбия.

— Все люди братья, — со смехом отвечал главарь. — Вы напомнили нам о долге, а наш долг — проводить путников в безопасное место.

Наши суждения о происшедшем разнились. Некое объяснение я нашёл для себя гораздо позже. Чжэн предполагал какую-то связь между грабителями и сектой «матушки Кён». Доу вспомнил о том, что некоторые преступники на удачу в делах дают зарок: например, не трогать странствующих монахов или защищать путников с детьми — и неукоснительно его исполняют, даже с опасностью для жизни и кошелька, ожидая за это награды от духов. Слуги шептались о благородном разбойнике Рю Тонхёке, якобы судейском чиновнике,

который, видя беззаконие в ямынях, с компанией удальцов скитается по диким местам, дабы творить правосудие на горных дорогах. Я готов был верить в то, другое и третье, да ещё про себя вспоминал «атамана Бусяня» из «Золотой звезды», хоть все эти измышления и не давали ясного ответа.

Пару раз попутчики отогнали от нас гуйшэней, подсказали хороший трактир для ночёвки (в ту ночь мы, правда, не сомкнули глаз) и даже снабдили провиантом, узнав, что наш на исходе; но предсказуемо не стали заходить вместе с нами в Сяоянь. Ни о какой «пошлине» они не вспоминали, и мы благодарно забыли о них, едва миновали городские ворота.

Даже неловко, дав столь просторное описание нашему пути по области Янь, в одном предложении написать, что поездка через Чжао и Вэй прошла без происшествий, но всё было именно так. Да, мы оставили в сяояньском арсенале палаши и алебарды, но получили взамен конный отряд охраны. Все неприятности (если можно их так назвать) сводились к беседам Доу Ифу с полицейскими чиновниками, которые в каждом городе заявлялись к нам, чтобы высказать подозрения относительно Айго. В любом сектанте, особенно с северо-востока, непроизвольно видели преступника, и у главы делегации уходило не меньше четверти часа на то, чтобы убедить очередного блюстителя спокойствия в полной добропорядочности моего слуги. Как бы удивился Доу, узнав, что «пустоголовые болваны» из местных управ гораздо ближе к истине, чем он!

Глава восьмая. В театре братьев Лао разыгрывается спектакль, две строки помогают понять шесть других

В последний день пути, я вспомнил стихи отца, посвящённые столице, а вместе с ними — сказание о летающем витязе Чжу Чэне, слышанное от него в детстве.

Эта история произошла за полвека до великого бедствия в государстве Цзао к юго-востоку от горной страны. Соседи, желая установить свою власть над этими землями, не раз направляли против Цзао грозные армии, и оно не устояло бы, если бы прежде не утвердило превосходства в небе. В те времена люди запускали в воздух больших железных птиц и, управляя ими с земли, обрушивали свою ярость на противника внизу. Бывало, целые стаи сталкивались друг с другом, и тогда наземные войска с замиранием сердца останавливались и следили за битвой в вышине. Среди всех государств Цзао обладало лучшим воздушным войском. Без устали работали мастера, совершенствуя его вооружение, не знали отдыха заклинатели, упражняясь в игре на небесных цимбалах, музыки которых слушались железные птицы.

Наконец в одной из соседних стран появился краснобородый чародей, который придумал, как их одолеть. Он изготовил большой чёрный гонг и ударил в него перед наступлением. Тягучий звон разлился на много дней пути вокруг, подминая под себя и пожирая голоса цимбал. Оглохли и омертвели железные птицы, и под предательски голым небом безбоязненно выступила пехота и поползли боевые чудовища, изрыгая смертоносное пламя и истребляя всё живое.

Тогда цзаоский витязь Чжу Чэн обратился к оружейникам с просьбой выковать ему крылья. На них он поднялся в воздух, и с ним — десять воинов его отряда. Ужаснулся противник, увидев их тени в закатном небе. Дрогнули ряды пехотинцев, и боевые звери обратились

в бегство, когда сверху посыпались рвущиеся снаряды. Вражеский полководец в гневе расколол чёрный гонг и повелел казнить чародея, решив, что тот нарочно запер небо для захватчиков, оставив его свободным для Цзао. И вот поднялись железные стаи с обеих сторон. В лютом сражении погибли все десять товарищей Чжу Чэна, сам же он, тяжело израненный, прилетел назад, но никто из лекарей не знал, как ему помочь.

Решено было погрузить героя в волшебный сон. В горной пещере (говорят, на окраине нынешней области Юэ) ему приготовили ледяную гробницу Цзинтан — «Хрустальный зал», — так вскоре стали называть и самого витязя. Там он покоится, дожидаясь пробуждения. Мало-помалу тают снежные шапки, и мало-помалу вода пробивает к нему ход. Когда первая капля коснётся его лица, летающий воин очнётся и вновь расправит крылья.

Правда это или нет, но я всегда с восторгом слушал эту историю. Помню отчего-то, как в четыре года сказал отцу: «Я вырасту и найду его! И все удивятся!» «Да, — согласился он. — Это будет самая удивительная находка». Вот и отцовские стихи о Тайцзине назывались «Находка»:

Пути скитаний поверни
Туда, где ночь рождает дни.
Остановись и посмотри,
Услышь дыханье изнутри.
Тай, белизна на склоне гор,
Цзинтан вернёт себе простор.

Да, в отличие от других произведений тетради, ключевое слово здесь стояло не в стихотворном тексте, а в заглавии — отец крупно вывел его на правом поле красной краской, — и я понятия не имел, что с ним делать. Впрочем, будь оно в тексте, вопросов тоже оставалось бы предостаточно: слишком много было в Тайцзине стен, в том числе восточных. Хотя мне иногда казалось, что город вполне может обойтись без них и само местоположение делает его неприступным. Когда Второй Лидер задумал перенести столицу с окраины вглубь державы, иных вариантов быть не могло: сама природа словно подсказывала ему решение. В центре большого плоскогорья, откуда лучами расходятся ущелья Трёх Ветров, разрезающие страну натрое,

посреди пропасти стоит каменная колонна — Столп Срединного Покоя. Зазор между ним и краями ущелий достаточно велик, чтобы чувствовать себя в безопасности от любой внешней угрозы, и достаточно узок, чтобы можно было прокинуть широкие и прочные мосты — единственные разводные конструкции в горной стране. Но правитель пожелал возвести крепость, и крепость внутри крепости, и крепость внутри внутренней крепости.

Я впоследствии не раз видел эти стены, и башни, и ворота, и нахожу их красивыми. Но тогда с первого взгляда на столицу мне стало страшно. Я внезапно осознал всю тяжесть моего тайного задания. Всю дорогу я рассуждал о нём в будущем времени, и тут впервые подумал в настоящем. Невольно я сравнил город с хищным зверем: вот он распахнул зубастую пасть, выкатил длинный железный язык и поджидает меня — свою жертву, добычу, предателя, распознать которого не составит труда. Весь план господина Чхве, казавшийся столь надёжным на Дуншане, теперь распадался на куски — я начал явственно осознавать все его пробелы и недочёты.

«Прежде всего, как учёный незамеченным выберется из внутреннего города?» — спрашивал я себя. План столицы, грубо говоря, можно представить себе в виде трёх концентрических квадратов. Внешний и самый большой относительно открыт для людей любого сорта. Самый маленький — это императорский Запретный город, неусыпно охраняемый гвардейцами. Меня интересовал средний квадрат — районы, известные как Оплот Державного Знания. Всего можно выделить семь таких районов, в каждом из которых находится по высокому угрюмому зданию из серого камня. В народе их прозвали «Семеро Безымянных»: о предназначении и именовании того или иного здания толком никто не знал. Мне было известно, что одно из них — большая библиотека. А остальные? Оплот Державного Знания обнесён стеной, между собой районы также разделены. За входом и выходом строгий надзор. Как мой учёный узнает нужное время и нужное место, чтобы встретиться со мной? Как сбежит из своего запертого мирка?

Но даже если всё это получится сделать, как выйти за главные ворота? По пути, рассказывая о диковинках столицы, Доу Ифу упомянул о мрачных каменных хранителях — изваяниях чудовищ с горящими глазами, установленных у четырёх ворот Тайцзина. Но если

иная стража следит за тем, чтобы не впускать чужих, этой поручено не выпускать своих. С трудом верилось, но Доу совершенно серьёзно говорил, что стоит человеку, который не имеет права покидать город, пройти между статуями, как чудовища издают грозный рык, и несчастный падает замертво. Неудивительно, что первым делом при въезде в город я обратил внимание именно на каменные фигуры по сторонам у ворот. У северных они имели вид рогатых барсов с длинными драконьими мордами. Глаза мерцали, переливаясь жёлтым и красным.

Я удивлялся неизменному спокойствию Айго и иногда раздумывал, чтó это: стальная выдержка или глупость барана, ведомого на убой. Сердцем хотел верить в первое, но разум горько подсказывал второе.

В столицу мы прибыли за три дня до ассамблеи, был уже вечер, и мы провели его остаток на Яньском подворье. Это замечательная городская усадьба, в украшении которой принимали участие лучшие художники прошлого, в том числе мастер Ло Вэйфань. Он разработал эскизы, по которым был декорирован внутренний сад, в миниатюре представляющий всю нашу область. Легко узнаются города и крепости, неприступные вершины и распаханные поля. Над крышами хуторов курятся тонкие струйки дыма, тут и там видны крошечные фигурки: вот одинокий путник расположился на привал, вот торговцы опасливо ведут гружёных яков, воины на заставе развлекают друг друга байками, старушка проходит по мосту, взяв сына под руку. Нет разве что разбойников и гуйшэней, да ещё тумана — вместо него подножия маленьких гор омывает чистая вода, в которой резвятся золотые карпы. У большинства из нас — тех, кто был здесь впервые, — этот любовно сделанный шедевр вызывал неподдельный восторг, и я наверняка был бы в их числе, если бы не сторонние мысли, от которых становилось не по себе. Я обратил внимание на то, что глава делегации тоже стоит невесёлый, и, подойдя к нему, отпустил общий комментарий о красоте этого места.

— Завтра на поклон идти, — невпопад ответил Доу.

— Разве мы должны быть у государя завтра? — удивился я.

— Если бы… — криво улыбнулся он. И пожелав мне хорошего вечера, удалился, заложив руки за спину.

На следующий день наша делегация в полном составе отправилась в имение императорского шурина господина Шэна.

Об их семействе говорили разное, большей частью плохое и украдкой, но, несмотря на очевидную пристрастность моих источников, я постараюсь изложить услышанное как можно менее предвзято. Шэн Э, будущая жена государя, родилась третьим ребёнком в семье небогатого и уже немолодого столичного чиновника. Она рано осталась без отца, и единственным кормильцем стал старший сын, Цзывэй, у которого уже были собственные дети. Вся та родня, которая объявилась позже, в то время не предлагала ни помощи, ни сочувствия; Цзывэй, работавший писарем в ямыне, делил скудное жалование на две семьи и как мог утешал мать и жену. Случай свёл его с командиром дворцовой стражи, тот оценил толкового и хорошо сложенного молодого человека и предложил ему пойти в гвардейцы. Ответственность и находчивость помогли ему продвинуться по службе и обратили на него внимание императора.

При всей своей сыновней почтительности и самоотверженной заботе о матери, брате и сестре, Шэн Цзывэй не отличался строгостью принципов: без зазрения совести шёл по головам, не чувствовал обязательств перед благодетелями и охотно участвовал в придворных интригах, безошибочно определяя, какую группировку полезнее поддержать при тех или иных обстоятельствах. Примерно в это время император начал противостояние с могущественным родом Чжэ, который фактически узурпировал власть, взяв под контроль почти все столичные должности. Гвардейский офицер занял сторону государя и очень скоро стал его наперсником. Род Чжэ был полностью искоренён. Не боясь и не гнушаясь выполнять любые поручения правителя, Шэн Цзывэй превратился в самого страшного и ненавидимого человека в Тайцзине, но ему суждена была короткая жизнь, и в те дни, когда император лил слёзы у постели умирающего любимца, многие чиновники злорадно потирали руки. Перед смертью Цзывэй успел сосватать сестру, и по окончании траура та стала императрицей.

Шэн Янь до смерти брата занимал пост смотрителя дворцовых экипажей и любил сыпать деньгами (отчасти, вероятно, и казёнными). В его доме ни дня не проходило без пиров и представлений с участием знаменитых поэтов и актёров, и едва ли кто-то мог себе представить, что однажды двери этого дома закроются, а его владелец сменит роскошные одежды на грубый лён и даст обет строгого молчания. По обычаю, траур по старшему брату длился всего год, но, право, не

всякий сын так скорбит по умершему родителю, как скорбел Янь по Цзывэю. После императорской свадьбы он занял пост министра столичной безопасности и мало-помалу вернулся к прежним привычкам, но влиянием обладал уже неизмеримо бóльшим. В столице установилось негласное правило: всякому, у кого было дело во дворце — будь то доклад, петиция или подношение, — полагалось вначале представить его в доме Шэн Яня. Порою министр «вызывался помочь», и эти слова закрывали человеку дальнейший ход во дворец. Не исключаю, что государю сообщали о таком самоуправстве, но ласковое слово жены всегда звучало последним и перевешивало любые доводы уважаемых сановников.

Впоследствии Шэн Янь дошёл до того, что считал себя вправе, не выходя из дома, монаршим именем карать, миловать и давать поручения министрам и губернаторам. Но в те дни, о которых идёт речь, он не успел ещё зачерстветь и в общении был на редкость обходителен и приветлив — пока не считал нужным примерить другую маску. Он, конечно, заранее знал о нашем прибытии, и слуги, не задавая вопросов, провели нас во внутренний сад, где в просторном мраморном гроте под искусственным водопадом сидел хозяин, окружённый певицами, музыкантами и нахлебниками. Словно по волшебству, при нашем приближении водная завеса приоткрылась, пропуская нас внутрь, а затем задёрнулась вновь, отрезая путь к отступлению. Красота Яньского подворья, вчера казавшаяся несравненной, сегодня меркла перед блеском усадьбы господина Шэна.

— Простите, что не озаботился об украшении своего ничтожного жилища к вашему приходу, — сокрушённо сказал он после каскада приветствий и поклонов. — Я не ожидал гостей и собирался сегодня в оперу. Буду счастлив разделить это удовольствие со всеми вами. А уж за это время мой сирый дом приготовят к достойному приёму гостей.

— Неужели вы обремените оперой даже слуг? — притворно возмутился кто-то из его приживальщиков.

— Ты знаешь развлечение получше?

— Для простого люда — уж наверняка! — дерзко ответил приживальщик. — Сегодня отличное представление в театре братьев Лао!

— Ну что ж, за их настроение ты будешь держать ответ! — рассмеялся Шэн.

Автор древней книги стратагем говорил, что слуги — это ключ к хозяевам, и именно через них советовал изучать последних и манипулировать ими. Возможно, для этого господин Шэн и отправил наших слуг вместе со своей челядью в другую часть города. Я же, оказавшись оторван от Айго, видел в этом первый шаг к провалу. Императорский шурин казался мне коварным пауком, расставившим сети — причём именно для меня. В опере он сидел в соседней ложе и время от времени бросал на меня пристальные взгляды. Опера называлась «Предательство и возмездие». Хорошо помню, как всё внутри меня похолодело, когда после заключительного акта он подошёл и поинтересовался, чтó я думаю о сюжете.

Ответить я не успел. Перед нами как из-под земли возник всё тот же приживальщик и, грубо встряв, заявил, что спектакль у братьев Лао не в пример интереснее.

— Все ли остались довольны? — добродушно спросил Шэн.

— Все, кроме раскрашенного. Молчком уткнулся в книгу, да так и не вылезал из неё. Только один раз в уборную!

Я смущённо пояснил, что мой слуга сектант и целые дни проводит в чтении Люй Дацюаня.

— Я тоже люблю Люй Дацюаня, — кивнул Шэн.

Вечером нас действительно ждал пышный приём. Ни до, ни после я не видел такого великолепия. В сравнении с тем залом, в котором нас собрал господин Шэн, главный зал губернаторского дворца в Лияне выглядел жалкой каморкой. Всё — от инкрустированных резных колонн и сидений из драгоценных пород дерева до высоких декоративных ваз и восхитительных панно вдоль стен — всё говорило, нет, восклицало о богатстве и знатности хозяина. Помимо нас на приёме были чиновники из области Ци. Мы сидели лицом друг к другу: наша делегация — вдоль западной стены, их — вдоль восточной, и я обратил внимание на предупредительность императорского шурина: нашим взорам открывались яньские пейзажи, взорам наших визави — циские. Слугам были отведены места позади хозяев. Я бросил взгляд через плечо и успокоился, увидев пёструю повязку и блеск золотых иероглифов на чёрном и красном.

Покончив со здравицами и дежурными комплиментами, хозяин посетовал на то, что, неотлучно пребывая в столице, совсем не знает о событиях в стране. Мы поняли, что первая часть дворцовой ассамблеи для нас уже началась. От нас не требовалось падать ниц и изображать на лице благоговейный трепет, но всё, что послезавтра предстояло сказать императору (и даже больше), нужно было высказать здесь и сейчас. По праву старшего первым ответствовал седобородый Чэнь Шоугуан, генеральный инспектор Ци с необычайной приятной речью — позже мне неоднократно доводилось с ним разговаривать, и всякий раз я невольно заслушивался. После него наступила очередь Доу Ифу. Но он молчал.

— А как дела в вашей прекрасной области? — спросил Шэн с улыбкой, но его глаза нехорошо блеснули.

— Благодарю, господин министр, заботами государя всё в порядке… — произнёс Доу. — Губернатор Тао просил передать… что хотел бы, чтобы те разногласия, которые были у него с вашим многоуважаемым братом, надеждой державы, генералом Шэном, остались в прошлом.

— Однако… — покачал головой императорский шурин — Осмелюсь напомнить вашему начальнику, что, когда он служил в палате акцизов, то оскорбил моего брата прилюдно и в лицо. А сейчас ищет примирения чужими устами.

Последовала небольшая пауза. Доу Ифу собрался было ответить, но Шэн продолжал:

— Если он действительно раскаивается в своих словах (не хочу даже думать о них, не то что повторять!), я готов встретиться с ним лично, но уж, пожалуйста, в столице — дела не позволяют мне ездить по стране и собирать извинения. До тех пор простить господина Тао я не могу. — Его голос из мягкого стал гневным. — Ведь в чём он посмел обвинить нашу семью! В безнравственности! В то время как наш род широко известен бережным отношением к нормам морали.

По восточной стороне зала прокатился гул: «Конечно. Именно так». Трудно представить себе более удачное время для того, что произошло потом.

В зал незаметными тенями пришли двое слуг. Первый шепнул что-то на ухо Шэн Яню, второй, поймав кивок от первого, сказал мне: «Прибыл человек с известием с Дуншаня. Должно быть, для вас». Я обеспокоенно посмотрел на него и, обернувшись, вполголоса бросил: «Айго, узнай, в чём дело». Когда мой слуга вернулся с известиями, императорский шурин уже обо всём знал, но участливо спросил через весь зал:

— Что-то случилось?

— Мой старший брат при смерти, — сдавленно ответил я. — Он почувствовал себя плохо через пять дней после моего отбытия, и я боюсь уже не застать его в живых.

— Поезжайте к нему немедленно! — решительно сказал Шэн. — Старший брат — второй отец. А болезнь отца перевешивает любые ассамблеи. — Он взглянул поочерёдно на старого Чэня и на Доу Ифу. Первый важно кивнул. Второй тупо смотрел перед собой. — Я дам вам лучших коней. Ворота должны быть уже закрыты, но я прикажу, и вам откроют. Какие вам нужны?

— Быстрее всего — путь через Ци. Значит, восточные, — ответил я и, рассыпаясь в благодарностях, распростёрся на полу. Шэн Янь встал с места и, собственноручно подняв меня, сердечно попросил не

медлить ни минуты. За этим, вероятно, последовала новая волна негодования в адрес Тао Ханьло, но её я уже не слышал.

На улице была ночь, и городские ворота действительно стояли закрытыми. Каменные хранители здесь были похожи на гигантских змей с озлобленными человеческими лицами. Посыльный господина Шэна потребовал начальника караула и передал ему распоряжение министра. Стражник с сомнением посмотрел на меня и моего слугу и сказал, что не может выпустить нас без досмотра.

— С ума сошёл? — возмутился посыльный.

— Посудите сами: у каменного хранителя потухли глаза. Второй раз за день…

— Потухнут и у тебя, раз не видишь министерской печати!

Я напряжённо слушал всю эту беседу, и вздохнул с облегчением, когда раздались лязганье замка и слова: «Проезжайте». Мы ехали, боясь обернуться и даже повернуться друг к другу. Лишь когда впереди показался кабак, я придержал коня и предложил передохнуть. Не в последнюю очередь потому, что придорожное заведение называлось «Находка». Владелец устало сообщил нам, что через час они закрываются, и посоветовал обратить внимание на постоялый двор напротив.

— Мы задержались, но у нас здесь назначена встреча, — сказал я и, как пароль, назвал имя отца. Решение получалось слишком изящным, чтобы допустить возможность ошибки.

— Таких сегодня не было, — сказал кабатчик, но провёл нас на третий этаж, над общей столовой, и открыл дверь кабинета в дальнем углу. — Пожалуйте сюда.

Он сам принёс нам жареную утку и кувшин вина и ещё раз напомнил о скором закрытии.

Если отец хотел оставить что-то именно здесь, на чтó мне следовало обратить внимание? Стол, четыре стула, белёные стены. Из украшений — витой светильник и две дешёвые картины. У меня над головой примостился «Соловей на сливовой ветви». У моего спутника — пёстрые «Дни путешествия», двенадцать зарисовок на сюжет одноимённой повести Пао Лисана. У небольшого окошка кто-то знакомым почерком вывел на стене две строчки. Другие посетители дописывали за ним, и получилась целая поэма, а начало было такое:

Верь моим письмам, когда мы с тобой далеки,
Брошены мысли в последнее слово строки…

Больше ничего, что заслуживало бы внимания.

— Мы правда кого-то ждём? — услышал я.

Действительно, всё это не было оговорено, но я авторитетно кивнул. Перерыть всё вокруг? Простукать стены? Я отвергал вариант за вариантом, мысленно «вываривая» отцовские стихи в поисках ответа. И он нашёлся. В последних словах.

Я встал и осторожно снял со стены картину «Дни путешествия». Холст был натянут на раму, изнутри замощённую склеенными деревянными планками. Я осторожно постучал по той части полотна, на котором было изображение гор, и удовлетворённо отметил, что одна из планок почти не закреплена и отходит. Стоило поддеть её ножом, и она вылетела, оставив после себя пустое пространство. И, разумеется, на ней были слова, которые я искал:

Сон — счастливая…
Ветерок качает…
Тайна звёздами…
Хорошо, покуда…

Теперь не стыдно будет вернуться на Дуншань и вновь обратиться к господину Яо.

Водрузив картину на место, я сказал своему ошарашенному спутнику:

— Встреча состоялась. Можно идти.

И, наверное, излишне будет говорить, что всё это время со мною был не Айго, а господин Су Вэйчжао, беглый работник государственного архива.

Глава девятая. Смерть подстерегает путешественников в луской усадьбе, бумаги из Тайцзина оказываются похищены

Шэн Янь действительно дал нам превосходных коней. За следующие сутки мы преодолели столь большое расстояние, что я боялся, нам придётся пропустить день или два, в условленном месте дожидаясь Айго. Я помнил, сколько внимания привлекал мой провожатый в каждом городе по пути в Тайзцин, и, хотя господин Су видел в своём новом обличье защиту от опасности быть узнанным, убедил его при первой же возможности умыться и сменить одежду на обычную. Из всех принадлежностей сектантов «матушки Кён» остался разве что рюкзак, в котором, помимо трактата Люй-цзы и пары книг толкований, лежали бумаги, вывезенные из столицы.

Как сильно может изменить человека грим! Щуплый и невысокий Су Вэйчжао в красно-чёрной раскраске и с огромной повязкой на голове казался мне жалким и затравленным существом, хотя, наверное, это воображение дорисовывало картину за меня: каким ещё может быть беглец? Сейчас я обратил внимание на то, что во всём его лице было что-то хищное и страшноватое: костлявый орлиный нос; холодные, злые глаза и губы, застывшие в недоброй полуулыбке. И удивительно, как похож на него оказался Айго, когда я впервые увидел его умытым. Нет, нос, глаза и скулы — всё было немного другим. Но эта полуулыбка…

Вечером того дня мы остановились в гостинице небольшого города в области Чжэн. Здесь, наверное, неуместно будет расписывать всю историю, но вкратце скажу. Девять областей к востоку от столицы и вплоть до границы У по размеру разительно меньше других. В Сюй, Цзюй и Тань по одному крупному городу с деревнями; Цай, Чао и Чэнь чуть больше, в них по паре городов; крупнее прочих Чжэн, Лу и Сун; но все они, называясь областями, в действительности являются

префектурами и для удобства управления сведены в одно генерал-губернаторство. Кроме того (и в этом немаловажное отличие), пост правителя в них — пожизненный и наследственный, хоть официально продлевается и даруется высочайшим утверждением. Речь, по сути, идёт о вотчинах, некогда дарованных военачальникам, отличившимся при подавлении восстания на северо-востоке. И если области Хань и Вэй, также прилегающие к столице, считаются кузницей учёных и высших чиновников, то за Девятью областями прочно закрепилось прозвище «императорской псарни»: местные владетели решили, что их долг — поставлять государю солдат на бесконечную войну с чусцами и выискивать крамолу в собственных землях.

Путь через генерал-губернаторство был короче всего, но поначалу в каждом человеке мне чудился соглядатай, поэтому я даже вздрогнул, когда во время ужина к нам решительно подошёл незнакомый человек и, назвав нас по именам, деловито положил на стол правую руку. Лишь после небольшого замешательства я обратил внимание на перстень господина Чхве и понял, что перед нами Айго. До сих пор не знаю точно, как ему удалось нас догнать. Да, конечно, он тоже двигался верхом, но впоследствии, когда мы ехали втроём, его конь шёл куда медленнее наших и нам приходилось замедляться, чтобы он не отстал. Так или иначе, мы договорились о дальнейшем маршруте. По подсчётам, он должен был отнять у нас две недели, и, к моему удовлетворению, решено было следовать через Шанши. Наш беглый архивариус настоял на том, чтобы мы как можно реже заезжали в города и, пусть подчас так выходило и дороже, пополняли запасы и ночевали в придорожных трактирах и на хуторах. Как выяснилось, он родом из Лу, и хотя с десяти лет жил с семьёй в столице, в Девяти областях или в соседней Ци можно было наткнуться на кого-то из прежних знакомых — и мало ли что будет у них на уме. Вскоре, однако, мы отказались и от хуторов — из-за случая, речь о котором пойдёт в дальнейшем.

На третьи сутки пути, вечером, мы добрались до богатой и шумной деревни, как раз в области Лу. Небо, ещё вчера облачное, прояснело, как будто нарочно, под двойное полнолуние, поэтому даже в поздний час на улице было светло, как днём.

Праздник полнолуний — время весёлых гуляний даже в самых чопорных городах. Можно себе представить, как веселятся в эту ночь

деревенские жители. Смех и песни не стихают до самого утра, а небо расцветает воздушными змеями и летающими фонарями. В каждой местности свои обычаи справлять двойное полнолуние. Яньские ямыни в эту ночь принимают прошения о долголетии, в Юэ жители подбрасывают в небо монеты, веря, что каждая из них после этого приведёт за собою ещё одну, в Ба и Шу принято проливать слёзы над свежесотканным полотном, чтобы оставить на нём все скорби, прошлые и грядущие, но по всей горной стране двойное полнолуние считается праздником влюблённых. У Пао-цзы в его «Песнях области Лу» (раз уж я говорю о ней) есть такие строки:

Ещё ты не знаешь о чувствах моих,
Я слишком был долго нем.
Стихи не стихают, и ветер не стих,
И луны помогут мне.
Ты взглянешь в окно, чуть зашепчет листва,
И сердцу послушный вихрь
На змее бумажном поднимет слова
О нежной моей любви.
У щедрой судьбы я прошу об одном:
Пускай же под трель скворца
Сойдутся, как луны на небе ночном,
Твоё и моё сердца.
Ещё ты не знаешь о чувствах моих,
Да будет твой взор нестрог,
Увидев на небе слова в этот миг,
Что я для тебя берёг.

В надежде сбежать от всей этой красоты и народных торжеств мы, миновав деревню, постучались в двери одинокой усадьбы на выселках. Нам открыл сам хозяин — полноватый мужчина с седой головой и чёрными как смоль усами. Узнав, что мы путники и просимся на ночлег, он обрадовался: будет хоть с кем вечер скоротать. Всю прислугу и батраков он уже отпустил на праздник, и в доме оставался только племянник, да и тот с минуты на минуту собирался сбежать в деревню.

— Я скажу ему, чтоб постелил во флигеле да задал корму лошадкам, а сам на стол соберу, коли не побрезгуете, — в глазах

хозяина заиграл огонёк. — Вы не играете в мацзян?

— Отчего же, сыграть можно, — откликнулся Айго. — Вот только мы почти без денег, не знаю, будет ли вам интересно.

Седой усач рассмеялся:

— Ну что ж, можно и без денег. Всё одно скука!

За столом был обычный разговор. Хуторянин выведывал, куда мы держим путь и откуда; Айго бойко отвечал за всех, причём завирал так легко и складно, что нам оставалось только кивать и жевать. Если по дороге в столицу он был молчалив и замкнут, то сейчас, наоборот, вёл себя бойко и открыто. И не узнать! После ужина хозяин беззаботно проиграл нам с полторы тысячи в мацзян, и настроение его от этого только улучшилось:

— Хорошо, что отговорили на деньги играть, а то босяком бы остался! Но теперь уж и вы мне платы за постой не предлагайте! — он выглядел настолько приветливым и добродушным, что трудно было поверить в то, что произошло дальше.

Каждому из нас была отведена отдельная комната. Мои спутники расположились на южной стороне флигеля, я — на северной. Верховые поездки сильно утомляли, и мне казалось, что я засну как убитый, едва доползу до постели, но сон не шёл — как в ту ночь, когда я в беседке встретился с Яо Мэйлинь. Под самым окном запела птица, и мне захотелось, чтобы это был скворец. Сколько я так пролежал, отвернувшись к стене и раздумывая о том о сём? Может быть, час, а может, и больше. Глаза наконец начали слипаться, когда вдруг открылась дверь и на стену легла широкая полоса лунного света.

— Спите? — вполголоса сказал кто-то.

В полосе возник силуэт, я узнал хозяина и почему-то не захотел отвечать. Грузно ступая, он подошёл к кровати и высоко замахнулся. Сонливость пропала в одно мгновение. Я спрыгнул к стене и развернулся к нему лицом. По постели полоснул тяжёлый тесак. Хотелось крикнуть, позвать на помощь, но язык от страха онемел: даже сейчас, против света, я видел, какой ненавистью перекошено лицо давешнего добряка-хуторянина.

— Не спишь, значит… — сквозь зубы процедил он.

Я с силой ногою толкнул на него кровать. Хозяин с удивительной резвостью отпрыгнул и встал у входа, помахивая тесаком. Моя верхняя одежда и клинок лежали в углу рядом с ним, и мне нечем было

защититься. Я схватил деревянную подушку и бросил в него, выгадывая какую-то секунду, а сам бросился к окну — достаточно широкому, чтобы можно было выбраться в сад. Каково же было моё отчаяние, когда за окном, в тени дерева, я увидел ещё одну фигуру, с арбалетом наизготовку. И моя голова в оконном проёме была самой что ни на есть привлекательной мишенью. Я прянул было обратно, но оступился и упал. Хозяин дома, осклабившись, занёс надо мною оружие. Я в ужасе закрыл глаза.

Следующая секунда длилась целую вечность. Из оцепенения меня вывел тяжёлый звук падения и следом за ним — металлический звон. Хуторянин лежал, опрокинувшись на спину, с короткой железной стрелой в груди. Я нисколько не сомневался, что стрела предназначалась мне, и лишь случайность избавила меня от одного противника руками другого. Стараясь не подниматься на уровень окна, я выбрался в коридор и побежал к комнатам Айго и Су Вэйчжао. Задыхаясь и захлёбываясь словами, я рассказал о нападении и добавил, что второй злодей прячется в саду и вооружён арбалетом.

— Он ему не поможет, — ответил Айго и, взяв с собой оружие, вышел за дверь.

Через некоторое время он вернулся, так никого и не разыскав. О причинах происшедшего оставалось только гадать. Едва ли зажиточный крестьянин польстился на наше скудное имущество. В памяти всплывали страшные истории о трактирщике-людоеде, убивавшем своих постояльцев, и о почтенном докторе Цзе, которого злой дух ночью превращал в чудовище. Или… Возможно ли, что нападение как-то связано с нашим тайным заданием?

— Оставаться нельзя, — коротко произнёс господин Су. — Нужно уезжать немедленно.

Кони не успели как следует отдохнуть, но он был прав. Мы быстро собрались в дорогу и покинули злополучную усадьбу. К счастью, происшедшее в ту ночь не преследовало нас. Но ещё много месяцев подряд я с содроганием сердца смотрел на полную луну. Мне вспоминался круглолицый хуторянин, со страшным оскалом шипящий: «Не спишь, значит…»

В Шанши мы прибыли в середине девятого дня пути. Стоило пересечь границу Ци, как погода испортилась и четверо суток потчевала нас проливным дождём. Шанши — крошечный и редкостно запущенный городок у самого края плоскогорья. В каменных стенах, несоразмерно толстых для столь небольшого поселения, в нескольких местах зияют провалы, заросшие берёзами и лебедой. Не в лучшем состоянии и городские постройки, особенно на окраине, многие из них заброшены и превратились в крысиные гнёзда. Мы остановились в потрёпанной гостинице у западных ворот — согреться, переждать дождь и решить, что делать с конями, которые нам больше не требовались. Отсюда и до Дуншаня путь идёт по мостам. Ближайшие вершины ещё принадлежат Ци, а дальше начинается Янь. И от этой мысли становилось легко. Да, предстояло ещё дней пять утомительных переходов, и не по самой безопасной местности, но я уже предвкушал успешное завершение дела. Айго предложил не торопиться с выходом и хорошенько отдохнуть остаток дня. Я вызвался сходить на рынок и

пополнить запасы — на выбранном маршруте почти не было жилья, и обеспокоиться провиантом полагалось уже сейчас.

— Смотри, не купи крысу вместо индейки, — смеялся Айго. — Мы будем ждать тебя здесь же, на третьем этаже.

Разумеется, первым делом я отправился не на рынок, а к восточной стене. Нужный дом отыскался быстро, под вывеской «Галантерея Чжу Лифаня». Внутри было на удивление ухоженно и многолюдно — полная противоположность городу снаружи. Дождавшись своей очереди, я вручил продавцу дощечку из Лияна и спросил, не готов ли мой заказ. Господин Чжу понимающе кивнул и скрылся за стеллажами. Пока я ждал, в лавку успело зайти ещё два-три человека, поэтому продавец, вынесший наконец какой-то странный свёрток с кулак размером, попросту сунул его мне в руки без каких-либо объяснений. Развернул я его уже на улице. Внутри оказался небольшой чёрный продолговатый камень, шероховатый и бугристый, но стоило нажать пальцем на один из бугорков, как в глаза мне ударил луч синего света. Камень светился сам собой! К диковинке прилагалось и подробное описание — на той самой бумаге, в которую он был завёрнут и которую я уже собирался выбросить. Но заниматься изучением здесь и сейчас было бы нелепо, и я оставил это дело до Дуншаня. В камне было отверстие под шнурок, что позволяло носить его как кулон, и я до поры убрал его под одежду.

Что дёрнуло меня, побывав у мясника и бакалейщика, отправиться не к западным воротам, а к восточным? Прекратившийся было дождь заморосил вновь, и я в сердцах отругал себя за рассеянность, но вдруг заметил далеко за воротами, на восточном мосту, две удаляющиеся фигуры. Расстояние было приличное, но по походке, сложению и всё тому же рюкзаку я совершенно чётко узнал моих спутников. То, что они покидали город столь стремительно, неожиданно и не разыскивая меня, могло значить только одно: здесь, в Шанши, над нами нависла угроза, и нельзя было терять ни минуты. Мысли в голове лихорадочно менялись. Почему они идут на восток, а не на север, как было условлено? Возможно, я неправ и мне только показалось. Вернуться в гостиницу и проверить? Но если угроза существует, это значит подставиться под неё и в любом случае — упустить возможность уйти всем вместе. Нагнать их? Но бежать нельзя — привлеку внимание. Окликнуть — тоже. Хорошо, если мне вообще удастся идти быстрее

них, но если нет, когда я с ними поравняюсь? Если же я обознался и спутники ждут меня в гостинице, на что толкнёт их моя длительная отлучка? Так или иначе, Айго предлагал потратить остаток дня на отдых, и я наверняка успею вернуться в Шанши к закату.

И я, как был с покупками, решительно вышел за городские ворота. Фигуры вдали успели перебраться на каменистый островок. Когда я дошёл до моста, дождь возобновился с прежней силой. Плащ не спасал, переправа по скользким доскам (к тому же, как выяснилось, очень плохо закреплённым) давалась медленно, и, стоило мне ступить на твёрдую почву, я всё же сорвался на бег. Люди впереди шли уверенно, не сбавляя шага и делая ни малейшей остановки. Городские стены скрылись из виду, ливень скрадывал звуки, но я по-прежнему боялся окликнуть их. К закату я едва-едва их настиг и негромко — кажется, даже тише, чем мы говорили в гостиницах, — позвал:

— Айго! — Он обернулся. Я облегчённо вздохнул. Не ошибся. — Почему мы бежим? И почему на восток?

— А ты не читал мою записку?

Я сказал, что не был в гостинице и увидел их случайно. Айго развёл руками и ответил, что рассказывать долго, да и опасность уже миновала. Мы шли гуськом — Айго, я и господин Су — и говорили на ходу. Заметно было, что наш архивариус устал от этого марш-броска, хоть Айго и разгрузил его, взяв рюкзак с книгами и бумагами. Мы вступили на очередной мост — подозрительный и хлипкий. Я спросил, почему мы не повернули по гребню на север, ведь возможность была. Вместо ответа впереди послышался свист.

— Всё в порядке. Идём. Там уже ждут, — сказал Айго.

Я вцепился в рюкзак. Кто ждёт? Разбойники? То, что нас выйдут встречать, не обговаривалось ни на Дуншане, ни во время путешествия. И этот свист как нельзя лучше подходил какому-нибудь молодчику из банды «Девяти принципов», а не посланцу господина Чхве. Я требовал разъяснений немедленно. И, конечно, зря затеял это на ветхом мосту. Айго грубо и с силой оттолкнул меня, и я упал. Парой секунд раньше на мост ступил Су Вэйчжао. Прогнившие колья, на которых держалась вся конструкция, с нашей стороны треснули, и мы полетели вниз, в туман.

Мне хватило мгновения, чтобы, вместо того чтобы цепляться за доски и верёвки, выудить из поясной сумки шар, подаренный

Мэйлинь.

Туман, непримиримый к людям, губит не всё живое. На земле, истосковавшейся по солнечному свету и чистому воздуху, жизнь обретает свои формы. Нам повезло — падать было невысоко, а внизу сострадательная природа расстелила толстую перину сырого белёсого мха. «Волшебный шар» — чем бы он ни был — подействовал именно так, как говорила Мэйлинь: туман словно сторонился нас, но всё же не позволял выбраться наверх. Там, куда мы упали, царила темень. Может быть, днём в тумане и можно что-то различить, но сейчас, вечером, не было видно ничего. Но видимо, судьба, однажды выручив меня из беды, решила помогать до конца. И я снял с шеи кулон, совсем недавно полученный от господина Чжу.

Синий свет бил узким снопом, но я разыскал господина Су. При падении он ушибся головой и сейчас лежал без сознания. Айго рядом не было — по остаткам моста ему удалось выкарабкаться наверх, и он теперь даже не знал, что мы живы. Наверное (сейчас я это понимаю), разумнее было бы позвать его и попросить скинуть нам верёвку. Но тогда я повёл себя иначе. Прямо передо мной было подножье того островка, к которому вёл рухнувший мост, синий луч выцепил в каменном боку пещеру, и я, взвалив на себя архивариуса, по колени увязая во мху, пошёл туда. Пещера вела вверх и становилась всё больше. Я обратил внимание на то, что под ногами начал клубиться туман, и понял, что обратного пути нет — «волшебство» прекратилось.

Мы оказались в просторном каменном зале. Нижнюю часть его залил туман, но многие участки оставались нетронуты. Нога ударилась обо что-то гулкое, и я очень обрадовался, когда понял, что это котёл. В подземелье бывают люди. Значит, есть выход наверх. С непривычки волочить на себе другого человека и так тяжело, а при этом нужно было ухитряться как-то освещать себе дорогу. Когда первый выбранный мной коридор завёл меня в тупик, я оставил там Су Вэйчжао, сбросил рядом набухший плащ и исследовать остальные решил уже налегке. Но едва в одном из ходов послышался грохот, а за ним — чьи-то голоса, — почёл за благо вернуться туда, где лежал Су. По звукам я предположил (и, как выяснилось, был прав), что всё это время вход в пещеру был закрыт железной плитой, а сверху — заложен камнями. Стало быть, её превратили в тайное убежище — и уж наверное не добрые люди, а разбойники.

Судя по голосам, вошедших было двое. В одном из них я узнал Айго, другой был мне незнаком. По стенам заплясали рыжие блики, заметные даже в нашем укрытии. Затрещал костёр. Я в ужасе подумал, что на каменном полу должны были остаться отчётливые мокрые следы, но то ли вошедшие приняли их за свои, то ли попросту не заметили, увлечённые разговором — поначалу дружеским, но затем всё более раздражённым. Я осторожно выглянул и увидел, что спиной ко мне сидит рыжий великан с длинной косицей и татуированными руками. Это был тот самый человек, которого я видел на постоялом дворе «Золотая звезда» в Лияне и про себя назвал «атаманом Бусянем». Из беседы я понял, что именно он помог Айго выбраться.

— Сколько раз я тебя вытаскивал… А ты своего книжного олуха упустил! — говорил «Бусянь».

— Но бумаги-то при мне…

— Так бы ты на Дуншане перед своим горным дедом оправдывался. А Чётное Число с тебя кожу сдерёт за потерянное. Бумаги бумагами, а ему и человек в придачу нужен.

— Что же делать?

— Ну, что тут поделаешь… — «Бусянь» поворошил костёр. — Есть мыслишка. Слушай, ведь эта пещера выходит как раз на то место, куда они упали. Тут неглубоко. Поди да вытащи его.

Пауза. Айго поднял голову, и я поспешил убраться.

— Туман, говорят, после дождя не особо ядовит, — продолжал «Бусянь», как мне казалось, с ехидцей. — Если книжник ещё не помер, то тебе и тем более ничего не сделается. А если помер, то и тебе жить некстати.

— Мне… лезть в туман? — потрясённо спросил Айго.

— Ты если один боишься, это ничего. Я тебя до выхода провожу, — злая насмешка проступала в голосе всё явственнее.

«Бусянь» встал и, насколько я мог судить по звукам, двинулся к Айго. Завязалась драка. Я сидел в укрытии, боясь шелохнуться. Тени на стенах принимали самые удивительные очертания, и судить о том, кто одерживает верх, было трудно. Вот раздался истошный крик, и костёр погас. Но драка продолжалась — и, кажется, с ещё большим остервенением. Наконец всё стихло. Чиркнуло огниво, загорелся факел. Кто-то злобно прошипел: «Издох». В ответ послышался хрип. За ним — лязг железа о камень.

— Вот и оставайся тут, — сплюнул «Бусянь» и направился к выходу. Последовать за ним я не отважился.

— Я всё слышал, — раздался негромкий голос за моей спиной. — Подождём и будем выбираться.

Мы зажгли огонь. Айго лежал в дальнем конце зала лицом в туман. В спине — страшная колотая рана. Меч прошёл тело насквозь. Я оттащил его и перевернул. Конечно, он был мёртв. На камнях в луже крови остались два железных кусочка, побольше и поменьше. Внимание на них обратил Су.

— Взгляните-ка, — сказал он, двумя пальцами выуживая крупный осколок. — Удар был нанесён так яростно, что клинок на конце обломился. Вне всякого сомнения, убийца — очень сильный и опасный человек. Вы правильно сделали, что остались в укрытии.

Он передал осколок мне, а я бессознательно убрал его в поясную сумку. Смотреть на Айго было жутко. Теперь я понимал, что он был разбойником и едва не погубил меня, но от мысли о том, что я не сделал ничего, чтобы спасти его жизнь, становилось тошно.

Рюкзак с бумагами рыжий захватил с собой. Пускаться в погоню было бессмысленно, важно было просто добраться до Дуншаня. Живыми.

Глава десятая. Су Вэйчжао скашивает болезнь, странный человек встречает вернувшегося у ворот дома

Дождь хлестал, не ослабевая ни на секунду. Ещё с полчаса мы пробыли в пещере, надеясь, что он стихнет, но всё напрасно. По очереди, как смогли, просушили одежду над костром, и Су Вэйчжао начал торопить меня, напоминая об опасности. Я предложил было вернуться в Шанши — ворота наверняка уже закрыли, но мы бы легко пробрались в город через дырявые стены и вернулись в свою гостиницу, чтобы отдохнуть в тепле и дождаться погожего дня, — но Су был категорически против. Чувство угрозы и необходимости скорейшего бегства, заботами Айго поселившееся в его душе, за последнее время лишь укрепилось. Не убеждали его и мои слова о том, что скоро наступит кромешная тьма, — он рвался идти на север.

Странно даже, что вся эта авантюра не стоила нам жизни. Да, с уроков господина Чхве я знал эту местность, но как сориентироваться в непроглядной ночи, когда каждый шаг приходится делать наудачу? Мы шли под проливным дождём по лысым вершинам, где не за что ухватиться, скользили по мокрым доскам, пару раз я чуть не упал. Казалось бы, что стоило подсветить дорогу синим лучом! Но мне тогда из какого-то глупого упрямства не хотелось доставать кулон при посторонних.

— Вы видите, куда идёте? — спросил наконец Су.

— Почти что нет, — честно ответил я.

— Давайте я пойду вперёд, — сказал он. — Я очень хорошо вижу в темноте.

Он действительно видел, как кошка, и шагал вперёд с упёртостью фанатика — откуда только силы взялись! У каждого моста, у каждой развилки он сбавлял шаг и подробно описывал, что впереди, а я говорил, что делать и куда идти дальше. Именно Су первым разглядел

в темноте огонёк, а после этого как-то разом обмяк, ослабел. По последним мостам он шёл, тяжело опираясь на меня. У него был сильный жар. До рассвета оставалось часа три. Мы подошли к крошечному островку с добротно оборудованной стоянкой — глинобитной хижиной под двускатной крышей. У входа тускло горел слюдяной фонарь, внутри на низкой каменной печке стоял котелок с горячим варевом, в углу на лежанке была расстелена кошма. И никого. Совершенно вымотанный, я уложил на кошму Су Вэйчжао. Он просто горел и, кажется, тут же провалился в полузабытье.

Уже потом, вспоминая, я думал, что события той ночи (достаточно слегка приврать) как нельзя лучше подходят под затравку страшной истории — из тех, которыми потчуют друг друга школьники и рабочий люд в долгие дежурства. Путь в темноте — чем не начало страшилки о царице ночного мрака, чьё дыхание смерть, или о лиловом оборотне, который за ноги стаскивает заплутавших странников в туман, а потом под их личинами приходит к их же родственникам. А эта безлюдная стоянка? Не иначе приют разбойника или вовсе лисья западня. Тогда же мысли были совсем о другом. Су закашлялся, и, когда в хижину кто-то зашёл, я даже не сразу обернулся.

— По такой погоде ходить опасно, — произнёс вошедший.

Он был в соломенном плаще поверх плотного халата, какие носят корейцы. Лицо скрывала тень от широкополой шляпы, и я видел только желтозубую улыбку.

— Извините, что заняли вашу лежанку, — ответил я заплетающимся языком. — Мы очень устали в дороге.

Он отмахнулся и сказал, что всё равно сейчас собирался уходить, потому что дождя теперь не будет несколько дней. Потом кивнул на Су Вэйчжао и протянул мне какую-то склянку.

— Ваш друг совсем заболел. Тут жир. Разотрите ему руки, ноги, грудь разотрите, — и, сдвинув шляпу на затылок, добавил: — Похлёбкой не побрезгуйте.

Я оцепенел. Передо мною второй раз за путешествие стоял тот самый мертвец из «Золотой звезды». Он вышел и скрылся в ночи, словно исчез. А я остался с баночкой жира в руках. В чувство меня привёл жуткий кашель моего спутника. Я решил в первую очередь растереть именно грудь, но под рубашкой обнаружился большой кожаный пакет, закреплённый на теле тремя лентами: одна шла вокруг

шеи, две другие уходили за спину. Когда я попытался его снять, Су приподнялся на локте и железной хваткой вцепился мне в запястье. Он тут же рухнул обратно, но всё было ясно. Не желая доставлять ему беспокойство, я просто передал ему баночку с жиром, а потом на всякий случай растёрся сам. Мы кое-как поужинали. Я подложил в печку углей, твёрдо вознамерившись в эту ночь не спать и быть на страже, но очень скоро заснул.

Проснулся я ближе к полудню. Су ещё спал, но то и дело кашлял. Ночной собеседник не обманул: снаружи действительно было солнечно. Я разогрел остатки похлёбки. У меня с собою был мешочек с сушёными грушами и орехами, купленный в Шанши, и всё вместе это тянуло на сносный завтрак. Вскоре очнулся и архивариус. Несмотря на плохое самочувствие, он, толком даже не поев, потребовал продолжать путь. Поначалу он шёл сам, но вскоре мне, как и ночью, пришлось поддерживать его. Как бы невзначай я спросил его, чтó было в рюкзаке, который взял рыжий разбойник.

— Ничего, о чём бы стоило вспоминать.

— То есть не то, что вы переписывали в столице?

— Нет, почему же, я переписывал это, и весьма старательно. Роман «Сон в красном тереме».

Двигались мы медленно. К вечеру добрались до заброшенной караулки, идти куда-то дальше было бессмысленно, мы доели груши и орехи и устроились на ночёвку. На следующий день я изменил маршрут так, чтобы к закату добраться до ближайшего хутора. И уже там, не слушая протестов Су, решил задержаться на несколько дней, пока его самочувствие не улучшится. Хозяин не был против постояльцев. Узнав о том, что когда-то он занимался врачеванием, я отдал ему все деньги, которые у меня оставались, и он осмотрел моего спутника и даже дал лекарства.

Пару дней я выхаживал больного, и, возможно, это придавало мне сил, чтобы самому не свалиться с простудой. Су, внешне недовольный взятой паузой, всё же был мне благодарен и делился историями из жизни столицы. Всё ли из сказанного можно брать на веру, не знаю, но было увлекательно слушать о противостоянии Шэнов со старой знатью, семействами Ляо и Сыма. Голод и волнения, хищение государственной казны и страшные трагедии, происходившие в стране, — всё без исключения беглый работник архива рассматривал через призму этой борьбы. Всё остальное словно имело побочное значение. О войне с чусцами (новости о которой всегда вызывали у меня волну негодования) он рассуждал с какой-то циничной холодностью. Наверное, ему было весело растравливать меня, а потом словно окатывать ведром ледяной воды. Помню, я возмутился тем, как генерал Линь Жуян за последний месяц сдал Чу пять городов и позволил противнику вгрызться в самое сердце области Юэ.

— Да уж, этот разве что поплачет над каплями пачули и никак не годится в полководцы, — усмехнулся Су.

Прежде в горной стране широко использовалось ароматическое масло пачули, но дело в том, что из всех областей это привередливое растение прижилось только в Чу, и то на самом юге. Когда же полтора века назад чусцы подняли мятеж, запасы масла перестали пополняться, и его становилось всё меньше. У одного поэта (кажется, у Чэнь Циэра, но не поручусь) есть элегия. Я не помню всю, но вот отрывок:

В курильницу добавляю одну из последних капель,
Тягучую каплю крови оборванной прошлой жизни,
И слышу в болотах чуских прощальную песню цапель,
И вижу на чёрных склонах забытые кипарисы.
Пьянящим воспоминаньем густеет вечерний воздух,
В жестоких лучах заката танцуют частички пыли.
Порою и птицы в клетках тоскуют о прежних гнёздах.
К минувшему льну столетью. И слёзы в глазах застыли.

Со старым генералом Линем, который не только потерял всё то, что завоевал его предшественник, но и отдал мятежникам пол-Юэ, мы рисковали в скором времени оплакивать платину и красное дерево. Почему же он до сих пор не лишился своей должности?

— Всё просто, — говорил Су, лёжа в постели и покачивая пальцем в такт своим словам. — Государь мягкотел и полагается на советников. Генерал Линь — ставленник Ляо, поэтому советники из рода Ляо не скажут против него ни слова. Если голос поднимет семейство Сыма, между ними начнётся грызня, а это на руку Шэнам. Поэтому Сыма молчит.

— Почему же молчат Шэны? Ведь налицо преступное неумение!

— Я уверен, что дракону на стене осталось лишь нарисовать зрачки. Шэны занесли кисть и дожидаются нужного часа.

— Какого часа?

Архивариус молчал, самодовольно улыбаясь. Он что-то знал, но не хотел говорить. И вообще он часто замолкал на полуслове — вот так, с многозначительной улыбкой. Это было не очень приятно, но кое-что из сказанного тогда помогло мне впоследствии понять недосказанное другими. И у меня ещё будет повод к этому вернуться.

Видя, что Су по-прежнему слаб (и, наверное, в благодарность за щедрую плату), хуторянин отрядил с нами двух проводников на

расстояние дневного перехода. Их помощь пришлась очень кстати: именно тогда единственный раз за весь обратный путь мы видели гуйшэней. Страшно себе представить, что было бы, нападi на нас хоть одно чудовище раньше, когда мы, изможднные, ковыляли под ночным ливнем! Наверняка с первой же атаки мы оказались бы в тумане. А сейчас широкоплечие батраки играючи разогнали небольшую стайку, приправляя это прибаутками и смехом. Они помогли нам как следует развести костёр и приготовить ужин. С утра мы распрощались и после ещё три дня шли вдвоём. Болезнь Су Вэйчжао вернулась, и он еле волочил ноги, но храбрился и временами предлагал прибавить шагу.

Сердце подпрыгнуло в груди, когда я впервые за столько времени увидел Дуншань. Поначалу — издалека. Потом всё ближе и ближе, словно это не я шёл к нему, а он шагал мне навстречу, высылая вперёд беседки и дозорные башенки и, как хозяин постилает ковёр под ноги дорогому гостю, постилая мне под ноги каменный мост Красной Птицы, самый лучший, самый надёжный свой мост. Мы дошли до него вечером. Су, опять горячий, висел на моём плече и поминутно кашлял, хватаясь за грудь.

У моста только-только сменился караул. Старая смена и новая стояли вместе, обмениваясь грубоватыми шутками, которые я так часто слышал в детстве.

— Стой, кто идёт! — окрикнул нас один из удальцов под хохот остальных.

— Тише, Бревно, не пугай народ, ты своё отдежурил, домой уж иди, — сказал кто-то.

Я всмотрелся и узнал Бао Бревно. Мы не виделись лет семь, с того самого случая. Я тогда всё думал, не влетело ли ему от капитана Дуаня, но обещания, данного отцу, не нарушал и в гостевую слободу не бегал. Мой побратим выглядел всё так же, разве что немного обрюзг. Я изменился куда больше, и, поравнявшись с ним, вместо приветствия протянул ему подаренный когда-то нож. Тот самый, со словами: «Навстречу смерти». Бао помотал головой, поморгал, потом сказал:

— Братец! Да неужто! А я всё думал, куда ты делся! Это кто ж тебе так лицо изукрасил? — добавил он. — С гуйшэнем подрался или с девчонкой не поладил?

Без него я, наверное, не осилил бы путь наверх. Бао нёс архивариуса, как пушинку, и рассказывал про всё на свете, но я, признаюсь, мало запоминал, да и не слушал толком. Я как будто вернулся не только в родные места, но и в родные времена. Туда, где остались беззаботное детство, отец и портрет матери со свежим цветком.

Наша улица была почти безлюдной и казалась даже темнее прежнего: дома по-прежнему были чёрно-красными, а вот яркие флаги с цитатами из Люй-цзы исчезли. На подходе к нашему дому я приметил одинокую фигуру, при скудном освещении казавшуюся белёсой. Это был человек в плетёной шляпе и соломенном плаще. Он стоял, не шевелясь, у самой стены. Бао, никак не реагируя, прошагал мимо, как будто никого и не было. Я поостерёгся что-то говорить и, уже попрощавшись с побратимом и передав Су на попечение слуг, тихонько спросил у старика Чжана:

— Кто это стоит снаружи?

— Я только что с улицы и никого не видел, — счастливо пролепетал он.

Он хотел было помочь мне переодеться, но я попросил его приготовить спальню, а сам вновь тихонько вышел из дома. На том месте, где стояла фигура, никого не было. Я медленно прошёл вдоль стены, высматривая следы, но в сумерках ничего толкового не находил и, дойдя до угла, пошёл обратно. У самого входа я наконец поднял голову. Прямо передо мной стоял лиянский покойник и просто смотрел на меня. Я негромко спросил, что ему угодно, и зачем-то представился. Он расцвёл в улыбке и сообщил, что дожидается меня уже давно.

«Главное — не приглашать его внутрь», — подумал я. Кто-то рассказывал, что дух никогда не войдёт в жилище гражданского чиновника без приглашения.

— Вы же кремировали умершего в «Золотой звезде»? — спросил он с заметным корейским выговором.

Я сказал, что дал на это денег. Мой странный собеседник радостно закивал:

— Это был мой глубокоуважаемый старший брат, Ван Минчхоль. Покорный же ваш слуга — Ван Минхёк. Нас называли «братьями Ван Мин».

Близнецы. Это многое объясняло. Страх схлынул, да, как выяснилось, были и те, кто испугался гораздо больше. Например, хозяин «Золотой звезды», к которому Минхёк явился через три дня после кремации. Несчастный решил, что покойник пришёл отомстить за то, что перед смертью так долго лежал без ухода и лечения. «Но в последний-то день я вас лечил, как просил меня господин с Дуншаня! И деньги, которые он мне дал, не пропил, а на вас потратил, до последнего фэня!» — кричал он, отгораживаясь от пришедшего толстой тетрадью с реестром постояльцев. И, словно, желая подкрепить свои слова, открыл реестр и зачитал моё имя и адрес.

В «Золотой звезде» близнецы должны были встретиться, чтобы обсудить одно общее дело. Оставшись один, Минхёк решил идти на Дуншань. Корейцы на северо-востоке очень строго относятся к вопросам загробной жизни, и к семейной иерархии — тоже. Минчхоль родился на пару часов раньше, но мой собеседник называл его не иначе как «глубокоуважаемым старшим братом» и говорил, что теперь обязан мне служить.

Китайская речь давалась ему не всегда. Иногда он чудовищно коверкал слова. Я с детства понимаю по-корейски, и между прочим задал ему вопрос на его родном языке, давая понять, что можно не утруждаться. Минхёк обрадовался, и после этого стал выводить ещё более мудрёные китайские слова, которые получались у него ещё хуже.

Что-то в истории выходило не гладко. Путь от Лияна, как я помнил, занял бы у него не больше суток, так неужели он почти месяц вот так торчал перед моим домом? И ведь наши пути совсем недавно пересеклись на севере Ци, на той самой стоянке? Кореец терпеливо объяснил мне, что вначале действительно явился по указанному адресу на Дуншань (он, конечно, говорил: «Тонсан»), но узнал, что меня долго не будет, и решил, пока есть время, уладить кое-какие дела, о которых просил его брат в предсмертной записке.

— Глубокоуважаемый старший брат оставил после себя в гостинице только стёганое одеяло. Хозяин передал его мне, там же была зашита записка, — говорил Минхёк. — Ваш слуга отправился в Че, там задержался из-за дождей. Потом пошёл обратно на Тонсан, по пути же встретился с вами. Какое счастье!

(Че — это Ци.)

Я сказал, что тогда мы квиты, потому что в ту ночь он сильно нас выручил. Не будь той встречи, я, может быть, и не дошёл бы — и уж точно не довёл бы Су Вэйчжао. Кореец замотал головой и даже замахал руками:

— Мы не можем быть квиты. Ваш слуга помог живым. Вы, господин, помогли мёртвому!

Восприняв моё молчание как отказ брать его на службу, он принялся доказывать, что не будет обузой, что силён необычайно, ест мало, а спать готов хоть на голой земле. После смерти брата прежняя жизнь его окончилась, и я — последний, кто чутко обошёлся с Минчхолем, — оставался для Минхёка единственным значимым человеком. Он остановился в гостинице «Цветы востока» и каждый день приходил подолгу стоять перед нашим домом, дожидаясь моего возвращения.

— Ну вот, теперь мы встретились, и вы можете отдохнуть в гостинице, а я пока придумаю, куда вас пристроить, и пришлю за вами слугу, — сказал я.

Кореец глубоко поклонился. Он хотел было упасть в ноги, но я не позволил.

Этот странный разговор у ворот нашего дома оказался одной из судьбоносных встреч в моей жизни.

Глава одиннадцатая. Меч кружится под мелодию глиняной флейты; тайное раскрывается, а найденное исчезает

Если вечером Чжан постарался не поднимать лишнего шума, то утром слуги затемно собрались во внутреннем саду, чтобы, едва я проснусь и покажусь на пороге, поздравить меня с возвращением домой. После них подошёл Яо Шаньфу. Мне не терпелось расспросить его об отце и его тайных начинаниях, и я, предложив позавтракать вместе, за трапезой передал ему свою находку из кабака близ столицы. Яо кивнул:

— Вы всё узнаете. Я чувствовал, что увижу эту планку по вашем возвращении, и успел привести в порядок мысли и бумаги. Но дождёмся благоприятного времени.

Ему не хотелось рассказывать при слугах.

После завтрака я проводил его до восточного флигеля. В дверях мы отчего-то вновь разговорились, и он сказал:

— Мы все очень о вас беспокоились и сердечно рады видеть вас живым и невредимым. Надеюсь, ваше путешествие прошло спокойно.

Мне захотелось сказать ему, что Мэйлинь, по сути, спасла мне жизнь. Я было начал: «Ваша дочь…» — но за спиной у господина Яо увидел её саму. Она смотрела на меня, приложив палец к губам, совсем как в ту ночь, и вместо этого я сказал:

— Ваша дочь и уважаемая супруга, надеюсь, ни в чём не нуждались?

— Нет, ни в коей мере, — улыбнулся он. — Ваши слуги очень хорошо о нас заботились.

Заглянул я и в западный флигель, где лежал Су Вэйчжао. Он ещё не проснулся, но дежурившая у постели служанка рассказала, что несчастный архивариус кашлял кровью и Чжан, не дожидаясь моих распоряжений, с самого раннего утра отправил за врачом. Су был весь

покрыт испариной — было ясно, что ночью у него был сильнейший жар. Я и сам не чувствовал себя здоровым, но счёл своей обязанностью доложить господину Чхве о прибытии.

Очень скоро я пожалел о своём решении: префект на весь день отбыл на инспекцию в Шато, а мне всё-таки лучше было бы отлежаться дома, чем расхаживать по городу в такую прохладную погоду. Под навесом чайной неподалёку от гостевого архива я увидел администратора Ли. Он, наверное, был именно тем, к кому мне следовало обратиться, но я бы, наверное, прошёл мимо, если бы на моих глазах за его столик не подсел другой человек, богатырь со свирепыми глазами навыкате и чисто выбритым лицом. Я сразу узнал его, хотя вместо красной безрукавки на нём был двубортный халат, а вместо рыжей косицы голову украшал чёрный головной платок, какой носят учёные и знатоки законов. Не знаю, что выдавало его больше: клинок у пояса, мало походивший на городскую рапиру, или тёмный загар при неожиданно светлом подбородке. Когда же я услышал его голос, то лишь утвердился в том, что передо мною разбойник «Бусянь».

Некоторое время я наблюдал за их беседой с улицы. «Бусянь» что-то оживлённо говорил, иногда прикладывая руки к груди. Ли отвечал коротко и тихо и временами рубил воздух ладонью, этим жестом он обычно подчёркивал полную уверенность в сказанном. Только один раз он высказал что-то пространно, и после этой реплики разбойник выглядел совершенно потерянным. Выждав подходящий момент, я подошёл к ним и вежливо поклонился. Мне показалось — возможно, просто показалось, — что пару мгновений оба они смотрели на меня с изумлением, но Ли быстро взял себя в руки и, поприветствовав меня, представил и своего собеседника («цзюйский Симэнь Фу из Девяти областей»).

— Недавно на Дуншане? — спросил я.

— Второй день, — ответил за него Ли. — Господин Симэнь наслышан о благородстве и учёности нашего гостеприимного хозяина, господина Чхве, но судьба всё никак не позволяет ему засвидетельствовать своё почтение при личной встрече.

— Ничего, иной встречи друг с другом люди ждут десятилетиями, — сказал я, — так что с вами судьба ещё милостива.

Симэнь густо рассмеялся. Я пожаловался на то, что по возвращении сам не застал господина Чхве, и, стараясь, чтобы это прозвучало самым естественным образом, пригласил обоих к себе на ужин.

Встретить убийцу Айго на Дуншане, да ещё и в компании администратора Ли было крайне неожиданно, и во мне проснулось азартное желание сегодня же во всём разобраться. Во всём, что касалось моего путешествия в Тайцзин. Поэтому от чайной я направился не домой, а к гостинице «Цветы востока». Впрочем, и там я столкнулся с неожиданностью: в списках постояльцев Ван Минхёк не значился. Я повторил имя по-китайски и ещё раз по-корейски, но владелец лишь качал головой. В полном недоумении я вышел на улицу. Минхёк стоял передо мной.

Что ещё за наваждение! На мои грозные расспросы он, извиняясь, пояснил, что в гостинице назвался чужим именем — Хванбо Санджун.

В северо-восточных областях есть народная поэма «Сожжённое имя», которую одинаково любят и китайцы, и корейцы. Я читал её в переложении. Её герой, молодой человек Хуанфу Сянцзюнь, расстаётся с любимой и всей своей роднёй и отправляется на поиски славы. Поэма весьма подробно описывает его подвиги, всенародную любовь, которую ему удалось снискать, награды, которые он получает от разных правителей, а в конце — и от самого государя, но всё это впустую. Вернувшись в родную деревню, он узнаёт, что никого из тех, кто был ему дорог, уже нет в живых. Зачем ему теперь прославленное имя! Хуанфу пишет его на листе бумаги и сжигает, стоя на вершине одинокой скалы.

Сгорело имя юного героя,
Но и сгорев, не сделалось мертво.
И в души тех, кто потерял былое,
Ложится пепел, как зерно живое,
И прорастает именем его.

— Хванбо Санджун был из нашего рода, — сказал Минхёк.

Так говорят все корейцы.

Накануне он хвастал огромной силой, и мне было интересно увидеть, насколько он в действительности силён. Мы отправились в лавку к скобарю, там Минхёк за пару минут согнул в дугу и разогнул

четыре железных бруса, а затем сплёл из гвоздей иероглиф «простота». Я остался доволен и немедленно взял его на службу. Он просто сиял от счастья. Чжан, ещё при жизни отца привыкший сам набирать прислугу, к моему выбору отнёсся с видимым недоверием, но определил Минхёку комнату по соседству со своей. Забегая вперёд, скажу, что в ней он обустроил кумирню с жертвенником и в свободные часы подолгу молился там о старшем брате. А спал, как и говорил, на голой земле в саду, складывая у головы все свои пожитки: пригоршню шаманских побрякушек, огниво и глиняную флейту. Часто он (видимо, желая всегда быть под рукой) располагался на ночь у дверей центрального здания, чем доставлял мне некоторое неудобство.

Вечером пожаловали гости. Ли пришёл к нам домой, наверное, впервые лет за пять. И начало нашей беседы прошло в воспоминаниях о моём отце. Непривычно и по-своему даже удивительно было слышать от странствующего администратора столь тёплые и сердечные слова. Но вот слуги переменили блюда, и вместе с тем переменился предмет нашей беседы.

— Вы, стало быть, из области Цзюй, из «края смелых и верных»? — спросил я у Симэнь Фу (если это действительно было его имя). — Но ваше произношение выдаёт, скорее, человека с севера Чжао.

— Всё так, — ответил, улыбаясь Симэнь. — Вначале наша семья действительно жила в Девяти провинциях, и мой отец старательно обучал меня владению оружием, но, когда мне было двенадцать, он погиб в Юэ. Вся наша родня была в Чжао, и мать перебралась туда. Наверное, поэтому я и не пошёл по стопам отца: дед направил меня совсем по другому пути. Он был судьёй в Байчэне и привил мне любовь к законам.

— Но прежних упражнений вы, судя по всему, не оставили.

Симэнь несколько смущённо взглянул на свои могучие плечи:

— Верно, и это изрядно помогло мне по пути сюда. Яньские горы (не в укор будет сказано местным властям) просто кишат головорезами.

Слушать это было невыносимо, но я взял себя в руки и задал третий вопрос, подготовленный с самого начала:

— Область Цзюй славится искусством танца с оружием. Грозный губернатор Вэнь Цзэман — и тот, говорят, не упускал случая на пиру

блеснуть своим мастерством. Вы не сочтёте за труд что-нибудь для нас исполнить?

Если Симэнь Фу и волновался из-за моих расспросов, эта просьба явно придала ему уверенности. Он, наверное, и впрямь был цзюйцем (неизвестно, правда, чтó в действительности он делал в Чжао) и сейчас лишь посетовал, что не будет подходящей музыки. Я порадовался тому, насколько удачно всё складывается.

— Мой слуга, кореец, неплохо играет на флейте горские мотивы. Может быть, вам это подойдёт?

Мой гость учтиво поклонился и встал из-за стола. Явился Минхёк со своим нехитрым инструментом. Я бросил короткий взгляд на администратора Ли. Его лицо, как обычно, не выражало никаких эмоций, но уголки глаз напряглись. Переливом зазвучало вступление. Танец начался. Симэнь и правда превосходно владел клинком. Лезвие, вращаясь, проходило в волоске от его подбородка, извивалось змеёй и раскрывалось блестящим веером. В мелодии стремительные пассажи перемежались с отчётливыми паузами, и меч после красивого широкого взмаха или опасного выпада картинно застывал в воздухе. Это было красиво, но главное — я успел рассмотреть всё, что мне

было нужно. Когда отзвучала каденция и Симэнь замер в угрожающей позе, словно изготовившись для сокрушительного удара, я после бурных рукоплесканий заметил:

— Превосходный у вас меч! Ничего подобного я, скромный чиновник, прежде не видел. Возможно ли, что это знаменитая уская ковка?

— Нет, — ответствовал Симэнь. — Убедитесь сами, это работа мастера Пэна из Чжао, причём не лучшая: меч тяжеловат, но я так наловчился с ним обращаться, что уже не могу держать в руках никакой другой.

И он протянул его мне. На самом конце была заметна свежая щербина. Я достал из-за пояса железный осколок и приставил его к мечу. Линии совпали.

— Вот этим мечом, — сказал я, обращаясь к администратору Ли, — в пещере на севере Ци был убит мой спутник Чэнь Айго.

За мгновение до того как я начал говорить, к Симэню (который всё ещё навытяжку стоял перед нами) со спины подошёл Минхёк. Я ожидал, что он схватит его за руки и повалит на пол; вместо этого мой слуга сделал какое-то еле уловимое движение, и богатырь-разбойник разом обмяк. Он по-прежнему видел и слышал и даже мог говорить, пусть язык слушался и плохо, но совершенно не мог пошевелить конечностями.

— Что происходит? — поинтересовался Ли.

Именно так: не возмутился, не удивился и не вскричал, а поинтересовался — взяв с края тарелки палочки для риса. Я спокойно объяснил, что этот человек убийца, и пообещал, если нужно, представить второй осколок, а при нём — и тело несчастного Айго, которое легко будет опознать по перстню господина Чхве. Всё это время Симэнь выдавливал из себя слово «ложь», иногда прибавляя, что он честный человек, но доказательства были на моей стороне. Во взгляде Ли читались уважение и любопытство:

— Позвольте спросить, а сами вы как и когда оказались в той пещере?

Я ответил, что застал самое время ссоры и убийства и добавил, что, если требуется, мои слова подтвердит господин Су Вэйчжао, который находится в моём доме.

Палочки со звонким стуком упали на стол.

— Да, это я его убил, — вдруг дёрнулся на полу Симэнь. — Сама судьба направила вас!

Он просил привести господина Су, но я лишь распорядился, чтобы Минхёк скрутил убийцу и немедленно доставил его в ямынь. Ли жестом остановил меня и, склонившись к моему уху, попросил не торопиться и не создавать лишнего шума, объясняя, что дело, в которое мне довелось впутаться, значительно сложнее, чем кажется. Из этого (а также из мычания Симэня: «Я перед вами не виноват!») можно было вывести, что и Ли, и Чхве прекрасно знали и, похоже, не беспокоились о гибели Айго. Единственное, что смущало их до сих пор, — это отсутствие Су, его бумаг и, возможно, меня. Но от вопросов о том, чтó это была за игра и какая роль была уготована мне, странствующий администратор уходил, предлагая завтра адресовать их господину Чхве. Опьянённый негодованием и чувством частичной победы, я пообещал, что узнáю ответы гораздо раньше и, вызвав слугу-посыльного, поручил ему передать тут же составленную записку в дом префекта, который, вероятно, уже вернулся из Шато. Ли не стал протестовать. Через полчаса гонг возвестил о прибытии господина Чхве, и я поспешил встретить его у ворот.

— Мой мальчик, как я рад тебя видеть! — сказал правитель Дуншаня, поднимая меня с колен. — Ты поступил лучше всего, решив написать мне именно сейчас.

Я ответил, что пребываю в недоумении, и вкратце рассказал о том, что произошло после выхода из Шанши, и о сегодняшней встрече с убийцей Айго. Мы остановились в проходном дворике, даже не доходя до южной постройки, где дожидались Ли и обездвиженный Симэнь. Чхве встал передо мной и, вытянув руки, по-отцовски обнял за плечи:

— Я ждал часа, когда смогу тебе рассказать. И ты сам поймёшь, что я не мог сказать обо всём этом сразу, иначе бы ты по неосторожности погубил себя и других.

О том, что с Айго не всё так просто, господин Чхве знал давно — вскоре после того, как тот появился в гостевой слободе. Собственно, и появился он неспроста.

— Айго состоял в «Течении девяти принципов». Эту секту ещё называют «Пурпурные лотосы», слышал о такой?

Я, конечно, слышал. И, по правде говоря, догадывался, что без неё не обошлось: подсказали походя брошенные Симэнем слова о «Чётном

Числе» — сектанты-«лотосы», по рассказам, очень любят нумерологию и всю свою структуру и деятельность обозначают числами. Какие именно «девять принципов» имелись в виду, непосвящённый сейчас не вспомнит, но на исходе первого столетия горной страны «пурпурные» установили влияние на многие гильдии северо-востока, а затем распространили его на ломбарды, мосты и шахты. Вначале секта исправно отстаивала права своих низших членов, препятствовала произволу должностных лиц и поддерживала пути сообщения, но мало-помалу образовала и свои, параллельные органы власти, и собственное войско.

Сердце и разум императора в то время пребывали на женской половине дворца, ему было не до тревожных докладов инспекторов. Прошло совсем немного времени, и «Течение девяти принципов» уже горделиво правило областями Ци и Янь и половиной Чжао, бесцеремонно диктуя свою волю чиновникам и устраняя любого, кто встанет у неё на пути. При каждом губернаторе и префекте на северо-востоке состоял эмиссар, «господин Четыре». Он излагал правителю пожелания и требования секты (это называлось «рисовать угол квадрата»). Но цифру четыре, как известно, ассоциируют со смертью — и об этом тоже приходилось вспоминать, поскольку тот же самый эмиссар докладывал старшим, когда чиновник выходил из-под контроля, и часто это заканчивалось расправой.

Борьба с сектой началась после убийства новоназначенного губернатора Чжао, который наотрез отказался выслушивать чьи-либо указания и бросил «пурпурного» эмиссара в тюрьму. Министр-блюститель государственной безопасности Чжэ Фацзюэ, в отчаянии от бездеятельности императора, подделал высочайший указ и самолично с армией выступил на север, но в первом же бою понял, что противник ему не по зубам. Городам и деревням были разосланы прокламации, обещавшие прощение и награды всем, кто поддержит государство в борьбе с преступниками, — и кару всем остальным. Северо-восток разделился. Множество деревень было разграблено и сожжено, множество городов — разрушено. Ценой огромных жертв цветы и листья «Пурпурного лотоса» удалось отсечь, но извести корень Чжэ Фацзюэ не смог. Секта ушла в глубокую тень, закрепившись в труднодоступных районах Ци и лелея мечту о мести.

Из всех преступных сообществ горной страны её, безусловно, можно назвать одним из самых древних, живучих и сложноорганизованных. И прибытие Айго на Дуншань было её попыткой использовать господина Чхве и его возможности в собственных целях. Чхве рано это распознал и решил вести обратную игру: постараться использовать уже в своих целях силы и средства «Пурпурного лотоса». Позволив Айго «случайно» узнать о плане переправки Су Вэйчжао, он заинтересовал этим секту и убедил её подключить к делу своих агентов в Тайцзине (у самого Чхве сил в столице не хватало). Прекрасно подходил на роль исполнителя и сам Айго — выдержанный, сильный и сообразительный.

Су согласился бы выйти из столицы только со мной (у него было моё описание), а это значит, что по дороге до столицы задачи господина Чхве и «Пурпурного лотоса» совпадали: всеми силами охранять мою безопасность. Трудности грозили начаться позже. По словам префекта, на обратном пути у меня почти всегда был ещё один, незаметный сопровождающий — Симэнь Фу, некогда внедрённый администратором Ли в ряды сектантов. Чем ближе мы подбирались к северу Ци, тем становилось опаснее. Даже если бы Айго не убил меня сам, он попросту привёл бы нас всех к «корню лотоса», где у меня, в отличие от архивариуса, не было бы и тени надежды.

— Тот, кто оседлал тигра, может слезть с него только одним образом. И для этого нужно убить тигра, — сказал господин Чхве. — Мы действовали рискованно, и до этого вечера я не уставал себя ругать: иногда мне казалось, что мы с тобою уже не увидимся.

Я не сомневался, что теперь тело Айго обязательно уберут из пещеры, и с поклоном попросил, чтобы его не спихнули в туман, а кремировали. Он молча кивнул и ещё раз обнял меня за плечи.

Мы вошли в гостиную. Симэнь продолжал неподвижно лежать на полу. Ли что-то читал, но при виде господина Чхве поднялся со своего места. После приветствий они обменялись двумя-тремя негромкими репликами. Вид у обоих был весьма довольный. После этого я по просьбе префекта провёл их во флигель к Су Вэйчжао. Тот не спал и охотно согласился побеседовать с господином Чхве, но, естественно, с глазу на глаз. Ли и я вышли на прогулку во внутренний сад.

— Учитесь ставить капканы? — на ходу спросил Ли.

— Учусь в них не попадать. Но вы правы, драгоценный господин Ли, история оказалась сложнее, чем я думал.

Отвечать я старался как можно вежливее и уважительнее, чтобы загладить впечатление от моей недавней горячности. Ли был умным и, как мне казалось, злопамятным человеком — ни в коем случае не хотелось делать его своим врагом. Нашу дорожку с запада на восток пересекла полоска света, и мы вновь предстали пред господином Чхве.

— Я предложил Су Вэйчжао лечиться у меня, но приезжавший лекарь строго запретил ему любые перемещения, поэтому до поры ему придётся побыть здесь, — сказал Чхве. — О любых расходах по его лечению прошу сообщать безо всякого стеснения.

Он и Ли вместе покинули мой дом и захватили с собой Симэнь Фу. Минхёк заверил меня, что оцепенение вскоре спадёт и не повредит его здоровью, но больше мне никогда не доводилось ни видеть этого человека, ни слышать о нём.

Су Вэйчжао пробыл у меня ещё полторы недели. Раз в два дня заходил администратор Ли, и они беседовали об обустройстве на новом месте. Беглец стремительно шёл на поправку и любил прогуляться в саду, держа в руках те самые бумаги из Тайцзина. Как-то, перехватив мой любопытный взгляд, он подал мне один из листов. Я не мог прочесть ни слова: лист был полон замысловатой тайнописи, единственным ключом к которой был теперь сам архивариус. Я не избегал его компании, но и не набивался в собеседники. Пока он был на месте, я чувствовал себя неуютно и никак не мог обратиться к учителю Яо. И главное — вся эта история словно не отпускала меня. Ночь за ночью во сне я вновь отправлялся в путь и слышал за спиной слова Айго: «Не смотри вниз. Думай о хорошем». И иногда просыпался.

Глава двенадцатая. В городе Ю происходит убийство, Яо Шаньфу излагает путь к «сердцу чудовища»

С тех самых пор как отец познакомил меня с основами управления горной страны, меня не покидал один вопрос. Я стеснялся и даже боялся его задать, но с течением времени он звучал для меня всё громче.

Как я уже писал, Второй Лидер и первый император устроил государство по подобию небесной Срединной Страны, разделив его на области, а области на префектуры. Хотя префекты во многом подчинены губернаторам, тех и других назначают прямым императорским указом — и в соответствии с двумя строгими правилами. Чиновник не может получить столь высокий пост в той же области, где родился, и по истечении трёх-пяти лет неизбежно переводится в другую часть страны. За исключением генерал-губернаторства Девяти областей, эти принципы соблюдались неукоснительно. Несколько раз в истории губернаторы ходатайствовали о продлении срока отдельных префектов — и попадали за это в опалу. Было и третье правило, неофициальное, но известное: на эти должности брали только китайцев.

Господин Чхве был из яньских корейцев и руководил Дуншанем уже более двадцати лет. Почему? Правители области и соседних префектур уходили один за другим — с почётом и с позором, в срок и досрочно, с перспективами повышения и безо всяких перспектив. Чхве оставался на месте. Он не рвался вверх, но и со старого места его никто не гнал. Мне иногда казалось, что в столице каким-то образом вообще забыли о существовании Дуншаня. Я ошибался. О Дуншане помнили всегда — и дело как раз в этом.

Ответы я получил далеко не сразу. Процеживая разговоры с областными чиновниками и россказни велеречивых посетителей кабаков, вылавливая в памяти скупые замечания отца и его

собеседников, произнесённые при мне десять лет назад, я собирал по кусочкам историю господина Чхве.

Яньские Чхве хорошо известны. Это уважаемый и многочисленный клан, к которому относятся четыре состоятельных семейства. Основное их занятие — торговля, и многие проводят значительную часть жизни в путешествиях по купеческим делам. Будущий правитель Дуншаня родился и вырос в области Цинь, на крайнем западе страны. В храме памяти предков я видел табличку с именем его отца: Цуй Шиянь (Чхве Сеён), — но, когда навёл справки, понял, что это не родной отец, а приёмный. Имперский цензор Цуй Шиянь был китайцем. Когда именно он усыновил юного Гванджо, неясно. Неясно, и что произошло с его настоящими родителями. Но о своих корнях он не забыл, хотя и фигурировал в документах как циньский китаец, ничем не связанный с северо-востоком.

Юноша получил превосходное образование и успешно выдержал государственный экзамен. Перед ним открывались самые широкие возможности, но он добился назначения на Дуншань, слывший «крематорием чиновников» — из-за шатоских рудников. На вулканическом островке Шато находится месторождение редкого минерала, «черепашьего камня». С незапамятных времён исключительным правом на его добычу и использование обладало государство. От каждого дуншаньского префекта требовалось раз в полгода поставлять в столицу изрядное количество этой ценной руды. Одни говорили, что алхимики выплавляют из неё для императора пилюли долголетия; другие — что из минерала готовят чудовищный яд; третьи — что его растирают в муку и используют для общения с духами. Важно, что на протяжении долгих лет никому на Дуншане не удавалось выполнить высочайший заказ.

О рудниках ходила недобрая слава, суеверные местные жители на них не шли, а каторжане работали плохо и часто болели; те же небольшие объёмы, которые удавалось добыть, часто становились поживой разбойников. Префекты умоляли столицу помочь деньгами и усилением охраны, и только Цуй Гуанцзу решил не докучать государю докладами, а решить вопрос самостоятельно, пусть и немного выходя за пределы дозволенного. Трезво оценив, чего именно от него ожидают в Тайцзине, а на что готовы закрывать глаза, он находил средства достигать первого за счёт второго. Может быть, в спокойные времена

ему и не удалось бы так укрепиться на Дуншане, но после потери месторождения в южном Юэ государству не хотелось рисковать, и поставки «черепашьего камня» стали для префекта залогом служебного долголетия.

Это небольшое отступление, быть может, выглядит не совсем уместно — на момент описываемых событий я не знал и трети всего этого. Но уж раз написал, значит, написал.

Моя высокая должность на Дуншане не предполагала какого-то чёткого круга заданий. У меня не было даже собственной канцелярии. По утрам я докладывался господину Чхве, и он либо отсылал меня домой, либо брал с собой на какую-нибудь ревизию, где я присутствовал совершенно ненужным довеском. Раз или два мне посчастливилось вместе с ним навестить главный скрипторий при библиотеке. Именно там я услышал фразу, с которой он обращался к новоприбывшему гостю:

— Записывайте всё, что знаете.

Трудно изобразить большее замешательство, чем то, которое возникало на лице у гостя при этих словах. «О чём?» — мог спросить он. «Обо всём», — звучал ответ.

Рано или поздно, говорил господин Чхве, из этих лоскутков разрозненных сведений удастся сшить огромное одеяло знания, которое сможет укутать всю горную страну, её прошлое, настоящее и будущее. Та уверенность, с которой он рассуждал на любую тему, неизбежно передавалась мне. Я был убеждён, что непременно так и будет. Чем больше я общался с префектом, тем больше мне казалось, что всё на свете просчитано, учтено и вписано им в грандиозный план — иногда рискованный, иногда опасный, но всегда успешный. И не поверил сам себе, когда увидел его растерянным.

Это произошло в тот самый день, когда Су Вэйчжао переселился в гостевую слободу. Господин Чхве лично провёл его по городу, рассказывая обо всём, что могло его заинтересовать. Такой жест выглядел обычным радушием, но я понимал его значимость: подобную обходительность дуншаньский хозяин проявлял только к самым ценным гостям. И наверняка позже об этом не преминули сообщить Су. У самых ворот слободы нас догнал слуга с неким известием из Ю. Чхве отошёл с ним в сторону, и я заметил, как он изменился в лице. Разве могло что-то стать для этого человека неожиданностью? Оставив

архивариуса на моё попечение, префект с извинениями откланялся, а вечером вызвал меня к себе.

Я прибыл одновременно с администратором Ли. Тот, в отличие от меня, уже знал о том, чтó произошло, и за то краткое время, что мы шли по коридорам и галереям, успел ввести меня в курс дела. И здесь важно чуть подробнее рассказать о шатоских рудокопах.

Деревню Шато составляют роды Пэк и Тын. Господин Чхве, отказавшись использовать подневольный труд для добычи «черепашьего камня», долго и старательно обхаживал оба рода, чтобы развеять их страхи (и суеверные, и вполне обоснованные) и заключить договор. Зачастую люди в яньских деревнях живут, не видя денег, в ходу натуральный обмен, а государство привыкло оплачивать работу зерном. Это не так плохо, но словно закрепляет людей на одном месте. Чхве впервые предложил местным добывать руду за звонкую монету, обустроил деревенскую школу, начал строительство большой больницы и не скупился на радужные обещания.

Со временем радость шатосцев сменилась тревогой. Помимо несчастных случаев, ежегодно губивших десятки жизней, появилась неизвестная прежде болезнь, жестоко поражающая всех, кто долго работал в забое. Старейшины, на помощь которых так рассчитывал Чхве, сами поднимали возмущение, главным же смутьяном стал рудокоп Пэк Ханыль, сплотивший вокруг себя всех недовольных. «Хочешь одолеть разбойников, вначале поймай главаря», — говорит автор древней книги стратагем, и он же учит, что крепкие сети можно плести из золота. С Ханылем удалось договориться: он тайно получил отступные и под благовидным предлогом отправился в Ю, якобы на время. Его сторонники, вдруг потеряв застрельщика, не решались действовать без него и ждали, а затем охладели и успокоились.

Минувшим вечером Пэк Ханыль умер, а вероятнее всего — был убит.

— Мы ни при чём, — сказал Ли.

Я не сомневался.

Господин Чхве узнал обо всём от своих людей в Ю и незамедлительно отправил туда доверенных порученцев — отменных ищеек, деда и внука по фамилии Цзань. Нам предстояло выступить вторым эшелоном, после того как на Дуншань придёт официальное

извещение и просьба помочь с опознанием тела. С нами же должен был отправиться дядя покойного Пэк Кванмин.

— Желательно найти виновных, — добавил господин Чхве. — На юское правосудие я не рассчитываю.

Правитель Ю затаил обиду ещё пару лет назад, сразу после своего назначения, когда Чхве отказался выдать ему кого-то из удальцов капитана Дуаня, и мог отомстить при первой возможности. Сомнительно, что он сам устроил смерть несчастного Ханыля, но уж наверняка, наведя справки, понял бы, какое оружие это даёт ему против обидчика.

Основные надежды господин Чхве возлагал, разумеется, не на меня. Негласным расследованием и закулисными переговорами должен был заниматься Ли, я же при своих размытых компетенциях находился бы в Ю как полноправный, пусть и бестолковый представитель Дуншаня, выражал бы озабоченность и показывал старому Кванмину своё совершенное возмущение. Но всё это — лишь после того, как мы получим официальное письмо и прибудем на место. Сколько бы времени заняло ожидание? Впрочем, Ли в любом случае не оставался без дела: Цзани должны были дважды в день со скороходами отправлять ему последние сведения, а расследовать дело можно и не выходя из канцелярии, — а вот мне оставалось просто сидеть сложа руки.

Домой я пришёл поздно, но так было даже лучше. Яо Шаньфу предложил мне дождаться ночи и уже тогда без лишних глаз и ушей обсудить дело моего отца. Погода стояла пасмурная, низкие облака обложили небо. Была густая темень, и я, выходя во внутренний сад, включил синий луч, чтобы не споткнуться о Минхёка, который по обыкновению спал, растянувшись перед моим порогом и разложив у головы амулеты. Учитель Яо ждал меня во флигеле и открыл, едва мои пальцы с лёгким стуком коснулись двери.

— Супруга моя спит уж очень беспокойно, — пожаловался он. — Побеседуем лучше у вас?

Поддерживая его под руку, я вновь пересёк внутренний сад, освещая путь синим лучом (таить эту находку от друга моего отца было ни к чему).

— Не разбудите моего слугу, — шёпотом предупредил я. И сам же разбудил!

Луч скользнул по красному камешку размером с кулак, лежавшему среди бус и погремушек, и вдруг из чёрного камня в моей руке (не из того места, откуда бил синий луч, а чуть выше) вырвался сноп зеленоватого света — и лёг сеткой на мою дверь. Мгновение — и сетка поблекла, вместо неё появились непонятные знаки и странный чертёж. Восклицание, которое невольно вырвалось у меня при виде этого удивительного явления, было, пожалуй, слишком громким, и Минхёк открыл глаза и, сев на коленях, поклонился. Поначалу он не увидел символов на двери — только меня, и я хотел было выключить синий луч, но учитель Яо опередил меня:

— Ван Минхёк, откуда у тебя этот красный камень?

Кореец тут же схватил камень и прижал к груди. Изображение на двери исчезло, как не бывало.

— Это последняя находка моего глубокоуважаемого старшего брата, Ван Минчхоля, последняя память о нём, — он спохватился: — Если хозяин желает, я отдам.

— Пройдём ко мне, — сказал я и открыл дверь.

Нам троим предстоял важный разговор.

Мой отец и учитель Яо познакомились ещё в ранней молодости. Их общим интересом оказались предметы древности, легендарная и истинная история планеты до великого бедствия. Основная часть сведений и артефактов той эпохи была собрана в тайцзинском Оплоте Державного Знания, но тут и там по всей стране — в частных коллекциях диковинок, в капищах и крестьянских домах, а подчас и просто на голом месте — можно было найти удивительные предметы, предназначения которых никто не знал, и удивительные записи, которые никто не мог прочесть. Странствуя и находя единомышленников, Яо с моим отцом образовали что-то вроде тайного научного сообщества. Может быть, отчасти это начиналось с юношеского желания пощекотать себе нервы, действуя тайком от государства, но затем пришло и обоснование: учитывая то, в какой строгости хранили свои знания «Семеро Безымянных», сомнительно, что на этот систематический поиск власть посмотрела бы благосклонно и не лишила бы молодых студентов всех их драгоценных находок.

Среди товарищей нашлись те, кому хорошо давалась расшифровка текстов, и те, кто не боялся разбираться в детищах древней техники.

Размеры и рельеф горной страны не позволяют передвигаться быстро (говорят, в Золотом веке и позже, в эпоху воюющих равнинных государств, люди могли бы пересечь её из конца в конец за полчаса), поэтому «тайные учёные» решили работать каждый в своей части страны, не ища должностей, которые грозили бы им переводами на новое место. Кто-то мог видеться друг с другом, иные не знали друг друга в лицо. Члены сообщества были в каждой из двадцати областей, включая бдительное генерал-губернаторство и даже мятежную Чу, и поддерживали связь при помощи сложной системы опознавательных знаков, к которой я уже успел прикоснуться. Они сравнивали себя с дремлющим драконом, снами и мечтами которого был Яо Шаньфу, а холодным рассудком — мой отец.

Судьба им благоволила и дарила открытия будто случайно. Самое ценное из них учитель Яо сделал, путешествуя в молодости на юге Шу. Он нашёл заваленную пещеру. Возможно, когда-то её заливал ядовитый туман, но теперь он отступил, и юный студент, повинуясь наитию, решил разобрать завал. Внутри оказалась погибшая группа людей (человек десять взрослых и детей, вероятнее всего — индийцы), которым три века назад так и не удалось спастись от великого бедствия. Хорошо сохранилась их одежда, столь непохожая на нашу нынешнюю, личные вещи, а главное — сумка с небольшими красными шарами из неизвестного вещества и при них устройство, которое спустя все эти годы работало, выпуская синий луч.

— Подобно тому, как под кожурой граната, стоит надрезать её ножом, таится огромное множество косточек, каждый шар, стоило навести луч, выдавал целую библиотеку, а порой голоса и образы наших предков, — рассказывал Яо. — Мы так и назвали их «индийскими гранатами».

У погибших было три таких «граната». Яо целый месяц не выходил из комнаты, копируя непонятные ему знаки и схемы, и был поражён, когда мой отец с улыбкой принёс и положил ему на стол ещё три.

— Оказалось, их иногда достают из желудка убитых гуйшэней. Знаете, некоторых животных отчего-то тянет есть камешки, а сколько таких рассыпано внизу (вы ведь знаете, что на гуйшэней туман не действует)… На базарах иногда можно купить «сердце чудовища» — от каких только бед и болезней не предлагают его шарлатаны! Удивительно, что «гранат», побывав и в желудке у гуйшэня, и даже в чьём-то котле, не приходит в негодность: с него по-прежнему можно читать!

Но, вопреки чаяниям, за весь следующий год товарищам удалось найти всего четыре «индийских граната», и решено было не

заниматься поисками самостоятельно, а нанять добытчиков, среди которых оказались и братья Ван Мин.

Я строю повествование так, чтобы по возможности ясно и связно изложить последовательность событий, однако отмечу, что беседа наша складывалась совершенно иначе, и историю Минхёка, речь о которой пойдёт дальше, я услышал в самом начале, толком ещё не понимая, к чему она относится.

Близнецы Минчхоль и Минхёк были родом из Чжао, из мест, известных как «дикий край». Оттуда, из приграничной разбойничьей вольницы, возникшей при попустительстве губернаторов, ватаги бессовестных ухарей отправлялись за поживой в Ци и Вэй. В детстве я очень любил слушать залихватские песни и невероятные рассказы о «благородных молодцах», хотя в действительности это были подонки. «Дикий край» в трёх словах — это произвол, разврат и рабство. Чжаоским правителям и на местных-то крестьян было наплевать, не говоря уже о соседях. Кто-то говорит, что разбойники исправно отсылали губернатору «налог»; стражники, изображая усердие, шарили по лесам и даже порой приводили кого-то на позорную казнь, но положение не менялось. Именно «дикие» сожгли деревню Тайхо, где жило семейство Яо; они же разрушили Пхурын, родной посёлок Ванов. Сила, смекалка и привычка держаться друг за друга помогли братьям сбежать из рабства, и с тех пор началась их бродячая жизнь.

Они охотно брались за тяжёлую работу, иногда разделялись, но чаще были вдвоём, не держались подолгу на одном и том же месте и ходили по всему северо-востоку. В одном из циских трактиров близнецов приметил кто-то из членов сообщества (судя по краткому, но сочному описанию, это был уже знакомый мне галантерейщик Чжу Лифань из Шанши). Он, словно между прочим, дал им адрес закладной лавки, владельцу которой можно было задорого сбывать «сердца чудовищ».

— Где? Где эта лавка?

— Неподалёку отсюда. Ю, пятый дом по улице Тысячекратного Благополучия.

Тетрадь в белом бархате предлагала отсчитывать иначе: седьмой дом в четырнадцатом ряду от восточной стены. Но учитель Яо подтвердил: это тот же самый адрес. Название Ю состоит всего из

одного иероглифа, и отец для соблюдения общей формы называл его «город Ю»:

Осень выжала небо и звёздами вниз развесила,
Осень сбила дороги в густое, тугое месиво.
Все слова, и дела, и задумки, какие носим мы,
Окунула судьба в бесконечные слёзы осени.
По морщинам лица, как по старым осенним улицам,
Ходят чувства мои, ходят, горбятся да сутулятся
Недоверие, боль, отчаянье, угрызения.
У тебя на лице весна и душа весенняя…
Заклинаю, сынок, как бы жизнь ни бросала в ярости,
Сохрани свою душу юной до самой старости,
Сохрани ради чистого, светлого и желанного —
И, пока сохраняешь, ты можешь родиться заново.
Город выбелит снег, знаю: будет зима короткою…
Юность, юность твоя стала главной моей находкою.

— Нам действительно хорошо платили, но найти «сердце чудовища» трудно.

Даже если предположить, что гуйшэни часто подбирают и съедают «индийские гранаты» (то есть это должны быть уже не новопробуждённые, а стайные гуйшэни, полетавшие и побывавшие в низинах), редкие путники, отбив нападение, станут потрошить их в поисках диковинки. Чаще трупы чудовищ спихивают в туман. Но туман подвижен и становится то выше, то ниже, обнажая целые участки низин. И близнецы принялись азартно обыскивать подножия гор — там, где налёты бывали чаще всего. Сами стать добычей они отчего-то не опасались. Они дошли вместе до северо-восточных пределов области Янь, а затем, сбыв находки юскому ростовщику, решили разделиться и в условленный день встретиться на постоялом дворе «Золотая звезда» у стен Лияна. Минчхоль отправился на юг, в Ци; Минхёк — на запад, в Чжао.

Братья расставались со слезами на глазах, но верили, что это правильное решение, которое поможет им разбогатеть и наконец-то утвердиться в жизни. Увы, оно не принесло им желанной радости. Минхёку пришлось вернуться с пустыми руками, а Минчхоль нашёл один-единственный «гранат» и за свою находку поплатился жизнью.

Трудно сказать, чтó произошло, но, похоже, он не предугадал начала прилива и на какое-то время оказался в тумане. Возможно, он уже тогда почувствовал, что протянет недолго, — во всяком случае, он не понёс «сердце чудовища» в «Золотую звезду», а спрятал его в тайнике, о котором знали только они вдвоём. Об остальном я более или менее знал.

Конечно, я не стал отнимать у Минхёка то, что напоминало ему о старшем брате. В конце концов, нужны были только сведения, записанные на «индийском гранате», а прочитать их можно было, и не забирая его у владельца. Отослав слугу спать (он, конечно, не вняв увещеваниям, не пошёл в свою комнату, а опять растянулся в саду), я продолжил разговаривать с Яо. Меня интересовала закладная лавка и её сокровища, тем более что вскоре мне предстояло отправиться в Ю. И я уже строил великие планы, но собеседник отрезвил меня одним-единственным вопросом:

— А вы уже взяли половинку верительной бирки в Сыту?

Городок Сыту находится к северо-западу от Шанши, на так называемой Циской дуге, хребте, который во время кратких отливов соединяется с остальной областью Ци. В отцовской тетради длинные стихи о Ю, действительно, соседствовали со стихотворением о Сыту. Оно было самым коротким и всегда вызывало у меня улыбку:

Сыну жалко расставаться с камешком шершавым.
Ту находку не бросает — так ему по нраву!

Лет с двух и, наверное, до десяти я очень любил подбирать камни причудливой формы и тащил их домой. Отец даже разрешил мне устроить на столе миниатюрное подобие сада, с камнями, травой и прудиком. Я потом часто хвастался перед друзьями, что у меня комната с «внутренним садом».

— Второй дом от восточной стены, и он же второй от северной… — сказал я задумчиво.

— Да, там находится чайная господина Лю. Вам есть кого туда отправить?

Я покачал головой. Можно было бы поручить это Минхёку, но с того вечера, когда был разоблачён Симэнь Фу, я испытывал тревогу за своих домочадцев, особенно за семейство Яо — мало ли что теперь могло обрушиться на мой дом! — и между прочим дал ему задание

охранять моих гостей. Остальные слуги явно не годились для такого путешествия, и уж тем более немыслимо было просить об этом кого-то за пределами дома.

— Жаль упускать возможность, но придётся ждать другого случая, — ответил я.

— Не печальтесь, это ожидание будет приятным, — сказал Яо, уже стоя на пороге своего флигеля. — У нас будет достаточно времени, чтобы ознакомиться с тем, что нашёл Минхёк.

Я кивнул, но уже скоро понял, что он ошибался. В следующий же день «индийский гранат» пропал из нашего дома, а я не находил себе места от тревоги — но совершенно по другой причине.

Глава тринадцатая. Администратор Ли хвалит таланты художника, голубая лента останавливает погоню

С первыми лучами солнца, едва открылись ворота, по Дуншаню, словно пожар, распространился слух, наполнивший весь город напряжённым волнением. «Вы слышали?» — раздавалось за моей спиной, когда я шагал в управу. «Вот это да», — шептал сосед соседу. «Уже знаете последнюю новость?» — встречал лавочник своего первого посетителя, и тот отвечал: «Конечно, знаю». Я шёл, боясь остановиться и прислушаться дальше. Мне казалось: вот они — первые ростки хаоса, прорастающие из известия о гибели рудокопа. Напрасно. Дело было совсем в другом. Через два дня наш город вознамерилась посетить «матушка Кён». И это оказалось весьма кстати.

Утренняя встреча префекта с чиновниками завершилась необычайно быстро. Обычно после докладов он оставлял при себе двух-трёх человек для дальнейших указаний, в этот раз он отпустил всех. Внешне господин Чхве сохранял свою спокойную, неторопливую манеру, но, едва мы вышли в коридор, как люди зашептались: «Вы заметили, как он взволнован?»

— Ещё бы! — чуть громче других откликнулся руководитель ведомства просвещения Го Сяодань. — Такой-то важный гость!

Из участников совещания трое, включая Го, носили красно-чёрную раскраску, но и они не сумели подавить смешки.

Я решил составить компанию моему прошлому начальнику, старому директору Чжун Цзыхао, и проводить его до гостевого архива. Там за одним из столиков меж стеллажей я увидел господина Ли. Он сидел в полутьме, ссутулившись над чтением, перед ним стопками лежали несколько личных дел, а под правой рукой — пёстрый носовой платок, немедленно свёрнутый при нашем приближении. По двум-

трём фразам, которыми странствующий администратор обменялся с Чжуном, я понял, что он занят бумагами уже не первый час, а стало быть, явился с рассветом, к самому открытию.

— Слуги сейчас принесут светильник, — предупредительно сказал Чжун, — а если потребуется что-то ещё, позовите.

Он достал из рукава бронзовый колокольчик и протянул его Ли. Тот склонил голову, благодарно приложив руку к сердцу, но когда я проводил директора до кабинета и вернулся к столику уже один, то увидел там пару колокольчиков, стоящих друг подле друга.

— Будете уходить, захватите, пожалуйста, оба и поставьте на подносе у входа, — попросил меня Ли.

Я скользнул взглядом по верхней папке. Досье оружейных дел мастера Сюй Чаньпу.

— А впрочем, я поставлю их сам, — неожиданно бодро продолжил Ли, распрямляя спину и расправляя плечи. — Не желаете прогуляться по внутреннему дворику?

У гостевого архива и вправду был на удивление приятный дворик, располагающий к прогулкам и беседам. Среди служащих ведомства ходила своеобразная легенда о том, что соположение дорожек и павильонов утвердил не кто иной, как сам Ли, заложивший в проект особые места «для подслушивания, для лживых разговоров и для тайных обсуждений». Вот только за месяц моей работы в архиве никто так и не смог объяснить мне, где какое место, и сейчас оставалось только положиться на предполагаемого автора этой коварной схемы.

В самом центре двора стояла величественная каменная композиция (я знал, что она называется «Три устоя и пять незыблемых правил», но никогда не вывел бы этого самостоятельно). Мы молча обошли её вокруг. Наконец Ли произнёс:

— Вы, я заметил, носите при себе нож?

Он был прав. Я старался не выставлять подарок побратима напоказ, но действительно повсюду носил его с собой. Поначалу, мальчишкой, мне нравилось представлять себя удальцом, а потом — стыдно признаться — он стал для меня чем-то вроде талисмана на удачу. Вопрос Ли явно требовал чего-то большего, чем односложный ответ, и я подал ему нож. Он внимательно осмотрел его с обеих сторон и, возвращая, попросил не брать это оружие в Ю.

Эти слова смутили меня и озадачили. Дело в гравировке? Ли покачал головой. Уж не таким ли ножом убили Пэка? И здесь промах. Если верить сведениям, недавно полученным от Цзаней, несчастный погиб от яда. Причём любопытный казус: приехав в Ю, он поселился в óкруге, подотчётном судье Лю; умер в ресторане, входящем в округ судьи Суня; а дело передали на рассмотрение судье Цао, в чьём округе его, вероятно, отравили, хоть это и была всего лишь догадка.

— Скоро же они определили место преступления! — воскликнул я.

— И не только, — ответил Ли. — Если дело поручается судье Цао, это значит, что властям всё ясно и выводы готовы, остаётся только найти под них предпосылки. Знаете, он из тех, кто превосходно отыскивает все нужные улики, оставляя ненужные без внимания. Хорошо ещё, что убитый, покидая Дуншань, добросовестно отдал нам свои эскизы.

Я удивился. Какие ещё эскизы могут быть у рудокопа? Мой собеседник извлёк из-за пазухи небольшой футляр и подал мне. Внутри были свёрнуты пять или шесть серых листов бумаги с набросками портретов. И каких! На каждом листе можно было увидеть господина Чхве — чудовищного, гротескного, в самых уродливых пропорциях и с самыми отвратительными чертами лица, но безусловно узнаваемого. Вот он сидит, выкатив вперёд раздутое жирное брюхо и хищно раскрыв ненасытную пасть, одной рукой держит мешок с деньгами, другой — палочки для еды, в которых зажата чёрная фигурка шахтёра. Вот он, напротив, тощий, иссохший от злобы, длинными узловатыми пальцами дёргает за ниточки, манипулируя людьми и заставляя их делать что-то себе во вред. Вот кружит над Шато стая гуйшэней; у большинства обычные морды, но у двоих — знакомые лица: Чхве и администратор Ли. И, конечно, сочные приписки корейским письмом: «Кровосос! Злодей! Убийца!»

— Недурно, правда?

Я не знал, что и ответить.

— Зря стесняетесь, — сказал Ли. — Меня он видел от силы раз, а до чего точно изобразил! Сложись судьба по-другому, парень добился бы славы, не меньшей, чем Ло Вэйфань.

— Если бы рисовал горы, а не чиновников, — добавил я.

— Это верно.

Мне хотелось вытянуть у него какие-нибудь мысли об этом деле, но Ли сводил ответы к «там видно будет», причём настолько умело, что это даже не было похоже на отговорки. Вернувшись в коридоры архива, мы попрощались, и я пошёл домой.

Го Сяодань, может быть, и неверно определил главную заботу префекта, но в чём-то был прав. В городе вовсю шли приготовления к визиту «матушки Кён». В первые дни по моём возвращении я, не увидев на нашей улице знамён с цитатами из Люй Дацюаня решил было, что это увлечение пошло на убыль, но теперь знамёна водружали на место и ещё украшали лентами и цветами. Мне не довелось проходить торговыми рядами, но уверен, что торговцы краской в этот день распродали годовой запас сурика и газовой сажи. Зато я успел насмотреться на бестолковых студентов, за небольшую плату каллиграфически выводящих на одежде и лицах благодарных

горожан набившие оскомину иероглифы. Разукрашивали даже годовалых младенцев, и странно, что никто не додумался напомнить о верности долгу кошкам и козам.

У ворот нашего дома, неодобрительно глядя на суетливое украшение города, стоял старый Чжан… Ловлю себя на мысли, что упоминаю о нём уже не в первый раз, но так и не удосужился как следует его представить.

В горной стране мало-мальски состоятельные хозяева привыкли часто менять прислугу: иным садовникам, поварам и даже дворецким приходится по нескольку раз в год переходить из дома в дом, а порой — из города в город. Это справедливо даже для области Янь, суровая местность которой, казалось бы, призывает к большему постоянству. Держать слуг подолгу — скорее черта хуторян и небогатых ремесленников, от которых они сами бегут, утомлённые непосильным бременем работы. И кто из этого сословия не мечтает подольше задержаться у каких-нибудь зажиточных и покладистых городских чиновников! Чжан служил нашей семье ещё со времён моего деда, отца в своё время баюкал на руках, а позже сопровождал в путешествиях и всегда удивительно точно с первого взгляда составлял мнение о людях. Получив место на Дуншане, отец передоверил ему всё домашнее хозяйство.

«Выбирай помощников, как драгоценные камни», — писал, кстати говоря, Люй-цзы. Чжан взялся за дело, как опытный ювелир. В пыли базарных площадей, в грязи трущоб, а то и у чужих ворот он отыскивал редкие алмазы, гранил их и нанизывал на нить нашей жизни. Такие слуги, как и он, оставались навсегда, обрастали семьями и сами становились частью нашей большой семьи.

Помню, как отец всерьёз советовался с привратником по какому-то государственному вопросу. А моим товарищем по многим детским шалостям стал внук Чжана, Ли Цю, по прозвищу Воронёнок. Наверное, мне при моём росте особенно импонировало, что и он невысок, да и вообще мы были похожи. Помню, нам по моей просьбе втайне даже шили одинаковую одежду, чтобы мы всегда могли сойти один за другого; но со временем я потянулся вверх, а Воронёнок так и остался маленьким и щуплым.

Самого Чжана я помню только стариком. Да, шли годы, морщины добавлялись к морщинам, седина закрашивала последние волоски на

висках и в бороде, но он для меня почти не менялся. Казалось, старческая немощь, едва коснувшись его, отпрянула и больше не приближалась. Чжан всегда оставался деятельным, составлял сметы, раздавал указания и время от времени с видом оценщика прохаживался по окрестностям, выискивая, что бы могло пригодиться дому. На одну из таких прогулок он, вероятно, собирался и сейчас, но, оказавшись на улице, засомневался.

Увидев меня, он поклонился и сообщил, что приходил посетитель, но, не застав меня, ушёл, оставив свою визитную карточку.

— Он не представился?

— Его фамилия Лю, и он из области Вэй, — Чжан открыл для меня ворота. — Вообще он искал нашего покойного хозяина, но, узнав о его кончине, захотел встретиться с вами.

Возможно ли, что это посыльный от кого-то из товарищей отца? Проходя крытой галереей, я перебирал в памяти стихи из его тетради, пытаясь найти среди них что-то о Вэй, но, кроме разрушенной деревни Тайхо, на ум ничто не приходило. Впрочем, некоторые названия, упоминаемые отцом, были мне малоизвестны, и требовалось свериться по карте.

Мой неторопливый ход мыслей прервал Яо Шаньфу:

— Мэйлинь исчезла.

Это известие поразило меня, точно удар молнии, но я постарался не показать волнения и, поддерживая его под локоть, пригласил пройти в мой кабинет и всё рассказать. Впрочем, из его слов понял я только то, что учитель Яо и сам не знает, как и когда именно пропала его дочь. Всю первую половину дня он провёл за чтением книг и хватился её перед самым моим приходом.

— А что говорит ваша супруга?

— Она до сих пор спит. Ей нездоровится: всю ночь то и дело просыпалась от кошмаров и дурных предчувствий, — сокрушённо произнёс Яо.

Я распорядился, чтобы слуги обошли весь дом, и, досадуя, потребовал к себе Минхёка, ведь сохранность моих гостей была доверена ему.

— Минхёк ушёл в город с Воронёнком, — ответил растерянный Чжан и объяснил, что утром поручил внуку сходить на рынок за

овощами и своими глазами видел, как тот вышел за ворота в сопровождении Ван Минхёка.

Как же он удивился, когда сразу же после его слов Воронёнок предстал перед нами и на расспросы, извиняясь, ответил, что по лености до сих пор не выходил из дома и только-только собирается. Не знаю, как я до этого додумался, но, взглянув на его фигурку в поношенном сером халате, тут же отправился к себе и открыл сундук со старой одеждой. На самом верху, под крышкой, лежала широкая голубая лента, исписанная непонятными мне знаками, и я, не пытаясь их расшифровать, сразу передал её учителю Яо.

Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять, что он успокоился. Но он тут же напустил на себя негодующий вид:

— Недостойная девчонка! Какое бесстыдство! — он упал мне в ноги, я спешно его поднял. — Простите меня, она у нас единственное дитя и выросла избалованной! Я недостаточно наказывал её в детстве.

Поведение и впрямь возмутительное. Судите сами: Мэйлинь пробралась в северные покои, бесцеремонно открыла сундук, взяла мой старый серый халат (или подговорила кого-то из слуг это сделать) и улизнула из дома. В своей необычной записке она сообщала, что отправляется в Сыту, и назначала мне встречу в Ю — то есть, безусловно, вчера подслушала нашу ночную беседу. Но в ту минуту я с тревогой думал только о том, насколько опасен путь и насколько безрассудно девушке отправляться в такое путешествие.

Как был, в долгополом чиновничьем халате, я бросился на улицу и вниз по склону, к южным воротам и мосту Красной Птицы. Едва ли Мэйлинь выбрала какую-то иную дорогу. Сколько у неё могло быть форы? Час? Полтора? Два? Я понимал, что путешествовать ей не впервой, и, вероятно, их путь из Тайхо проходил как раз по Циской дуге, но не сомневался, что без труда догоню беглянку. Учитель Яо шёл за мной.

Поспешность вышла мне боком. Потрать я пару минут на то, чтобы переодеться в походную куртку, я сейчас бежал бы по улице. А теперь мало того что полы путались под ногами — я привлекал всеобщее внимание. Рабочие, украшавшие город, по-видимому, считали, что я иду с проверкой, и рассыпались поклонами, приветствиями и заверениями, что к вечеру всё будет в лучшем виде.

— Куда так торопится господин помощник префекта? — услышал я краем уха.

— Говорят, на воротах, как знамя вешали, всю черепицу разломали.

— Неужто всё так страшно?

Разумеется, у ворот пришлось выслушивать меньше всего нужные мне объяснения украшателей. Неудивительно, что Яо при своём почтенном возрасте не отставал от меня. Выйдя за стены, я ускорил шаг. С высоты мост Красной Птицы хорошо просматривался, но сейчас увидеть на нём человека было решительно невозможно из-за частокола флагштоков и пёстрого месива вымпелов и гирлянд. Мастеровые неплохо потрудились и сейчас, собравшись у пилонов, азартно следили за игрой в кости, которую их старшина затеял с начальником караула. Но вот кто-то шикнул, приметив меня, и вся группа, побросав плошки с недоеденной лапшой, вытянулась шеренгой, чтобы засвидетельствовать мне своё почтение.

«Интересно, управление общественных работ входит в ведомства левой руки?» — подумал я и прошёл на мост.

— Изволите посмотреть? — старшина мастеровых подскочил ко мне.

— Без сопровождения, — ответил я как можно строже. — Занимайтесь своим делом.

Все взгляды вонзились в меня.

Кроме меня, на мосту никого не было. Ветер трепал жёлтые и зелёные полотнища с названиями частей трактата «О верности долгу», внизу трогательно бились разноцветные ленты с цитатами оттуда же. Я сразу же обратил внимание на ярко-голубую, третью по правой стороне:

Ты правильно шёл, но теперь отдохни,
Дай мне понести твоё бремя.

А по канту — линия непонятных закорючек. Тех самых.

Я отвязал ленту и вернулся к рабочим. Старшина нервно сглатывал:

— Что-то не так?

— Кто и когда это привязал?

— С утра работы было много, и мы предлагали тем, кто шёл из города по делам, помочь нам. На удачу в пути.

— Ага, за деньги. По два фэня лента, — засмеялся начальник караула.

— Устроили балаган, — сурово процедил я. И добавил, что ленту я забираю.

Учитель Яо как раз подошёл. Мы вместе пошли по белёным камням. Он — чуть позади, молча читая послание от дочери; я — впереди, выискивая глазами новые зацепки. Когда мы дошли до башенки на противоположном конце моста, он негромко сказал:

— Лучше вернуться домой. С ней всё будет в порядке.

Я обернулся, не веря своим ушам.

— Она пишет, что воодушевлена вашей догадливостью и просит не идти дальше. Пишет, что справилась бы и одна, но за нею увязался, как она выразилась, «сторожевой пёс».

— И всё?

— Для вас — да.

Значит, было и ещё что-то, но не для меня. Что-то, что вполне успокаивало господина Яо. Секунд на десять повисла пауза. Сколько мыслей, судорожных, еле связанных, резких, оборванных мыслей пронеслось в моей голове за это невообразимо долгое время. Сам от себя не ожидая, я спросил у Яо, не знает ли он некоего Лю из области Вэй.

— Лю — фамилия распространённая. Но если вы о «тайных учёных», то в Вэй никакого Лю у нас не было.

Рабочие одну за другой перебирали ленточки на мосту. Когда я шёл мимо них, они складывались пополам. Старшина порывался что-то сказать, но я только отмахнулся — чем, наверное, испугал его ещё больше. И снова, снова, как весь этот день, ловил шёпот за своей спиной: «Вы слышали?», «Вы знаете?», «Вы поняли?» День едва перевалил за половину, а из меня уже словно вынули душу и заполнили её место густым шелестящим шёпотом.

Глава четырнадцатая. Судья Цао заранее торжествует, вечерний город блещет «Литературными талантами»

Мы покинули Дуншань в самый день прибытия «матушки Кён» — может быть, за час или за два до её входа в город. По стечению обстоятельств, когда в управу пришло извещение о смерти Пэк Ханыля, мужчины обоих шатоских родов были тут же, на площади Высочайшего Благоволения. Господин Чхве давал нам последние наставления, не скрывая недовольства: новость пришла слишком поздно и слишком рано одновременно. Схожие мысли, пусть о другом, были и у меня. Прояви судья Цао чуть больше расторопности, и мы уже сейчас могли бы влиять на расследование, а я хоть на что-то отвлёкся бы от постоянного беспокойства о Мэйлинь. Чуть меньше — и Пэки успели бы освежить в памяти заветы Люй-цзы и напитаться общим верноподданническим экстазом, а я, быть может, встретился бы с загадочным господином Лю, который так и не навестил меня в эти дни. В иное время я, может быть, сам бы навёл о нём справки, но сейчас по ряду причин опасался это делать, и всё, что у меня было, — это треугольная визитная карточка:

Лю Яньтай

поверенный

вэйская префектура Юйкоу

Ни Юйкоу, ни ближайшие окрестности в отцовских стихах не значились, а чьим поверенным и в каких делах являлся мой таинственный гость, можно было только гадать.

Пэк Кванмин, с которым нам предстояло провести не меньше недели, оказался немногословным коренастым человеком с короткими крепкими руками и ногами. Насколько я знал, ему было за шестьдесят,

но выглядел бы он гораздо моложе — если бы его широкое мясистое лицо не было перекошено апоплексией. Что уж говорить о том, чтобы считывать с него мысли простодушного деревенского жителя! Когда префект, вызвав его в присутствие, сообщил о том, что произошла трагедия и нужно отправиться в Ю для опознания тела, Кванмин коротко ответил, что все вещи при нём и он готов.

Господин Чхве отправил с нами двух слуг (кажется, братьев — но настолько незаметных, что сейчас я не вспомню ни внешности, ни имён), но, вопреки моим ожиданиям, не дал нам в сопровождение ни кого-нибудь из удальцов, ни даже бестолкового сторожа из управы. Единственным хорошо вооружённым воином оказался юский пристав, принесший послание от Цао, — человек, в котором удивительным образом уживались назойливость и высокомерие. Всю дорогу он не оставлял нас в покое, совал свой длинный язык и оттопыренные уши в любую беседу, но при этом всем своим видом, показывал, что ему на нас наплевать. Обсуждать подробности дела и мысли по ходу расследования в такой компании было невозможно, но само поведение нашего попутчика красноречиво говорило о том, что всё складывается не в нашу пользу. Не иначе как судья, заранее торжествуя, известил окружающих, что Чхве зажат в угол, и его слуга решил, что церемониться с нами не стоит.

Администратор Ли знал и понимал больше моего. За три дня пути мы неоднократно встречали идущих из Ю, и кто-то из них, несомненно, нёс весточки от Цзаней; но кто именно, я угадать не мог — Ли ни с кем не вёл разговоров и вообще редко задерживался с незнакомыми мне людьми, разве что во время переправ.

Пэк Кванмин при своём сложении шёл довольно резво. Он держался молчком, бесед не заводил и был бы незаметнее слуг, если бы не привычка нюхать табак (не курить, как яньские корейцы делают почти поголовно, а именно нюхать — из пузатого флакона-табакерки, в каких его продают шарлатаны, провозглашая средством от самых разных заболеваний), после чего он смачно, заливисто чихал. Не могу сказать, чтобы по дороге туда Кванмин проявлял к нам какую-то враждебность. Когда к нему обращались, он откликался, спрашивали — отвечал; но, опасаясь юсца, я считал за благо приберечь свою встревоженность и обходительность до прибытия на место. И, пожалуй, просчитался.

Как я уже сказал, от Дуншаня до Ю идти около трёх дней, и силами обеих префектур этот маршрут всегда был на редкость ухоженным. Тут и там полощутся флажки караульных башен; хуторов мало, но нет недостатка в оборудованных стоянках и особо обустроенных укрытиях от гуйшэней. Чаще всего это естественные пещерки с завешенным входом, иногда здесь же помещается сигнальный колокол для оповещения солдат и даже арсенальные стойки — но, конечно, не с палашами и алебардами, а с крепкими кольями и просмолёнными факелами на длинных древках (как и всякое живое существо, чудовища боятся огня). Над входом — непременная золочёная вывеска: «Приют мира и благополучия». В одном из таких «приютов» нам довелось пережидать налёт в полдень последнего дня пути. Вместе с нами внутри оказались несколько юских торговцев, со слугами шедших на Дуншань. Даже в момент опасности они продолжали оживлённо обсуждать последние события. По их болтовне я сделал вывод, что о гибели Ханыля говорил чуть ли не весь город — причём как об убийстве, совершённом по приказу господина Чхве. Судья Цао выигрывал у нас первую партию всухую, и я уже не успевал ничего ему противопоставить, а Ли, вероятно, не хотел.

Город Ю, равно как и значительная часть подчинённых ему деревень и хозяйств, помещается на массивной горе Юцзюэшань, которую Пао Лисан очень метко сравнивал с запрокинутой головой. Макушка этой головы обращена на юго-запад, к Дуншаню. На широком плоском лбу, словно страшная опухоль, выросли знаменитые чёрные стены. Чёрный — это цвет префектуры, что, конечно, выделяет Ю на фоне красно-белой области Янь. И это, опять же, связано с историей войны против «Течения девяти принципов». Когда-то под чёрными знамёнами на стороне правительства выступила шайка местных головорезов. Она довольно быстро заняла Ю и выдержала трёхгодичную осаду, а временами даже прорывала её и ненадолго освобождала предместья. За это время молодчики потеряли одного за другим трёх атаманов. Четвёртый передал город войскам министра Чжэ и как-то подозрительно исчез. Позже всех их посмертно возвели в княжеское достоинство и объявили гениями-покровителями края. Посвящённая им кумирня располагается к северо-востоку от Ю, на пике Сыгунфэн — или, как сказал бы Пао-цзы, на кончике костлявого носа горы. За нею разбросаны посёлки и деревеньки, крупнейшие из

которых примостились в уголках каменных губ. Далее растёт клочковатая борода, некогда именовавшаяся Алым лесом, но ныне, как и всё вокруг, «перекрашенная» в чёрный цвет. От горы ведёт десять дощатых мостов, висящих очень низко над туманом. С того моста, по которому проходили мы, казалось, можно было, присев, зачерпнуть его ладонью.

За грозными стенами Ю скрываются самые обычные, бойкие и пёстрые улочки. Вспоенный романтикой старых поэм, я, как и многие, ожидал увидеть

Могучий колосс-город,
Где каждый лицом — воин.

И, конечно, был разочарован. Во всяком случае вечером каждый лицом — пройдоха. Не исключая воинов у ворот.

Пристав расстался с нами при входе в город, сказав, что доложит о нас судье, а мы остановились в гостинице на умеренном расстоянии от ямыня. Пэк Кванмин, утомлённый долгой дорогой, отказался от ужина и отправился спать, хоть было ещё не очень поздно, а мы с администратором Ли вышли на улицу, рассчитывая поужинать в более приятном заведении, чем гостиничная столовая. На углу улицы к нам подбежал паренёк, тянущий оглобли лёгкой двухместной коляски (я видел такие в столице и кое-где в Вэй, но среди яньских городов ими может похвастаться только Ю).

— Добрый вечер, судари! — сказал он и засеменил рядом, навязчивая осыпая нас репликами: — Куда поедем, судари? Быстрее успеете, судари! Вам далеко, судари? Лучше сидеть, чем идти!

Я непроизвольно ускорил шаг — не люблю попрошаек, — но Ли меня придержал:

— К восточным воротам, ресторан «Литературные таланты». Знаешь такой?

— Конечно! — с плутоватой улыбкой ответил паренёк и помог нам обоим забраться в коляску.

— Что слышно в городе? — продолжал Ли.

— А всё то же, сударь. Убили того корейца, знаете? Деньжищ у него было — прорва. Всё по кабакам хаживал, а потом — как отрезало. Стал по идолам ходить да гадателям, но деньгами сыпал — что в

кабаке! — паренёк шёл очень прытко, почти бежал, умудряясь через плечо говорить на ходу.

— Из-за денег, стало быть, убили?

— Какое там! Из-за денег ночью в переулке режут, а этого отравили среди бела дня. В ресторан он шёл. В те самые «Литературные таланты». За столом за сердце схватился — и вся недолга. А убил, говорят, нищий около самого ямыня. Присел вон с миской, костыли разложил, а в одном — отравленный нож спрятан. Как стал подниматься, уколол корейца, вроде как случайно, поковылял-поковылял, а там перемахнул через городскую стену — и дёру.

— Ну, а костыли?

— Бросил, не с ними же на стену лезть, — коляска замерла. — Вы их, господин Ли, завтра сами попросите-ка у судьи вам представить. Прелюбопытные костыли.

Глядя на моё потрясённое лицо, странствующий администратор мягко проговорил:

— Простите, что сразу не познакомил. Это Цзань Малый, наш сыщик. Куда толковее здешних.

— Толковей этих быть немудрено, — откликнулся юноша, продолжая ход. — По судье и судейские.

Мы миновали анфиладу мемориальных арок и остановились у четырёхэтажного ресторана. Смеркалось, и щедро освещённое фонарями лазурное здание с золочёными столбами и витиеватым орнаментом оконных рам казалось чем-то ненастоящим, волшебным. Из окон слышались музыка и звонкий смех — ни дать ни взять обитель фей и бессмертных из старинных преданий! Администратор Ли задержался, давая распоряжения молодому Цзаню, я же, как заворожённый, направился по мощёной дорожке на звуки музыки. Ли догнал меня у самого входа:

— Не торопитесь, пожалуйста. Ведь нам не сюда.

Он любезно взял меня под руку, развернул и через дорогу провёл к сомнительной на вид закусочной, тонущей в вечерних сумерках. Мы поднялись на прокуренный второй этаж, в общий зал и попросили хозяина за некоторую плату освободить для нас стол у окна.

— Отсюда прекрасный вид на ресторан напротив, — мой спутник широким жестом указал на окно. — Кувшин вина и две порции свинины!

Внутри было шумно и многолюдно, но, разумеется, вместо музыки и фей приходилось довольствоваться лающей перебранкой и красными лицами соседей. Те двое, которых ради нас согнали с мест, ребята разбойного вида, сидели чуть поодаль и злобно сверлили нас глазами. Не успел половой принести заказ, как к нам подсел косматый пропитой дед и, пояснив, что свободных столов не осталось, невозмутимо взялся за похлёбку.

На этот раз Ли не стал долго держать меня в неведении и сразу представил мне Цзаня Старого.

— Сколько вы сообщений получили? — хрюкая и причмокивая, спросил тот.

— Девять.

— Добавить пока нечего.

— Вы уже вышли на местную гильдию нищих? — осведомился Ли, поглядывая в окно.

— Конечно! Верховодит мой знакомый, косоглазый Жаожан. Они ни при чём.

Старик ел совершенно омерзительно — даже по здешним меркам. Обиженные нами разбойники теперь посмеивались, вероятно, считая

себя отомщёнными. Хозяин обеспокоенно смотрел в нашу сторону.

— Завтра в это же время мне нужен портрет убийцы, — сказал Ли, резко вставая из-за стола.

— Да пожалуйста, — развязно ответил Цзань и громко высморкался.

Неожиданно для хозяина, который уже собирался собственноручно вышвырнуть старика вон, мы добросовестно (пусть и с видом оскорблённого достоинства) оплатили нетронутую еду и чинно покинули заведение, оставив Цзаня разбираться с вином и свининой.

— Вот теперь пойдёмте в «Литературные таланты», — улыбнулся Ли, едва мы вновь оказались на свежем воздухе.

Глава пятнадцатая. Бесхвостый Лис дополняет слова судьи Цао, городская стража прибывает вовремя

К ямыню судьи Цао мы явились ранним утром, рассчитывая после опознания переговорить и с ним самим, благо его дом, суд, тюрьма и мертвецкая, как и в большинстве окружных управ, располагались по соседству. У ворот нас ожидал судебный старшина. Он и препроводил нас в морг для опознания.

От омерзительного запаха разложения выворачивало наизнанку. Ханыль пролежал без кремации семь дней, но некоторые трупы пробыли здесь гораздо дольше. Я не смог себя заставить и шагу сделать от двери, но Кванмин совершенно спокойно прошёл к телу и удостоверил, что это действительно его племянник. Мельком осмотрел его и администратор Ли.

Я попросил старшину провести нас к судье. Он, угодливо кланяясь, повиновался. Удивительно было видеть такое почтение после вызывающего поведения пристава, но вскоре я понял, что поклон предназначался не мне. Судья Цао, кажется, ждал визита — и всё-таки при нашем появлении на секунду опешил. После приветственной церемонии он объявил, что очень рад нас видеть, и как-то выжидающе посмотрел на Ли.

— Погиб наш земляк, и мы хотели бы участвовать в расследовании, — выпалил я.

— В этом нет необходимости, — сказал Цао, глядя по-прежнему на Ли. — Я, бесталанный, очень благодарен вам за бесценные наставления, которые получал от вас в прошлом, но сейчас в деле достаточно улик, и оно практически раскрыто.

— Могли бы мы с ними ознакомиться? — продолжил я.

Мне очень захотелось тут же, при старом Кванмине, ввязаться в этот бой и выйти победителем. Я был совершенно уверен, что никаких

доказательств против господина Чхве у Цао нет и быть не может, а значит, слухи, которые ползут по городу явно с дозволения властей, совершенно несостоятельны. Глаза судьи недобро сверкнули, он провёл взглядом по нам троим и остановился на Кванмине.

— Вообще-то такое не практикуется, — произнёс старшина, по-своему истолковав взятую начальником паузу.

Ли разочарованно вздохнул. Я тоже воспринял это по-своему и в запале сказал, что об уликах судачит уже весь город, так зачем же хранить секреты от нас. Цао с видимой неохотой уступил, и мы прошли в одну из комнат, где на широком столе покоились несколько свёртков разных размеров.

Начало истории, которую он излагал, было нам, по сути, известно. Погибший (судья читал его имя по-китайски — «Бай Ханьи») неделю назад вместе со знакомым направлялся пообедать в компании друзей. Неподалёку от окружной управы путь им преградил нищий калека, упавший на костылях посреди улицы Яшмовой Луны. Когда погибший начал его обходить, он в попытке подняться задел и оцарапал его острым концом костыля. Похоже, Ханыль не заметил никакого подвоха: он даже поддержал нищего и помог ему встать, после чего взял коляску и отправился в уже знакомый нам ресторан «Литературные таланты». Поднимаясь по лестнице на третий этаж, он почувствовал себя плохо, а через несколько минут скончался за столом на глазах у четырёх человек.

— Погибший отличался крепким сложением и не имел признаков опасных заболеваний, — говорил Цао. — Судебный медик определил смерть от отравления, и мы, разумеется, первым делом решили, что оно произошло в ресторане. Но эта версия оказалась несостоятельной. Получили мы и другие улики.

Кто-то из бдительных горожан донёс властям, что после встречи с Ханылем пресловутый нищий с улицы Яшмовой Луны отправился к южной стене города и глубокой ночью, уже после закрытия ворот, бросил костыли в переулке и, забравшись на крышу пустующего складского здания, перемахнул через стену и побежал к мосту на Дуншань. Такие подозрительные действия привлекли внимание караула, совершавшего обход по внешней стороне стен. Один из караульных бросился вдогонку и почти настиг беглеца, но тот сорвался и упал в туман.

— Как и где именно это произошло? — уточнил Ли.

— Проломилась и слетела вторая доска. Но у самого моста беглец обронил нож.

Судья Цао взял со стола один из свёртков. Внутри оказался нож, точно такой же, как и мой, только без гравировки. По клейму на лезвии можно было без труда установить, кем, где и когда он был изготовлен. Я сразу же разглядел витиеватые иероглифы «Сюй Чаньпу» и «Дуншань». Отметил их и Цао.

— Возможно, этот нож был орудием других преступлений, но не этого, — продолжал он. — Следов яда на нём не обнаружено. Однако в нашем распоряжении оказались костыли, брошенные этим мнимым калекой.

Он, не поднимая, развернул другой, самый большой свёрток. В нём был деревянный костыль, грязный, потёртый, с кованым железным наконечником, но мы уже знали, на что смотреть. С таинственным видом судья поднял отпиленную часть с нижней пяди костыля, и под ней обнаружилась полость, проложенная ватой.

— Прошу внимания, — Цао двумя пальцами удалил верхний слой ваты, открывая нашему взгляду стеклянный бок небольшой бутылочки. — Здесь смертельный яд, редкий и весьма сложный по составу. Чуть ниже находится хитроумное устройство, которое подаёт его на металлическое остриё. Извлекать его я сейчас не стану, но могу показать сделанный нами чертёж.

Из судебного архива принесли небольшую кожаную коробку с документацией по делу. Судя по схеме, механика действительного была замысловатая. Отыскался и портрет предполагаемого убийцы, сделанный по описаниям человека, который сопровождал Ханыля в тот день. С листка бумаги на нас смотрело косматое страшилище с широкой повязкой на левом глазу.

Ли многозначительно кивнул. Я готов был выдвигать контрдоводы, но Цао меня опередил:

— Прошу меня извинить, теперь я должен идти.

И мы, попрощавшись, покинули управу. Высказывать свои сомнения сейчас и Кванмину было бы неубедительно, да и нелепо: судья и словом не обмолвился о господине Чхве, предоставляя это уличным мальчишкам, распевающих глупые песни о том, как «глупый старый Цуй» убил паренька костылём. Занятый своими

рассуждениями, я невольно вырвался на пару шагов вперёд, но, услышав за спиной знакомое чихание, остановился и обернулся. Вероятно, Кванмин усмотрел в своём поведении что-то неприличное, потому что, увидев моё к нему внимание, бухнулся в ноги, но я поднял его и самым серьёзным тоном пообещал, что убийца его племянника будет найден.

— Благодарю! Благодарю, милостивый господин! — прокряхтел он в ответ.

Он порывался вернуться в Шато немедленно, но я убедил его подождать пару-тройку дней, когда на Дуншань пойдёт очередная группа торговцев.

— Возможно, к этому времени нам удастся докопаться до истины.

Администратора Ли, наверное, забавляли эти мои уверения и обещания взять расследование под собственный контроль, я ведь совершенно не знал, с чего начать. Меня смущало и удивляло многое. Зачем было пускаться на такие ухищрения, чтобы убить одного несчастного рудокопа? Возможно, его приняли за другого? И что это за бдительные граждане, которые тратят полдня на слежку за хромым, тащатся за ним два десятка кварталов, подбирают брошенные костыли и относят в ямынь? Да и загадочный убийца погиб чрезвычайно «вовремя», избавив судью от хлопот с поиском и великодушно обронив нож, выкованный на Дуншане. Я опасался обсуждать это с Ли в гостинице и после обеда увязался с ним на прогулку. Мы, недолго совещаясь, выбрали то же направление — к «Литературным талантам», — но на этот раз шли пешком и старались держаться вдали от торговых районов.

— Вы обратили внимание на мост, по которому мы пришли в город? — спросил я.

— Да, вторая доска выглядит посвежей, — откликнулся Ли, — и у меня нет оснований не верить показаниям стражника. Он и впрямь мог посчитать, что убегавший от него человек упал в туман.

— А на самом деле?

— Уровень тумана очень высок, и спрятаться там негде, — слова Ли звучали полувопросительно; я кивнул. — Но мы видели его вечером, к тому же на пике двойного прилива. За полночь восемь дней назад вы заметили бы естественный карниз и несколько небольших пещерок.

— Там он и укрылся?

— Я лишь предполагаю. Такой трюк требует изрядной ловкости — неровён час действительно свалишься в туман. Удобного спуска и подъёма там нет. Неудивительно, что караульные не стали проверять пещеры. Ну, а беглец, наверное, дождался, пока всё успокоится, прошёл по карнизу и выбрался много восточнее. Или западнее.

Мы подошли к воротам кумирни, посвящённой Бесхвостому Лису, яньскому покровителю государственных экзаменов, и администратор Ли предложил зайти. Это было несколько странно, потому что ни я, ни он не питали приязни к подобным местам, но, поглощённый беседой, я согласился. Внутренний дворик такой кумирни — это всегда затейливый лабиринт, образованный огромным числом перегородок. Студенты верят, что попасть к Лису можно только окольным путём, и, чтобы ни разу не оказаться в тупике, на удачу кладут в туфли по монете. Помню, как мои сверстники перед сдачей выспрашивали друг у друга схему нашего, дуншаньского лабиринта, но всё впустую: в период больших экзаменаций служители кумирен переставляют перегородки трижды на дню.

Мы двигались по узкому коридору и беседовали вполголоса. Мимо то и дело проходили люди — молодёжь и старики — в одеждах книжников, своей суетой и досадой выдавая расположение тупиков.

— Если убийца не погиб, где нам его искать? Куда он отправился, после того как обманул стражу?

— Это два отдельных вопроса, — произнёс администратор Ли. — На который вы хотите получить ответ: «Где искать?» или «Куда отправился?»?

Мы круто завернули за перегородку и пошли словно в обратном направлении.

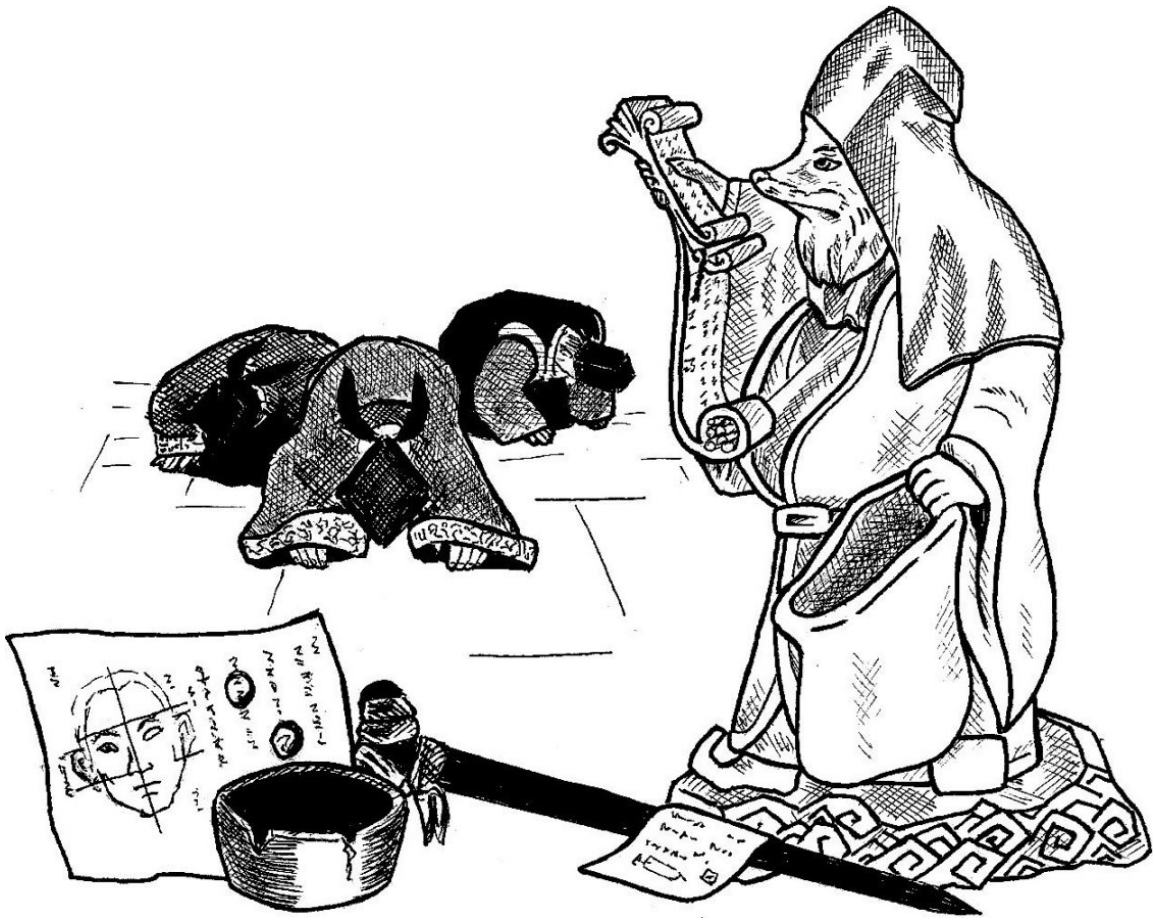
— Давайте будем последовательны в хронологии событий.

— Полагаю, он вернулся в Ю. Чтобы написать на себя донос и передать костыли.

Ещё один резкий поворот — и нашему взору предстала квадратная площадка, в середине которой на каменном постаменте под навесом стоял, улыбаясь, Бесхвостый Лис — пузатый каменный истукан с огромным мешком в левой руке и охапкой бумаги в правой. В мешок полагается опускать монетки, а между бумаг — вкладывать собственные прошения в «небесную канцелярию». У постамента кучка

коленопреклонённых просителей всех возрастов била поклоны и гудела: «Феникс, ловись! Феникс, ловись!» Странствующий администратор окинул их взглядом и к моему изумлению достал из-под пятки медяк, а из рукава — тугой маленький свиток, перетянутый синей тесёмкой. Он прошествовал к идолу, что-то пробормотал и, кое-как пристроив своё послание, с поклоном отошёл.

— Теперь, если не возражаете, пойдём к выходу.



Некоторое время я молчал. Администратор Ли был одним из немногих рационалистов, чуждых той массе суеверий, которая плотно облепила горную страну и против которой в своё время столь решительно высказывался мой отец. Раз или два я видел его в библиотеке при храме Долгого Учения, но и представить себе не мог приносящим жертву кому-нибудь из многочисленных божков и гениев, которых люди успели наплодить на каждый чих.

— Я, пожалуй, не возьму вас сегодня вечером с собой, — сказал Ли немного насмешливо, когда мы вновь оказались на улице. — Хотя крепкий спутник мне бы не помешал.

— А куда вы собрались?

— К шаману.

Мы помолчали ещё немного. Наконец я поймал вечно ускользающую мысль и спросил:

— Но если он приходил к ямыню, почему судья Цао, имея описание, не задержал его?

Я знал ответ, но мне хотелось услышать от Ли подтверждение своих мыслей и, возможно, зацепку, которая помогла бы мне задать новый вопрос.

— От такого описания толку мало. Понимает это и Цао. В самом деле, чтó вы запомните, увидев хромого заросшего бродягу с повязкой на глазу? А если учесть, что хромота ненастоящая, борода накладная, а повязка лежит в помойке вместе со вчерашними лохмотьями, окажется, что вы не знаете о нём ничего. И уж, конечно, не приметили вот этого.

Он подал мне туго скатанный свиток, перевязанный тесьмой, точь-в-точь как давешний. Я развернул его и увидел лицо человека, нарисованное углём. Какие-то черты были проведены твёрдо и чётко, другие лёгким касанием — автор, вероятно, не был в них уверен. Так, линия подбородка была едва намечена, зато выделялись высокие скулы, узкий правый глаз с широким зрачком, плавающим в море белка (такие глаза иногда называют «змеиными»), и чуть перекошенный нос. Рядом мелким почерком шли приписки об иных приметах: сложении, осанке, походке и прочем.

— Откуда у вас это? — спросил я.

— Бесхвостый Лис поделился. Гильдия нищих никогда не стала бы сотрудничать с властями, но для себя составила весьма подробный портрет.

Это ясно. Чужак посягнул на их территорию. Впрочем, судя по приписке к портрету, подопечные косоглазого Жаожана не заметили в нём чего-то уж очень подозрительного — вёл он себя так, как и подобает выскочке-гастролёру: пытался просить подаяние у молелен и на рынке, но отовсюду его гнала гильдейская рвань, не желающая уступать насиженных мест неизвестно кому. В итоге мошенника бранью и затрещинами вытеснили на окраину, а его побег из города был, разумеется, воспринят как позорная безоговорочная капитуляция.

Администратор Ли рассуждал, стараясь не плодить в деле новых гипотетических фигурантов. Мне до сих пор кажется, что он ошибался: скорее всего, преступник действовал не один, и тот, кто собственно убил Пэк Ханыля, наверное, в ту же ночь ушёл на другую часть Юцзюэшаня, а то и вовсе покинул гору. Но даже не столь важно, кто именно принёс в ямынь донос и костыли, — нетрудно понять, почему судья Цао так легко во всё поверил.

На самом деле, Ханыля могли бы отравить даже как-то иначе — Цао всё равно вцепился бы в костыли с их «хитроумным устройством» и «редким и сложным ядом». В том, что юское начальство не забыло обиды и ищет повода поквитаться с господином Чхве, сомнений не было. Возможно даже, что некий «доброжелатель» намекнул властям, что такого-то парня, насолившего Чхве, со дня на день собираются убить, и те ждали этого события. Но всё, что мы видели, было в лучшем случае косвенными доказательствами, на которых нельзя было построить убедительного обвинения. Любое дело с участием префекта подлежало рассмотрению особой губернаторской комиссии с последующей передачей дела в Императорский суд в Тайцзине, и, конечно, господину Чхве не грозило наказание, пока он оставался у двора на хорошем счету…

Кто и зачем совершил это убийство? За неимением лучших вариантов поверим всему, что говорил Цао. Пэк при своём характере легко мог нажить себе врагов, но орудие преступления исключает простое сведение счётов (если, конечно, его не устранил Чхве или юский правитель, во что решительно не хотелось бы верить). Нож, брошенный у моста, намекает, что убили не по ошибке, хотя здесь уверенности нет. Кроме того, внезапная перемена в поведении Ханыля говорит о том, что он был встревожен. Возможно, он перешёл дорогу силе, которой заведомо не мог противостоять, а получив угрозы, решил, что бежать и прятаться бесполезно, и обратился за помощью к шаманам, на которых корейцы во многих случаях полагаются безоговорочно.

Чтобы разобраться, кто убийца, вначале разберёмся в самом Ханыле. Кто он такой и для кого представлял интерес? Рудокоп, карикатурист и смутьян — вот и всё, что я о нём знал. Человек, который был лицом шатоского протеста, но спрятал это лицо за звонкую монету и сейчас мёртвым оказался опаснее живого. Вот оно!

Задачей преступника было за эту смерть, словно за ниточку, вытащить бунт.

— Убийца в Шато, — вслух сказал я.

Администратор Ли кивнул. В Шато или на пути в Шато. Чтобы вновь собрать хворост для костра и подложить трут, который вспыхнет сразу же с возвращением Кванмина. Ли опередил мой следующий вывод и несколько осадил меня:

— Старейшины Пэков и Тынов люди уравновешенные и не дадут своим схватиться за колья. Ведь это верная смерть. Я думаю, мстить они будут иначе.

— Как же?

— Откажутся добывать «черепаший камень».

На носу была отправка очередной партии в Тайцзин. Из-за волнений в Шато господин Чхве и так едва успел бы сдать оговоренный объём, а демонстративный саботаж сделал бы положение в разы опаснее. Новых шахтёров нужно было ещё найти и подготовить, времени на это не оставалось, а для перемены отношения столицы к несменяемому префекту хватило бы малейшего повода — и взятки тем же Шэнам. И вот тогда… Тогда высокий суд мог бы по-другому рассмотреть дело об убийстве Ханыля и даже показательно покарать господина Чхве, внезапно ставшего неугодным.

Всё это красиво складывалось в одну картину, если бы не одно обстоятельство…

— Но таким образом, — произнёс я, — шатосцы сами остаются без средств к существованию. Скоро зима, за другие дела браться поздно. Что же их прокормит?

— «Черепаший камень», — отметил Ли.

— Но ведь вы сказали, что они перестанут его добывать?

— Я сказал, что они *откажутся* его добывать, но не перестанут.

— Чтобы продавать кому-то другому?

— До поры. Пока не придумают для себя что-то ещё, — Ли провёл пальцами по несуществующим усам и бороде. — Нарушение государственной монополии тоже сурово карается, но всё-таки не столь сурово, как бунт. Впрочем, шатосцы и на это бы не пошли, не знай они наверняка, что на товар найдётся покупатель. И покупатель этот сейчас в Шато или на подступах.

Круг замкнулся. Или почти замкнулся.

Но кто мог столь яростно желать беды господину Чхве — и действовать при этом столь сложно и изощрённо? Кто-нибудь, кто, как юский префект, потребовал выдачи беглеца, но получил отказ? Или, может быть, преступные банды, с которыми он порою боролся весьма жестоко?

— А может быть так, что преступников интересует не отставка Чхве, а, скажем… крупная партия «черепашьего камня»? — спросил я.

— Может, — согласился странствующий администратор. — Но может быть и так, что Пэк Ханыль просто чем-то отравился, а всё остальное в Ю придумали для колоритной истории.

Заметив приятную на вид чайную, мы сели за столик и за чашкой душистого отвара (который часто подают в яньских заведениях и называют «чаем» с большой натяжкой) поговорили о мелочах и пустяках. После этого мы разошлись: и Ли, и мне хотелось побыть наедине со своими мыслями. Меня отчего-то не отпускал рассказ о каменном карнизе вокруг Юцзюэшаня. Очень живо представлялось, как преступник крадётся по нему и затем выбирается наверх. Уверенный в том, что теперь, зная о карнизе, я сумею его разглядеть и, может быть, найти что-нибудь полезное, я на коляске добрался до ворот и вышел к мосту.

Первым делом я убедился в правдивости слов о второй доске. Затем напряжённо всмотрелся вниз и, как мне показалось, заметил в тумане каменный выступ и пару пещер. Сейчас я уверен, что это воображение подсовывало мне то, что я хотел увидеть, рисуя это в прожилках совершенно непроглядного тумана. Далее я обследовал участок непосредственно у пилонов моста. Юские стражники подозрительно на меня косились, но, видимо, облачение чиновника седьмого ранга производило должное впечатление — мне не только не задали никаких вопросов, но даже дали ответы на мои собственные.

Я прикинул, что от городских стен до караулки при мосте — около тысячи шагов. Расстояние приличное, и, в отличие от того же Лияна, здесь всё оно прекрасно просматривалось: никаких построек между городом и обрывом не было — исключая, конечно, караульные будки. Если бы охрана была на месте, как сейчас, беглеца бы легко перехватили. Но тогда, как назло, будка пустовала: стражники отправились инспектировать мост (и, возможно, трактир на другом его

конце). Разумеется, виновные были наказаны, а дежурства усилены, но мне эти знания были ни к чему.

Обрыв в этом месте был весьма крут. Мне показали место, где нашли дуншаньский нож, но и всё. Далее следовало двигаться на восток или на запад, и я выбрал первое. Мне предстояло просто брести вдоль кромки. Поначалу я двигался медленно, поминутно всматриваясь в туманную муть и выискивая глазами пологие места, но понемногу ускорил шаг. Картина справа от меня не менялась, и я на какое-то время отвлёкся от неё и задумался о своём.

При благоприятном стечении обстоятельств Ван Минхёк и Яо Мэйлинь сегодня могли быть уже в Сыту. И тогда, и, может быть, даже позже оба они казались мне какими-то сверхъестественными духами из мистических рассказов. Помню, в детстве я тайком от отца прочёл «Коллекцию» Пао-цзы, и там был сюжет о провинциальном чиновнике, которого взяли под опеку молодая лисица (разумеется, в облике девушки-прелестницы) и дух одного пройдохи, без кремации сгинувшего в тумане. Минхёк вполне подходил под второе, а Мэйлинь… Нет, она не была большеглазой красавицей с ивовым станом; всё семейство Яо отличалось крепким сложением и крупными рублеными чертами лица, напоминая вытесанных из одинаковых полешек корейских истуканчиков. Нет, она не являлась ко мне по вечерам в аромате жасмина с зачарованным веером и вином из чертогов бессмертных и не нашёптывала мне дворцовые секреты и стихи, забытые много веков назад; она тихо и скромно жила на женской половине флигеля. Но, вспоминая о ней, я думал о той встрече в беседке, о тихой ночной песне, о ярком лунном свете, в котором её платье и лицо казались ослепительно белыми, и о «волшебном шаре», твёрдо легшем из ладони в ладонь. И красота, какая-то глубинная, совершенно особенная красота искрилась в ней и не оставляла равнодушным. Определённо, Мэйлинь была лисицей!

Я шёл по краю обрыва уже не первый час, и в какой-то момент осознание бесполезности этой затеи заявило о себе в полную силу. Что я искал? Где я искал? Наверху, где караул за неделю подчистил бы всё? Или внизу, в слепом тумане, поднявшемся ещё выше из-за вечернего прилива? Я досадовал сам на себя — и продолжал идти. Впереди показалось что-то вроде ложбинки. Вот где убийца мог бы подняться!

Я заметил, как у самого края что-то блеснуло, и поспешил туда. Туман клубился совсем близко, и я не сразу заметил, как он побелел.

Мне вдруг подумалось, что точно так же, как я всматриваюсь в туман, и он сейчас всматривается в меня. Я помотал головой, отгоняя наваждение, но в следующее мгновение увидел пару горящих глаз. За ними — ещё и ещё. Туман распахивал жадные глаза и смотрел на меня. И улыбался. Дюжиной широких улыбок от уха до уха. Заворожённый этим зрелищем, я, может быть, улыбнулся бы в ответ, если бы вдруг не пришло понимание: снизу вдоль отвесной каменной стены на меня летела целая стая гуйшэней. Я отпрянул от пропасти и с криком бросился к городским стенам. Здесь было даже больше тысячи шагов — и, как назло, ни единой постройки. Второпях я выхватил рапиру, хоть от неё не было никакого толка.

Первая волна пролетела вскользь, едва касаясь меня крыльями. Я решил, что чудовища примериваются и сейчас пойдут на второй круг, а значит, у меня есть ещё какое-то время. Но почти сразу же рухнул от дикой, невыносимой боли по всему телу: в руках и ногах, шее и спине. Рука не слушалась, я не мог даже поднять рапиру, чтобы защититься, и жалел, что, как в своё время, не потерял сознание, и теперь меня ждёт мало с чем сравнимое мучение.

Спасло меня то, что при иных обстоятельствах вызвало бы у меня возмущение. Городская стража с подозрением отнеслась к неизвестному чиновнику, который в служебном облачении осматривает обрыв, и за мной тут же устроили слежку, подрядив зорких соглядатаев на городских стенах и пришив ко мне «хвост». Увидев же, в какую я попал передрягу, караул поспешил на помощь и весьма скоро разметал чудовищ.

Корчась от боли, едва соображая, я смотрел на мелькание стали, сквозь грохот пульсирующей в висках крови ловил далёкие щелчки арбалетов и жужжание стрел, видел, как отлетают отрубленные крылья и головы, как падают на землю раненые и мёртвые тела гуйшэней. Одно из них, с рассечённой грудью, рухнуло перед самым моим лицом, и я, находясь на границе сознания и беспамятства, в этот миг сожалел о том, что не в силах запустить руку в эту страшную рану и проверить, не скрыт ли там «индийский гранат», — как легкомысленный монах из притчи, который, вися над пропастью на хлипкой лозе, находил время лакомиться земляникой!

Когда всё было кончено, меня перевязали и на носилках доставили в гостиницу. Движение и даже просто дыхание давалось мне с огромным трудом. Врач, любезно вызванный господином Ли, на десять дней определил мне строгий постельный режим, но пообещал, что сумеет поставить меня на ноги. Моя самоотверженная глупость, возможно, и произвела какое-то впечатление на Пэк Кванмина (я ведь всё же получил раны, стараясь найти улики), но гарантированно отстраняла меня от дальнейшего расследования.

Глава шестнадцатая. Огонь пожирает улики, страшные истории приводят в чёрный павильон

В первую же ночь, когда я был вот так прикован к постели, меня разбудил пожарный набат. По суетливому топоту в коридоре я решил было, что горит что-то совсем рядом, а доберись огонь до гостиницы, меня едва ли успели бы спустить с третьего этажа. Я набрал в грудь побольше воздуха, чтобы крикнуть слуг, но голос не слушался. Я дважды стукнул в стену кулаком, но вновь безуспешно: администратор Ли ещё не пришёл от шамана, на встречу с которым отправился поздно вечером. Колокол за окном надрывался всё сильнее, улица погрузилась в гудение голосов. Я потянул носом, но дыма не почувствовал. Значит, огонь всё-таки далеко… Позже, когда всё улеглось, кто-то из постояльцев, возвращаясь в свою комнату, случайно ввалился ко мне, и я сразу огорошил его вопросом о том, что происходило.

— Окружная управа горела, — охотно откликнулся незваный гость. — Слышали, какой трезвон стоял, а? Видать, пожарные не сразу поспели. Судья Цао завтра головы с них поснимает.

Ранним утром меня навестил администратор Ли. По его виду я понял, что он только что вернулся со своих прогулок.

— Слышали о пожаре? — спросил я.

— Я видел его своими глазами от начала и до конца.

Пламя вспыхнуло в той части управы, где находился судебный архив, и разгорелось очень быстро. Кто-то винил упавший светильник, другие шептались о поджоге, но в любом случае огонь победили бы очень быстро, если бы не подвели «залоги спокойствия» — противопожарные резервуары, которым полагается стоять на каждой улице и особо — в присутственных местах. Но почему ни на улице Яшмовой Луны, ни в окружной управе воды под рукой не оказалось? Слухи винили в этом и нерадивость судьи, и неких таинственных злоумышленников. Внутренне я посочувствовал Цао, ещё не понимая, какой он в действительности получил карт-бланш.

— Ну а что же ваш шаман? Вы у него побывали?

— И не у одного, — сказал Ли неожиданно усталым голосом и жестом дал мне понять, что визиты результатов не дали.

Ю — город большой, и ведуны, в отличие от лавочников, не селятся рядком на одной улице. К кому из них обращался Пэк Ханыль? Что он мог им сообщить? И кто, пусть и за взятку, готов пересказать что-то ценное для нас? Вероятно, адреса Ли получил от Цзаня Малого — а тот наверняка выведал их у извозчиков, подвозивших щедрого молодого корейца, — но каким образом он пытался что-то вызнать, трудно даже предположить. В детстве мы с друзьями из шалости подсматривали за шаманами — на Дуншане их тоже водилось с избытком, а самых колоритных можно было встретить в гостевой слободе. Многие были слепцами (к таким питают особое доверие), другие производили впечатление бесноватых или отъявленных мошенников, а кто-то сочетал все три качества сразу. Впрочем, все они, кажется, живо откликались на звон монет. Наверное, этим средством и пользовался странствующий администратор.

— Что вы намерены делать сейчас? — поинтересовался я.

— Выспаться, — Ли выразительно кивнул на дверь, и я понял, что он опасается подслушивания.

Обидно. Получалось, что я не только не мог заниматься расследованием, но даже лишился возможности его обсуждать. Весь день я пролежал пластом. Впрочем, в обед пришёл врач и удовлетворённо отметил, что руки и ноги, ещё вчера парализованные, уже сносно меня слушаются. Администратор Ли больше не заходил, но попросил хозяина гостиницы, чтобы в определённые часы меня немного развлекали чтением. Тот, вероятно, не очень хорошо объяснил суть дела своему подручному, потому что в первый раз «определённые часы» пришлись на время моего сна.

Помню, как в мареве сновидений зазвучал заунывно блеющий голос, и я увидел череду литых колокольчиков с отчеканенными на них иероглифами: «Ночью и днём, наверху и внизу, на горах и в лесах правда одна…» — начало трактата Люй Дацюаня. Я разлепил глаза. Передо мной с книжкой в руке сидел двуцветный сектант «матушки Кён». Разобравшись, в чём дело, я вновь опустил веки и обречённо попросил почитать мне что-нибудь посвежее.

— «Четыреста духов деревни Хоукай», — внезапно отозвался чтец.

Я с интересом посмотрел на него ещё раз. Сектант как-то воровато оглянулся и с заговорщицкой улыбкой извлёк из рукава книжицу в зелёной обложке. Получив моё согласие, он с явным удовольствием раскрыл её и начал читать — вполголоса, украдкой и тем не менее смачно. Даже первые слова («В третьем году правления под девизом „Возвышающая справедливость“ в циньском городе Пэйцзинь на улице Благих Предзнаменований в третьем доме от малых южных ворот…») звучали в его устах живее и осмысленнее мудрых изречений Люй-цзы.

Я знал эту историю. В детстве я прочитал таких немало, и когда двуцветный дочитал её до конца, на его «Ну как?», я честно ответил, что рассказ «Сломанная печать» чем-то похож, но интереснее.

— Вы читали «Сломанную печать»? — заёрзал сектант. — Я никак не могу её разыскать!

Моего собеседника звали Чжэн Тоуто, он был студентом-недоучкой, родичем хозяина гостиницы и большим любителем страшных историй. Когда я слабым голосом (даже нарочито слабым) поведал ему, что не только читал упомянутое произведение, но за множество пересказов затвердил его наизусть почти дословно, глаза у Чжэна загорелись. Но я тут же добавил, что едва ли осилю повествование, пока не поправлюсь.

Чжэн сразу же взял меня под свою опеку. Как прилежная сиделка, он неотступно дежурил у моего ложа. Поправляя мне подголовник, подавая бульон или разводя лекарство, он нет-нет, да выуживал у меня порцию сюжета, а когда я дремал, тайком всё записывал.

Назначенное мне лечение оказалось весьма действенным, и на второй день я решил, что могу встать на костыли. Чжэн Тоуто немедленно их раздобыл, однако и небольшой прогулки по комнате хватило, чтобы наказать меня за самонадеянность. Я тут же почувствовал острую боль и, неправильно поставив костыль, потерял равновесие и рухнул на пол. Чжэн доволок меня до постели и доверительно сообщил:

— Вас кто-то сглазил.

Из-за боли в груди мне было трудно рассмеяться, и он продолжал:

— С моим тестем было точно так же. Нужно показаться колдуну, чтобы он оградил вас от недоброжелателя.

Мне отчаянно захотелось выбранить его и заодно поинтересоваться, что там Люй-цзы говорил о колдунах и гадателях, но, едва открыв рот, я зашёлся болезненным кашлем, а когда он прошёл, схлынул и первый импульс. В конце концов, шалопай Чжэн желал мне добра.

— Какому ещё колдуну? — спросил я хрипло.

Сектант с довольным видом рассказал мне о даосе Фань Яоцзу по прозвищу Чёрный Поток, который жил на углу у Малого рынка, был слепым от рождения, а стало быть, помог бы мне всенепременно. В саду его дома располагался Удел Великой Пустоты — большой восьмиугольный павильон, в несколько слоёв обтянутый тёмной материей. Чжэн уверял, что внутрь не проникает ни луча света, то есть не видно ровным счётом ничего. В этой непроглядной темноте проситель оставлял образ досаждающего ему человека и обращался за помощью к десяти оберегающим духам. Каждый день утром и вечером даос с деревянным мечом и заклинаниями обходил павильон, а в конце месяца слуги полностью его вычищали, выносили содержимое за город и сбрасывали в туман. Таким образом дурные стремления изображённых злопыхателей поначалу не могли пробиться за непроницаемый экран, а затем тонули у подножия горы.

— Вы знаете, кто может желать вам зла или неудачи? — осведомился Чжэн.

Я кивнул.

— Могли бы его изобразить?

Я покачал головой. Даже если бы я верил в эту чушь, нарисовать судью Цао я бы, наверное, не сумел. Чжэн тут же заверил меня, что это не беда, и очень быстро принёс мне с улицы купленную у торговца чёрную глиняную куколку, сработанную настолько плохо, что было неясно, какой из уродливых бугров считать головой. Теперь от меня требовалось только проставить на фигурке нужную фамилию. Чжэн подал мне кисть и синюю тушь, разведённую пополам с белилами. Я проставил на основании иероглиф «Цао» — и, пользуясь возможностью, светлыми точками обозначил куколке пару глаз. Сектант завернул её в кусок ткани, перехватил бечёвкой и сунул мне:

— Вот с этим и идите к Чёрному Потоку, — потом, запоздало поняв глупость своего совета, добавил: — То есть я сейчас вызову носильщиков!

Мысль о том, чтобы посостязаться с администратором Ли в прогулках по шаманам, показалась мне забавной и привлекательной. Я потянулся к сумке у изголовья и вытянул оттуда две связки монет для Чжэна: одну на расходы, другую за труды. Он был польщён, дважды отказывался, но на третий раз взял деньги. Не прошло и четверти часа, как он явился в сопровождении трёх таких же сектантов. Меня быстро, но осторожно спустили на первый этаж и вместе с костылями уложили в паланкин с жёлтыми и зелёными драпировками. Ни дать ни взять — понесли «матушку Кён».

Прогулка оказалась дольше, чем я ожидал. От мерного покачивания я задремал и проснулся, только когда паланкин поставили на мостовую. Отдёрнув шторку, я увидел массивные чёрные двери, украшенные алыми шляпками гвоздей. По сторонам от ворот сидели отвратительные химеры с мордами гуйшэней. Наверху красовалась табличка: «Усадьба семейства Фань». Привратник смерил нас подозрительным взглядом — вероятно, почитатели Люй Дацюаня у даосов не в чести, — но Чжэн, решив не тратить времени на переговоры и объяснений, попросту сунул ему несколько монет, и ворота открылись.

О нашем прибытии известили ударом в гонг, так что Чёрный Поток, поддерживаемый двумя слугами, встретил нас уже в переднем дворике. Я отчего-то представлял его себе седым стариком, а он оказался моим ровесником. Вместо морщин и всклокоченной седой бороды — гладкое холёное лицо, с едва обозначенной растительностью. Вместо согбенной, побитой временем фигуры — ровная спина и богатырские плечи на зависть иному воину. Даже длинные густые волосы, чёрным водопадом спадавшие на плечи, выглядели ухоженно и в целом благообразно. В моём сознании не сразу установилась чёткая связь, но отцом его был генерал Фань Ланъе, погибший десять лет назад на западе Юэ. Печально, что отпрыск столь славного рода учёных и сановников посвятил свою жизнь шарлатанству и «заклинанию духов». Шею его отягощало внушительное монисто из амулетов, глаза закрывала широкая бархатная повязка, вышитая золотом и серебром. Чжэн Тоуто склонился к моему уху и радостно шепнул, что даос совершенно

ничего не видит. Словно противореча его словам, тот с лёгким поклоном спросил:

— Что угодно благородному дуншаньскому чиновнику от скромного служителя Вечного Пути?

— Как? Как он узнал, кто вы?! — восторженно удивился Чжэн. Помня, что мне может быть тяжело говорить, он выдал собственную версию того, что со мной произошло, добавив, что всё это — по воле злобного недруга.

Даос повелительно махнул рукой, указывая нам следовать за ним, и прошествовал в главный двор. Стоит отдать должное вкусам покойного генерала, но насколько изысканно был устроен сад и украшены боковые галереи, настолько же уродливо смотрелась чёрная конструкция в центре. Вокруг Удела Великой Пустоты на постаментах выстроилась целая армия разномастных кумиров самого свирепого вида. Чжэн воодушевлённо сказал, что это, наверное, сто сорок четыре демона ночного неба, и даже бросился их пересчитывать, но Фань Яоцзу вновь поднял руку, и все звуки стихли.

— Вы приготовили изображение? — спросил он.

— Да, — ответил я, доставая самодельный свёрток с фигуркой.

Он дал знак, что внутрь я должен следовать за ним один. Меня поставили на костыли и помогли дойти до чёрного полога. Мы перешагнули порог павильона. За первым пологом следовали второй и третий. Приоткрывая их для меня, Фань уверенно шагал дальше. Когда короткий входной коридор остался позади, я понял, что действительно перестал что-либо видеть. Глаза тщетно всматривались в темноту — приспособиться к ней не удавалось. В сердце появился панический страх. Даос схватил меня за плечи, приподняв в воздух, несколько раз обернулся кругом, вновь поставил на пол и прошёл вглубь павильона. Я не понимал, где нахожусь. Любые направления словно перестали для меня существовать. Рука непроизвольно потянулась к шее, где на шнурке висело устройство, полученное от галантерейщика в Шанши.

Послышался лязг и дробный деревянный стук. Фань громовым голосом произнёс:

— Чёрный камень с синим взглядом!

Я отдёрнул руку, не зная, что и думать.

— Брось его перед собой! — потребовал голос.

Я стоял в ступоре. Как быть? В полной темноте — и неспособный свободно передвигаться — я оказался совершенно беззащитным. Даже если бы сейчас при мне было оружие, я едва ли мог бы им воспользоваться, а мой визави, привычный к жизни без света, напротив, чувствовал себя как рыба в воде. Я услышал твёрдые шаги, властная рука выхватила из моих пальцев мешочек с куколкой Цао и швырнула на пол. Мне сразу полегчало. Вероятно, даос своим «провидением» рассчитывал вселить в меня ужас и трепет, но мне было совершенно не важно, каким образом он узнал о том, как выглядит фигурка.

Стук и лязг продолжились, но теперь в них стали вплетаться слова колдовских формул. Фань бормотал их то тише, то громче, с надрывом, постепенно впадая в некое подобие транса. Его голос слышался то слева, то справа, из чего я понял, что он кружит по помещению, как часто делают даосы, проводя ритуалы изгнания духов. Я почувствовал запах неизвестных мне благовоний и на всякий случай заложил ноздри ватой, которую захватил с собою из гостиницы. Внезапно тяжёлым басом запел колокол. Вместе с подвыванием даоса, дурманящим ароматом и полной темнотой этот звук словно подавлял, подминал под себя сознание, и я в отчаянной попытке его сохранить всё же зажёг синий луч.

Обстановка разом лишилась мистического величия. Фань Яоцзу с колотушкой в одной руке и железным веером-трещоткой в другой отплясывал в комнате и, должен сказать, для слепого делал это очень ловко. Колокол висел тут же, рядом стояли бронзовая курильница и столик с разложенными инструментами — у Чёрного Потока в запасе было ещё немало фокусов. Но куда больше меня заинтересовали стеллажи вдоль стен — пристанище рисунков и статуэток. И если некоторые фигурки стояли на полках завёрнутыми, то свитки все были раскрыты. Перед стеллажами на полтора локтя от пола тянулся тросик с подвешенными звонками. Такие же барьеры были натянуты в других частях павильона. Заклинатель выделывал сложные па, не касаясь их, но, насколько я могу судить, действительно был слепым, к тому же на глазах оставалась повязка. Он не отреагировал на появившийся источник света; впрочем, на одной из полок я заметил тяжёлую алебарду и рассудил, что неумелая попытка порыться в его сокровищах может дорого мне обойтись.

Ближние стеллажи я изучил, не сходя с места. Рисунков на них было немного, и все они отличались невысоким качеством, но я два или три раза узнал фактурную физиономию судьи Цао. Больше всего свитков было у дальней стены, и, дождавшись, когда Фань замрёт у столика, я решительно двинулся вперёд.

Удивительно, сколько сил и проворства находит в себе человек в минуты опасности и нервного возбуждения! Пару часов назад я кое-как переставлял костыли в гостиничном номере, а сейчас передвигался с прытью и ловкостью профессионального нищего. Вряд ли я делал это бесшумно, но на мою удачу даос как раз в это время токовал особенно громко, готовясь устроить для простака-посетителя особенно впечатляющий эффект. Когда я достиг полок, в комнате разом вспыхнули и погасли несколько фонариков с устрашающими рожами. Фань ещё раз ударил в колокол, подбросил в курильницу щепоть какого-то порошка и усиленно заработал веером, гоня дым в сторону выхода.

Нужный рисунок я отыскал не сразу, но узнал его с первого взгляда. На прямоугольном куске шёлка углём и тушью было выведено мужское лицо, а ниже — имя: «Хань Болин» по-китайски и по-корейски. Портрет практически ничем не напоминал давешнее произведение Жаожана и компании, но рука Пэк Ханыля чувствовалась безошибочно. Рисунок был прикреплён к тонкой бамбуковой планке и подвешен за тонкий шнурок на нехитром крюке. Если бы не полученные травмы, достать его было бы проще простого.

Я подошёл поближе к ограждающему тросу и замер. Дотянуться до стеллажей рукой я не мог, как и перешагнуть преграду, не наделав при этом шума. Сейчас пригодилась бы рапира, но, как я уже отметил, её при мне не было. Сколько ещё продлится спектакль Фань Яоцзу, я не знал, так что медлить было нельзя. Превозмогая боль, я перенёс вес на неокрепшие ноги, поднял костыль и остриём снял рисунок с крюка. Мгновение — и свиток оказался в моём рукаве. Азарт прошёл, и я остался один на один с болью и немощью.

Путь к выходу оказался в разы тяжелее, я так и не смог его преодолеть. Запнувшись, я попросту рухнул Фаню под ноги и лишился сил. Его это, однако, не смутило. Вероятно, на что-то в этом роде он и рассчитывал. Едва ли предполагалось, что, опьянённый курениями и испуганный пылающими лицами чудовищ, я останусь стоять на одном

месте. Даос оттащил меня к выходу; чтобы его уважить, завершение спектакля я выслушал в полной темноте. После этого Чёрный Поток трижды ударил в колокол, и вошедшие слуги вывели нас обоих на свежий воздух.

Не дожидаясь особых приглашений, я вынул из кошелька два серебряных слитка и честно сказал, что потрясён тем, что открылось мне внутри.

На обратной дороге в гостиницу я ещё раз рассмотрел портрет. В нём, как и в других работах Ханыля, чувствовалась некоторая карикатурность, но я был уверен и в том, что изображённый человек легко узнаваем. Тонкий нос, резные ушные раковины, прищур глаз, острый подбородок и губы, сжатые в презрительной усмешке, — всё было прорисовано тонко и подробно.

В номер я прибыл одновременно с врачом — и получил от него справедливый выговор за несоблюдение режима. Боль становилась всё сильнее, и её пришлось снимать иглами. Перед уходом доктор пообещал мне, что ещё одна вылазка за порог оставит меня калекой на всю жизнь, благо жизнь эта может оказаться недолгой. Но, как только дверь за ним закрылась, Чжэн успокоил меня, что после визита к колдуну мне ничто не грозит, и, сгорая от любопытства, бросился выпытывать, чтó я видел в Уделе Великой Пустоты. Этот рассказ он слышал, очевидно, не в первый раз, поскольку, стоило мне задуматься и замолчать, сам досказывал целые пассажи. Затем он полностью пересказал всё уже сам, делая особый акцент на понравившихся эпизодах. Желая отплатить Чжэну услугой за услугу, я как можно убедительнее высказал ему, что считаю Фаня обычным мошенником, но Чжэн, кажется, не обратил на мои слова вообще никакого внимания. Он избавил меня от своего общества, только когда в комнату постучал Ли.

— Что же вы такое делаете? — спросил странствующий администратор после краткого приветствия.

В качестве ответа я протянул ему свиток. Ли развернул его, с минуту рассматривал, затем одобрительно кивнул. Он не осведомился, у кого и при каких обстоятельствах я получил последний, быть может, рисунок Пэк Ханыля, — вероятно, он уже знал о моей поездке в усадьбу у Малого рынка и понимал, что, каким-то образом заполучив изображение, я не стал задавать Чёрному Потоку вопросы. Да и можно

ли было узнать что-то большее? Судя по тому, как даос держался со мной, трудно предположить, что у Ханыля он выспрашивал обстоятельства постигшей его беды.

Ли принёс с кухни бульон и сам заботливо покормил меня, делясь последними городскими слухами и скудными плодами собственного расследования. Он взял с меня слово обойтись в дальнейшем без эскапад, но, увы, я, наверное, был прочно связан с несуразными поворотами событий и сумел впутаться в передрягу, даже не поднимаясь с постели.

Глава семнадцатая. Гости города Ю покидают его в досаде, достопочтенный Му повествует о вещах

В ночь у меня поднялся сильнейший жар, не отступавший на протяжении суток. Врач приходил теперь трижды в день, перемежая все известные ему методы лечения. Чжэн, видя моё состояние, не донимал расспросами, но, когда я приходил в сознание, исправно читал мне рассказы о призраках и оборотнях, что вкупе с недавним посещением Удела Великой Пустоты давало превосходный материал для горячечного бреда.

Всё это время Ли занимался не столько расследованием сколько попыткой урегулировать скандал политически, вынужденно взяв на себя и мою роль как представителя Дуншаня на переговорах с юскими властями. Он же, сколько мог, беседовал и с Пэк Кванмином, хотя тот в основном оказывался предоставлен собственным мыслям и уличным слухам. Рисунок Ханыля был тщательно скопирован и вслед за рисунком гильдии нищих с нарочным отправлен на Дуншань.

Розыски человека по имени Хань Болин предсказуемо не дали результата, но Цзани отличались удивительным упорством и везением. На другом конце города они разыскали ломбард, держатель которого вспомнил, что недели две тому назад некий Хань Болин приходил к нему с вопросом, нет ли на хранении конверта на его имя. Такового не оказалось, но оставлять в сертифицированных ломбардах письма и посылки до востребования — обычная практика среди торговцев и коммивояжёров на северо-востоке, так что в вопросе посетителя не было ничего необычного. Процентщик даже не вспомнил бы о нём, если бы со скуки не оставил запись в реестре. Увы, эти сведения не приближали нас к нахождению убийцы, но позволяли точнее восстановить картину происшедшего. Надо полагать, от Ханыля требовали какого-то решения (может быть, вернуться в Шато) и дали

ему срок на раздумье. Ответ рудокоп должен был оставить в ломбарде на имя Хань Болина. Не обнаружив конверт вовремя, угрожавшие перешли к действиям, последствия известны.

Когда состояние моё несколько стабилизировалось и врач с удовлетворением отметил, что самого страшного удалось избежать, ко мне в номер заявился не кто иной, как судья Цао:

— Вы уже который день в нашем городе, а я, никчёмный, только сейчас нашёл время, чтобы засвидетельствовать вам своё почтение и просто по-человечески поговорить.

Я скосил глаза на столик у изголовья и обнаружил его визитную карточку, принесённую, наверное, в первой половине дня. Цао сообщил, что заказал было комнату в лучшем ресторане города, но узнал о моих травмах и теперь надеется, что я удостою его беседой и совместной трапезой в гостиничном номере. В его тоне не было ничего враждебного или отталкивающего, и я решил, что составил об этом человеке превратное представление. Я попросил слуг сделать мне подушку повыше. Столик чуть переставили, и Цао сел за него так, что мы могли разговаривать, глядя друг на друга.

— Увидев, что вы в столь юном возрасте носите одежды чиновника седьмого ранга, я сразу понял, что встретил человека выдающегося, а в вашем лице безошибочно читаются мужество и стойкость, — сказал он, когда слуги подали чай. — И мне не хотелось бы, чтобы вы думали обо мне плохо просто из-за того, какую позицию я волей судьбы вынужден занимать в отношении дуншаньского префекта.

Я напрямую спросил его, считает ли он господина Чхве виновным в гибели Пэк Ханыля. Цао вздохнул:

— Мне так не хотелось бы обсуждать сейчас эту тему, но буду с вами честен: на данный счёт у меня нет никаких сомнений.

— А на чём зиждется ваша уверенность? — полюбопытствовал я. Мне казалось, что вот так, в спокойном и непринуждённом разговоре можно доказать ему несостоятельность или по крайней мере недостаточную обоснованность его версии.

Принесли вино и закуски. Мне, впрочем, полагался только бульон, благо есть его я мог уже сам. Дождавшись, когда слуги покинут комнату, Цао осторожно попытался перевести разговор на другую тему, но я настоял на своём вопросе.

— Что ж, будь по-вашему, — сказал он. — Прежде всего, рассмотрим яд, которым был убит Ханыль. Это не обычный растительный яд, изготовить его может лишь опытный химик и из весьма специфических составляющих, среди которых так называемая «белая ночь» — трава, которая растёт весьма обильно в низинах, постоянно залитых туманом. Мест, где можно сорвать её выше тумана, известно всего два: это юг Чуской поймы и восточный отрог Дуншаня.

Я сделал выразительный жест рукой. Судья улыбнулся:

— Можно, конечно, предположить, что «белую ночь» собрали там, где идёт война, и везли сюда через всю страну, но резоннее предположить, что родом она из нашей провинции. Что же до химика, то несколько лет назад я сам по приглашению посещал Дуншань и помню великолепную лабораторию в гостевой слободе. Формула яда хранится в строгом секрете, передаваясь из поколения в поколение в двух семействах, Ин и Хо, так что при желании можно даже назвать имя человека, который его изготовил.

— Вы, однако, сумели его как-то определить.

Судья Цао невозмутимо ответил, что ныне покойный судебный врач Хо Миньчу ещё при прошлом губернаторе оставил ямыню достойную коллекцию реактивов. Возникал другой вопрос. Если этот яд, будучи правильно выявлен, столь однозначно изобличал отравителя, зачем было его применять? Избавиться от человека можно массой различных способов, которые будут проще и дешевле. Но от этой мысли мой собеседник лишь отмахнулся, сказав, что залезть в чужую голову не может.

— Есть несколько догадок, но не более того. Во-первых, этот яд действует с отсрочкой, но наверняка, то есть, с одной стороны, даёт исполнителю превосходный шанс безопасно скрыться, а с другой — не оставляет шансов жертве. Во-вторых, можно предположить, что убийство совершалось с расчётом на то, что мы вот так поймём, кто виноват, и тогда это бесцеремонная декларация: «Смотрите! Я могу делать, что захочу, и убирать неугодных мне людей у вас под носом!» Сюда же можно добавить и орудие преступления, устройство которого вы видели.

Я жалел было, что на этом месте не возразил ему, не сказал, что нет, мы не видели самого устройства, лишь посмотрели кем-то сделанные чертежи, в точности которых не можем быть уверены; но

этот довод, по зрелом размышлении, едва ли как-то отразился бы на ходе беседы.

— Таким образом, можно сделать два вывода, — продолжал Цао. — Возможность, совершить такое преступление была далеко не у каждого. А у вашего префекта были и возможность, и, что важнее всего, мотив.

Далее он в хорошо поставленной манере прочитал мне сентенцию о том, что Пэк Ханыль выступал за улучшение жизни шатоских рудокопов, перешёл дорогу местным властям и был уничтожен из опасений дальнейших беспорядков.

— Вздор, — раздражённо сказал я. — Вам ведь и самому ясно, что здравомыслящий человек не станет решать проблему таким образом.

— Вы рассуждаете как благородный чиновник-китаец, и ваши слова делают вам честь, — ответил Цао. — Но ни для кого не секрет, что префект Цуй Гуанцзу на самом деле кореец, а корейцы — народ импульсивный и мстительный.

— Моя мать была кореянкой, — резко произнёс я. Это была неправда. Во мне не было ни капли корейской крови, но самоуверенный тон Цао вызвал у меня раздражение, и мне захотелось как-то его осадить.

Мне это удалось. После моей ремарки повисла неловкая пауза.

— Я лишь хотел сказать, что корейцы не забывают ни хорошее, ни плохое, и понятия о чести и обиде лежат у них несколько в иной плоскости, — снова заговорил он, постепенно возвращая голосу прежнюю уверенность. — Но всё это было бы пустыми словами без доказательств. А они имеются, — на свет появилась стопка листов небольшого формата. — Вот письма с угрозами, которые ваш префект лично писал убитому!

Подобный внезапный козырь, вынутый в буквальном смысле из рукава, меня поразил. Разумеется, мне захотелось ознакомиться с содержанием писем, и, когда судья предоставил мне такую возможность, я сразу же обратил внимание на почерк — он не принадлежал ни господину Чхве, ни кому-либо из его секретарей.

— Это почерк писаря из управы судьи Лю, — нимало не смутившись, сказал Цао. — Письма обнаружили в гостинице, где жил убитый, и передали нам, сняв копии. К сожалению, оригиналы сгорели

при пожаре, который произошёл в нашем архиве при весьма странном стечении обстоятельств…

Он как-то нехорошо на меня посмотрел, и я понял: это обвинение в мой адрес.

— Инсинуации неуместны, — произнёс я. — Оба мы знаем, что в этой гостинице за мною установлена слежка, даже подслушивание. Сам же я по причине тяжёлых ранений, полученных четыре дня назад, не могу свободно передвигаться.

— Но это не помешало вам позавчера побывать у даосского колдуна — наверняка чтобы он защитил вас от тех козней, которые я якобы против вас строю.

Я немного помолчал, думая, как бы удачнее подцепить разговор, чтобы вывести его в нужное русло, но в итоге решил обойтись без плавных переходов:

— То, что я от вас услышал, уверяет меня в том, что вы большей частью опираетесь на домыслы. Ядом и хитрой механикой мог воспользоваться кто угодно, желая очернить нашего префекта, а так называемые письма с Дуншаня могли быть сфабрикованы и подброшены с той же целью. Однако ваша управа, не стесняясь, выплеснула свои догадки на улицу, и теперь любой беспризорник уверен, что знает, на чьей совести это убийство… Если вам угодно, могу назвать вам имя человека, который в действительности угрожал покойному.

Цао сделал протестующий жест:

— Вы будете называть какие угодно имена, и даже если улики привели бы нас в гостевую слободу на Дуншане, вы бы упирались до последнего. Например, могли бы заявить, что отравитель по своему почину похитил яд, смастерил себе сложное орудие преступления и отправился в Ю, не советуясь со своим патроном. Вы стараетесь его выгораживать, господин Ли — тоже. Исполнитель — о как это получилось удобно! — сорвался в пропасть, а после пожара в архиве у меня нет шансов довести дело до логического конца… Как нет и желания затягивать наше с вами противостояние. Вы мне симпатичны, и против префекта Цуя лично я ничего не имею, поэтому в скорейшем времени я просто прекращу вести это дело. Формально я не могу его закрыть, но и вести его, прямо скажем, не хочу. Надеюсь, я сумел вас

как-то ободрить, — сказал он совсем дружески и трижды хлопнул в ладоши, приглашая слуг убрать посуду.

Но до того как в комнату вошла прислуга, я услышал за дверью тяжёлые удаляющиеся шаги и знакомое заливистое чихание Пэк Кванмина. По моим расчётам, старик-кореец должен был отбыть из Ю накануне, но он задержался…

— Вы это подстроили! — от негодования я был готов вскочить с постели, забыв все предостережения врача.

Цао встал и с улыбкой поднял брови:

— Подстроил чтó? Вы вновь меня в чём-то подозреваете.

Только в этот момент я чётко понял, что он и не ставил перед собою цель вынести обвинительный приговор в суде или тем более доказать что-то мне. Все его громкие слова и последняя намеренно явная уступка были нацелены на Кванмина. Судья, должно быть, поручил кому-то из слуг специально пригласить его к двери, чтобы подслушать разговор двух чиновников о деле его племянника, а потом подал условный знак, и старика увели. Цао не пытался вызвать у него доверие и благодарность к юским властям, достаточно было ненависти к Чхве, и задумка оправдалась во всех отношениях. Разговор походил на естественный, мои доводы звучали тише и слабее, но ведь и тему предложил я сам! После ухода судьи я поручил было Чжэну найти Кванмина в гостинице или ближайших окрестностях, но впустую.

Не буду расписывать чувство огромной досады, которая меня охватила. Я испортил всё, что мог, и даже найденный у Фаня портрет представлялся совершенно бесполезным: мести шатосцев было не избежать. Ли выслушал мой рассказ молча, затем пожелал скорейшего выздоровления и покинул Ю перед самым закрытием городских ворот. Расследование завершилось — и, увы, не так, как бы мне этого хотелось. Наверное, в городе ещё оставались Цзани, но с ними я связи не поддерживал.

Нахлынувшее на меня тяжёлое ощущение пустоты сменили раздражение и подозрительность. В моём провале были виноваты все вокруг. Врач специально затягивал моё лечение, хозяин и прислуга в гостинице наверняка наушничали и помогли Цао в недавней провокации, а Чжэна, определённо, приставили следить за каждым моим движением, кстати, с подачи Ли, который, значит, тоже был виноват — и виноват вдвойне из-за того, что так мало меня информировал! За пять дней комнатного заточения я ожесточился настолько, что Чжэн Тоуто лишь растерянно хлопал глазами: и куда подевался давешний приветливый господин, потчевавший его страшными рассказами из редких книг!

Потом я порадовался, что злоба моя была столь беспомощной. В конце концов в Ю у меня было ещё одно дело. Мало ли глупостей можно натворить от обиды на весь мир, а ведь достойный человек

всегда изыскивает способ обратить пустое в полное, учил мастер стратагем:

Сумей подняться на волне падений,
В непониманье разыскать ответ
И с дерева горчайших поражений
Собрать корзину сладостных побед.

Прошла ещё неделя, и, когда мне разрешили пройтись по городу, я уже успел поостыть. Руки и ноги, уставшие от долгого бездействия, как будто плохо слушались, но никакой боли я уже не чувствовал, и костыли, по уверению врача, мне не требовались. Впрочем, для верности я тут же приобрёл себе хорошую трость для ходьбы. Миновав несколько кварталов, я приметил внушающего доверие извозчика и попросил доставить меня на улицу Тысячекратного благополучия. Поездка вышла долгая — почти через весь город, и я переменил не одну коляску, прежде чем добрался до места назначения.

Если южная часть Ю славится ресторанами и торговыми рядами, то север — это казармы и трущобы. Название улицы, на которую я прибыл, звучало как горькая насмешка: ни тысячекратного, ни однократного, никакого благополучия на ней не наблюдалось. Я сразу же приметил двухэтажное каменное здание, похожее на маленькую башню, которая словно поленилась пройти ещё несколько шагов и встать вровень с сёстрами в северной крепостной стене. Вывеска сообщала: «Закладная лавка достопочтенного Му». Иных подобных заведений на улице не было, но ради порядка я удостоверился, что это именно дом номер пять.

За входной дверью меня встретил великан охранник — такой огромный и широкоплечий, что казалось, он вообще не мог бы выйти наружу. Вспомнилась прочтённая когда-то повесть «Богатырь в бутылке» о силаче, который воспитывался у монахов-воинов в каменной крепости и упустил время, когда ещё мог её покинуть через узкие ворота. Аналогия была тем убедительнее, что владелец лавки и его помощники отличались небольшим ростом и сухим сложением — совсем как монахи из повести. Сам господин Му действительно мог рассчитывать на добавление «достопочтенный» — во всяком случае судя по внешнему виду. Он был совершенно седой. Волос на голове почти не оставалось, но редкое белое обрамление макушки создавало

некое подобие ореола, а длинная и густая седая борода делала его похожим на Чжан Голао с картин о Восьми Бессмертных.

У кого-то в горной стране ломбарды ассоциируются с грабительскими условиями, прижимистыми ростовщиками и расставанием с законно нажитым добром. Для меня это всегда было не так. По закону, спустя определённое время, если заклад не выкуплен, он переходит в собственность держателя, и тот имеет право его продать. Кто-то проводит торги, кто-то устраивает витрину с ценными товарами, кто-то выкладывает на стойку иллюстрированные проспекты. Отец захаживал в закладные лавки и часто подолгу осматривал «новинки» (если вообще можно так выразиться), но обыкновенно ничего не покупал. Я иногда сопровождал его и с интересом всё разглядывал, хотя никогда не знал, что именно он ищет. Сейчас, когда я знал об «индийских гранатах» и о том, что они хранятся именно здесь, в заведении Му, поход в ломбард приобрёл дополнительную привлекательность.

При этом у моего визита были и практические цели. Я понимал, что Яо Мэйлинь и Ван Минхёк по прибытии в город едва ли станут искать меня по всем гостиницам, но наверняка явятся сюда. История Ханыля подсказала мне спросить конверта на своё имя, но хозяин, проверив по книге, отрицательно покачал головой. Значит, нужно было оставить своё послание (я очень рассчитывал на сообразительность Мэйлинь и на то, что мы с ней будем рассуждать одинаково). Здесь же, за небольшим столиком в прихожей, я написал, как меня можно разыскать, поместил записку в конверт и уже собирался отдать его на хранение, но задержался, не зная, как обозначить адресата. Едва ли Минхёк при его скромности спросил бы что-то на своё имя. Значит, заговорит Мэйлинь. Но каким именем она назовётся, ведь она в мужском платье? Кроме того, для выдачи посылки без верительной бирки полагалось назвать контрольное слово. О чём могли бы догадаться мы оба?

Немного подумав, я проставил в верхнем квадрате иероглифы «Ли Цю» (раз уж она взяла одежду, как у Воронёнка, то и имя прихватила такое же), а в качестве пароля — моё собственное имя. И вдруг услышал за плечом сдавленный смешок:

— Ещё чего! Моим паролем был бы кто-нибудь поскромнее!

Обернувшись, я увидел Мэйлинь, а за её спиной — Минхёка. Может быть, полагалось возмутиться бесцеремонному подглядыванию через плечо или дерзкому ответу, но я просто обрадовался. И из какого-то мальчишеского озорства, поднявшись, громко объявил: «Братец Ли, как же я рад тебя видеть!» — крепко обнял Мэйлинь за плечи и горячо прижал к груди.

Читая у того же Пао Лисана о переодевании девиц в мужчин, я всегда рассуждал, что ладно это только на бумаге, а в действительности барышне слишком легко себя выдать. Но у Мэйлинь маскировка вышла превосходно, и её вполне можно было принять за какого-нибудь молодого подмастерья. Они с Минхёком уже три для были в Ю и остановились в потрёпанной ночлежке как раз напротив закладной лавки. Всё это, однако, я узнал чуть позже, пока же «братец Ли» наградил меня суровым взглядом исподлобья и достал из кошелька обломок деревянной плашки, взятый в Сыту. Я вернулся к господину Му и задал вопрос уже насчёт моего отца.

Владелец лавки пронзительно на меня посмотрел. Было ясно, что имя о многом ему говорит. Получив половинку верительной бирки (и, вероятно, сверив её под стойкой), он тут же отправил помощника в хранилище, а передо мной просто расцвёл:

— Простите за подозрения. Вы очень похожи на отца, но в нашем деле доверчивость опасна. Эти господа с вами? — он кивнул на Мэйлинь и Минхёка.

Я ответил, что этой мой родственник и слуга, от которых мне нечего скрывать. Достопочтенный Му распорядился никого не впускать и принёс из задней комнаты толстую подшивку учётных бумаг. Замелькали записки, квитанции и накладные. Как я понял, очень давно отец под солидный процент положил сюда на хранение просто огромную сумму денег, строго обозначив, во что их можно вкладывать и в каких случаях снимать с депозита. «Сердца чудовищ» оплачивались именно из них, и сейчас Му старался продемонстрировать мне чистоту всех операций.

Из бумаг следовало, что в наше распоряжение поступит немалая партия «гранатов», и, опьянённый предвкушением (а также долгожданной встречей с дорогими мне людьми), я смотрел на бумаги рассеянно и без интереса. Яо Мэйлинь, напротив, следила за всем очень внимательно, неоднократно прерывая щебет процентщика

вопросами и уточнениями. Раз или два он смущённо откладывал листы в сторону, обещая к следующему разу всё перепроверить.

Наконец появился слуга с корзиной в руках. В ней было два десятка свёртков примерно одинакового размера. Мэйлинь тут же предложила раскрыть и проверить каждый. Похоже, господин Му не знал, чем являются «индийские гранаты», и принимал их за простые камни, но понимал, что для некоего очень богатого чудака с Дуншаня они представляют большой интерес. По внешнему виду они очень разнились. Иные были обуглены, иные покрыты шаманскими знаками, иные увиты золотыми и серебряными нитями и украшены драгоценными камнями.

— Что и говорить, судьба у каждого своя, — рассуждал Му, помогая нам в распаковке. — Вот этот побывал и в костре, и в собачьей крови, и в козьей моче. На бумаге, в которую он обёрнут, — имя принесшего и дата, смотрите внимательно! И цена. Этот нам удалось выторговать за полсвязки монет. Вот этот принёс крестьянин из нашей же префектуры. Он уступил его за десять фэней — верно, кушать очень хотел, бедолага. Видите, сударь, мы стараемся не транжирить ваши средства, а брать подешевле… Но уж этот нельзя было купить дешевле, чем за три ляна! Посмотрите, ведь это семейная реликвия и настоящее произведение искусства. За ним наш поверенный ездил на распродажу имущества некогда почтенного рода в Маоцзяне, и, если бы не подсуетился, камень ушёл бы другому покупателю.

В детстве я сам любил, фантазируя, представлять себе бывших владельцев той или иной вещи, но слушая его сейчас, старался сам не цепляться взглядом за иероглифы на обёртках. Пару раз мне, кажется, попалось имя «Ван Минчхоль», но я не стал проверять.

Нас прервало дребезжание колокольчика и шум у входной двери. Я услышал, как охранник пробасил: «Нельзя». Вошедший (судя по голосу, молодой парень) попытался было прорваться, но после краткой борьбы остался на пороге.

— Пусти, скотина, я должен вернуть своё!

Му извинился и спокойным шагом прошёл в прихожую.

— А, это ты, голубчик, — в его голосе не оставалось ни каплю любезности. — Я тебя помню. Ты принёс деньги?

— Я принёс десять лян серебра!

— Я уже сказал, сколько нужно. Повторить?

Вновь шум краткой борьбы, за ним истошный крик:

— Крыса! Проклятая крыса! Верни мне меч отца!

Дверь снова открылась и захлопнулась. Великан попросту вышвырнул буяна на улицу. Я тихо шепнул Минхёку, чтобы при удобном случае он незаметно вышел и проследил за этим парнем.

Му, вновь любезный и приветливый, вернулся к нам и ещё раз извинился за беспокойство:

— Дело приходится иметь с самыми разными людьми. А оружие — это сплошная головная боль. Мало того, что солдаты то и дело пытаются заложить казённое, так попадаются ещё и такие бездельники!

Посчитав, что со стороны разговор мог звучать не в его пользу, он решил поведать нам всю историю. Прошлой зимой в лавку зашёл молодой человек и горестно поведал, что он на мели и вынужден заложить самое дорогое, что у него есть, — отцовский меч. Был уже вечер, в это время в ломбардах предпочитают не принимать новых вещей в заклад: при скудном освещении трудно убедиться в их качестве, — но Му, по его словам, «решил пожалеть несчастного». Удостоверившись, что на клинке не было проставлено государственного клейма, он предложил парню десять связок монет и срок в полгода. Тот согласился, и меч занял место на полке.

Через восемь месяцев, проводя ревизию невыкупленных вещей, достопочтенный Му ещё раз осмотрел меч, который теперь показался ему не таким простым, как вначале. Антиквар, которому он его показал, после тщательного изучения сообщил, что клинок стоит раз в двадцать дороже.

— Старочуская ковка, так-то! — весомо сказал Му, поглаживая бороду. — Этому клинку не меньше двухсот лет, и, разумеется, он не может быть для этого голодранца фамильной драгоценностью — иначе бы он так не продешевил! Но вот пару дней назад он является снова с намерением его выкупить — за десять лян. А я уже очистил его, восстановил инкрустацию и выставил на продажу за двести. Разбойник в крик! В драку! Из-за таких-то и держу охрану.

— А можно взглянуть на такое сокровище? — спросил я.

На стойке тут же возникла высокая коробка, обитая чёрным бархатом. Внутри на деревянной подставке покоился короткий — в две

пяди длиной — меч. На блестящем лезвии был вытравлен узор: два играющих дракона. Он же повторялся на рукояти, навершие венчали четыре камня в форме созвездия Лэйского Дворца. Я перевёл взгляд на Мэйлинь, она коротко кивнула. Достопочтенный Му тут же согласился сбавить цену вполовину — в зачёт шероховатостей, которые остроглазая девушка нашла у него в отчётах. Он несколько приуныл, когда я предложил оплатить покупку из денег, остающихся на счёте моего отца, но в итоге согласился и на это.

Меч занял место у меня на поясе, «гранаты» Мэйлинь сложила в походную сумку. Процентщик проводил меня к столику и предложил составить новую верительную бирку. Он, наверное, привык, что дуншаньские чудаки делают это непременно в стихах. Некоторое время я молча смотрел на широкую гладкую дощечку. Мне хотелось написать так, как написал бы мой отец.

— Ничего не приходит на ум? — спросила Мэйлинь. Как и тогда, она встала у меня за спиной и смотрела через плечо. — Можно я попробую?

Она обмакнула кисточку в тушь и бисерными иероглифами вывела:

Да, когда-то ты разом берёг книги, чувства, карьеру, любимых,
Но проходит разлом поперёк — выбирай же из двух половинок.
Ты, не вспомнив, что сам говорил, сделал шаг — значит, путь уже избран —
И спешишь, не касаясь перил, на тот берег, где я только призрак,
Где возможно нырнуть в этот мир под фанфары, салют и гирлянды,
Выйти в люди, пройти над людьми, прорастить дорогие таланты,
Опоясаться красным шнурком и насытиться славой земною
А потом — ну, когда-то потом — непременно вернуться за мною.
После солнца, морозов и гроз — пусть хоть горы ревут и трясутся —
Ты ведь веришь: останется мост, по которому можно вернуться
И увидеть, стряхнув с себя груз наносного почёта и пыли,
То, что так потерять я боюсь, то, что так мы когда-то любили.
Город дразнит и манит, как дым, оседая на сердце и в глотке
Югом пряным, востоком хмельным… Позабудешь былые находки…

Эти стихи я и разломил надвое, отдав верхнюю часть Му, а нижнюю оставив при себе. И с тех пор не нашёл ответа, правильно ли я выбрал из двух половинок.

Глава восемнадцатая. Наследник обретает утраченное, господин Чхве пьёт чай

Минхёк ждал нас на улице. Как и можно было ожидать, несчастный залогодатель повозмущался на улице и, не рискнув ещё раз поспорить с охранником, отправился горевать в ближайший трактир. Горе его было велико, так что мы шли, не торопясь, и заметили его ещё с улицы: парень сидел в кабинете на третьем этаже у самого окна и одну за другой опрокидывал в рот винные чарки. Мы заняли кабинет по соседству. Сделав заказ, я оставил своих спутников и нанёс визит уже изрядно захмелевшему юноше. Ему было лет семнадцать. Одежда и внешний вид выдавали обычного городского бездельника; впрочем, сложения он был хорошего и мог бы, скажем, сделать карьеру военного. Парень не обратил внимания на моё появление на пороге, и пришлось кашлянуть, чтобы он развернул ко мне свою бычью голову.

— Трактирщик сказал мне, что свободных кабинетов не осталось, но створка вашей двери была приоткрыта, и я подумал, что вы, может быть, не откажетесь от моего общества, — сказал я.

Он без слов указал на сидение напротив, и я сел. Вскоре Минхёк под видом трактирного слуги принёс мне блюдо свинины, кувшин вина и железную чарку. Я решил не заговаривать первым. Молча налил вина себе и своему визави и, церемонно подняв чарку, разом опорожнил её. Хмурый парень сделал то же самое, посмотрел в окно и сквозь зубы бросил:

— Подонок.

Затем, поймав мой пристальный взгляд, добавил:

— Извините, это не имеет к вам никакого отношения.

— Вас, кажется, что-то огорчает? — деликатно спросил я

Наверное, именно этого вопроса он и ждал. Душа в такие минуты ищет сострадания, и в чужих ушах топить горе бывает куда приятнее, чем в вине.

Парня звали Хуан Чжэлу. Он не без гордости поведал мне, что отец его был грозным разбойником, но оставил это ремесло и занялся торговлей, чтобы обеспечить семье мир и спокойствие и дать сынку хорошее образование. Это ему отчасти удалось — во всяком случае даже сейчас, в подпитии, парень изъяснялся весьма приятно, то и дело вворачивая в речь отточенные книжные конструкции.

— Затем родителя моего подкосил недуг. На смертном одре он сказал мне: «Ты прошёл курс обучения, Чжэлу, и теперь можешь принять дела в свои руки», — но коммерция оказалась не для меня, и провались я в туман, если не вернусь к прежнему отцовскому промыслу, чтобы прокормить себя и отомстить обидчикам!

— Кто же вас обидел? — продолжил я, уже зная ответ.

И Хуан вновь пересказал мне историю о мече уже со своей стороны — впрочем, без каких-либо новых для меня подробностей. Он говорил, всё больше распаляясь и завершил тираду уверением, что теперь уж точно подастся в бандитскую шайку, нагрянет в Ю с друзьями и вырежет всё семейство Му. Чтобы как-то его утихомирить, я напомнил, что он всё-таки сумел скопить десять лян серебра, стало быть торговля идёт не в убыток.

— А, это… — Хуан осклабился. — Это мне по случаю перепало. Попросили тут проучить одного подлеца.

Ю — город большой, и мало ли о ком говорил сын разбойника, но в моём сознании тут же установилась связь с убийством Пэк Ханыля. Чтó если молодой бездельник как-то к этому причастен и получил своё серебро, например, за то, что следил за несчастным рудокопом или пырнул его костылём? Я посмотрел на его лицо, и нашёл в нём небольшое сходство с рисунком гильдии нищих. А руки! Да, такому под силу перелезть через городскую стену и пройти по каменному карнизу! Вопросов о том, мог ли Хуан Чжэлу сыграть нищего и не многовато ли таинственные заказчики доверили неизвестно кому, у меня тогда не возникало. Весь город, все люди и события в нём сузились до моего дела и моей версии. Было во мне, наверное, что-то от судьи Цао.

— Больше всего я ценю в людях удаль и отвагу, — сказал я. — И знаете, господин Хуан, мне хочется вам помочь. Я сам торговец и в этом городе кое-кого знаю. Дайте срок до вечера, и я верну вам меч.

С юноши мигом сошёл хмель. В глазах разом читались надежда и отчаяние, благодарность и насторожённость, и, кажется, радость от внезапно найденного решения соседствовала с горечью от того, что от прежнего решения, замешанного на обиде и страшной мести, приходилось отказаться.

Садясь за стол, я твёрдо намеревался отдать меч тут же, но сейчас захотелось как следует обдумать дальнейшие действия, и я назначил Хуану встречу в семь часов у городской торговой палаты. Оборвав поток витиеватых благодарностей, я резко встал, давая понять, что настроен очень серьёзно, решительным шагом покинул кабинет — и юркнул в соседний.

И здесь тоже мы некоторое время сидели, ни говоря ни слова. Минхёк ел, Мэйлинь просто сидела напротив и смотрела не то на меня, не то сквозь меня — как мне казалось, неодобрительно. Великая мастерица подслушивать наверняка слышала беседу с Хуаном, и я не знал, чем она не недовольна: тем ли, что я решил расстаться со старинной диковинкой, или тем, что я не вернул её прежнему владельцу сразу же, или вообще тем, как я повёл себя при встрече у достопочтенного Му. От этого последнего варианта мне было неловко, и я молчал.

— Когда вы намерены вернуться на Дуншань? — спросила она наконец.

— Здесь меня ничто не держит. Я бы отправился немедленно.

— Вы ещё нездоровы, — возразил Минхёк. — С одною барышней Яо мне в пути пришлось непросто. С вами же двумя будет тяжело вдвойне.

Я хотел было спросить об их путешествии, но не стал, внезапно осознав, что и так всё знаю — с самого начала. Вот Мэйлинь в одежде Воронёнка идёт через двор, вот Минхёк догоняет её у выхода и хочет остановить, но слышит в ответ: «Хозяин поручил тебе охранять меня, но не держать взаперти», — и, может быть, что-нибудь о том, что всё это делается, чтобы помочь и послужить мне. После этих слов самоотверженный кореец мог бы идти куда угодно. Учитывая опыт его странствий и выживания, могу предположить, что, если им в пути и выпадали приключения, то по милости упрямой девицы. Когда Минхёк подвигал мне блюдо со свининой, я заметил у него на руке

свежие шрамы и подумал, что это барс — они как раз водятся на Циской дуге, а в пору прилива превращают её в свою вотчину.

Мне оставалось только пообещать не создавать в дороге лишних хлопот.

Мы вернулись к ночлежке напротив заведения Му — у Мэйлинь оставались в комнате кое-какие вещи. Минхёк путешествовал налегке — с тем и в том, что у него было, когда он вышел за ворота нашего дома. Я ещё раз вспомнил его рассказ о скитаниях по трём областям в поисках «индийских гранатов» и вдруг отчётливо, остро понял, что именно сюда он собирался прийти с Минчхолем, именно отсюда начать новый путь — тысячекратного благополучия. Я представил себе, как старый процентщик с лицом бескорыстного праведника вертит красный шар в руке, выискивая, за что бы сбить цену, и подумал, что всё получается очень несправедливо. В ожидании Мэйлинь мы стояли на улице одни, нас никто не слышал, и я предложил ему взять сейчас все «гранаты», вернуться к Му и получить за них награду.

— Вам нужны деньги? — спросил он.

— Нет, я хочу, чтобы эти деньги достались тебе и ты мог жить, как сам того пожелаешь.

— Сам я ничего не желаю, — сказал Минхёк. — Я живу так, как желает мой глубокоуважаемый старший брат.

И, как бы опасаясь, что я не пойму, рассказал мне об одном корейском поверье. Якобы на сорок девятый день после смерти душа человека, облетев все места, дорогие ему при жизни, возвращается к родным и самым дорогим ему людям, чтобы уже от них начать свой путь на тот свет. В этот-то самый день считают возможным получить от души последнее напутствие, сообщение или предостережение. Для этого накануне готовят особый алтарь. Перед жертвенником ставят стол, на котором помимо свечей и яств для призрака кладут бумагу, письменный прибор (даже если покойный был неграмотен) и ритуальную визитную карточку с приглашением проявить себя. Минхёк рассказывал, что в иных случаях дух действительно являлся ночью и оставлял что-то вроде прощального письма, но чаще, разумеется, бумага оставалось белой, а еда нетронутой. Тех, кто проводил обряд, это не смущало. В таком случае шаман или ближайший родственник покойного брал в руки кисть и, обмакнув её в

тушь, несколько раз кропил бумагу. И, если кляксы требовали дополнительного истолкования, просеивал блюдо риса над листом с написанным текстом и уточнял смысл по тому, на какие иероглифы упадут мелкие зёрнышки.

От владельца «Золотой звезды» Минхёку была известна дата смерти брата-близнеца, и он, конечно, не преминул провести в этот день ритуал. Мне хватило такта не спрашивать о подробностях, но исход был недвусмыслен:

— Глубокоуважаемый старший брат подождёт меня до перерождения. Я же остаток жизни буду служить вам. Остальное неважно.

С детства я питал слабость к рассказам о народных верованиях корейцев (в отличие от китайских суеверий они не встречали у меня такого уж резкого отторжения, я находил в них какую-то простоту и наивную искренность, которая при всей ложности идей побуждала ими интересоваться), но о таком обряде прежде не слышал. Всего месяц спустя, читая редкие главы «Коллекции» и рассказ «Мнимая смерть», я дважды встретил его описание. Может быть, случись это раньше, я не задал бы Минхёку вопроса о том, насколько широко он распространён в его родной области. Слуга и здесь удивил меня, сказав, что в Чжао этот ритуал не проводится вообще. Близнецы узнали о нём во время путешествий по яньским горам. В одной из деревень как раз вопрошали дух умершего старосты, и один местный житель растолковал пришельцам, что к чему.

— Добрый человек. Тын Тэхён. Вовек не забуду, — добавил Минхёк.

К семи часам я успел выписаться из гостиницы, выслушать сердитые слова моего лечащего врача, порадовать Чжэн Тоуто, купив ему сборник мистических новелл, и явиться к торговой палате. Хуан Чжэлу ждал меня у входа, где на большом чёрном щите мелом записывались сведения о ценах на ключевые товары и отчёты по сделкам крупнейших гильдий. Перед таким щитом всегда можно увидеть стайку маклеров, Хуан выделялся среди них тем, что единственный стоял к нему спиной. После приветствий я отстегнул от пояса меч и тут же его отдал.

— Как я могу отплатить вам за благодеяние? — спросил сын разбойника.

Я пожал плечами, и он тут же поинтересовался, нет ли у меня врага или недоброжелателя, с которым я хотел бы поквитаться. Пришла забавная, но недобрая мысль снова назвать судью Цао, но я удержался: сейчас последствия могли оказаться самыми плачевными. И вообще логика нового знакомца была мне не по душе.

— Я вернул — и вернул. Довольно об этом.

Хуан Чжэлу упал мне в ноги:

— Позвольте тогда почитать вас как брата и служить вам, как служат человеку конь и собака!

Я сообщил ему, что сейчас же отбываю на Дуншань, и посетовал, что идти придётся без вооружённой охраны. Хуан тут же вызвался сопроводить меня. Я изобразил на лице признательность и пообещал представить его знакомой фирме, сотрудничество с которой могло бы поправить его денежные дела. (Конечно же, я планировал передать его господину Чхве для допроса.)

— Забота старшего брата безгранична, как туман! — с поклоном отозвался Хуан Чжэлу.

Сравнение получилось глубже, чем он рассчитывал. Я напомнил себе, что следую стратагеме, но он своим братанием совершенно испортил мне настроение.

Выходить из города вечером — не то чтобы необычно, но как-то неумно, однако мне казалось, что, задержись я в Ю ещё хоть на сутки, и удача меня покинет. Не успели мы дойти до первой караульной башни, как я понял, что поторопился: идти было тяжело. Минхёк взял на себя все грузы, Хуан с независимым видом шагал впереди (странное поведение для «младшего брата»), и поддерживала меня Мэйлинь.

Когда уже стемнело, мы добрались до пещеры, оборудованной под стоянку, где неожиданно наткнулись на двух купцов, со слугами и охраной идущих на Дуншань. Одного из них я хорошо знал, это был господин Ким Пёнук, торговец редкостями, иногда навещавший моего отца, человек солидного возраста и комплекции. Второй, тоже Ким, но не родственник, был его товарищем. Они только что поужинали и готовились отойти ко сну, но ради нас продлили трапезу и беседу. Для слуг и охраны встреча оказалась приятней вдвойне, поскольку позволяла разбить ночные дежурства на меньшие отрезки, к тому же Хуан, хоть я и представил его торговцем, изъявил желание нести караул. В итоге каждому досталось чуть больше часа.

Первой в дежурство заступила Мэйлинь (разумеется, для молодого паренька Ли Цю скидок никто не делал). Во время бегства из Тайхо и путешествия в Сыту ей, конечно, доводилось это делать, но на всякий случай я решил составить ей компанию, и мы час просидели на войлочной скатке, смотрели в темноту и думали каждый о своём. А иногда, может быть, об общем. Следом за нами по жребию дежурил Минхёк. Хуану же достался последний час — перед самым рассветом.

Проснувшись утром, я узнал, что он пропал.

Никаких следов борьбы. Никаких признаков нападения. Ким Пёнук сказал, что, проснувшись из-за кошмара, видел, как юноша разминается перед входом в пещеру, отрабатывая эффектные фехтовальные выпады. Старик-торговец вновь силился заснуть, но, по собственным словам, хоть и пролежал до восхода с закрытыми глазами, так и не смог погрузиться в сон.

Пока мы завтракали, слуги обыскали весь островок, на котором располагалась пещера, но молодец из Ю пропал бесследно. Мысль о том, что он по неосторожности сорвался в туман, мы отвергли, тем более что исчезли все его вещи, бывшие в пещере. Кимы бросились было проверять свою поклажу, но их и наше добро всё было на месте, не хватало только сумки Хуана.

Я настоял на дальнейших поисках, но к полудню стало ясно: всё впустую. Нужно было двигаться дальше.

Если от Дуншаня до Ю мы шагали три дня, то путь обратно занял целую неделю. Раны вновь давали о себе знать, и волей-неволей приходилось делать частые привалы. Купцов такие темпы, впрочем, более чем устраивали: господин Ким Пёнук был доволен всякому поводу отдышаться и поесть. Затем, дожидаясь, пока Минхёк разотрёт мне ноги и грудь, они выкуривали по трубке и неторопливо из раза в раз обсуждали свои планы и юские слухи. Темы Пэк Ханыля старательно избегали, и это чувствовалось.

Все эти дни я корил себя за недостаток бдительности и огорчался, что не сумею привести дуншаньским дознавателям ценного, как мне казалось, человека. Позже я не раз вспоминал эти свои чувства и дивился прихотям судьбы. Тогда я не мог знать (да и не поверил бы), что, выполнив задуманную стратагему до конца, обрёк бы себя на гибель! Но об этом в свой черёд.

На подходе к Дуншаню я подумал, что не хочу быть свидетелем выговора, который учитель Яо в моём присутствии будет просто обязан учинить дочери, да и вообще что нам негоже будет вот так об руку (она продолжала меня поддерживать) вместе идти по улице и тем более таким порядком вернуться домой. Поэтому, миновав городские ворота, я попросил Мэйлинь и Минхёка идти домой без меня, а сам отправился с докладом к господину Чхве, благо время было самое подходящее — в четыре часа дня префект любил отдохнуть от совещаний и разбирательств и посидеть во внутреннем дворике с чашкой чая.

Он встретил меня очень тепло. Вне всякого сомнения, администратор Ли рассказал ему о моём провале в Ю и поделился мыслями о его последствиях, но в тоне и выражении лица господина Чхве не было ни малейшего укора. Обезоруженный и сокрушённый, я рухнул перед ним на землю:

— Ничтожный слуга не справился с заданием и подвёл вас!

Чхве поднял меня и ободряюще произнёс:

— Не нужно убиваться, мой мальчик. Бывает и такое. Не всякую битву можно выиграть, главное — не проиграть войну.

Он пригласил меня сесть за столик и собственноручно налил мне чая. Два или три раза, видя, что я хочу что-то сказать, он жестом

останавливал меня и наконец заговорил сам:

— Ты поступил самоотверженно, раздобыв тот портрет. Человек, который на нём изображён, пару недель назад объявился в Шато и вёл беседы с деревенским старостой и старшинами рудокопов.

— Вы его схватили?

Префект покачал головой. Действительно, что можно было бы из этого извлечь, особенно если он не сознается или сознается только под пытками? Ведь не предъявишь в качестве доказательства портрет без подписи, неизвестно где и когда найденный!

Из дальнейшей беседы следовало, что шатосцы, как и предсказывал Ли, под предлогом траура о погибшем Пэк Ханыле опечатали вход в шахту белыми лентами (если вдуматься, это само по себе возмутительное действие) и объявили, что прекращают добычу «черепашьего камня». Соглядатаи, впрочем, очень скоро нашли чёрный ход и установили, что по ночам работы на шахте продолжаются усерднее прежнего: руду в огромных количествах выносят на поверхность и развозят по тайникам. Но даже зная это, дуншаньский правитель не торопился изобличать преступление и проводить аресты. Его спокойствие и уверенность заставили и меня посмотреть на ситуацию иначе. Если с утра она казалась мне безвыходной, то теперь я видел множество выходов, требовалось лишь выбрать нужный.

Безусловно, шатосцы рассчитывали сбыть «черепаший камень» в самое скорое время, понимая, что долго эта вольница не продлится: рано или поздно префект, потеряв надежду их переубедить направит на шахты новых рабочих. Всячески желая отсрочить этот момент, они, общаясь с властями, воздерживались от дерзости и гнева и пытались создать впечатление, будто пауза имеет кратковременный характер. Можно было однажды нагрянуть с обыском и конфисковать эти тайники, а ещё лучше — перехватить весь товар при передаче его Хань Болину (за неимением другого имени обозначу его так), попутно арестовав и продавцов, и покупателей, — но в обоих случаях господин Чхве бесповоротно терял возможность восстановить отношения с Шато. Если же направить новых рабочих в шахты уже сейчас, не исключено, что окончательный разрыв с шатосцами (а может, и что похуже) произойдёт ещё раньше.

Многое зависело от того, ктó сделает первый шаг и нарушит видимость спокойствия, как и от того, когда состоится преступная передача «черепашьего камня» и удастся ли нам узнать о ней заранее.

— Кажется, до отправки новой партии в столицу остаётся полтора месяца? — сказал я.

— Пятьдесят дней, — ответил господин Чхве, отпивая из чашки. — Точнее, уже сорок девять.

Его слова словно пробудили меня от сна, и я неожиданно для самого себя спросил, нельзя ли ознакомиться с метриками деревни Шато.

Разумеется, все записи о рождениях, смертях и браках составляют старейшины кланов, но не реже чем раз в полгода копии метрических книг вместе с данными подворной переписи полагается направлять в префектуру.

Чхве словно только и ждал этого вопроса и незамедлительно приказал слуге принести соответствующие бумаги из архива. Мне достаточно было увидеть в них одно-единственное имя. И я его увидел. Согласно самым свежим отчётам, Тын Тэхён, пятидесяти четырёх лет, пребывал в добром здравии и держал небольшое хозяйство на окраине деревни.

— Господин префект, я постараюсь вернуть вам если не «черепаший камень», то хотя бы Шато, — сказал я.

Чхве улыбнулся:

— Постарайся, мой мальчик.

Прощаясь с ним, я спросил ещё о том, не появлялся ли в деревне человек с первого портрета — того, который предоставили Цзани.

— Нет, его не было, — ответил префект.

Я думал было рассказать ему о случае с Хуан Чжэлу, но, взвесив все «за» и «против», решил этого не делать.

Глава девятнадцатая. Три Линя пируют в корзине со сливами, доктор Ин берётся за работу

Следующие две с половиной недели прошли насыщенно. Несмотря на то что Чжан ещё суровее врача запрещал мне утруждаться долгими прогулками, я чуть ли не каждый день отправлялся в гостевую слободу.

План действий родился у меня не сразу. За месяц работы в архиве я, конечно, интересовался личными делами гостей, но тогда моё внимание привлекали удальцы Дуаня — их биографии, пусть и записанные порой с нарочитой сухостью, читались как приключенческие повести. Если бы для решения моей задачи требовался отчаянный головорез, я бы знал, к кому обратиться, а сейчас приходилось идти на ощупь. Мне мог бы помочь администратор Ли, который лучше всех моих бывших коллег разбирался в обитателях слободы, но за день до моего возвращения на Дуншань он убыл с поручением в Лиян.

Сам собой на ум пришёл Су Вэйчжао. Я не планировал излагать ему свои задумки, но одно его общество и образ мыслей, словно камертон, настраивали на холодные, чуть отстранённые рассуждения о мире.

В детстве мне доводилось видеть старинные чуские механические шкатулки в лавке неподалёку от храма Долгого Учения. На полке у витрины стоят бок о бок красные лакированные близнецы — ни рисунков, ни украшений, лишь на крышке красуются две горизонтальные строчки на неизвестном языке: символы словно повисли на двух стрелах, летящих параллельно друг другу. Мы с одноклассниками, снедаемые любопытством, толпились перед витриной, пытаясь в червячках-закорючках увидеть подсказку о содержимом той или иной шкатулки, но никогда не могли угадать. Зайти внутрь мы боялись. Антиквар был на редкость строгим и не терпел в своей лавке детворы, но иногда, сжалившись над нами,

подходил к полкам и открывал одно из своих сокровищ. Какие удивительные картины представали нашему взору!

…Вот возвышается замок, а рядом — разбойничий лагерь. Кузнец куёт наконечники для стрел, плотник готовит осадные лестницы, рослый разбойник с чисто выбритой головой проверяет остроту меча, больше похожего на тесак. Атаман отдаёт приказ, и начинается штурм. Лесное войско устремляется к серым стенам, в осаждающих летят булыжники, копейщики опрокидывают лестницы. Бритоголовому великану удаётся-таки добраться до самого верха, и вот уже на стенах идёт жестокая сеча. Но защитники держатся стойко. Меткий выстрел — и богатырь летит вниз. Атаман командует отступление…

…Вот двое влюблённых расстаются на мосту через ущелье. Мужчина горячо прижимает женщину к груди, потом отдаёт ей что-то — кажется, записку — и уходит, низко надвинув на глаза широкополую шляпу. Женщина смотрит ему вслед, утирая слёзы платком, а чуть поодаль облетают цветы на одинокой яблоне…

…Вот одинокий охотник на лесной поляне противостоит тигру. Хищник трижды обходит его кругом, но напасть не решается. Лук в руке человека распрямляется, и стрела точно попадает зверю в глаз. Тигр падает, но охотник не спешит к добыче. Он прислушивается — кажется, на подходе ещё один противник…

Волшебство длилось не больше минуты. Антиквар опускал крышку, и мы расходились.

Дома гостевой слободы чем-то были похожи на такие шкатулки. Глядя на ряды одинаковых стен, трудно угадать, чтó за ними: военное стрельбище, изысканный сад камней или кипящая работой мастерская. Сходство усиливалось ещё и оттого, что вместо списка жильцов, какой полагается вывешивать при входе, в слободе у ворот домов красовались стихи — и тоже по две строчки, правда, понятным китайским письмом. Авторство приписывали администратору Ли. Среди чиновников даже ходили слухи о том, что, если расположить двустишия в правильном порядке, проступит некая тайная история из его биографии. Работая под началом директора Чжуна, я и сам, признаюсь, без особого успеха тасовал строки. Так или иначе, на доме, где поселился Су Вэйчжао, были такие:

Колокол дрогнет на пике Босу — слышит его Цзяоли.
Дрогнет сердечко любимой моей — слышу на крае земли.

Здесь, как и у меня, он жил в левом флигеле, разве что с надстройкой под кабинет-библиотеку, где я и застал беглого архивариуса за работой. Он, кажется, был рад моему визиту и предложил выпить чаю тут же, не спускаясь на первый этаж. Я бросил взгляд на его рабочее место. На небольшом письменном столе было не развернуться. Помимо «четырёх сокровищ учёного», здесь стояло три кожаных ящика для бумаг. Перед столом на некотором отдалении располагался широкий пробковый мольберт, на котором булавками в самой прихотливой конфигурации крепились несколько листов, исчёрканных и исписанных в видимом беспорядке — я без труда узнал документы из Тайцзина. На их перекрестье, переходя с листа на лист, из хаоса рождался осмысленный чертёж с текстовым комментарием. Я увидел огромный пузырь, накрытый сетью, к краям которой, внизу, крепился продолговатый короб. Су перехватил мой взгляд и с самодовольным видом ждал вопроса, и я не мог его не задать.

— Что это?

— Летающая лодка.

Сердце замерло у меня в груди. Неужели та самая, о которой я грезил всё детство? Собеседник быстро меня успокоил: такая конструкция позволяла путешествовать по воздуху над туманом, но никак не могла достичь небесных стран. Когда-то Первый Лидер при помощи подобных лодок хотел разыскать в соседних горах другие группы уцелевших и, если им не требуется помощь, установить с ними воздушное сообщение, но более насущные вопросы и нехватка материалов заставили отложить задумку до лучших времён.

— Проект полежал на полке, а потом о нём успешно забыли, как обо всём в нашей стране, — сказал Су Вэйчжао. — Я как раз завершил его описание, и как удачно вы сегодня пришли! Не сочтёте за дерзость, если я попрошу вас передать пакет с чертежами господину префекту?

И он подал мне один из ящиков со стола. Я перебрал лежащие там бумаги. Всё это было в высшей степени интересно. Документы весьма подробно излагали принцип передвижения воздушного средства, описывали, как и из чего его надлежит соорудить и как управлять им в длительной экспедиции. Последний лист завершался просьбой скопировать рукопись и сжечь оригинал. Вчитывался я не дольше, чем позволяли приличия, но глазами пробежал всё.

— Пожалуйста, проставьте на каждом листе печать и отметку о просмотре, — продолжил Су.

— Зачем? Вы опасаетесь какого-то подлога?

— Ни в коем случае, — сказал он и, чтобы снять мои подозрения, сам поставил на каждом листе оттиск своей личной печати.

Я последовал его примеру, но всё же попросил разъяснить причину столь необычной просьбы.

— Всё просто, — ответил Су, заворачивая документы в кусок ткани. — Я использую не тушь, а особо приготовленные чернила. Через неделю всё, что я написал и нарисовал, исчезнет, и мне не хотелось бы, чтобы господин префект сердился на меня, увидев чистые листы.

— Но зачем вам всё это?

— Во-первых, с копиями на Дуншане не должно произойти то же, что и с оригиналами в Оплоте Державного Знания. Я хочу, чтобы моим трудам уделили достаточное внимание — пусть их по крайней мере перепишут. А во-вторых, я не знаю, как повернётся жизнь. Возможно, сюда доберутся ищейки Шэнов, и я не желаю, чтобы им на глаза попались копии строго секретных документов, выполненные моим почерком. Если меня решат судить, пусть судят только за незаконное бегство из столицы. — Он перетянул пакет тесьмой и в нескольких местах проставил печать. — Это всё тоже исчезнет.

Мы выпили ещё по чашечке чая. Я не знал, как относиться к позиции Су Вэйчжао, но упрекнуть его мне было не в чем. Во внутреннем дворе заиграла лютня, и я завёл разговор о соседях, с которыми он делил этот дом. Су поёжился:

— В таком соседстве поневоле задумаешься о себе самом и о том, как тебя оценивают. Знаете, как слива, которая считала себя персиком, пока не оказалась в корзине со сливами.

— Ну, а в вашей «корзине» что не так?

Он поднялся и, заложив руки за спину, подошёл к окну:

— Это корзина людей, достойных сожаления. Вон на циновке под рябиной щиплет струны Линь Хуаши, посредственный музыкант. Пройдёт ещё немного времени, и к нему присоединится Линь Мо, посредственный писатель. Они любят на пару выпивать в саду. Иногда в гости к ним захаживает ещё один Линь — Цзандэ, живописец и тоже посредственность, прекрасно дополняющая собой эту корзину. Кого я

забыл? Есть ещё доктор Дяо, но это даже хуже сливы, это откровенная гниль. Шарлатан и маразматик.

— Говорят, он талантливый медик, способный за пару секунд определить болезнь по радужной оболочке.

Су фыркнул:

— За пару секунд он наговорит вам отборной чуши, не беспокоясь даже о том, чтобы запомнить собственный бред. Если вам скучно, обратитесь к нему, он и у вас найдёт с десяток заболеваний.

— Это немудрено. Как видите, я теперь хожу с тростью.

— Будьте покойны, он диагностирует у вас что угодно, кроме хромоты, а если вы тут же не ретируетесь, то и навяжется с лечением.

Я немного помолчал, а потом сказал, что, если ему не по душе такие соседи, я попрошу господина Чхве найти в слободе другой дом.

— Пока не утруждайтесь, — улыбнулся архивариус. — Для моей нынешней работы это весьма спокойный уголок. Лини заняты друг другом, а доктор Дяо староват для вторых этажей. Лучше передайте господину правителю чертежи.

Он проводил меня до ворот и напоследок ещё раз повторил эту просьбу. Не успел я дойти до конца улицы, как меня окликнул и догнал

плотный мужчина с красноватым мясистым лицом, ухоженными усиками и лисьими глазами.

— Мы незнакомы, но я услышал ваше имя от сударя, с которым вы только что попрощались, — сказал он. — Просто чудо, что я целый месяц пытался застать вас дом, а встретил вот так случайно посреди улицы.

Это был вэйский Лю Яньтай, над чьей визиткой я ломал голову до убытия в Ю. Место для разговора было неподходящее, да и пакет с чертежами словно жёг мне руку, поторапливая к господину Чхве, и я пригласил его к себе на ужин.

Последующая беседа с префектом и несколько часов кропотливого изучения личных дел в гостевом архиве выбили из головы нового знакомого, и я не вспоминал о нём до вечера, когда он возник на пороге моего дома. Когда мы устроились в гостиной и покончили с дежурными вступительными темами, он тяжело вздохнул:

— Как жаль, что я не застал в живых вашего уважаемого отца! Я не знал его лично, но, со слов моего патрона, это был человек исключительных дарований.

— На кого же вы работаете? — полюбопытствовал я. — Возможно, мне известно его имя?

— Драгоценное имя моего благодетеля — Цзи Фэйань, но вам он, наверное, больше известен как Вэйминьский князь.

После обстоятельного рассказа учителя Яо мне казалось, что у отца уже не осталось для меня сюрпризов, — и напрасно. Вэйминьский князь, императорский дядя, младший сын государя Зодчего, был живой легендой. Талантливый полководец, справедливый руководитель и нелицеприятный царедворец, он вселял трепет в чиновников и простолюдинов. И хотя он уже давно отошёл от дел, предпочитая столице своё поместье Баопин, его по-прежнему называли одной из опор государства.

Зная всё это, я сейчас изумлённо слушал рассказ о том, что в юности мой отец был не просто знаком, но дружен с Вэйминьским князем, и, возможно, вся его жизнь повернулась бы совсем иначе, если бы не случайная ссора, навсегда разлучившая двух друзей. О причинах ссоры Лю не говорил (и, возможно, не знал). Наверное, именно после этого эпизода отец сблизился с Яо Шаньфу и отправился в длительное путешествие по стране. Так или иначе, у Цзи Фэйаня не было

возможности даже попросить прощения, о чём он «сердечно сокрушался». Позже он выяснил, что старый друг поселился на Дуншане, и несколько раз хотел ему написать, но не находил нужных слов. Но вот наконец представился и повод.

— Ваш отец когда-то проявлял интерес к предметам ранних лет горной страны, в частности к Звёздной Цитре, принадлежавшей Первому Лидеру, — господин Лю расплылся в улыбке. — Недавно Сын Неба, пригласив моего благодетеля в столицу, подарил ему этот чудесный инструмент! Увы, ваш отец не сможет насладиться его видом и звучанием, но если вы разделяете это увлечение, безусловно, и вам в Баопине будут рады.

Я с благодарностью принял приглашение (вся эта история взволновала и заинтересовала меня), но не мог не задать вопроса. Неужели Вэйминьский князь отправил в область Янь своего поверенного только затем, чтобы сообщить о цитре? Ведь он, как и отметил мой гость, вполне мог ограничиться письмом.

— От вас ничто не укроется, — ответил Лю. — У моего прибытия две цели. И, боюсь, мне придётся просить вас о содействии. В своё время ваш отец с моим благодетелем вместе посещали уроки мастера Шангуаня, непревзойдённого знатока философии и фехтования. Впоследствии тот стал наставником Сына Неба, но из-за придворных интриг и засилья клана Чжэ (хорошо, что мы от них избавились!) удалился из столицы, не взяв в дорогу ничего, даже собственное имя оставил в прошлом. Вэйминьский князь попытался его разыскать и — представьте себе! — следы опять-таки привели на Дуншань! Но вот беда: за столько дней я не смог даже найти здесь мастера Шангуаня, не говоря уже о том, чтобы убедить его отправиться со мною в Баопин, где благодарный ученик окружит его великим почётом.

Мне самому фамилия Шангуань ни о чём не говорила. Я подумал, что правильнее всего в такой ситуации было бы прибегнуть к посредству администратора Ли, когда тот вернётся из Лияна, — но Лю Яньтай сделал отрицательный жест руками: оказывается, несколько дней назад он и сам обратился к Ли, тот как будто даже понял, о ком идёт речь, и вызвался передать записку, однако уже на следующий день сообщил, что мастер Шангуань доволен жизнью в безвестности и невостребованности и не намерен покидать Дуншань.

Иными словами, Вэйминьский князь предлагал мне сокровище за сокровище. Я поймал выжидающий взгляд Лю и сказал, что постараюсь сделать всё, что в моих силах, а он может со спокойной совестью возвращаться в Вэй. Поверенный приложил руку к груди:

— Поистине нежданная радость под ветхой крышей!

Я прежде не встречал такого присловья и полушутя спросил, что же не так с крышей моего дома. Лю рассмеялся и помог мне выйти из неловкого положения:

— Вы ведь помните рассказ о торговце, который отдал все деньги, чтобы уплатить долг бедной вдовы? Ему пришлось перебраться из усадьбы в лачугу, а наутро на её стене проступили слова о скрытом в лесу разбойничьем кладе. Так и ваше обещание для меня словно клад после бесплодных недель пребывания на Дуншане.

— Мои обещания касаются грядущего, — ответил я, — а вы уже сейчас сделали меня богаче на целую идиому, так что я ваш должник.

И не только на идиому. Эта беседа — и именно история поговорки, рассказанная вскользь и напоследок, — стала для меня ключом к полуденному разговору с тайцзинским книжником.

劉岩大代理魏峪口縣
魏峪口縣

Через два дня я посетил одну из жемчужин гостевой слободы — химическую лабораторию, о которой упоминал судья Цао. А тем, на кого он намекал как на изготовителя яда, погубившего несчастного Пэк Ханыля, был её руководитель, доктор Ин Юэу, в этот раз самолично встретивший меня в воротах. Разумеется, он был настроен говорить именно о яде и несколько растерялся, когда я сказал, что пришёл побеседовать о чернилах.

Мы прошлись через передний дворик до гостиной — своеобразного рубежа между дозволенным и запретным. Если в некоторые дома слободы я легко заходил, будучи школьником, а в другие — будучи чиновником седьмого ранга, то внутренности лаборатории мне (в отличие, кстати, от того же Цао) повидать так и не довелось.

— Чем же вас привлекли чернила? — спросил Ин Юэу. — И чем не угодила тушь?

— Меня интересуют такие чернила, которые со временем исчезают. Но ещё больше — те, которые изначально невидимы, а затем проявляются на бумаге.

— Уж не читаете ли вы «Предания низин»? — усмехнулся химик.

Память моя словно рассмеялась вместе с ним. Да, конечно, всё то, до чего я с таким трудом додумался, было в книге, которую отец читал мне по вечерам. «Предания низин» — собрание драматичных сюжетов эпохи воюющих равнинных государств. Упомянутый доктором Ином эпизод относится к так называемому «Журавлиному кодексу», повествующему о подъёме и крушении державы Ланхуа. Её последний правитель, генерал Цзотэн, опасался распри между сыновьями, вокруг которых к закату его жизни сплотились две партии офицеров, и на смертном одре надиктовал секретарю завещание. Внимательно его перечитав и убедившись, что всё записано в точности, он заверил его печатью и до последнего вздоха держал в руках. Слуги, слышавшие, чтó диктует полководец, известили старшего сына, что завещание составлено в его пользу. Тот созвал родню и представителей обеих партий, с торжественностью извлёк бумагу из рук отца и поручил брату при свидетелях её зачитать. Каково было его изумление и негодование, когда оказалось, что завещание провозглашает наследником младшего сына! Посыпались взаимные обвинения. Держава разделилась надвое, а с гибелью обоих сыновей Цзотэна —

на десяток осколков. Виною же всему был подкупленный секретарь: он записал слова генерала исчезающими чернилами, а между строк втиснул иные условия — чернилами, которые со временем проявляются. Умирающий и не подозревал, что текст в его руке сам собой меняется на противоположный.

Да, наши легендарные предки и их современники были умельцами по части стратагем и арсенал имели не в пример богаче нашего. Но я поспешил уверить Ин Юэу, что вопрос мой лежит в практической плоскости: можно ли создать чернила, которые вот так же проступят на бумаге без человеческого участия?

Доктор Ин кивнул.

— Но на это потребуется время, — добавил он. — Дней десять, никак не меньше.

Десять дней я вполне мог подождать. В моём плане отсутствовало ещё несколько элементов, требовались изыскания, но я, вернувшись к просмотру личных дел, сам не заметил, как переключился на поиск таинственного мастера Шангуаня.

Для удобства досье в гостевом архиве условно разделялись по цвету. Те, кто годился по гражданской части, получали чёрный корешок, пригодным по военной полагался красный, негодным и бесталанным — зелёный. Смотревшая из-под корешка серебристая тесьма-закладка, указывала на человека особой ценности. У чёрных папок администратора Ли их было как хвостов у тысячелетней лисицы. Красное досье капитана Дуаня могло похвастаться одной закладкой, а, скажем, у Бао Бревна не было ни одной. Разносторонность наставника государя делала равно возможным его нахождение и среди «чёрных», и среди «красных». Я для приличия заглянул в картотеку, но людей по фамилии Шангуань там не было вообще — после Дяо сразу шёл Юй. Разумеется, он жил инкогнито, и оставалось только перебирать личные дела.

Для начала я выбрал досье богаче прочих на закладки — недаром же Вэйминьский князь так высоко ценил своего ментора. Затем отсеял тех, кто, на мой взгляд, не подходит по возрасту. Любой из оставшихся мог теоретически быть Шангуанем, но в биографиях и приложенных оценках меня постоянно что-то смущало. Я побывал у подопечных Дуаня и разузнал имена всех учителей фехтования. Я запросил в управлении образования список преподавателей философии. И никто

из названных людей мне не подходил. И не мог подойти! Лишь к исходу четвёртого дня поисков, вконец окосев от чтения личных дел, я понял, где допустил ошибку.

Я искал Шангуаня среди ярких и полезных обитателей слободы, в то время как поверенный императорского дяди, пересказывая ответ администратора Ли, дал понять: беглец наслаждается жизнью, в которой его таланты никем не признаны. Тогда и только тогда я впервые обратил внимание на зелёные корешки. Каких только людей не было среди непригодных и бесполезных! Потомки прославленных родов, люди с внушительными послужными списками, скромные неумехи и самозваные гении (среди них, отдам должное Су Вэйчжао, были все три собутыльника Линя).

Я открывал эти досье и каждый раз встречал нового, неизвестного мне человека. Ни с кем из «зелёных» я прежде не разговаривал. И внезапно наткнулся на имя, которое хорошо знал — Юань Мин, «господин Белая Шляпа». В моём раннем детстве этот седобородый человек приходил в наш дом так часто, что я называл его «дедушкой». Отец подолгу с ним разговаривал — и в моём присутствии, и наедине. Но всё, что сообщала мне папка — это то, что господин Юань «старчески слаб телом и умом, к полезной службе не пригоден». У меня почти не оставалось сомнений: я нашёл того, кого искал.

Глава двадцатая. Беглянка из Тайхо рассказывает о прошлом; творческие люди ведут поединок, не видя друг друга

Разрабатывая схему относительно шатоских рудокопов, я выискивал способ не включать в неё Минхёка: манипулировать им я не хотел, а рассказать всё начистоту опасался — но он слишком удачно вписывался в мозаику стратагемы, чтобы обойтись без него. За день до того, как в архиве отыскалось досье Юань Мина, я подсказал верному слуге адрес Тын Тэхёна и разрешил несколько дней погостить у него в Шато. Минхёк был тронут таким проявлением заботы. Я попросил его ничего не рассказывать обо мне и время от времени появляться у меня и сообщать об общих настроениях местных жителей. И на следующий же день получил подтверждение: деревня кипит негодованием и поддерживает видимую благонадёжность, только чтобы больнее отомстить господину Чхве.

Ночью меня разбудило тихое пение на заднем дворе. Я мгновенно оделся и вышел к беседке. Мэйлинь в белом платье стояла, опершись на перила, и смотрела на Лазурную луну.

Вижу я тропу, что унесла желанного.
Хищными туманами рощи поросли.
Умерла с тобой, да не родиться заново.
Гаснет песня, гаснет сердце, гаснут цвета земли.

В школе нас хорошо обучали музыке, но мотива, на который пела Мэйлинь, я не знал. Услышав мои шаги, она замолчала.

— Что это за песня? — спросил я.

— «Элегия Чуской поймы», — ответила она, не оборачиваясь. — Я услышала её от отца.

— А он, наверное, узнал её в странствиях, — зачем-то вслух произнёс я.

— Нет. Он родом из Чу. Когда там стали преследовать китайцев, многие бежали через линию фронта в Юэ, но там им приходилось ещё хуже — императорские генералы в каждом видели шпиона. А отец вместе с друзьями пересёк пойму — по той самой тропе, о которой поётся в песне, — и добрался до востока области Хань.

Чуская пойма — это заросшая тростниковыми рощами низина, которая стелется от ущелья Южного Ветра до Юэской впадины, своеобразная естественная граница между империей и её отколовшейся областью. Следуя прихотям лун, она то и дело затягивается пеленой тумана. Он наступает так быстро, что укрыться почти невозможно, и всё же в любые времена находились охотники исследовать эту местность. Кто искал врата в мир духов, проход через которые дарует сверхъестественные способности; кто верил, что на редких вершинах над морем тростника живут бессмертные мудрецы, способные исполнить любое желание просителя; кто шёл за сокровищами, якобы укрытыми в пойме со времён великого бедствия. Рассказывали разное. Искатели приключений уходили и гибли. Но были и другие слухи — о витиеватом пути, который сам спасает тех, кто ему доверился. Чуть собьёшься или замешкаешься — достанешься туману; но, твёрдо шагая потайной тропой, можно пройти всю пойму живым и невредимым меньше чем за две недели.

Я зашёл в беседку и встал рядом с Мэйлинь.

— Прости, что вот так сбежала в тот день и всех вас растревожила.

— И ты меня прости, — сказал я, имея в виду мою выходку в юском ломбарде.

— Я очень хотела помочь тебе и отцу, — добавила она.

А чего хотел я? С языка вдруг сорвалось:

— Расскажи о деревне Тайхо.

Мэйлинь посмотрела мне в глаза и некоторое время мы стояли молча, просто глядя друг на друга. Я про себя отметил, что, несмотря на рубленые черты, она действительно красива. Особенно при Лазурной луне. Наконец она заговорила, всё так же пристально глядя мне в глаза:

— Там было хорошо и спокойно. Мы жили бедно и не всегда ели досыта, но это было лучшее место на свете. Мне иногда становилось обидно, что отец тогда укрыл нас в тумане. Я думала: лучше уж мне было бы отправиться в «дикий край» с подругами, уж я бы нашла, как

всем устроить побег. А иногда думалось: лучше бы я погибла, как мой Дэшэн.

В Тайхо у Мэйлинь был жених — соседский парень Чжуан Дэшэн. Когда ему было семь, а ей пять, он прислал к учителю Яо сватов — двух приятелей, которые торжественно вручили пойманного на заднем дворе гусёнка и с ним неряшливую записку, составленную, впрочем, по всем правилам свадебного ритуала. Яо посмеялся, гусёнка принял, исправил в записке ошибки и, чтобы не нарушать игры, передал юному жениху ответный дар — кулёк сушёных ягод. Но Дэшэн относился к делу куда серьёзнее. Мэйлинь стала его невестой — и дело с концом. Он дрался за неё с местными сорванцами, дарил ей цветы и писал неуклюжие стихи на двойное полнолуние, а в шестнадцать лет притащил гадателя, чтобы тот выбрал подходящий день для свадьбы. Услышав от гадателя, что сочетание стихий и чисел неблагоприятно, он отправился в город и нашёл там даоса, который долго крутил и вертел гексаграммы и наконец возвестил, что союз может быть счастливым, если заключить его в день двадцатилетия Мэйлинь.

За неделю до назначенной даты на Тайхо напали разбойники.

Чжуан Дэшэн видел, что Яо пытаются спастись, и решил прикрыть их бегство. Последним, что видела девушка, покидая деревню, стала сцена драки её жениха с тремя головорезами. Тяжёлым цепом он уложил двоих, третий проткнул его мечом насквозь.

Все слова, которые, быть может, созревали в моём сердце последние недели, разом оказались пустыми и неуместными.

— Хотела бы я быть такой, как мой отец. Для него эти ужасы остались в прошлом. Сейчас он дни и ночи напролёт сидит в кабинете и переписывает содержимое «индийских гранатов».

Я с благодарностью ухватился за эту тему:

— Он понимает, что там написано?

— Отчасти. Многое там написано наречием, которым некоторые в Чу пользуются до сих пор, — Мэйлинь словно повеселела. — Помнишь мои записки на лентах? Они написаны их знаками, только слова китайские.

— Научишь меня?

— Завтра, — кивнула она. — Приходи сюда вот так же.

Её взгляд снова устремился к луне, и я понял, что буду лишним в их диалоге.

Наутро после совещания у префекта я опять пошёл в слободу, на этот раз к Юань Мину. Дом, в котором он жил, был, наверное, самым большим из гостевых, но основную площадь занимал кропотливо обустроенный внутренний двор с высокой насыпью, символизирующей даосскую гору бессмертных. По её склонам петляли тропки, рос клочковатый кустарник и стояли столбики истуканов, а на вершине располагался серебристый бельведер, заметный даже с улицы. По этому же адресу жил художник Линь Цзандэ по прозвищу Отражённый Феникс, о котором говорил Су Вэйчжао. И вообще обитателями дома — я проверял — значились исключительно обладатели зелёных досье, и все в преклонном возрасте. Даже удивительно было видеть у ворот романтические строки:

Грозы весенние — гимны любви. Строками ветер зовёшь:
Пламя лампады, как розу, сорви и пронеси через дождь.

Узнав, что я пришёл к господину Юаню, слуга повёл меня на вершину горы. Мы шли, наверное, самым длинным серпантином, и я успел приметить человек пять сморщенных стариков, сидящих у кумиров в позе для медитации.

Юань Мин в бельведере в одиночестве пил вино.

Он был точно таким, каким я его запомнил, и как будто весь состоял из белого цвета: светлое лучистое лицо, белоснежные волосы, усы и борода, белый халат, подпоясанный белым же поясом, и, конечно, выцветшая широкополая соломенная шляпа, которая в детстве особенно привлекала моё внимание. Здесь, на вершине, он походил на небожителя, который отмедитировал своё и теперь позволил себе расслабиться.

— Шаодай, ты ли это? — от этих его слов я невольно улыбнулся, вспомнив историю, которую он когда-то частенько мне повторял.

За горами, за лесами, за дощатыми мостами, где низины, и камни, и ядовитый туман, ползает, не видя солнца, чудесный зверь шаодай. Размером он меньше кошки, на спине носит панцирь вроде черепашьего, живёт тем, что поедает белый мох и прячется от гуйшэней, и не ведает сам, какой силой обладает. Но приходит срок, и

малютка-шаодай засыпает на несколько лет — а просыпается крылатым драконом, властелином пяти стихий. Говорил ли я когда-нибудь «господину Белой Шляпе» о том, как меня смущает собственный рост? Откуда он мог знать, что однажды для меня наступит трёхлетний сон, после которого начнётся жизнь, совсем не похожая на прежнюю? И всё же, приходя в наш дом, он нет-нет, да говорил мне: «Помни, шаодай, крыло дракона закрывает солнце».

— Я уж думал, больше тебя не увижу. Раньше твой отец приглашал меня в гости, потом сам иногда проведывал, а нынче словно забыл. Уж не гневается ли за что?

На похоронах отца мне казалось, что о его смерти знает весь город. Возможно ли, что не знал Юань Мин? Впрочем, в его досье особо говорилось, что вот уже десять лет, как он не бывает на улице. Я почтительно поклонился и сказал, что отец три с лишним года как умер. Старик секунду выглядел потрясённым, затем сказал как будто самому себе:

— Да. Да… Так и произошло, — и добавил уже для меня: — Он сейчас, наверное, радуется, глядя на тебя. Ты стал очень на него похож, а судя по одеждам, успел себя проявить на гражданской службе. Но не путай успех с предназначением. В тебе остаются нераскрытые таланты.

Он жестом пригласил меня сесть. Конечно, было бы неуместно и подозрительно сейчас, вскоре после вылазки Лю Яньтая, заговаривать о прошлом и напоминать о Вэйминьском князе. Хватало и разговора на отвлечённую тему.

— Да есть ли те, кто раскрыл свои таланты полностью? — спросил я.

— Есть люди немногочисленных умений, и им, естественно, проще отточить их до совершенства.

— И всё-таки, — я непроизвольно вывел беседу в нужное мне русло, — кому, например, из художников, это удалось? Раскрылся ли великий Ло Вэйфань?

Господин Юань задумался.

— Мне трудно судить, — наконец произнёс он. — Возможно, если бы я жил во времена мастера Ло и был с ним знаком, ответ пришёл бы сам собою. Но сдаётся, что он был способен на большее. А вот,

например, мой сосед Линь раскрылся, и блестяще! Не угодно ли посмотреть его работы?

Оставив недопитое вино, мы спустились к левому флигелю, на двери которого красовался вычурно стилизованный иероглиф «Линь». Юань Мин несколько раз окликнул соседа, но никто не ответил. Художник по своему обыкновению отправился бражничать с однофамильцами.

— Нестрашно, — сказал мой собеседник. — Давай просто пройдёмся.

И мы сделали круг по опоясывающим двор галереям. Всё это время «господин Белая Шляпа» хранил строгое молчание, а я, не решаясь задавать вопросы, поглядывал на него и не сразу обратил внимание на картины, развешанные по стенам галерей. Печати в углу указывали на авторство Отражённого Феникса, но я никак не мог отделаться от мысли, что всё это уже видел раньше — и у кого-то другого. Уроки истории искусств не прошли даром, и теперь я без труда угадывал фантастических птиц Ван Фу, парящих над водопадами Ло Вэйфаня, и конные процессии циньских полотен, выезжающие из яньских замков Хань Хао. Когда мы вернулись к двери с иероглифом, Юань Мин сказал, что я увидел достаточно, чтобы составить собственное мнение. Я набрался смелости и честно ответил, что мнение моё невысоко.

— Это потому, что ты искал талант, которого нет, и не оценивал того, который есть, — с тёплой улыбкой заметил господин Юань. — Ты, конечно, увидел, что в работах Линя отсутствуют собственные находки. Он копирует, но ты бы знал, как он копирует!

Линь Цзандэ обладал феноменальной памятью, уверенной рукой и превосходным чувством кисти. Беглого взгляда на чью-то картину — в цвете или монохроме — хватало ему, чтобы оставить в сознании её оттиск и разложить на мельчайшие линии, которые он впоследствии воспроизводил как бы механически — как музыкальный аппарат (я видел такой в бэйлунской коллекции Лю Эрфаня) воспроизводит мелодии, записанные на металлических пластинах. И как человеку, который извлекает звук из аппарата, не нужно его видеть или слышать — достаточно равномерно крутить ручку, — так мастеру Линю не требовалось смотреть на лист бумаги. Юань Мин не раз наблюдал, как он рисует в бельведере безлунной ночью без светильника и словно получает от этого особое удовольствие.

Последний элемент головоломки был найден, оставалось пристроить его на место. Я не знал художника лично, но за пару дней навёл о нём справки и выяснил, что человек он амбициозный и вспыльчивый, а как следствие неуживчивый и нелюбимый окружающими. Некоторые провозглашали его полной бездарностью, другие (чьё мнение для меня было особенно ценным) признавали за ним выдающийся талант копировальщика, но все единодушно говорили, что Линь Цзандэ — спесивый невежа, который попусту берётся шить своё из чужих лоскутков, а потом негодует, встречая укор вместо рукоплесканий. Впрочем, это не сильно его смущало. Считая, что настоящий мастер всегда гоним, он довольствовался обществом собутыльников, почитая их настоящими ценителями искусства, а прочих — бессмысленным отребьем.

Особую неприязнь к Линю питал мой школьный учитель по прозвищу Ядовитый Тан, слабый живописец, но изрядный знаток картин. Я подгадал время и встретился с Таном в чайной, а в разговоре невзначай обронил имя Линь Цзандэ. На меня тут же хлынул поток сомнительных острот относительно художника и его произведений. Дав учителю выговориться, я заговорщицки сказал, что придумал сыграть со старым фанфароном шутку и выставить его на посмешище. Глаза Ядовитого Тана заблестели:

— Отличная мысль! Не знаю, чем он и вам успел насолить, но проучить эту отражённую в луже курицу следовало давно! Я как-то могу вам помочь?

— Я устрою банкет и приглашу на него вас и других талантливых людей, а также Линя. Вы обяжете меня, если, затеяв с ним ссору, вызовете его на творческий поединок.

Тан заёрзал.

— Не волнуйтесь, ведь это только прелюдия, — успокоил его я. — Дуэль окончится для него бесславно, и я уже знаю, как всё устроить.

Учитель посмотрел на меня с сомнением и молча осушил две чашки подряд. Я рассмеялся:

— Бояться нечего! Он будет посрамлён навсегда и даже забудет называть себя художником! Впрочем, если вы опасаетесь или сомневаетесь во мне…

— Ну что вы! Я согласен! — ответил Тан и тоже рассмеялся.

Конечно, ему хотелось знать подробности моей затеи, но я дал понять, что они связаны с моим нынешним положением помощника префекта и затрагивают темы, о которых лучше молчать. Ядовитый Тан понятливо кивнул, и мне стало даже грустно видеть, на какое безумие даже убелённый сединами человек бывает готов ради злобы. Мы обговорили, что и как ему следует сказать и расстались — всё с тем же смехом.

В положенный срок я разослал приглашения дюжине человек и заказал лучший зал в ресторане господина Муна, что напротив гостиницы «Цветы востока». Этот, по сути, незначительный эпизод моего плана дорого бы мне обошёлся, но я знал, что Мун, глубоко уважавший моего отца, принципиально не станет брать с меня денег, кроме как за вина и закуски. После моего вступительного слова (даже не вспомню, какой чепухи я тогда наговорил, — кажется, похвастался грядущим приобретением великого шедевра и объявил, что теперь буду собирать этот кружок регулярно) собравшиеся повели неспешную беседу, в основном ненавязчиво нахваливая если не собственные работы, то темы, которым они посвящены.

Когда слово взял Линь Цзандэ, Ядовитый Тан улучил подходящий момент и весьма резко его оборвал, сказав, что в собрание творческих людей втесался кто-то лишний. Мастер Линь вскипел и высказался в духе того, что среди собравшихся искусство понимает только он один. Градус перепалки вырос стремительно. Кто-то очень удачно подбросил со стороны реплику о том, что Отражённый Феникс способен лишь копировать чужое, но не творить своё, и учитель Тан изящно завершил дебют заявлением о том, что и копировать его оппонент не умеет:

— Если хотите знать, даже я, ничтожный, делаю это лучше него.

Линь опешил, потрясённый такой наглостью. Не дожидаясь, пока он соберётся с мыслями, я понимающе сказал, что среди служителей искусства разногласия нередки, и предложил в нашем кругу улаживать их не горячими словами, но делом — например, путём состязания между ним и Таном. Послышался одобрительный гул, Ядовитый Тан энергично закивал, а мастер Линь, злобно оглядываясь по сторонам, спросил насчёт судей, имея в виду, должно быть, что достойных не видно. Я тут же ответил, что на правах хозяина готов судить сам, и выразил надежду на то, что моя честность не вызовет ни у кого сомнений. Наверное, пару месяцев назад я услышал бы в свой адрес немало колкостей, но сомневаться в помощнике префекта было себе дороже, и Линь почтительно склонил голову.

Мы тут же обговорили условия. Местом состязания была выбрана часовня Первоначал — изящная, пусть и заброшенная загородная деревянная постройка, которую я обязался в ближайшие дни привести в порядок. Поскольку дуэлянты на дух друг друга не переносили, я предложил им явиться не сразу, а друг за другом — в одно и то же время, но с разницей в один день. Чтобы итоги не зависели от знакомства художников с чужими картинами, я обещал предложить в качестве оригиналов собственные этюды: чёрно-белые пейзаж и портрет. Учитель Тан тут же пожелал рисовать не на ткани, а на бумаге, и не тушью, а чернилами, причём вслепую, и это предложение было принято, как и своевременная просьба Линя обойтись без свидетелей.

Пока плотники и маляры занимались часовней, я получил весточку из лаборатории: Ин Юэу подготовил для меня внушительный флакон невидимых чернил и объяснил, как ими пользоваться. Из интереса я сам попробовал написать тайное послание, должен сказать,

получилось недурно — написанный вечером текст, потемнел только утром, а без контакта со светом и воздухом, по словам доктора Ина, мог оставаться совершенно невидимым несколько дней. В торговых рядах я приобрёл несколько одинаковых кистей и бутылочку чернил — теперь уже самых обычных. В качестве образца пейзажа сгодилось моё собственное подражание классикам. А за образцом портрета пришлось обратиться к префекту.

От Минхёка я знал, что ситуация в Шато накаляется. Приближался сорок девятый день со дня гибели Ханыля. В приделе деревенского святилища духов-покровителей обустраивали алтарь для последней беседы (обычно такой готовят в доме покойного), рядом рудокопы выставили сменный караул из добровольцев. По улицам слонялись даосы с колотушками, распевающие о возмездии духов, а вечерами в доме старосты проходили какие-то тайные сборища. Когда я с послеобеденным визитом явился к господину Чхве, тот — как всегда невозмутимо — сообщил мне, что партию «черепашьего камня» готовятся передать незаконным покупателям через два дня, в ночь.

— Ты успеваешь со своей стратагемой? — спросил он.

— Нет, — честно ответил я. — Опаздываю на несколько часов.

— Очень жаль, — господин Чхве подвинул мне блюдо сушёной черешни. — Вероятно, следует применить силу и во время передачи арестовать тех и других.

— Это зависит от того, которая из двух фигур для вас важнее — и насколько вы готовы рискнуть, чтобы сохранить обе. Если вы разменяете Шато на поимку преступников, вы сохраните «черепаший камень», но потеряете деревню. Если позволить преступникам улизнуть, можно перехватить их с грузом на горных дорогах и сохранить Шато.

Префект удовлетворённо кивнул, и я добавил, что для выполнения плана мне нужно получить все рисунки, сделанные Пэк Ханылем. Вызванный слуга тут же принёс ящик из архива, я получил на руки пухлую папку, но, едва её раскрыв, был разочарован: в ней оказались копии. Чхве строго на меня посмотрел, но всё же подал оригиналы. Я легко нашёл юский портрет, а также выбрал карикатуру, где отчётливо по-корейски было выведено: «Убийца». Эту надпись мне очень хотелось перенести на шёлк; я бы сделал это сам, но опасался исказить

почерк. Префект, узнав о моём пожелании, покачал головой, но мне удалось настоять на своём.

— Хорошо, ступай к себе и жди, — сказал он наконец. — Надеюсь, ты понимаешь, о чём просишь.

Вечером слуга из управы доставил мне домой портрет Хань Болина с нужной надписью в правом верхнем углу.

Наутро, едва открылись городские ворота, я отправился к часовне Первоначал, и там встретился с Ядовитым Таном. По жребию он был первым. Мы сели за столик у входа, и я вынул из принесённого футляра принесённые картины, чернила, кисти и лучшую бумагу, какую только смог приобрести в лавке для живописцев. Учитель Тан подозрительно на меня посмотрел:

— Вы ведь не решили взаправду проводить состязание?

— Конечно, нет! — отмахнулся я. — Но часовня прекрасно просматривается, и Линь мог отправить кого-нибудь из дружков удостовериться, что всё по-честному. Поэтому прошу вас: подыграйте мне ещё немного!

Тан рассеянно взглянул на мой пейзаж. Лесистые горы, вырастающие из клубов тумана, одинокая хижина и хлипкий мостик, потерявший добрую половину своих досок. Когда-то я очень гордился этой картиной — лучшей из тех, которые я когда-либо нарисовал, — но сейчас видел в ней больше недочётов, чем достоинств. Впрочем, учитель обошёлся без критики и, завязав глаза платком, попытался изобразить нечто подобное на чистом листе. Получилось ужасно. Вторую картину он даже не стал изучать — едва ли с портретом могло выйти что-нибудь сносное. Он некоторое время эффектно поизображал штрихи на бумаге и снял повязку. Мучения были окончены, а подсохшие картины — убраны под замок в бывший ящик для пожертвований.

Следующим утром в часовню пожаловал Линь Цзандэ. Когда я развернул перед ним пейзаж, он фыркнул:

— Не могли принести ничего более пристойного?

— Увы, — я сокрушённо вздохнул. — Но проявите снисхождение к моей работе, ведь зеркало равно правдиво отразит и летящую птицу, и ползущую гусеницу.

— Учтите только, что крылья вашей гусенице я рисовать не стану, — раздражённо ответил Линь, пробуя кисточку и чернила. — А

вот эти закорючки в углу тоже желаете видеть на копии?

В углу моего горного пейзажа красовалась подпись, которую я специально сделал по-корейски.

— Мастер Тан их воспроизвёл, — ответил я. — Вы ведь понимаете корейский?

— Ещё чего! — буркнул художник. — Закорючки и есть закорючки, но мне-то что!

Он поудобнее поставил чернильницу, надел повязку и начал рисовать. Это было удивительно. Ни одной помарки. Ни одного лишнего нажима. Ни одного лишнего движения. Кисточка словно волшебная в точности воспроизводила мои горы и туман со всеми их недочётами и огрехами. Помню, как в детстве мой одноклассник Шикуай, подходя к слепцам на улице, строил им смешные или страшные рожи, чтобы проверить, действительно они ничего не видят. Смотрелось отвратительно, но, честное слово, сейчас, сидя перед мастером Линем, мне хотелось выкинуть нечто подобное.

Последней кисточка вывела корейскую надпись. Художник демонстративно отвернулся от стола, сдвинул повязку на лоб и язвительно сказал:

— Обычно я подписываю свои работы. Но ставить свою подпись под этим не хочется. От мазни Тана вы её и так отличите. Главное — не перепутайте с оригиналом.

Портрет он воспринял чуть более благосклонно и снисходительно посоветовал мне совсем забросить пейзажи и поучиться рисовать людей. Я подал ему новую кисть, а, когда повязка вернулась на глаза, подменил чернила. После первой, практически идентичной копии, у меня не было сомнений в том, что Хань Болин получится таким, как надо. Накануне я прописал для себя, как вести разговор, когда Отражённый Феникс после работы обнаружит перед собой чистый лист бумаги, но этого не потребовалось: самоуверенный художник, как и в первый раз, отвернулся от стола, словно боялся замарать глаза, глядя на недостойные вещи.

Когда мы вышли из часовни, он небрежно спросил о дне оглашения вердикта. В своей победе над Ядовитым Таном он не сомневался и теперь ждал, когда же насмешник будет посрамлён перед всеми. Я ответил, что погадаю на удачную дату и всех соберу здесь же. У меня в

запасе было несколько дней, и я пока не совсем знал, как выпутаюсь из этой истории с судейством.

Невидимый портрет вместе с неиспользованными листами тем же вечером оказались у алтаря в шатоском святилище. Я достаточно легко убедил Минхёка, что отличный способ отблагодарить Пэков и Тынов за гостеприимство — это подарить им для ритуала немного по-настоящему хорошей, дорогой бумаги. В конце концов убитый любил рисовать и в своей деревне мог о такой только мечтать. Бедные рудокопы были тронуты проявлением такой заботы, а мне оставалось только ждать.

Все эти дни после захода солнца я выходил к беседке на заднем дворе, где меня ждала строгая и терпеливая учительница. Письменность, которую она взялась меня преподать, была отнюдь не сложной, но давалась мне с трудом. Возможно, потому, что мысли мои были заняты другим. Тех, кому по прочтении всего вышеизложенного покажется, будто мой план исполнялся холодным спокойствием, заверю: это не так, я сомневался в каждом шаге, понимая, что возлагаю слишком большие надежды на суеверие шатоских рудокопов, и вспоминая, что в довершение ко всему нам противостоит неизвестная зловещая сила, способная разом перечеркнуть все мои начинания. И только ночью все эти сомнения и тревоги выбивались из-под маски. Мэйлинь, наверное, была единственным их свидетелем.

Лишь в последнюю ночь — в тот самый момент, когда старейшины Шато встречались с Хань Болином, — мне стало почему-то легко и спокойно. Заслышав мои шаги, Мэйлинь, как обычно, прервала элегию. Я встал рядом и, глядя на полускрытые облаками луны, попросил:

— Пожалуйста, допой её до конца.

Глава двадцать первая. Потоки слёз смягчают приговоры, дядюшка Субин покидает деревню Шато

Весь следующий день я провёл при господине Чхве. Уже с полудня на улице у ямыня судачили о чудесном происшествии в Шато, но Пэки и Тыны явились только под вечер — и, казалось, прибыли всей деревней, облачённые в траурные одежды, мужчины и женщины. Я не видел их шествия собственными глазами, но, судя по чужим рассказам, было на что посмотреть.

Длинная процессия, пристойная для губернаторских похорон, трёхголовой белой змеёй проползла весь город от восточных ворот и замерла перед управой. Трёхголовой — потому что впереди понуро шли трое: старейшины обоих родов и деревенский староста Тын Ынхо. И в каком виде! Каждый из них был связан, как преступник, и волочил на шее тяжёлую деревянную колодку — впрочем, без указания вины. В таком виде они перешагнули порог приёмной господина Чхве и разом рухнули на колени, содрогаясь от рыданий. Как свидетелю этой картины мне стало неловко. Правитель тут же повелел поднять их и освободить, но вошедшие упорно не желали вставать, смотрели в пол и выли, требуя самого сурового наказания для себя и пощады для своих детей.

— Да что вы такое натворили? — встревоженно спросил префект.

Со своей ролью он справлялся в разы лучше шатосцев. Если в их искренность как-то не верилось, то он, хоть и знал всё от начала до конца, даже мне сейчас казался совершенно сбитым с толку.

Староста, не поднимая головы, начал историю издалека, с рассказа о том, каким замечательным пареньком был Пэк Ханыль, как эмоционально откликался на чужие беды и оттого порою походил на бунтаря, хотя сам свято чтил священные устои и был вернейшим сыном и подданным. О том, что страшная его насильственная смерть стала горем для всей деревни, и о том, что по навету злых людей Пэки и Тыны стали думать, что к ней причастен господин Чхве.

Префект, дотоле утиравший слёзы рукавом, на этом месте изменился в лице и с негодованием вскочил.

— Что?! — кричал он по-корейски. — Как смели вы даже подумать такое обо мне, вашем земляке и соплеменнике! Горе вам, неблагодарные свиные души! И такое-то мнение о себе я заслужил! Да, Ханыль был вспыльчив и резковат, но ведь я любил его, как сына, и, видя его искренность, даже приглашал посоветоваться о ваших невзгодах, потому что чувствовал: он со мною честнее, чем вы, барсучьи дети! Ханыль, Ханыль!..

Он рухнул обратно в кресло и залился слезами. Шатосцы всхлипывали нестройным хором. Наконец староста продолжил повествование — об общем семинедельном трауре и последней беседе с покойным, к которой готовились всей деревней. Далее он рассказал о самом обряде (в общем повторив то, что я уже слышал от Минхёка) и добавил, что при том тщании, с которым шла подготовка, Ханыль просто не мог не ответить. Господин Чхве сразу преобразился: от гнева и обиды не осталось и следа, в глазах читался живой интерес.

— Наш мальчик был не только хорошим рудокопом, он был талантливым художником. Явившись к нам этой ночью, его дух нарисовал убийцу!

Староста быстрым движением выпростал руку из, казалось, тугих пут и достал из-за пазухи свёрток с работой Линь Цзандэ. Разворачивая бумагу перед префектом, я в очередной раз подивился таланту Отражённого Феникса: художественный стиль и почерк Ханыля были соблюдены в точности.

С дозволения правителя я спросил шатосцев, известен ли им изображённый на портрете. Староста, переглянувшись с главами родов, ответил утвердительно. Этот человек объявился в деревне с месяц назад, якшался со странствующими даосами и сеял дурные слухи о господине Чхве. Естественно, этим утром его бросились искать, но куда там! Взятые под стражу даосы тоже ничего не могли о нём сказать, разве только что родом он был из Ци, занимался гаданием и величал себя помпезным титулом-прозвищем — «Генерал-Единорог, Державный Распорядитель Небесной Казны».

— Давно вы видели его в последний раз?

Словно не поняв моего вопроса, Тын Ынхо стал слёзно умолять найти и покарать подлеца.

Я повторил вопрос по-корейски. Староста некоторое время утирал глаза, потом сказал:

— Позавчера, на площади.

Старейшина Пэков буркнул себе под нос какое-то ругательство, но находившийся рядом старейшина Тынов хорошо его услышал.

— Ынхо, ты совсем помешался или намеренно позоришь наш род? — недовольно произнёс он, обращаясь к старосте. — Этого человека мы видели минувшей ночью!

— При каких обстоятельствах? — продолжил я.

Опять начались рыдания. Последовала драматичная сцена признания в незаконной добыче и ещё более незаконной продаже «черепашьего камня». Господин Чхве сыграл потрясение и негодование, шатосцы — слёзное покаяние. Причём извинений погибшему Ханылю было отмеряно даже больше, чем префекту. Я не ошибся: месть призрака и проклятие покойных предков пугали их сильнее, чем перспектива сурового наказания со стороны государства. Из сказанного я уяснил, что Хань Болин во всей этой истории не фигурировал как покупатель. Нет, явившись в разогретую волнениями деревню, он втёрся в доверие к старосте и весьма эффектно «побеседовал с духами дорог и мостов», которые якобы и посоветовали тайно добывать «черепаший камень», на который в скорое время найдётся спрос. Гадание проводили трижды, и всякий раз Хань Болин повторял один и тот же ответ. На ночной же встрече он присутствовал как своеобразный посредник и указал на «приведённого духами» человека, только что вошедшего в деревню. Разглядеть незнакомца при скудном освещении не удалось, к тому же он и его слуги закрывали нижнюю часть лица повязками (распространённая практика, особенно среди людей с плоскогорья, путешествующих по области Янь). В квитанции стояла печать с фамилией Цзоу, но ни единая чёрточка не внушала доверия.

В общем-то, всё это подтверждалось и показаниями соглядатаев господина Чхве. Тын Ынхо ещё раз попросил не наказывать никого, кроме него и старейшин (а лучше — его одного), и клялся всем на свете, что «Генерал-Единорог» — горный демон, явившийся в деревню за его, старосты, грехи.

Префект властным жестом прервал поток этой околесицы и негромко сказал, вновь переходя на китайский:

— Совершённые вами преступления законом приравниваются к восстанию, за которое вся деревня Шато подлежит казни, ведь вы постарались сделать соучастником каждого. Дети преступников подлежат клеймению и ссылке в Цинь и Юэ. Имущество — полной конфискации.

Воцарилась тишина. Господин Чхве говорил неправду. Несчастным рудокопам, конечно, грозила конфискация, но в дополнение от силы несколько лет принудительного труда в соседних областях. Казнить могли разве что зачинщиков (вот этих троих), да и они, скорее всего, отделались бы клеймом и отрезанными ушами. Впрочем, законников среди пришедших не было, а я не стал встревать поперёк правителя.

— Однако, — продолжал он веско, — я, как любящий отец, не могу допустить, чтобы вы стали жертвами собственной глупости. Отрадно и то, что из трепета перед памятью убитого вы не скрыли своего злодеяния, а сообщили важные обстоятельства, которые помогут мне найти и покарать убийцу. Очень не хотелось бы давать этому делу ход, но вы ставите меня в неприятное положение: из-за вашего бунтарства двор недополучит почти двухмесячную норму добычи «черепашьего камня» и, конечно, потребует у меня объяснений. Даже если я буду молчать о вашем преступлении, столица направит сюда цензора, а то и назначит нового префекта вместо меня, а эти достойные люди уж докопаются до истины.

— Не погубите! — взвыли шатосцы, теперь, кажется, совершенно искренне. — Без отдыха работать будем, зубами камень грызть будем, кормилец, но не подведём!

Получив заверения в том, что оставшийся месяц шахтёры будут давать не меньше двойной нормы, и отпустив несчастных восвояси, господин Чхве попросил меня остаться ещё ненадолго. До прихода шатосцев он, конечно, обстоятельно расспросил меня о моём плане, а теперь пошёл задавать вопросы по новой, смакуя каждую деталь.

— Тебе несказанно повезло наткнуться на этого Линя, мой мальчик. Я не рассчитывал использовать его умения так рано, но рад, что он выдержал твою проверку, — префект в задумчивости погладил бороду. — Впрочем, он же самая уязвимая часть твоей задумки.

Эта мысль не покидала и меня. Что делать, когда Отражённый Феникс потребует при всех вынести судейство? А что если он увидит портрет убийцы, да и припомнит, что рисовал его в такой-то день? Дату поединка знает весь ресторан, а воспроизвести рисунок он сумеет когда угодно.

Вошедший слуга неожиданно сообщил о приходе учителя Тана. Я хотел было ретироваться, но, взглянув на префекта, побоялся об этом даже говорить: в его облике произошла мгновенная перемена, и он

обрёл какую-то пугающую суровость. Впрочем, она была адресована не мне, а моему школьному учителю, на которого с порога обрушились грозные речи о том, что раздоры и интриги среди гостей наносят оскорбление хозяину. Ядовитый Тан слушал в напряжённом полупоклоне. Слушал внимательно, стараясь уловить суть обвинения и, кажется, просветлел лицом, за несколько минут не услышав в потоке общих слов ни одного конкретного о нём самом.

Дождавшись удачной паузы, он, стараясь звучать как можно спокойнее, сказал:

— Слова моего благодетеля более чем справедливы. Может ли ничтожный слуга знать, чтó вызвало неудовольствие благородного правителя?

Господин Чхве в ярости хлопнул ладонью по столу:

— Можешь и знаешь! Потому что именно ты строил козни против мастера Линь Цзандэ. Не о таком ли поведении Люй-цзы писал: «Кривое дерево исказило облик утёса»?

Тан повалился на пол:

— Меня оклеветали!

— Да знаешь ли, кого ты обвиняешь в клевете! — ещё раз хлопнул по столу Чхве. — Или думаешь, я из тех, кто поверит наветам?! Мне в точности известны твои гнусные задумки, как и личность твоего сообщника, который уже получил своё наказание. Он очень хорошо всё просчитал, но не учёл одного: ничто на Дуншане не укроется от того, кто волей императора поставлен блюсти закон!

Бедный Тан сейчас больше всего походил на прибитую собаку. Он боязливо поднял голову и столкнулся взглядом со мной. Я переборол желание отвести глаза и принял негодующее выражение лица.

— Ничтожный! Ты ненавидишь Линя и думал подловить его, устроив поединок, — зло усмехнулся Чхве. — Но лошадь, на которой ты хотел проскакать тысячу ли, подвернула ногу на втором шагу! Теперь ты можешь сам принять свой яд и с позором проиграть состязание или, надеясь сохранить своё имя, покинуть Дуншань!

Тан расплакался. Без воплей и натужного рёва — просто плакал и шептал словно самому себе, что все эти годы служил префекту верой и правдой. Душераздирающее зрелище. Господин Чхве незаметно кивнул мне, и я тоже рухнул перед ним на колени, от чистого сердца

умоляя пощадить и спасти моего старого учителя. Кажется, тоже со слезами.

Правитель помолчал, а затем произнёс:

— Ну, что же, Тан, тебя я и впрямь могу спасти: покончить с вашим дурацким поединком так, что в нём не окажется проигравших, а ты даже выиграешь и получишь почёт вместо заслуженного позора. Но обещай, что больше не станешь расставлять никому ловушек.

Мой несчастный учитель тут же начал бить поклоны, рассыпаясь обещаниями и благодарностями и господину Чхве, и мне (отчего становилось вдвойне тошно). Префект неторопливо растёр тушь и начал что-то писать на полоске бумаги, отмечая, что эти указания Ядовитому Тану надлежит прочесть незаметно для других за час до заката, выйдя из города через Малые ворота у сигнальной башни, — только так, только там и только тогда, не раньше и не позже! — и строго следовать написанному. Когда тушь высохла, префект свернул бумагу трубочкой и вложил в бамбуковый футляр. Малозаметного мановения пальца было достаточно, чтобы Тан на коленях прополз весь зал до его стола и, касаясь лицом пола, принял футляр в свои руки.

Уже после того как Тан ушёл, я полюбопытствовал у господина Чхве о содержании инструкции, но тот строго сказал:

— Когда ты вызвался вернуть мне Шато, я тебе вопросов не задавал, — и уже более добродушно добавил: — Кстати, мой мальчик, сегодня же отправляйся в эту деревню и в ближайшие недели проследи, чтобы в шахте никто по дурости не убился. Эти олухи сейчас горазды на подвиги, но мне от них нужен не подвиг, а только готовность его совершить.

Я вывел для себя, что этой ночью удальцы всё же перехватили и арестовали покупателя, а стало быть, будущее префекта на деле не зависит от упорства рудокопов. Едва я вернулся домой, Яо Шаньфу (который, не иначе, для этого устроился читать в переднем дворике) с сияющими глазами подхватил меня под руку и объявил, что хочет поделиться неким грандиозным открытием. Можно было догадаться, что один из «индийских гранатов» раскрыл ему драгоценную тайну, но обсуждать такое впопыхах было бы непростительно, и пришлось отложить разговор на месяц. Уроки с Мэйлинь — тоже, и, наверное, об этом я грустил даже больше. Минхёк к моему приходу был дома, он

вернулся на Дуншань вместе с траурной процессией, но, конечно, брать его с собою в Шато я не стал и захватил вместо него проныру Воронёнка.

Помня о моих больных ногах (а может, и намекая, что пора бы торопиться), господин Чхве прислал за мною паланкин, и к вечеру того же дня я уже разместился в шатоской управе, единственном на всю деревню здании с черепичной крышей. Все остальные — даже расписное святилище духов-покровителей — были крыты тростником и дранкой и вообще имели жалкий вид. Староста Тын Ынхо с семьёй жил тут же и при первом моём появлении подобострастно сообщил, что усиленная добыча уже ведётся. Нужно было в ближайшее время осмотреть шахту, но у меня, конечно, не хватило бы знаний провести хоть какую-то инспекцию самостоятельно. В первом же письме на Дуншань я попросил прислать мне грамотного горного инженера, а лучше двух, желательно корейцев. Тогда казалось странным, почему во всём предусмотрительный префект не отправил их со мною сразу же, но сейчас я понимаю, что работа в Шато была для меня своеобразным экзаменом.

По сравнению с Дуншанем островок Шато выглядит совсем маленьким, и всё же деревня не занимает его целиком, а ютится в западной его части. В восточной построек мало. Когда-то там находился посёлок для ссыльных при руднике, но господин Чхве — к немалому удовольствию местных, — выхлопотал, чтобы его закрыли, и теперь у самой штольни можно было видеть всего три кособоких барака. В одном из них отдыхали и обедали рабочие; другой был отведён под хозяйственные нужды; в третьем на время вахты жила охрана — всё те же удальцы капитана Дуаня, которые, к слову, очень не любили Шато и называли дежурство здесь (что в деревне, что возле шахты) не иначе как «каторгой». Я сразу же позаботился о том, чтобы найти и перекрыть посторонние входы в шахту — таковых оказалось несколько, — а в новом письме рекомендовал господину Чхве удвоить караулы.

В школе нам рассказывали про «черепаший камень», но прежде я его не видел даже на рисунках — а тут мне довелось впервые подержать его в руках. Доставленную на поверхность руду раскалывают на куски среднего размера, их загружают в барабан мельницы, которая приводится в действие движением огромного

ворота — его вращают четверо рабочих. Кусочки на выходе получаются совсем небольшими — в ладони их умещается с дюжину. Отборщик ищет среди них те, у которых явно выражены рыжеватые прожилки, их отправляют на обжиг — после него серовато-бурая порода становится совершенно чёрной, а прожилки приобретают необычный ярко-зелёный цвет, подобного которому я, кажется, не встречал больше нигде в природе.

Каждый из упомянутых этапов требует предосторожностей. Мелкую крошку «черепашьего камня» и тем более дым, образуемый при обжиге, ни в коем случае нельзя вдыхать. Можно только догадываться, в каких условиях рудокопы производили эти работы в минувший месяц. Скорее всего, серьёзные отравления получили и они сами, и их семьи. В третьем послании я писал о настоятельной необходимости направить в деревню хорошего врача, и из слободы прибыл доктор Дяо, который разом поставил половине жителей ужасающие диагнозы, но по моей просьбе не стал их оглашать.

За несколько десятилетий интенсивной добычи шатоская шахта сильно разрослась и ушла вглубь. И если штольня ещё худо-бедно получала свою порцию солнечного света, то за ней начиналось царство сплошного мрака, какому позавидовал бы Удел Великой Пустоты. Слюдяные фонари кое-как разгоняли тьму, и явившийся с Дуншаня инженер Хон со странным смаком указывал на плохо подогнанные крепи и щербатый настил. Особенно это чувствовалось в свежих выработках, где спешка и волнение напрочь выбивали из шахтёров всякое понятие о безопасности.

Найдя уголок чуть поодаль от оживлённого шахтёрского маршрута, мы расположились передохнуть. Меня никогда не пугали замкнутые пространства, но осознание того, что мы находимся внутри горы, которая в любой момент способна на нас обрушиться, сильно давило — простите за невольную игру слов.

— Полбеды, если кого-то из этих дурней попросту засыплет, — Хон достал трубку и с моего рассеянного позволения закурил. — Подумайте, высокородный сударь, ведь мы сейчас находимся гораздо ниже уровня тумана. Если кому-то хватит рвения пробить дыру наружу, эта отрава зальёт полшахты.

Отчего-то вспомнилась циская пещера, в которой погиб Айго, и мне стало вдвойне не по себе.

— Даю вам пять дней, чтобы привести шахту в порядок, — сказал я как можно суше.

— Так это нужно будет заниматься только наведением порядка, — ухмыльнулся инженер, покручивая ус.

Я понял, что он торгуется, добавил ему два дня и пообещал щедрую награду за работу, сданную в срок и как следует, — и суровое наказание за каждого погибшего в забое. С такими недочётами на шахте и таким количеством больных рудокопов нечего было и думать о двойных нормах.

Возвращаясь, я обратил внимание на большой продолговатый камень у первой развилки. Он доставал мне до середины бедра и сверху был совершенно гладким. Шатосцы охотно сообщили, что это дядюшка Субин, покровитель местной шахты, который стоит здесь с незапамятных времён и обещает поддержку всякому, кто погладит его по голове. Что-то в этом камне показалось мне подозрительным, и я с фонарём в руке тщательно его изучил. У самого низа я обнаружил два характерных глазка и, хотя по форме «дядюшка» едва ли походил на грушу, приказал удальцам вынести его на поверхность и отрядил двоих в караул.

Поначалу это вызвало сильное недовольство рудокопов: мало того, что из-за моих распоряжений работа стала вестись медленнее и к ней перестали допускать больных, я ещё и отнял у них любимого истукана! За «добрым дядюшкой» в первые дни приходили целые делегации, но возвращать гуйшэня в шахту было бы глупо — мало ли что может приключиться. Тут очень пригодился подвешенный язык и умения Воронёнка: он сутками пропадал в кабаках и на рабочих посиделках, но во всей деревне не осталось, пожалуй, никого, кто не услышал бы, что в действительности именно этот камень до сих пор был причиной всех шахтёрских несчастий. Подтверждением его слов было то, что за то время, пока я был в Шато, там действительно обходилось без несчастных случаев.

Поначалу дядюшка Субин стоял неподалёку от рудника, затем его перенесли к мосту на Дуншань. Но ни при белёсом, ни при каком-то ещё тумане камень не трескался — хотя пару-тройку крылатых чудовищ рассекли на моих глазах. Я подумывал о том, чтобы оставить Субина в покое, но всякий раз отказывался из-за этих глазков — один в один как у гуйшэня!

Когда пришло время отправлять добытое господину Чхве, я потребовал перенести через мост и этот камень. Но во время перехода носильщик оступился, и тяжёлая ноша полетела вниз. Возможно, туман в том месте оказался не особенно густой, но я отчётливо увидел, как каменная оболочка при падении рассыпалась в мелкую пыль, а на земле оказалось что-то чёрное и длинное, словно гигантская змея или ящерица, которая очень быстро юркнула в какую-то расселину. Впрочем, никто из моих спутников не подтвердил увиденного мной, и я ещё долго списывал это на игру воображения.

— Жалуются на тебя, мой мальчик, — сказал мне префект при новой встрече. — Писали вот, что ты мешаешь людям держать слово, и просили тебя отозвать. Подвела меня деревня Шато — твоими-то стараниями.

— Но вы ведь захватили Хань Болина и тот груз? — спросил я.

— Нет, зачем? — улыбнулся Чхве. — С прошлых лет у меня образовался достаточный запас, и я нашёл, чтó отправить в столицу. Да и груз едва ли попал бы мне в руки — скорее оказался бы под мостом.

— В любом случае вы захватили бы преступников и узнали, кто они такие…

— Кто они такие, можно догадаться и так, — Чхве выглядел совершенно довольным. — Мне гораздо интереснее, чтó они собираются делать с «черепашьим камнем»…

Я понял, что эта история ещё далека от завершения. И, коль скоро я заговорил о завершениях, расскажу вкратце, чем кончилась история с дуэлью художников. В тот самый вечер, когда я прибыл в Шато, в часовне Первоначал, которая бóльшую часть времени оставалась без должного присмотра и ночью служила пристанищем бродяг, произошёл пожар. Случившийся рядом Ядовитый Тан бросился его тушить и до прибытия пожарного расчёта держался героически, хоть и изрядно обжёг правую руку. Увы, работы поединщиков были утрачены безвозвратно, а новое состязание представлялось невозможным, пока у Тана не восстановится рука. О героизме моего учителя много говорили, но сам он великодушно уступал победу Линю, объясняя, что в тот раз остался недоволен своей работой.

Глава двадцать вторая. Босоногий Лань попадает в тюрьму и в манифесты, железо уступает дереву

Во время пребывания в Шато мне то и дело вспоминались слова Яо Шаньфу о некоем удивительном открытии. Лишённый возможности расспросить его лично и не доверяя подобные вещи переписке, я пытался накормить любопытство фантазиями о чудесных предметах, коими изобиловали истории об эпохе воюющих равнинных государств. «Предания низин» повествовали о стеклянном щите, который позволял правителю Цзао видеть, что происходит во вражеском стане; о ларце-напёрстке, скрывшем стратега Тэнъюаня; о золотой ампуле, заменявшей индийским воинам пищу, воду и сон за трое суток. Мне хотелось верить, что всё это ближе, чем кажется; что всё это можно заполучить, и относительно легко — достаточно узнать правильные имена вещей. Мои догадки были, конечно, далеки от истины, но насколько далеки, я не мог понять ещё с месяц по возвращении на Дуншань.

Поначалу я ждал, что учитель Яо сам возобновит наш прерванный обстоятельствами разговор, но он молчал. В его внешнем виде появилась хмурость и какая-то тревога. От старого Чжана я выяснил, что дело в плохом самочувствии госпожи Яо. В моё отсутствие ей трижды вызывали врача, но подробностей болезни никто из слуг не знал. На моё предложение помощи Яо Шаньфу ответил вежливым отказом и, словно читая мои мысли, пообещал в самом скором времени рассказать нечто невероятное, но прошла неделя, другая, третья, а он почти не выходил из флигеля. По той же причине не получали продолжения и уроки с Мэйлинь.

Ум, распалённый ожиданием, жаждал узнать что-то новое, однако дома я разом лишился собеседников, а на службе главной темой для разговоров стали мало меня интересовавшие столичные скандалы, и я вновь решил нанести визит господину Су. Можете представить себе моё разочарование, когда пробковый мольберт в его флигеле оказался

пустым, а архивариус, впившись в меня глазами, попросил рассказать, чтó слышно о событиях в Тайцзине. Привыкший держаться в курсе событий и при этом запертый собственными страхами в четырёх стенах, он был сейчас моим товарищем по несчастью: соседей политика не интересовала, а администратор Ли ещё не вернулся из Лияна.

Рассчитывая (сразу скажу — напрасно) выудить в ответ какие-то сведения о тайных чертежах, я начал пересказывать слышанное у ямыня — и сам очень скоро втянулся в эту тему. Сочные комментарии Су Вэйчжао, выгодно отличаясь от моей блеклой наррации, добавляли разговору достаточно контекста и глубины, и в итоге я вынес из него никак не меньше собеседника.

События, с которых начал я, произошли в области Цинь, но предпосылки связаны с борьбой элит при императорском дворе. В горной стране (как, уверен, и там, куда я следую) основой для пополнения бюрократии являются государственные экзамены, позволяющие на всех уровнях выявлять достойных и способных и определять их на подходящие вакансии. Но в истории они неоднократно оказывались отодвинуты на второй план, на первый же выходило покровительство того ли иного вельможного семейства. После возвышения Шэнов в центральном аппарате не осталось почти ни одной значимой должности, не занятой чьим-нибудь протеже, но если партии Сыма и Ляо расставляли верных им людей в надежде усилиться, то Шэн Янь, уверенный в своих позициях, попросту торговал чиновничьими поясами и печатями. Ходило даже анонимное сочинение о том, что в министерстве столичной безопасности якобы есть комнатка, где они, как в лавке, выложены по прейскуранту. Это уж очевидный пасквиль, но ведомство за несколько месяцев разрослось до неприличия.

Особенно привлекательной и для продавца, и для покупателя была должность чрезвычайного государственного докладчика. Министерство может плодить таковых почти неограниченно, по рангу и жалованью должность не слишком высока, обязанности сводятся к написанию отчётов и увещеваний об угрозах безопасности. Но по решению министра докладчика можно направить в любую префектуру для оценки ситуации на месте с правом проводить практически любые расследования. Круг вопросов очень широк — нет такой сферы,

которую при должном красноречии нельзя подвязать к теме государственной безопасности. И это открывает пути для личного обогащения: если в делах префекта обнаружится недочёт, можно вымогать деньги напрямую, но это ещё не всё. В отличие от префектов и губернаторов, докладчики вполне могут вести работу не то что в родной области — в родном городе! Как тут удержаться от того, чтобы поправить дела друзей и родных и свести счёты с местным правителем!

Некий молодой человек по фамилии Бу, родом из циньской префектуры Пэйцзинь, получил место чрезвычайного докладчика именно с этой целью. Назначение так придало ему духу, что он, не дожидаясь министерских поручений, тут же отправился в свой город и пошёл в атаку на префекта — тот имел какие-то претензии к родственникам Бу, состоятельным торговцам. Нужно сказать, что этот префект, Лань Нэймяо из области Шу, имел репутацию человека смелого и честного. Помню, когда мы шли делегацией до Тайцзина, по рукам гуляла брошюрка, подписанная: «Босоногий Книжник». Были там такие стихи:

Я ни этим угождать, ни другим не стану.
Воры-вороны сидят на карнизе храма.
Им, пернатым, в самый раз плоть терзать чужую.
Предан правде, но сейчас лишь неправды жду я.

Молодые чиновники, восторженно меняя тоны и чёрточки иероглифов, читали по первым словам: «Янь и Э — воры, император предан», — и уверяли, что автор сих правдивых слов не кто иной, как Лань Нэймяо. Сам он от такой славы, разумеется, отнекивался, но заслужил-таки прозвище Босоногий Лань.

Родня Бу, наоборот, имела нехорошую славу, и Лань об этом знал. Едва новоявленный сотрудник министерства столичной безопасности заявился к правителю с шантажом, тот объявил его самозванцем, посадил до выяснения под арест, а сам отправил в столицу письмо, в котором излагал суть дела и спрашивал, действительно ли такой человек имеет государственный чин. Вот только отправил не в ведомство Шэн Яня, а в министерство гражданских назначений, подконтрольное семейству Сыма. Покуда там рассуждали, как лучше обойтись с вопросом-доносом, родственники Бу сгоряча подкупили

тюремщиков и устроили ему побег — но неудачно, и горе-шантажист вновь оказался в руках у Босоногого Ланя.

Префект тут же объявил это доказательством вины и составил ещё одно письмо — циньскому губернатору, — заявляя о поимке опасного авантюриста, самозванца и бунтовщика и испрашивая дозволения на смертную казнь. На мой взгляд, обвинения, доказательства, да и адресат были выбраны некорректно. Наверняка Лань знал, какой ответ рано или поздно придёт из столицы, и в запале решил действовать первым. Губернатор, вероятно, также это понимал, но всё же выдал ему разрешение. Несчастного Бу под ликование местной интеллигенции казнили за воротами Пэйцзиня, имущество его родни изъяли.

Шэн рвал и метал. Босоногого Ланя привезли в столицу в деревянной клетке, но со странным эскортом из книжников, прославляющих отвагу префекта перед лицом бесстыжей несправедливости. К тому времени Сыма определились и передали его письмо в цензорат.

Как главный орган по борьбе с должностными преступлениями цензорат стоит особняком, вне системы министерств, и призван разбирать деятельность всего чиновничества, в том числе собственную. По этой причине его возглавляют сразу два начальника, но главный цензор левой руки уже давно стал персоной церемониальной (обычно это место перед уходом на покой занимал какой-нибудь вечно больной заслуженный чиновник в летах), оставляя всю полноту власти правому коллеге. Им на тот момент был Тянь Чуанфэй, человек авторитетный, компромиссная фигура для партий Сыма и Ляо.

Дело Босоногого Ланя стало быстро обрастать показаниями, давал он их охотно. Циньский и столичный учёный люд бойко провозглашал его страдальцем за правду. Особое рвение проявляли те, кто, желая снискать должность, уже махнул рукой на экзамен. Неустроенный человек так или иначе старается привлечь внимание тех, кто мог бы дать ему место, и если домашние слуги и мастеровые днями напролёт стоят на площадях с повязкой на лбу, то книжники проявляют бóльшую изощрённость. Прозябая в чайных и кабаках, они нередко сочиняют и пускают в народ «личные манифесты» с перечислением тех, к кому питают особое уважение. Это могут быть стихи или эссе, но схема следующая. Вначале поклон учителям и паре-тройке общепризнанных нравственных ориентиров из числа давно умерших деятелей. Затем слова восхищения о видных людях той или иной партии (собственно адресаты послания). В завершение хорошим тоном будет упомянуть кого-то из таких же достойных соискателей:

— Я уважаю Хай Дао.
— А я уважаю Гун Мао.

Так вот, в то время манифесты пестрели именами префекта Ланя и его сторонников среди провинциального чиновничества.

Любой обвинительный приговор (а императорский шурин, говорят, поначалу хотел смертной казни) требует провести открытое слушание с прочтением всех материалов дела. Старания интеллигенции принесли делу такую известность, что в зал суда пришла бы вся столица, а энергичность цензората делала слушание крайне нежелательным для Шэн Яня, и дело в итоге закрыли. Лань Нэймяо лишился должности и вместе со сторонниками негласно попал в «чёрный список». Циньского губернатора Сунь Юшуя без скандалов перевели в Чжао — говорят, его спасла дружба с Вэйминьским князем. Но мой собеседник заверил меня, что это только начало.

За разговором мы уже давно спустились во внутренний двор и теперь негромко переговариваясь в тени рябин — под монотонный напев лютни и горячую декламацию стихов. Соседи Су Вэйчжао выступали якобы друг для друга, но было видно, что нас они почитают за благодарную аудиторию, пришедшую на встречу с прекрасным назло промозглой погоде. Краснолицый Линь Мо, держа в руках кубок с вином и пошатываясь, чеканил:

Сердце, как небо, окутала мгла, песни звучат неискренне.
В горних оградах гуляет метла, сор прижигая искрами.
В зале присутственном мир на весах. Хватит ли нам бесстрашия,
Чтоб перевесило подлость и страх в чаше с бедою нашею?
Музыка льётся, и льётся вино, только вином не весел я.
Мне б до рассвета укутаться сном, дрёмой о равновесии.

(Равновесие ему действительно не помешало бы.)

Су неожиданно с чувством зааплодировал:

— Превосходно! Кто из гениев прошлого написал эти стихи?

— Эти ничтожные вирши я, бесталанный, накропал сегодня ночью, — сияя гордостью ответил Линь Мо.

— Неужели? Что же, вы и впрямь видели комету, да ещё и в созвездии Высокого Чертога?

— У меня острое зрение. Через пару дней её увидит каждый. Знак недобрый, но чего и ждать в государстве, потерявшем путь!

Поэт осушил кубок, а Линь Хуаши взялся за очередной тоскливый мотив, играя теперь громче прежнего.

— Вот видите, всё только начинается, — тихо сказал мне Су.

— Вы же не верите в приметы?

— Я верю в наблюдательность придворного астролога, в добровольную суеверность двора, хитроумие Шэна и в то, что Тянь Чуанфэй засиделся на своём посту.

В истории горной страны хватает примеров того, как императоры под предлогом дурных предзнаменований отправляли неугодных сановников в отставку или даже на эшафот, и архивариус не преминул вспомнить пару-тройку эпизодов — в своей обычной спокойной, чуть насмешливой манере. Но я как-то заметил в нём напряжённость. Должно быть, он предчувствовал, что со сменой верхушки цензората учёное сословие начнут прореживать, а это принесёт дуншаньской гостевой слободе пополнение и, может быть, совершенно не нужное внимание столицы.

Проскользнувшее в разговоре имя Вэйминьского князя напомнило мне о Юань Мине. Я в тот же день навестил его и упросил впервые за столько лет выбраться из дома и быть у меня к ужину. Любезно согласился провести с нами вечер и учитель Яо, тем самым полностью избавив меня от забот о занимательном общении. Двое стариков нашли друг в друге приятную компанию и, хоть не были знакомы прежде, обнаружили разительную общность интересов. Они вспоминали прошлое, делились наблюдениями, озвучивали максимы, огранённые годами размышлений и путешествий. Во всей горной стране не осталось уголка, которого не коснулась бы тень от их летящей мысли. Я же, хоть и сидел на месте хозяина дома, чувствовал себя в блаженном детстве. Закрой глаза — и представишь себя на циновке в уголке, жадно ловящим слова из беседы отца с его учёным гостем.

Вот начался негромкий, но твёрдый спор о природе вещей. Учитель Яо, совсем как отец, не повышает, а понижает голос. «Дедушка Белая Шляпа» добродушно смеётся и беззлобно, как мама-кошка непослушных котят, вздумавших кусаться, разбрасывает все аргументы в стороны. Безусловно, философия — это его стихия. Но как на всякий случай проверить и фехтование? Как побудить мастера Шангуаня продемонстрировать своё мастерство, не вызывая у него подозрений?

Из восточного флигеля пришёл слуга, и Яо Шаньфу, сердечно извиняясь, попросил дозволения нас покинуть. Мы, напротив, вызвались проводить его до двери флигеля, а затем остались вдвоём во

дворе дома. Уже стемнело, луны скрывались за облаками, и слуги, видя, что хозяин изволит гулять, спешно зажгли во дворе несколько фонарей.

— Зима будет недолгой, — сказал Юань Мин.

— Почему вы так считаете?

— Небо и горы тоже имеют лица, — бросил он как-то вскользь, так что мне это показалось не то идиомой, не то цитатой, но переспрашивать я не стал.

Мы несколько раз прошлись по дорожкам. «Господин Белая Шляпа» в этот раз опирался на изящную, даже щеголеватую трость — он пришёл из гостевой слободы пешком, хоть я и порывался заказать ему паланкин. Теперь я подыскивал доводы в пользу того, чтобы хоть обратный путь он проделал в паланкине.

— Благодарю вас за чудесный вечер, — произнёс он, в очередной раз поравнявшись со входом в главное здание. — Сегодня я не раз вспоминал о вашем отце и рад, что у него такой сын.

Я поклонился, повисла тишина. И в этой тишине особенно отчётливо прозвучал хорошо знакомый звук. Щелчок арбалета. Мгновение, и Юань Мин, резко взмахнул передо мною тростью. Мгновение — и на плитках дорожки поодаль зазвенел металл. Повернув голову, я успел увидеть на внешней стене с западной стороны фигуру, которая тут же спрыгнула то ли во двор, то ли в переулок — и растворилась в темноте.

На цветочной клумбе, поблёскивая в свете фонаря, лежала отбитая тростью арбалетная стрела. Не тратя времени на то, чтобы детально её рассмотреть, я сунул стрелу в рукав, громко позвал слуг и приказал обыскать дом, особенно западную сторону, а Минхёку особо поручил осмотреть всё снаружи. На всякий случай мы с Юань Мином вернулись в гостиную. Слуги ничего не нашли. Вернулся Минхёк и сообщил, что у западной стены даже нет свежих следов. А вот на южной, недалеко от ворот был приколот небольшой листок со странным рисунком: химера, свернувшаяся клубком вокруг схемы гексаграмм, слово «послезавтра» и цифра семь внутри цветка. Кто и когда оставил этот листок, никто не знал. Особенно сильно обеспокоили меня именно цифра и цветок. Мне показалось, что он похож на лотос, и я насчитал у него девять лепестков.

— Хотелось бы мне сказать, что это меня выследил кто-то из старых врагов, но стрела явно летела в вас, — произнёс Юань Мин, когда беспокойство в доме несколько улеглось.

Я встал на колени и трижды ему поклонился:

— Могу ли я как-то отблагодарить вас?

«Господин Белая Шляпа» рассмеялся, пусть и несколько натужно:

— Хорошо, хорошо! Вызовите мне паланкин.

Глава двадцать третья. Старые предания раскрывают свои тайны в доме кузнеца, мёртвые взывают к живым

Не в силах уснуть, я долго сидел в кабинете и смотрел на сорванный со стены листок. У меня с первых мгновений родилась уверенность, что это не обычная бумажка с эзотерической символикой, какие в изобилии водятся у бродячих даосов, а скрытое послание. Вероятно, потому, что на пересечении образов — цветок, цифра, гексаграммы — как бы само собой проступало «Течение девяти принципов», с которым мой путь уже успел пересечься — и, может быть, дважды, если предположить, что в Ю и Шато поработали «пурпурные лотосы». Не исключено, что за мною уже отправили эмиссара, какого-нибудь «господина Семь»? Если так, то что входит в его компетенцию? Или семь — это номер одного из «девяти принципов», возможно, нарушенного мной? Или гексаграммы, которая описывает участь, поджидающую меня «послезавтра»? Я взял из отцовской библиотеки футляр с «Книгой перемен». Под семёркой шли рассуждения о войсках в походном строю, и это окончательно сбило меня с толку.

Вдруг в окно постучали. Я на всякий случай взял со стойки рапиру (чем бы она могла мне помочь?) и отодвинул раму. Под окном стояла Мэйлинь:

— Я слышала в доме переполох. Правда, что в тебя стреляли?

Выжав из себя улыбку, я сказал, что это пустяки, глупый розыгрыш — и я даже знаю чей. По-своему я не солгал: это была инсценировка с целью проверить Юань Мина. Стрелял Минхёк — и по моему распоряжению. На случай провала стрела была как следует затуплена и в худшем случае оставила бы синяк, но всё прошло как нельзя лучше. Так что о выстреле я уже давно не думал, о чём и сказал Мэйлинь.

— Если так, то почему тебе страшно? — спросила она. Прямо так, в лоб сказала то, в чём я и сам себе не хотел сознаваться. Мне было страшно.

— Послушай, что такое семь? — вопросом на вопрос ответил я. — Цифра семь.

— Счастливое гадание на свадьбу, — быстро откликнулась Мэйлинь и тут же как-то сникла.

Мне показалось, что в глазах у неё блеснули слёзы: наверное, опять вспомнились деревня Тайхо и Чжуан Дэшэн. Я быстро взял со стола листок:

— Смотри. Это прикололи к стене дома. Тут семёрка. Что она может значить?

Мэйлинь внимательно посмотрела на рисунок и вдруг сказала, что с год назад уже видела подобный в Тайхо, в кабинете отца.

— Лучше спросить у него, — произнесла она и добавила: — Завтра, не сейчас. Он уже спит. Уже спит… Да и мама тоже…

Я на мгновение отвлёкся, опять разглядывая листок, а когда хотел спросить, чтó с госпожой Яо, Мэйлинь уже не было.

Ещё ночью я настрого запретил слугам рассказывать о том, что в меня стреляли, но в управе, наверное, каждый чиновник в частном порядке тихонько выразил мне сочувствие и обеспокоенность, а я устал отвечать: «Ну что вы, это пустые слухи». Молчал разве что господин Чхве, но я всё же поостерёгся после совещания обращаться к нему за сведениями о «девяти принципах»: так бы он точно решил, что на мою жизнь покушались. Не стал я запрашивать соответствующую литературу и в библиотеках — не понимая до конца, чьих именно соглядатаев опасаюсь: таинственных «лотосов» или дуншаньского префекта.

Дома меня, разумеется, окружил тревогой Яо Шаньфу. На вопросы о ночном покушении (выходке, о которой я уже тысячу раз пожалел) я протянул ему давешний листок. Учитель Яо несколько мгновений непонимающе смотрел на него, затем решительно потряс головой:

— Что же, вы считаете, что этот человек мог в вас стрелять?

— Доказательств нет, — ответил я. — Но выглядит странно, даже угрожающе. Вы считаете иначе?

— Конечно! — голос Яо посветлел. — Это вроде визитной карточки, извещающей о том, что послезавтра, то есть уже завтра к вам

в гости собирается прийти один молодой человек, опасаться которого нечего. Когда вы с ним познакомитесь, то сами это поймёте. Он один из нас, если можно так выразиться.

Как я уже писал, один из ключевых эпизодов становления общества «тайных учёных» произошёл на юге далёкой области Шу, в префектуре Тулин. Там же учитель Яо, а затем и мой отец познакомились с выдающимся эрудитом Чжан Фоу, потомком славного чиновничьего рода, в котором было четыре губернатора и шесть министров. Именно в его доме не без его помощи был расшифрован первый «индийский гранат». За полгода до этого Чжан лучшим из области сдал большой государственный экзамен и мог рассчитывать на высокую шапку префекта или должность в столице, но во имя науки решил отказаться от карьеры и остаток дней провёл смотрителем училищ в родном Тулине.

У хмурого книгочея Чжан Фоу не было детей, его наследником и продолжателем дел стал племянник и, казалось бы, полная его противоположность — балагур и весельчак У Чжайбо. Совершенно не склонный корпеть над книгами, он был влюблён в странствия и поиски. До смерти дяди (тот умер незадолго до моего отца) он охотно выполнял для него роль посыльного, отправляясь с сообщениями и поручениями в разные части горной страны — чаще всего в образе даоса. Постоянным его атрибутом был тао — плоский барабанчик на рукоятке и с парой деревянных подвесок. С одной стороны тао была изображена химера, с другой — таблица гексаграмм. При прокручивании изображения совмещались.

— Его так и прозвали — У Барабанчик, — улыбнулся учитель Яо.

— Ну, а семёрка в лотосе? — спросил я.

— В вашем городе, кажется, есть гостиница с «цветочным» названием? У, если вы пожелаете навестить его сами, остановился в седьмом номере.

Этот рассказ словно рассеял для меня грозовые тучи. Видя улыбку на лице Яо, я намекнул было на обещанную удивительную историю, но он запросил последнюю отсрочку: У явился на Дуншань очень вовремя, и радость открытия хотелось разделить с ним.

Во второй половине дня я отправился к гостинице «Цветы востока», но у дверей чайной в паре кварталов от неё чуть ли не нос к носу столкнулся с администратором Ли. Из обмена приветственными

репликами я понял, что из Лияна он вернулся буквально только что — и не один, а сопровождая областного ревизора И Мэнкуна. Ревизор как раз остановился в «Цветах востока», и мне тут же расхотелось туда идти.

Ли предложил разделить с ним чаепитие, а затем пройтись до гостевой слободы. За столиком я сидел как на иголках, не зная, известно ли ему о ночном эпизоде и о том, что в момент стрельбы в гостях у меня был Юань Мин. Но господин Ли непринуждённо разговаривал о погоде, состоянии дорог, книжных новинках. Единственный вопрос в мой адрес касался моего самочувствия, и я как можно проще ответил, что уже приноровился хромать и даже часто обхожусь без трости.

— Да, мы с вами теперь две хромоножки, — рассмеялся Ли. — А вот насчёт трости не торопитесь. Много лет назад я тоже от неё отказался. Теперь жалею.

Мы с ним, наверное, действительно забавно смотрелись вдвоём. Правда, Ли, в отличие от меня, прихрамывал только при быстрой ходьбе, а медленно шёл вполне себе ровно. Когда мы вошли в слободу, я с опасением ждал, что он свернёт к дому Юань Мина, но в итоге мы оказались у ворот оружейной мастерской Сюй Чаньпу. Здесь же обитало всё его семейство — жена, пятеро сыновей с супругами и внуки. Тот редкий случай, когда дом гостевой слободы был нормальным домом на одну семью.

О суровом усаче-оружейнике ходили разные истории. Родом он был с юга, из той части Юэ, которую позже захватили чусцы, ещё в молодости возглавил местную кузнечную гильдию и, вероятно, поныне обеспечивал бы оружием войска генерала Линь Жуяна, если бы не один печальный эпизод… Здесь начинались разночтения. Досье сообщало о некоем «конфликте» с интендантом Южной армии, но в чём он состоял? Рассказывали, что тот был неорганизован и нечист на руку и, не выполнив приказ по снабжению войск оружием, попытался свалить вину на Сюй Чаньпу. Рассказывали, что он нанёс ему оскорбление, приказав для расширения улицы снести памятную арку, установленную в честь его покойного отца, а оружейник в сердцах проставил на каждом мече клеймо со стихами, позорящими беспардонного военного чиновника. Рассказывали даже, что интендант позарился на госпожу Сюй, но, явившись к ней в отсутствие мужа,

получил хорошую трёпку от кузнечихи и её сыновей. Так или иначе, в очень скором времени Сюя пришли заковать в кандалы, но добрые соседи предупредили оружейника, и тот успел покинуть дом, захватив семью, инструменты и кое-какие книги. Кто-то из гильдейских снабдил его деньгами и посоветовал идти на Дуншань. Впоследствии, говорят, интендант был сурово наказан, а Южное командование разыскивало пропавшего мастера, суля золотые горы, но тот здраво рассудил, что от добра добра не ищут.

В гостях у господина Чхве мастер Сюй снаряжал удальцов, с удовольствием изучал трактаты и писал главы для «Большого свода всеобщих знаний» — о металлах и сплавах, о больших и малых механизмах и, конечно, о восемнадцати видах оружия. И, хотя ещё с улицы мы услышали весёлый разговор кузнечных молотов, наш неожиданный визит оторвал мастера Сюя не от горна, а от письменного стола. Администратор Ли с ходу сообщил, что я пришёл для инспекции какого-то там заказа (о котором ни словом не обмолвился по дороге), и оружейник с поклоном проводил нас в один из флигелей, где на стойках красовалось два десятка полных

пластинчатых доспехов и частокол алебард с узкими резными лезвиями.

— Это половина, — коротко бросил Сюй. — Остальное через две недели. А вот здесь, — он открыл стоящий у стены длинный ящик, — подковы, о каких я говорил.

— Если я не ошибаюсь, «подковы западных звёзд»? — спросил Ли, поднимая одну из них на свет.

Он, конечно, имел в виду вот эти строки из «Кантаты Трёх Ветров»:

Мы верили песням всерьёз, мы знали, что ждёт впереди.
Подковами западных звёзд измерены наши пути.
Где слёзы просились из глаз, где правду растили из грёз,
Измерено тысячи раз подковами западных звёзд.

Для меня это всегда было не более чем поэтическим образом, но по тому, что отвечал Сюй, становилось ясно, что речь и вправду идёт о каком-то особенном виде подков для стремительных переходов по трудной местности. Кантата оказалась права: верить её строчкам следовало всерьёз. Но зачем нужно столько подков в области Янь, где лошади — что резонно — никогда особенно не использовались? Понимая, что с моей стороны этот вопрос будет уместен менее всего, я молчал, а администратор Ли и мастер Сюй уже перешли к обсуждению других тем.

— Древние песни и поэмы — удивительное сокровище, — говорил Ли. — Тому, кто умеет их слушать и читать, они вручают ключ к пониманию путей неба и земли и открывают кладовую прошлого. Разгадали вы, например, легенду о гибели «воинства двух знамён» под Чао?

Это один из классических сюжетов горной страны, известный, наверное, каждому. Помню, в школе я раз десять видел его на сцене и в кукольном театре. В основе лежит история борьбы преступных кланов в царствование государя Триумфатора, но народное творчество давно превратило её в волшебную сказку о двух богатырях: отважном Си Цинли и подлом Змеином князе. Много препятствий, много опасностей преодолели они вместе, покорили десяток городов и завладели несметными богатствами. Змеиный князь, пожелав владеть всем единолично, явился в ставку Си Цинли без оружия, но, стоило

тому отвлечься, выпустил из ладоней колдовские стрелы-молнии. Несчастный Си упал, поражённый в самое сердце, а вероломный чародей бросился прочь. Однако у самых ворот лагеря на пути у него встал убитый союзник и одним ударом меча срубил ему голову.

— Если вам угодно, разгадка проста, — с поклоном отвечал Сюй. — Змеиный князь пришёл без меча и кинжала, но в рукавах у него было спрятано тайное оружие, бамбуковые трубки с особым пружинным механизмом. Стоит нажать на кнопку — и из трубки вылетает стрела. А Си Цинли, полагаю, носил под халатом броню. Но не простую, а такую, которую я называю «доспехом мертвеца». При попадании стрела в нём застревает, как если бы попала в плоть, а на одежду вытекает краска, похожая на кровь. С такой бронёй легко убедить противника в своей гибели.

Ли с довольным видом кивал, а затем спросил, может ли Сюй изготовить подобное оружие и броню. Оружейник охотно согласился и осведомился, какого размера должен быть халат. Разговор из умозрительного стал предельно конкретным.

— Изготовьте такой, чтобы пришёлся впору господину помощнику префекта, — ответил Ли. — А потайное оружие спрячьте не в рукаве, а в обычной походной трости.

Мастер Сюй, покряхтывая, поклонился. Видно было, что задача ему по душе.

Насколько целенаправленно администратор Ли вёл весь этот разговор? Я ожидал, что он всё же выскажется насчёт слухов о покушении, но нет — он лишь уведомил меня о том, что завтра в управе будет присутствовать И Мэнкун, и мы попрощались.

На следующий день я сказался больным: ревизор наверняка помнил меня по путешествию в столицу и внезапному бегству с приёма у императорского шурина и был бы, конечно, удивлён, появись я запросто в ямыне, да ещё и без траура.

В полдень, когда я сидел за книгами в кабинете, Чжан доложил, что у ворот ожидает бродячий даос, уверяющий что я назначил ему приём, и на всякий случай испросил разрешения гнать его в шею. К удивлению старого слуги, я пригласил скорее ввести гостя в дом и сам поспешил навстречу.

Не знаю почему, но я представлял себе У Чжайбо приземистым толстячком с масленым лицом, пухлыми губами и каскадом

подбородков, а он на поверку оказался сухопарым верзилой. На вид ему было лет тридцать пять, и руках он вертел пресловутый барабанчик, не оставляя сомнений: это именно он. Вероятно, У не бывал в нашем доме раньше, иначе Чжан бы его запомнил, но в любом случае был знаком с моим отцом и успел выяснить, что его нет в живых. После взаимных приветствий он протянул мне железное кольцо — судя по всему, верительный знак, — и этим совершенно меня огорошил: я не знал, чем полагается его проверить. На моё счастье, в передний дворик вышел Яо Шаньфу, и давние друзья сразу же признали друг друга.

— Я догадывался, что встречу вас здесь, дядюшка Яо, — с двукратным поклоном сказал У. — Увы, я видел, чтó осталось от вашей деревни, и надеялся только, что вы живы и здоровы.

— Стало быть, вы искали не меня, а учителя Яо? — уточнил я.

— Да и нет, — ответствовал Барабанчик. — Но об этом лучше поговорить за обедом. А ещё лучше — после него, на сытый желудок.

Я невольно рассмеялся и приказал слугам накрыть на стол.

Когда с едой было покончено, мы втроём расположились во внутреннем саду, и У Чжайбо, точь-в-точь по-корейски набив длинную трубку, начал повествование:

— Вы, дядюшка, конечно, привыкли, что, если я прихожу, то приношу с собою что-то новенькое и удивительное. Но в этот раз я прибыл налегке. Может быть, вы слыхали о чиновнике по имени Лань Нэймяо?

— Как же, о нём сейчас многие говорят! — откликнулся я. — Босоногий Лань! Достойнейший человек!

У медленно кивнул:

— Он живёт от нас неподалёку, в Тулине. Был очень дружен с моим благодетельным дядей, покойным Чжан Фоу. И, поверьте моему слову, этот достойнейший человек достойнейшим образом уложит в гроб всех своих соседей и половину области Цинь.

Итак, после отставки Босоногий Лань вернулся в родные края. Вокруг опального земляка тут же сплотился кружок вольнодумцев, и У Чжайбо, понимая, что рано или поздно ему придётся выбирать в этой неприятной истории ту или иную сторону, предпочёл просто покинуть Тулин — до тех пор, пока всё не успокоится. По его словам, предвидел

он и комету, чьё недавнее появление в ночном небе предвещало начало гонений на всю юго-западную интеллигенцию.

— То, что вы пришли с порожней котомкой, не беда — произнёс я. — В этом доме найдётся место ещё для одного гостя. Что же до новенького и удивительного, то вы как раз успели к рассказу учителя Яо.

Яо Шаньфу с улыбкой погладил бороду и предложил пройти в восточный флигель. В его комнате, обустроенной под кабинет, царил полумрак: окно было занавешено и заставлено высокой тёмной ширме. Напротив находились три сидения полукругом, в центре — столик, а на нём «индийский гранат». Даже сейчас я по богатой инкрустации узнал маоцзянскую семейную реликвию, о которой с таким упоением рассказывал достопочтенный Му. Яо сразу же привлёк наше внимание к необычности этого предмета: в отличие от прочих найденных «гранатов», которые относились либо к эпохе великого бедствия, либо ко временам правления Первого и Второго Лидеров, этот не был связан ни с низинами, ни с горной страной.

Согласно преданию, которое помещалось в описании от господина Му, прежним владельцам «сердце чудовища» много поколений назад принёс на рассвете белоснежный журавль — и с тех пор, пока никто из домочадцев не поднимал руки на прекрасных птиц, беды обходили семью стороной. И в этой истории, с начала до конца похожей на романтический вымысел, было существенное зерно правды.

Загорелся синий луч, на ширме отразилась уже знакомая зелёная сетка, и — чудо — в следующее мгновение перед нами возникло как бы окно в другую, ярко освещённую и причудливо обставленную комнату. Из окна на нас смотрел седой и бледный человек с пушистыми усами и какими-то невероятными глазами: голубыми и широкими, шире, чем даже у администратора Ли. На человеке красовалась диковинная, ни на что не похожая шляпа тёмно-зелёного цвета, с полукруглым чёрным навесом над глазами. Человек поднял к нему правую руку и что-то отрывисто произнёс. Помолчал, сказал ещё что-то — и исчез. Вместо него возник другой, очень похожий, но без усов и шляпы, — и после недлинной фразы тоже пропал. Так перед нами сменилось три или четыре лица — возможно, кто-то показался дважды, но я плохо их различал. Вдруг в окне появился старый бородатый кореец и с немного странным выговором сказал:

«Здравствуйте. Мы крепость Антей, тридцать градусов севера, шестьдесят градусов востока. Нам удалось выжить в ужасной катастрофе. Пожалуйста, досмотрите наше послание до конца».

Затем вновь заговорил первый, в шляпе, — на этот раз что-то долгое, пространное. Голос шёл из устройства с синим лучом, и я тщетно пытался уловить в потоке непонятных слов хоть что-то знакомое. Учитель Яо пояснил, что сейчас те люди, которых мы только что видели перед собой, прочтут обращение на разных языках. Китайского среди них не было, но Яо кое-как понимал один из языков, на которых говорил человек в шляпе (комендант Шэ Ин), и, как и я, владел корейским.

Послание рисовало следующую картину. Три столетия назад на одинокой горной вершине далеко к востоку от области Янь располагалась пограничная крепость одного из низинных государств. Когда произошло великое бедствие, в этом районе шло ожесточённое сражение. Недавно сменившийся гарнизон отражал атаку за атакой, и поначалу землетрясение и туман были восприняты как применение какого-то нового оружия. Позже комендант отрядил разведывательный дозор (оказывается, у наших предков были средства, способные защитить от тумана), но на много ли вокруг города и посёлки вымерли. Разведчики, отправленные на большее расстояние, не вернулись, связь с командирами была потеряна с первых же дней, но Шэ Ин сумел навести в крепости жёсткий порядок и поднять дух гарнизона.

Пак Симон — старый кореец, который говорил последним, — рассказывал об этом так:

— В то, что Антей единственное место, где сохранилась жизнь, верить не хотелось. Все мы волновались за своих родных, понимая: даже если наши семьи живы, мы можем никогда с ними не встретиться. Но понимали мы и то, что нам нужно просто выполнять свою работу, чтобы сохранить рассудок. Царило полное затишье. Потом из ниоткуда появились страшные, демонического вида существа. Мы потеряли нескольких человек, но очень скоро нашли способ раз и навсегда избавиться от этой напасти.

Эти слова заставили меня вздрогнуть и вспомнить о Лунвэе с его странной историей об оружии против гуйшэней. Старый Пак явно говорил именно об этом!

Крепость не испытывала нехватки еды и воды, но, в отличие от горной страны, веками держаться не могла: весь гарнизон состоял из мужчин, рано или поздно он бы просто вымер. Из слов Пака я понял, что на вершине горы ещё с Золотого века стоял мощный «передатчик» — устройство для связи с небесными странами. День за днём обитатели Антея отправляли послания в вышину и слышали в ответ молчание.

Так прошло пять лет. Весной и осенью гора становилась перевалочным пунктом перелётных птиц, и однажды кто-то из бойцов увидел журавля с яркой лентой на ноге. Это была огромная радость: значит, где-то, откуда прилетела птица, есть жизнь. Гарнизон записал обращение на «индийском гранате» и, дождавшись, когда стая полетит обратно, отправил его так же, с журавлём. На день отправки маоцзянского «граната» эта традиция существовала уже тридцать пять лет.

— Нас осталось девять человек, — завершил свои слова Пак, — но пока мы живы, генератор продолжает работать, мы не оставляем надежды связаться хоть с кем-нибудь. Если вы нас слышите, отзовитесь.

Это лишь часть. Что-то из сказанного мне вообще не удалось понять.

Далее следовало несколько карт, по которым можно было достаточно точно определить местоположение Антея относительно горной страны, а также чертежи и изображения самой крепости и её ключевых узлов. Сильнее всего впечатлил меня вид с вершины горы на её основание. Ядовитый туман (на этом изображении — ярко-красный) опоясывал гору, но словно боялся подступить слишком близко. Под горой зеленела трава, росли деревья — не белёсый мох! — а рядом, чуть не касаясь веток, стояла алая стена тумана. Сразу завладел моими мыслями и передатчик, похожий на огромное блюдо, проткнутое посередине иглой.

Учитель Яо, показал нам и «генератор» — приспособление, видом и предназначением походящее на алхимическую печь. По его словам, оно снабжало крепость некоей эфирной энергией, необходимой для работы всех сложных устройств, в том числе, вероятно, защищающих её от тумана.

— Посмотрите! — У Чжайбо вдруг подошёл к ширме и ткнул пальцем в изображение блестящего цилиндра. — Узнаёте? Такую вещицу я приносил вам в Тайхо пару лет назад! Помните серебристого истукана?

— Да, похоже на то, — согласился Яо. — Увы, в Тайхо я так и не сумел раскрыть его предназначения, но думаю, что для генератора это что-то вроде топлива.

— Значит ли это, что, добравшись до Антея, можно вернуть всё это к работе? — спросил я.

Учитель Яо озадаченно на меня посмотрел, а У рассмеялся:

— Как же вы собираетесь туда добраться? Не смотрите, что я одет, как даос, — превращаться в журавля я так и не научился!

Я напустил на себя загадочный вид и сказал, что, наверное, смогу это устроить. Мне было приятно, что и я сегодня могу преподнести им нечто удивительное.

Глава двадцать четвёртая. Тройка стратегов договаривается возродить старый обычай; Барабанчик находит, чем отпереть закрытые двери

Сделав распоряжения насчёт западного флигеля, я отправил за паланкином и к четырём часам был у дома господина Чхве. Как я и ожидал, правитель Дуншаня сидел за чаем в компании администратора Ли. Под рукой у того я заметил несколько архивных папок и предположил, что среди них должны быть копии тайцзинских документов Су Вэйчжао. За столько недель, проведённых в Лияне, странствующий администратор упустил немало бумажных сокровищ и сейчас навёрстывал упущенное.

Господин Чхве пошутил, что моя болезнь прошла на удивление быстро. Я ответил шуткой о том, что на следующее утро она о себе ещё напомнит, и под одобрительный смех занял место за столом. Слуги принесли третий чайный прибор. Некоторое время я просто слушал беседу, изредка отвечая на обращённые ко мне вопросы, но, дождавшись в обсуждении удачной развилки, сам вывел его на тему забытых изобретений и упомянул о летающей лодке. Префект тяжело вздохнул и признался, что последние два месяца этот проект не идёт у него из головы. Администратор Ли с интересом открыл соответствующую папку и сразу обратился к чертежам и рекомендациям по постройке.

Наши предки, будучи родом из низин, понимали, что в горной стране, возможно, придётся обходиться без привычного сырья и технических средств. Поэтому, составляя проекты, закладывали в них вариативность. Это приводило к тому, что в тексте привычные нам названия материалов соседствовали с какими-то удивительными, благо

предусмотрительный Су постарался разыскать сведения и о последних и снабдил свои записи соответствующими примечаниями.

По просьбе Ли я выписал на отдельные листки наименования всех необходимых материалов, их расчётное количество и, где это требовалось, сведения о том, как и из чего их получать. Мы разложили листки на столе. Временно отсеяв те варианты, понять которые не помогали даже заметки Су, мы старались выстроить оптимальную, на наш взгляд, схему, но то и дело упирались в какие-то немыслимые условия. Калькуляции требовали то прогнать через печь гору песка не ниже Дуншаня, то раздобыть стадо коров в сто тысяч голов, то доставить огромную партию ткани или древесины за тысячи ли. Попадись мне такие цифры в другом контексте, я бы неминуемо счёл их поэтическим преувеличением.

Мы пробились над перекладыванием бумажек три четверти часа и пришли к выводу, что строить воздушные лодки в области Янь при её скудости и несовершенстве путей сообщения почти невозможно, и уж точно не получится сделать это незаметно для столичного двора. Крупные и необычные поставки на Дуншань неизбежно привлекли бы внимание надзорных органов. И это только одна сторона вопроса! Есть ещё и разбойники, которые уж точно постараются перехватить огромный груз, неспешно идущий через всю страну. Если же разбивать его на малые партии, постройка даже одной лодки заняла бы чудовищно долгое время.

Нас прервало появление слуги — он сообщил о некоем важном уголовном деле, всенепременно требующем срочного внимания префекта. Поднимаясь из-за стола, господин Чхве попросил нас не уходить и пообещал скоро вернуться. После недолгого молчания я сказал:

— А что если не пытаться скрыть эти грузы, а наоборот — говорить о них громко, во всеуслышание?

Ли посмотрел на меня с улыбкой, затем лицо его посерьёзнело:

— Продолжайте.

Воодушевлённый, я заговорил о «Днях путешествия» Пао-цзы и новеллах его современников. В этих произведениях неоднократно упоминается ярмарка в Сицюэ, городке на границе трёх областей — Ба, Шу и Цинь — и всего в полутора сутках езды от четвёртой, Хань. Когда-то государство проводило такие ярмарки, чтобы поднять юго-

запад, сильно пострадавший от прекращения торговли с мятежной Чу и разрушения всех мостов через ущелье Южного Ветра. Ярмарка проходила раз в год, в конце лета, и длилась всего пару недель, но на три месяца до неё и на два месяца после государство брало под неусыпный контроль не только окрестности Сицюэ, но и главные торговые маршруты по всей стране. Дело считалось настолько важным, что его курировал триумвират министров-блюстителей, а областные торговые палаты в последний летний месяц оживлялись настолько, что были похожи на ульи. Если бы императорский двор возобновил столь прекрасный обычай, но уже на северо-востоке (а лучше всего — в области Янь), это обеспечило бы грузам сохранность и избавило их от подозрений.

— Что ж, как всякий подданный, тем более чиновник, вы имеете право подать Сыну Неба петицию, — бесстрастно сказал Ли.

— Гораздо надёжнее прибегнуть к посредству губернатора и министра Шэн Яня.

— В самом деле! Но, если вы ещё не знаете, губернатор Тао не любит совершать лишних телодвижений — во всех смыслах. Не говоря уже о том, что с Шэнами его связывает отнюдь не дружба.

Казалось, что мой собеседник намерен похоронить мою задумку, но по блеску в его глазах я понял, что он лишь меня испытывает, а сам уже успел развить её дальше. У меня были кое-какие мысли, однако мне захотелось послушать Ли, поэтому я тяжело вздохнул и признал, что оказался в тупике.

— С другой стороны, — ободрил меня собеседник, — никто не мешает нам обратиться за помощью к губернатору одной из соседних областей. Нынешний чжаоский правитель, Сунь Юшуй, у Шэнов на плохом счету — вы ведь знаете об истории с Босоногим Ланем? — но, кажется, наш южный сосед старается демонстрировать им благонадёжность, а кроме того, не прочь насолить губернатору Тао. В Лияне у него есть свои агенты, которые доносят в Ци о предложениях, звучащих в зале Державной Справедливости. Если циский губернатор узнает, что Тао по своей лености упустил выгодную задумку, он приложит двойные усилия для того, чтобы заставить его потом кусать локти.

Воспользовавшись сменой ролей в разговоре, я сам заговорил о трудностях: для успеха нашего предприятия Шэна ещё требовалось

убедить, а у него на носу был бунт книжников.

— Бросьте, — отмахнулся Ли. — Вы видели императорского шурина и знаете, как он принимает решения: ему хватает медового голоска, звонкой монеты или порыва негодования. Что же касается книжников, вы правы, но немало правителей брались за смелые и дорогие затеи, как раз когда страна стояла на краю. Для Шэна это может обернуться падением, но и здесь воздержусь от поспешных выводов: если просьба будет исходить от местных властей, он проявит себя как заботливый государственник, пекущийся об окраинах. И ещё. Вы верно отметили, что к ярмаркам в Сицюэ дороги по всей стране столица брала под охрану — новая ярмарка позволит под благовидным предлогом наводнить своими людьми любые провинции, да ещё и снискать любовь северо-востока.

Вернулся господин Чхве, и цепочку стратагем мы достраивали уже вместе с ним. В неё хорошо вписался лиянский ревизор И Мэнкун — честный и самоотверженный чиновник, радеющий о благе своего края, но лишённый большого воображения. Сделать так, чтобы он загорелся идеей хоть на две недели превратить Янь в магнит для торговцев, а затем представил эту мысль Тао Ханьло, было нетрудно, и префект сказал, что сделает это сам.

— В Ци у нас тоже будет союзник, генеральный инспектор Чэнь Шоугуан, — господин Чхве переглянулся с Ли. — Но доставить ему послание лучше всего лично, с надёжным и немногословным человеком. Кого вы можете рекомендовать?

Странствующий администратор не успел назвать никого из гостевой слободы, как я, сам того не ожидая, выпалил, что готов сам отправиться в цискую столицу, Цанъюань, дабы не расширять круг людей, посвященных в замысел. Чхве задумчиво кивнул:

— Коль скоро мы делаем такую ставку на Ци, можно попытаться одним выстрелом поразить две мишени. На окраине области, чуть восточнее большого ущелья, находится урочище Цинбао. Оно пустует вот уже лет двадцать. Говорят, будто это место проклято, но я видел его сам: поверь мне, это прекрасное место, скала под ним — словно бастион, который вонзается в туман. Мне бы хотелось, чтобы ты, мой мальчик, приобрёл его под поместье.

— На ваше имя? — уточнил я на всякий случай.

— Отчего же? На своё, — префект выждал паузу, усмехаясь тому, как я опешил, затем продолжил: — Поручительства и векселя ты получишь дней через десять. Устроить покупку можно через того же Чэня. Путешествовать с больной ногой — не самое приятное, но очень тебе советую: когда дело в Цанъюане будет сделано, выберись в Цинбао — ты убедишься в том, насколько это спокойный и славный уголок.

— Но что если Тао Ханьло решит действовать и ходатайствовать перед Шэном?

— В таком случае, — Чхве отпил из чашки совсем уже остывший чай, — нам придётся действовать вместе с ним и быстрее него.

Военный совет ждал меня и дома. Чтобы не тревожить госпожу Яо и не смущать Мэйлинь, мы собрались в левом флигеле. Я коротко сообщил «тайным учёным», что при хорошем стечении обстоятельств уже через год у дуншаньского правителя появится средство, позволяющее передвигаться по воздуху. У Чжайбо от неожиданности присвистнул, а учитель Яо покачал головой:

— Это только полдела. О таких вещах я читал, и вреда от них может быть больше, чем пользы. К тому же летучий аппарат появится не у вас, а у вашего префекта. Как убедить его отправить экспедицию именно в направлении Антея — и включить в её состав хоть кого-то из нашего круга?

Я был уверен, что с последним проблемы не будет. А вот первое… Проще всего было бы скопировать карты с «индийского граната» и передать их господину Чхве, но это потребовало бы обозначить источник, а этого я делать не мог и не хотел. Второй вариант — выдать копии карт за очередную порцию работ Су Вэйчжао. Но и его я отмёл, опасаясь, что Чхве явится к беглому архивариусу за подробностями. Оставалось одно — «найти» эти сведения за пределами Дуншаня и доставить их правителю как случайную диковинку. Для этого представлялся и повод — можно было принести карты по возвращении из Цанъюаня. Единственная загвоздка — префект без труда распознал бы копию, сделанную в наши дни, и, не увидев оригинала, мог не поверить.

Барабанчик хлопнул себя по лбу, посмотрел на Яо и сказал:

— Двух мнений быть не может! Я знаю, к кому обратиться!

Как я уже рассказывал, таланты «тайных учёных» были весьма разнообразны — как и те пути, которые вели их на встречу с древностью. Одним из единомышленников отца был выдающийся художник-реставратор по фамилии Кан. Он родился в Чжао, в небогатой корейской семье, но благодаря счастливому стечению обстоятельств обратил на себя внимание местного покровителя художеств, а впоследствии сумел поступить в Императорскую академию живописи. Возможно, ему, как и Отражённому Фениксу, не хватало собственной фантазии, но он дал бы любому фору в том, что касается трудолюбия и знания старины.

Вскоре Кан осознал, что его призвание не создавать, а восстанавливать. С трепетом влюбленного он искал каждой встречи с образчиками древнего мастерства, изучал стили, технику и материалы старинных работ. Когда же смотритель Запретного города пригласил его для воссоздания орнаментов государевых опочивален (работа, от которой он, к слову говоря, по скромности отказался), заказы посыпались на реставратора со всех сторон. Причём вельможи и их избалованные отпрыски чаще жаждали не восстановить какую-то утраченную реликвию, а получить новодел, по виду не уступающий антиквариату. И Кан внезапно открыл в себе новый талант — отлично имитировать и подделывать древность, но это никак не умаляло его любви к древности неподдельной.

Женился Кан довольно поздно. Столица прочила ему блестящие партии, которые позволили бы его потомкам жить, не зная бедности, но он нашёл жену в родной деревне. Не первую красавицу, почти безграмотную, да ещё и младше себя на тридцать лет. Об их браке ходили разные слухи, но жили они душа в душу, и вскоре госпожа Кан стала супругу первой помощницей. Она с интересом и лёгкостью изучала все премудрости его работы, а иногда втайне от высокопоставленных клиентов выполняла за мужа некоторые заказы.

Когда здоровье художника стало сильно сдавать, он полностью отошёл от дел и поселился на севере области Вэй, где и умер лет за пять до моего отца. Собственно, поэтому в отцовской тетради и не был обозначен его адрес — госпожа Кан, хоть и симпатизировала «тайным учёным», посвятила свою жизнь ведению хозяйства и дочерям.

— И каким дочерям! — прицокивая языком, распевал Барабанчик. — Две точёные куколки, Хеён и Юми! И обе в меня влюблены! Пока был жив старый Кан, я ещё бывал у них на хуторе, в Хунчоу, а после его смерти двери гостеприимного дома закрылись: вдовушка боится, что её красотки из-за меня перецарапают друг другу лица. А я ведь не император и выбрать могу только одну.

Яо Шаньфу, который дотоле посмеивался в кулак, разразился хохотом:

— Сдаётся мне, практичная госпожа Кан просто не видит в тебе подходящего зятя, а ты желаешь сызнова напроситься к ней в гости! Впрочем, ты прав: если сейчас перерисовать карты и схемы и попутно перевести их на китайский, почтенная вдова могла бы изготовить прекрасные «документы времён Первого Лидера».

В моей голове замкнулась очередная цепочка. Даже если У Чжайбо отправится в Хунчоу немедленно, а госпожа Кан согласится принять его и выполнить нашу просьбу, она едва ли хранит при себе полный

арсенал реставратора. Стало быть, какие-то материалы потребуется докупить — возможно, в столице. Неясно, и сколько времени нужно, чтобы изготовить и состарить документ. Однако я по возвращении из Ци мог бы отправиться в Баопин (даже гласно), на обратном пути заглянуть в Хунчоу и позже выдать карты и схемы за подарок Вэйминьского князя.

— У вас есть верительная бирка для Хунчоу? — осведомился У.

Я признался, что нет. Учитель Яо тоже покачал головой.

Барабанчик гордо выпятил грудь:

— Ваша верительная бирка — это я. С удовольствием дождусь вас на хуторе и познакомлю с его обитателями и обитательницами.

Мне казалось, что эта схема великолепна. И с какой горечью я вспоминаю сейчас лёгкий, весёлый разговор того вечера…

Глава двадцать пятая. У Чжайбо прячется на открытом месте, начальник станции говорит о барсах и чиновниках

Десять дней, о которых говорил господин Чхве, растянулись на три полновесных недели. Но промедление меня не смущало. Во-первых, на Янь обрушилась зимняя непогода, разом притупившая желание срываться с места. Во-вторых, на Дуншане для меня появилось слишком много увлекательного — и это несмотря на то, что, пока в городе оставался И Мэнкун, я почти безвылазно просидел дома под предлогом болезни.

На второй день в гости ко мне заглянул администратор Ли — с тощим и длинным холщовым свёртком под мышкой. Мне сразу же вспомнился костыль в ямыне судьи Цао, и не зря: под тканью оказался первый подарок мастера Сюй Чаньпу, изящная лакированная трость с ажурным кованым набалдашником. Неуловимым движением верхняя его часть сдвигалась набок, обнажая дуло с хищно сверкающим остриём стрелы. Элегантно был выполнен и спусковой механизм, простой в использовании и вместе с тем защищённый от случайного нажатия. В нижней части трости было предусмотрено небольшое хранилище ещё под две-три стрелы, но за раз я мог сделать только один выстрел, после чего, если потребуется, доставать рапиру.

Фехтовал я неважно, стрелять был тоже не мастак. Отец, у которого прекрасно получалось то и другое, пробовал меня научить, но достиг весьма скромных результатов, в чём я честно признался администратору Ли. Тот вызвался дать мне пару уроков обращения с новым оружием.

— При иных обстоятельствах я рекомендовал бы услуги кого-нибудь из военных инструкторов, — добавил он. — Но в данном случае речь идёт о тайном средстве, а оно, как известно, тем сильнее,

чем меньше людей о нём знают. По этой же причине и практиковаться лучше вдали от посторонних взглядов.

Мы направились к главному зданию. Во внутреннем саду в окружении стайки особо впечатлительных слуг вышагивал У Чжайбо, вращая зажатую между ладоней рукоятку тао и бормоча невразумительную смесь даосских заклинаний. Заметив, как администратор Ли с сомнением поднял бровь, я замедлил шаг. Семейство Яо я предпочитал скрывать от чужого внимания, а Барабанчика намеренно выставлял напоказ, руководствуясь тем же методом: прятать что-то на открытом месте.

— Последнее время в моём доме происходят непонятные вещи, — сказал я достаточно громко. — Совсем недавно, верите или нет, слуги видели, будто кто-то в меня стрелял, а спустя сутки на меня напала эта странная болезнь — внешних проявлений никаких, но словно высасывает все силы. Уверен, не обошлось без лисицы или гнева горных духов. Так или иначе, я на несколько дней пригласил наставника У, известного бродячего даоса, чтобы он развеял чары и восстановил правильные потоки энергии.

Ли одобрительно кивнул. Как говорится, у нарисованной рыбы только один глаз, и хитроумный администратор наверняка понял лишь половину замысла. Пустить по Дуншаню слух о приглашённом заклинателе значило перевести разговоры о ночном покушении и моей болезни в область пересудов о происках потусторонних сил, то есть заведомо их обесценить.

Мы уже подошли к порогу, как Барабанчик громко вскрикнул и засеменил к нам, на ходу вытаскивая из-за пояса деревянный меч. Сделав нам с администратором Ли знак отойти от двери, он несколько раз прошёлся перед ней, что называется, «юйским шагом», выбросил вперёд левую руку, и над нею вспыхнул и погас язык белого пламени. Слуги ахнули, не зная, что и думать. У Чжайбо тут же куском угля начеркал что-то на верхней притолоке и объявил, что теперь входить можно без опаски.

— Блестящий человек, — восторженно отозвался я, пропуская господина Ли вперёд.

Для тренировок была выбрана самая большая комната. В дальнем углу я повесил мишень — старую шляпу — и, конечно же, не смог в неё попасть.

— Главное, — произнёс Ли, вытаскивая из стены стрелу и вновь заряжая трость, — научиться указывать предметом на цель так же легко и точно, как вы указываете пальцем. Если бы не ваша хромота, я бы посоветовал вам чжоуцю.

В гостевой слободе я не раз видел удальцов капитана Дуаня за этой игрой, да и в самом городе тут и там можно было увидеть разделённые надвое столы, и в летние вечера со стрёкотом сверчков нередко соперничал лёгкий стук шарика: «Пин-пан, пин-пан». Дети чиновников обычно воротили нос от такой уличной забавы — она считалась уделом мещан и голытьбы, нам же подобало чинно сидеть за разлинованными досками и выставлять на них камни или двигать по перекрестьям пехоту и кавалерию. Впрочем, некоторые мои одноклассники не гнушались сыграть партию-другую в мяч или в чжоуцю — но, увы, и здесь я не отличился.

Сам администратор Ли стрелял превосходно. На моих глазах он трижды поразил самый центр мишени и, кажется, даже застеснялся своего умения. Дождавшись, когда и у меня кое-как начнёт получаться, он откланялся, пожелав мне терпения.

До отбытия в Ци я отдавал тренировкам по нескольку часов в день, а оставшееся время проводил за разговорами с Яо Шаньфу и У Чжайбо. Первый с готовностью делился со мною сведениями об устройстве крепости Антей и показывал перерисованные схемы, уже переведённые на китайский. Второй за трубкой рассказывал о путешествиях по областям юго-запада. А собираясь втроём, мы мечтали об исполнении нашей задумки и путешествии в далёкое прошлое, которые — мы были уверены — готово раскрыть нам самые прекрасные тайны.

— Скажите, дядюшка, — произнёс У в одну из таких бесед, — а что всё-таки случилось с тем серебристым истуканом, который, как вы говорите, оказался топливом?

— Не знаю, — вздохнул учитель Яо. — Он был так искусно украшен, что поначалу я и принял его за статуэтку, которая лишь отдельными деталями выдавала своё древнее происхождение. Истукан простоял у меня в кабинете до самого бегства из Тайхо. А дальше… Деревня сгорела, и разбойники наверняка что-то захватили с собой, что-то сбросили вниз, а что-то так и оставили лежать на пепелище.

— На том месте, где стоял ваш дом, я осмотрел всё, — покачал головой Барабанчик. — Искал, правда, другое: человеческие останки. И всё же… из старых находок там ничего не было.

— Что-то я успел захватить с собой, а остальное ищите в «диком краю» или в ядовитом тумане, — развёл руками Яо. — Но не сомневайтесь: при нашем нынешнем запасе «индийских гранатов» мы скоро будем знать и об устройстве топливных цилиндров.

Тем бóльшую значимость в моих глазах приобрели возобновившиеся уроки с Мэйлинь, от письменности плавно перешедшие к основам лексики и грамматики чуского наречия. Всё это время я читал в её лице глубокую печаль и не знал, чем она вызвана: воспоминаниями о судьбе подруг и жениха, тревогой о здоровье матери или, может быть, мыслями о моём очередном отбытии с Дуншаня.

За три недели У Чжайбо исчерпал весь свой арсенал даосских плясок и фокусов, а Яо подготовил целую тетрадь схем и сопроводительных текстов и для верности положил её в кожаный пакет. Барабанчику предстояло отбыть чуть раньше меня, и я поинтересовался, какой дорогой он планирует идти к Хунчоу.

— Кто ж меня знает! — весело откликнулся он. — Вероятнее всего, переберусь в Ци по дуге, а оттуда — в Вэй через ущелье или через Чжао, под настроение.

Этого ответа я и боялся. «Дикий край» мелькал в наших беседах слишком часто, и я предложил моему гостю безопасности ради продвигаться через Девять областей, пускай даже выйдет солидный крюк. У согласился, что ставки слишком велики, наметил вместе со мною безопасный маршрут и на всякий случай зашил пакет с чертежами за подкладку походного халата. Запротестовал он, только когда я предложил ему провожатого, но и здесь в итоге согласился, узнав, что его спутником станет Минхёк — кореец, да ещё и земляк госпожи Кан.

На следующий день уже свой маршрут я обсуждал с префектом. Мне, в отличие от Барабанчика, полагалась неплохая свита. Торговый дом Чхве, на чьи деньги я, собственно, и покупал имение, отправлял со мною четырёх вооружённых охранников (все четверо — по фамилии Чхве) и бойкого поверенного (как ни странно, по фамилии Ким). Отдельно, при разговоре с глазу на глаз, правитель Дуншаня достал из-за пазухи два запечатанных конверта. Их подлежало передать генеральному инспектору Чэню из рук в руки, ни в коем случае не повреждёнными. Наверное, именно так выглядело пресловутое письмо сиротки Лю из романа о братьях-тиграх: «Немедленно схвати подателя сего и предай лютой смерти».

— Не волнуйся, мой мальчик, здесь нет никакого подвоха, — улыбнулся префект, увидев на моём лице тень подозрения. — Я напоминаю господину инспектору о кое-каких прежних услугах и прошу его оказать тебе содействие как моему протеже.

Позже, в день отправления, оказалось, что поначалу моим попутчиком будет и администратор Ли. Мы благополучно добрались до Циской дуги и там взяли две коляски. Ким и охранники деликатно держались в стороне, предоставляя двум учёным господам возможность непринуждённо беседовать. В моей голове роились

мысли о нашем тайном замысле, и всё же — на всякий случай — мы ограничились обсуждением общих тем и политических новостей страны (той же отставки главного цензора правой руки Тянь Чуанфэя, которую, как и предсказывал Су Вэйчжао, принесла на хвосте на редкость яркая комета). Лишь перед самым прощанием в Сыту странствующий администратор тихо спросил меня об успехах в стрельбе.

— Ваши наставления пошли мне на пользу, — ответил я. — Но, боюсь, навыка мне всё же не хватает. Я, может быть, и смогу кого-то попасть, но толку от такого попадания будет не слишком много. А это скорее раззадорит противника, чем выведет из боя.

— Чего-то подобного я и ожидал, — улыбнулся Ли. — Что ж, тогда примите небольшой подарок от меня, мастера Сюя и доктора Ина.

Он вынул из рукава небольшую бамбуковую шкатулку. В ней лежали ещё две стрелы, похожие на ту, с которой я практиковался, но острия были залеплены воском. После упоминания начальника химической лаборатории излишне было и говорить, что стрелы отравлены ядом мгновенного действия и обращаться с ними нужно в высшей степени осторожно. Я лишь уточнил, как и когда нужно удалять воск.

— Затвор сделает это за вас перед выстрелом, — Ли закрыл шкатулку и передал мне.

Мы уже раскланивались, когда сидевший неподалёку на улице торговец зеленью вдруг вскочил с места и с криками заспешил в нашу сторону. Это был старик в пёстрой повязке и халате сектанта «матушки Кён», но с чистым, благообразным лицом. Поначалу мне показалось, что он лопочет что-то бессвязное, но затем я понял, что это какой-то другой язык, не китайский и не корейский. На уроках нам рассказывали, что на севере Ци компактно живёт один из малых народов, но к стыду своему я не помнил, какой именно.

Старик подбежал к Ли, как-то бестактно обхватил его за плечи и радостно что-то залопотал, глядя ему в лицо. Потом засмеялся (Ли ответил ему кивками и смехом) и уже после трижды глубоко ему поклонился.

— Юноша! — обратился торговец ко мне, говоря уже на китайском. — Знаете, что это за человек? Да! Не знаете, не знаете. Да! Двадцать — больше! — лет назад, он спас деревню Луаньху от

свирепых барсов. Да! Здесь их было четыре: чёрный, жёлтый, белый, а всего страшнее вожак, красный. Да! Жизни от них не было, сущие демоны: у меня сына убили, свояка убили, племянника растерзали. Да! Этот человек шёл мимо с товарищем — как благородный зверь-мэнъюн и пятицветный лев, — они и зарубили барсов! Счастливый день!

Он опять повернулся к Ли и заговорил на своём, пересыпая речь китайскими словами. Странствующий администратор кивал и смеялся. Потом старика позвали покупатели, и он побежал к ним, на прощание отвесив господину Ли ещё один поклон.

— Замечательная история, — сказал я. — Вы о ней не рассказывали, а здесь, смотрите, вас помнят спустя двадцать лет!

— Какое там, — махнул рукой Ли. — Разве вы не поняли: старик принял меня за кого-то другого, ну, а я не стал его разубеждать. Воспоминания у него приятные и для меня необременительные. Пусть радуется, думая, что встретил здесь случайно своего героя-избавителя, и какая разница, что он встретил всего лишь меня. Вы разобрали хоть что-то из того, что он тараторил?

— Нет.

— Я тоже, — усмехнулся Ли. — Нужно быть начеку. Чего доброго, пригласят в гости, а тащиться в Луаньху, где бы она ни находилась, нет никакого желания.

Отъезжая от Сыту я подумал, что так и не спросил о деле, которое привело туда администратора Ли. В голову лезла всякая всячина. Я готов был поверить и в то, что он просто сопровождал меня, так сказать, на всякий случай (недаром у него были при себе ядовитые стрелы, которые он явно намеревался передать мне); и в то, что он вынюхивает что-то о «тайных учёных» (когда-то отец оставил половину верительной бирки в чайной господина Лю, а какие ещё дела и знакомые были у него в Сыту и в этой части Ци? и не пустился ли странствующий администратор вдогонку за У Чжайбо?); и в то, что он изучает местность, прощупывая почву для исполнения стратагемы, о которой мы договорились с префектом. Я и сам поймал себя на мысли, что словно приценяюсь к проезжаемым местам, прикидывая, насколько удобным будет этот маршрут для торговцев — и для разбойников.

Впрочем, главными разбойниками Цискоӣ дуги, как уже говорилось, были и остаются барсы. В некоторых частях Чжао и в южных областях вот так же хозяйничают тигры. Ни гуйшэнь, ни дорожный грабитель не могут тягаться с ними по злобе и опасности. Возможно, деревенский люд и сумел бы сообща извести эту напасть, но на стороне хищников — закон, запрещающий истреблять дикое зверьё. Со времён первых императоров каждый вид животных, нашедший приют в горной стране, объявлен государственным сокровищем. Убить зверя просто так нельзя, и горе человеку, от руки которого погибнет последний зверь той или иной породы! Народная пьеса «Пещера в четырёх ли» рассказывает историю хутора, хозяин которого, как давешний торговец из Сыту, теряет сына в столкновении с серебристыми львами (такие водились на юге Ба). На следующий день от лапы льва гибнет его престарелый отец, а следом — мать. Местный судья не решается вынести хищникам приговор — они последние в горной стране. Отчаявшись, хуторяне берут факелы и колья и идут на львиное логово. Жестокая схватка уносит ещё несколько жизней, но все львы уничтожены. Через неделю судья безо всякого снисхождения приговаривает выживших хуторян к каторге. В цепях и колодках им предстоит идти через всю страну, в наш северо-восточный край, — и, как повествует эпилог, погибнуть по дороге.

Приговоры гуйшэням звучат на Дуншане в том числе и поэтому. Впрочем, делается это, скорее, для успокоения удальцов, ведь этих чудовищ закон не защищает. Как я говорил в самом начале, их относят к нечистой силе.

В городах и деревнях Цискоӣ дуги вовсю торгуют амулетами в виде благородных зверей-охранителей (таких, как упомянутый мэнъюн или величественный цюэр), приказными бирками звериных вельмож и полководцев и обманными именами. Согласно старинному корейскому поверью, стоит леопарду или тигру съесть сердце человека, и дух убитого становится рабом убийцы и служит ему сверхъестественным образом: заманивает новые жертвы, ломает капканы и ловушки, сообщает хозяину имена прежних друзей и знакомых — и кровожадный людоед с особым остервенением начинает их преследовать. Табличка или нашивка с чужим именем, по мнению суеверных местных жителей, — прекрасный способ отвести беду. Даже в городах, которые страдают от зверей куда реже, редко кто ходит

без оберегов: люди боятся не столько умереть от когтей и клыков, сколько попасть в посмертное рабство.

— Добро бы к тигру, — рассуждал, попыхивая трубкой, толстяк-управляющий на одной из придорожных станций. — Тигр жесток, но благороден, знает обычай, уважает старость. А барс — подлый головорез. Леопард-цзин — так вообще пожирает собственных родителей!

И он же, узнав, что я гражданский чиновник, завистливо смотрел и качал головой. Уж такого-то зверь никак не сумеет взять в рабство, если вообще позарится на горькое мясо учёного-законника. Мы проехали Цискую дугу из конца в конец, до самого Чэнъяна, так и не встретив пятнистых злодеев, и я шутя объяснял это именно своей принадлежностью к чиновному сословию.

Деревянный мост, соединяющий Чэнъян с Чэнъинем на плоскогорье, самый длинный на всём северо-востоке (а может, и во всей горной стране), в народе носит название Барсов Хвост. Он протянулся по-над изогнутым хребтом, который обнажается, когда туман в этих краях идёт на убыль. Летом отливы позволяют путешествовать даже вдоль моста — звери так и поступают, — но зимой можно идти только по нему. Строился мост урывками, при трёх государях, и на разных участках выглядит по-разному. Где-то идёшь под надёжным навесом, который защищает от непогоды, где-то нет даже обычных перил. На пути пристроены укрытия от гуйшэней и площадки для привалов, но крайне неравномерно. То же можно сказать и о караульных башенках, обыкновенно пустующих с первых дней зимы. В начале и в конце Барсов Хвост широк и соблазняет нанять паланкин или коляску, но знающие люди подскажут: в середине есть места, где едва разойдутся двое, так что идти придётся пешком — и целый день. Выйдя на рассвете, к вечеру достигнешь противоположного края, если не сбавлять шаг и обойтись без приключений. Есть, конечно, охотники ночевать на площадках моста, но так шансы на приключения существенно возрастают.

Мы ступили на Барсов Хвост, едва чэнъянская стража открыла ворота. Накануне в ночь пошёл густой снег, а к нашему выходу поднялась метель, мост был виден от силы на сто шагов. Ким советовал подождать, пока распогодится, а в Чэнъяне наберётся бóльшая группа желающих идти на юг, но я — сам не понимаю

почему — не соглашался ни в какую и настоял на скорейшем выходе. Пока позволяло место, мы шли по двое. Впереди и сзади — охрана, а в центре — мы с Кимом. Охранники вяло переругивались по-корейски, очевидно, полагая, что я их не слышу или не понимаю; поверенный дома Чхве, напротив, как будто не обиделся на мою твердолобость, оставался приветливым, поддерживал под руку и грамотно подсказывал, когда делать привал.

Перевалило за полдень, ветер то поднимался, то затихал, но снег и не думал прекращаться. Небо было пасмурным, а мы так и не встретили ни души, не считая пары солдат, возвращавшихся с обхода в Чэнъян. Несколько раз в небе мелькала крылатая тень, но и гуйшэни, похоже, не жаловали такую погоду.

После очередного привала мост сузился, и мы пошли по одному. Вдруг Ким, шедший сзади, тронул меня за рукав:

— Смотрите!

Туман под мостом стал плотного белого цвета, словно вьюга намела высокие сугробы. Не к добру. Молодцы Чхве взяли оружие на изготовку, один достал арбалет — хотя во что можно попасть в такой снегопад!

— Поторопимся, — сказал Ким. — Место здесь узкое, перила низкие, как на собаку сделаны. Проскочить нужно побыстрее. Вы могли бы прибавить шаг?

Не успел я ответить, как впереди, из метели, раздался истошный крик.

Глава двадцать шестая. Чхве Ёнсин отбирает добычу у стервятников, генеральный инспектор Ци склоняет губернатора не медлить

Корейцы оторопели. Я обернулся к Киму и твёрдо сказал:

— Вперёд!

— Зачем? — спросил он, сглотнув.

Прекрасный вопрос! Я и сам себя не понимал — ни тогда, ни позже. Совет поверенного был дан секунду назад, когда он рассчитывал стремительно миновать опасный участок, а сейчас было ясно: впереди что-то происходит — скорее всего, налёт гуйшэней, — значит, на быстрое продвижение надежды нет. Попавшим в беду нужно было помочь, а бóльшая группа людей скорее бы отпугнула чудовищ, чем две меньших, но много ли толку в численном превосходстве на узком и скользком от снега мосту почти без перил, где крылатым противникам легко столкнуть нас в туман по одному! Да, следовало двигаться, но не вперёд, а назад, к площадке для привала, до которой ещё возможно было добежать и удержаться на которой мы могли бы в разы уверенней, — и звать за собой тех, кто сейчас кричал (кто бы то ни был).

Вместо этого я повторил:

— Вперёд!

И, видя, что спутники мешкают, громко сказал то же самое по-корейски, добавив слышанное от префекта:

— Шевелитесь, барсучьи дети!

Этого оказалось достаточно. Двое передних молодцев Чхве, на всякий случай пригнувшись, ринулись вперёд. Я, как мог, поспешил за ними и успел услышать чьё-то радостное: «Спасены!» — прежде чем сверху на нас спикировал клин гуйшэней. Я инстинктивно упал на мост и вжался в холодные доски.

Вьюга заглушала хлопанье крыльев, и несколько секунд я пролежал ничком, потом поднял голову. Впереди от большой стаи чудовищ отбивались несколько человек. На мосту они стояли один за другим, и я всё никак не мог понять, сколько их всего. Вдруг раздался ещё один вопль, и чья-то дородная фигура полетела в туман. По громкой перебранке я понял, что оба моих охранника, шедшие впереди, живы, и перевернулся на спину, чтобы увидеть тех, кто остался позади. Но тут же увидел прямо над собой распахнутые крылья и пару горящих глаз.

Времени не оставалось. Уберечь уязвимые лицо и горло — вот и всё, что можно было сделать. В голове успело промелькнуть, что я, как назло, даже не удосужился достать рапиру — если что, отбиваться буду тростью, — но сознание тут же прояснилось: это не просто палка для ходьбы, а оружие посильнее рапиры. Читать об этом гораздо дольше, чем всё произошло на самом деле. Уже заученным движением я сдвинул верх набалдашника, нажал на спуск и выпустил ядовитую стрелу в удобно подставленное брюхо гуйшэня. Затем закрыл лицо руками, не выпуская трости, и приготовился к худшему. Я видел, что стрела попала в цель, но подействует ли яд на такого противника? И если да, то как скоро?

Чудовище село мне на грудь и запустило острые когти в толстый халат. Из осклабленной пасти донеслось не то шипение, не то клокотание, и огромная уродливая голова лбом уткнулась в мои руки. Улыбка моего врага стала ещё шире, он раскрыл пасть, но как-то не торопился пускать в дело клыки, внимательно, словно изучая, глядя мне прямо в глаза. Мне хотелось зажмуриться — и не получалось. Во взгляде гуйшэня было что-то завораживающее. И вдруг я отчётливо понял: он умер.

Когда я сбросил с себя крылатое тело, Ким и двое охранников как раз успели разметать тот клин, который отрезал нас от людей впереди. Поверенный помог мне подняться, и мы ещё немного продвинулись вперёд. В одном месте, справа, в перилах зиял свежий пролом. Про себя я отметил, что здесь нужно быть особенно осторожным, но не удержался и, для верности уцепившись за своевременно поданную руку Кима, заглянул вниз. Мне показалось, что под мостом кто-то есть, и в самом деле — зацепившись ногой за опоры моста, головой в туман висел человек. Зимний халат был распахнут и свободно свисал вниз,

рубашка — разодрана и в крови. Похоже, именно он, сорвавшись первым, издал тот вопль.

— Осторожно, летят снова! — крикнул Ким, и мы пригнулись, чтобы увернуться от чёрных силуэтов.

Впереди послышался новый крик, сопровождаемый бранью моей невоздержанной на язык охраны.

— Зря старались, — сказал Ким, словно сам себе. — Кого спасали, никого не спасли.

Как-то незаметно прекратился снег, но стемнеть, к счастью, не успело, и в руках четвёрки Чхве защёлкали арбалеты. Гуйшэни, которых я насчитал в воздухе с десяток, разом потеряли троих и тут же нырнули в туман. Из тех людей, к которым мы бросились на помощь, один лежал где-то в тумане, другой — на мосту с разодранной шеей, третий висел между мостом и туманом, оставаясь на поживу не только гуйшэням, но и птицам-падальщикам.

Впереди виднелась караульная башня, и я объявил, что мертвецов нужно доставить туда. В диких местах на первых этажах караулок порой стоят особые, мертвецкие ящики. Если тело нести далеко, можно положить его там, оставив солдатам деньги за перенос и сожжение, а также памятку-записку с указанием имени и адреса покойного, времени и причины смерти. Я ждал, что корейцы и здесь будут спорить или медлить, но они на удивление быстро соорудили двое носилок (прямо здесь, в самом узком и неудобном месте!) и с потрясающей ловкостью подняли повисшего на мосту.

До башни мы добрались уже после заката. Она пустовала, но, к счастью, была не заперта, и мы расположились ночевать на втором этаже. Охранники поделили между собой дежурства, один отправился вниз, трое улеглись на голом полу, мне и Киму досталось по солдатской кровати, но я полночи ворочался с боку на бок и никак не мог уснуть. Небо после снегопада было ясным, и лунный свет заливал комнату. Я встал и пробовал читать, но мысли уплывали. Внизу будто хлопнула дверь, и я осторожно пошёл посмотреть, в чём дело.

Один из Чхве, могучий Ёнсин, великан с бычьей шеей, сидел за столом и при светильнике натирал мазью руку, раненную в бою с гуйшэнями. По всему предплечью шли глубокие, тёмные царапины, и уже завтра с утра могло пойти нагноение. Притом что по дороге Ёнсин, наверное, больше всех возмущался и бросал себе под нос

ругательства, я ни разу не слышал, чтобы он сетовал на эти раны. И ведь именно он после боя полез под мост доставать повисшего!

— Надо бы показаться лекарю, как дойдём до города, — сказал я ему по-корейски.

— Пустяки, — ответил Ёнсин. — У остальных похуже. И как досюда дошли! Но всё лучше, чем тем двоим, — он мотнул головой в сторону мертвецкого угла.

Со светильником в руке я дошёл до ящиков и сдвинул крышки. Человек с разодранной шеей был изуродован до неузнаваемости: на лице не осталось ни глаз, ни носа. За пазухой без труда нашёлся пакет с личными документами, из которых следовало, что он из местных жителей, простой охранник, нанятый для прохода по северной части Ци.

— С этим всё ясно, — бросил Ёнсин из-за стола. — Помер как помер, у меня на глазах. Дрался хорошо. Не свезло. Со вторым паршивей вышло. У него грудь разодрана и в ноге перелом, но от такого не помирают. Надышался, поди, мерзостью туманной. Жуткая смерть.

Лицо второго тоже было изуродовано, словно в нескольких местах обожжено. В широко раскрытых глазах застыл ужас. По документам он значился как Бянь Хэншу из области Цинь, но, когда я запускал руку под халат, пальцы случайно нащупали потайной карман, и я, не зная зачем, выудил ещё один пакет, куда занятнее прежнего. В нём лежала печать докладчика министерства столичной безопасности (фамилия тоже звучала как Бянь, но с другим тоном, и записывалась, конечно, иначе; имя было совершенно другим: Мэнцай), деревянная бирка, предоставляющая особые полномочия по северо-востоку, и — самое интересное и тревожное — кусок белого шёлка с портретом и описанием Су Вэйчжао. Я решил уже не возвращать столь важную находку на место, но что-то во внешнем виде этого самого Бяня меня неожиданно смутило, и я приложил ладонь к его лицу. В отличие от товарища по несчастью, он был по-прежнему тёплый и до сих пор не окоченел. Но ни дыхания, ни сердцебиения не ощущалось.

— Ёнсин, — позвал я. — Попробуй прощупать пульс.

Кореец крякнул и с ухмылкой поднялся со своего места. С полминуты он мял пальцами руки и шею Бяня, потом повернулся ко мне и сказал, как будто речь шла о чём-то простом и явном:

— Он живой.

Туман ужасен и непредсказуем. Кого-то убивает один вдох, а этот человек дышал туманом не менее четверти часа и остался жив. Чэнъиньский врач, вниманию которого я на следующий день препоручил своих охранников и несчастного Бяня, озвучил ту же мысль:

— Я давно здесь практикую, и, разумеется, людей, пострадавших в тумане, пользовал немало. Но до сих пор не нашёл ни лечения, ни корня заболеваний. Кто-то уже через неделю вставал на ноги после полынной настойки, другой с теми же симптомами после неё же умирал. А кто-то лежал вот так, в каталепсии и с открытыми глазами, кто месяц, кто полгода — и я не понимал, почему одни выживают, а другие нет.

С молодцами Чхве было проще. Двоих он уверенно отпустил, прописав притирания, двух других настоятельно советовал оставить здесь на лечение. У Бяня был очень слабый пульс, но дыхание стало ровным, и врач удовлетворённо сказал, что ни один из жизненных центров не повреждён.

— Его тоже оставляйте, в больнице места хватит, — добавил доктор. — К тому же, насколько я понимаю, у парня при себе есть какие-то средства, и вам даже не придётся платить за уход из своего кошелька.

Да, наверное, так было бы правильно. Но личность этого человека с печатью чрезвычайного докладчика и портретом беглого архивариуса за пазухой слишком сильно меня интересовала, и я решил не оставлять его у Барсова Хвоста, а взять с собою в Цанъюань. Доктор истолковал это по-своему и уязвлённо сказал, что я едва ли найду в областной столице врача, который лучше разбирается в «туманной болезни»; напоследок добросовестно наложил Бяню шину на сломанную ногу и рассказал, как обрабатывать рану на груди.

До Цанъюаня мы вновь ехали двумя колясками. В одной — Ким и оставшиеся Чхве; другая походила на подвижной лазарет, в ней следовал я и полуживой Бянь. Я при всякой возможности показывал его врачам, исправно покупал прописываемые лекарства, жёг полынные палочки и, как мог, потчевал больного бульоном. На третий день пути сердцебиение стало уверенным, а глаза закрылись. В

следующий раз Бянь открыл их, когда мы уже подъезжали к Цанъюаню.

— Что со мной? — спросил он хрипло, с трудом ворочая языком.

— Наконец-то вы пришли в себя, господин Бянь! — откликнулся я. — Всё хорошо. Главное — вы живы!

— Кто вы? Я вас знаю? Я вас не вижу, — сказал он, бессмысленно водя зрачками.

— Нет, я узнал ваше имя из документов. Вас ведь зовут Бянь Хэншу?

Он кивнул, по-прежнему пытаясь высмотреть меня ослепшими глазами.

— Мы вытащили вас из тумана после налёта гуйшэней неподалёку от Чэнъиня, — добавил я. — В тамошней больнице не нашлось койки, я не знал, откуда и куда вы направлялись, и взял с собою в Цанъюань. У вас там есть знакомые?

— Нет, — прохрипел Бянь. — Как вас зовут?

Я представился и честно сказал, что еду в цискую столицу приобретать имение, и в свою очередь спросил, в какую сторону по Барсову Хвосту шёл Бянь.

— Мне всё равно, — ответил он. — Я путешествую в поисках покровителя. Я хорошо и чисто пишу и неплохо фехтую… Вернее, умел всё это делать до недавних пор.

— Будем надеяться, зрение к вам ещё вернётся, — приободрил его я. — Если повезёт, я замолвлю за вас словечко перед местными чиновниками, а пока что поживёте в гостинице на полном пансионе.

Он потянулся было за кошельком, но я его остановил.

Мы сняли большой трёхкомнатный номер на лучшем постоялом дворе Цанъюаня, где и расположились впятером: Ким, охрана и я с Бянем. Сразу по заселении я с гостиничным слугой отправил визитную карточку Чэнь Шоугуану и тут же получил ответ: генеральный инспектор приглашает меня к себе отужинать. В положенный час я прибыл к его дому в паланкине, сменив дорожную одежду на траурное облачение, чем немало смутил хозяина. После короткого приветствия господин Чэнь вспомнил, что видел меня в Тайцзине, и я подтвердил, что действительно приезжал туда на большую дворцовую ассамблею, в которой, к сожалению, так и не смог принять участие.

— У вас, кажется, оказался при смерти кто-то из близких родственников? — тревожно произнёс инспектор. — Глядя на ваше одеяние, со скорбью полагаю, что худшие опасения подтвердились.

Я тяжело вздохнул:

— Судьбе было угодно лишить меня старшего брата. По его-то завещанию я после нескольких месяцев траура на Дуншане приехал в Цанъюань. Он мечтал о благоустройстве северо-востока, но умер, не увидев воплощения своей мечты.

И, дождавшись учтивых наводящих вопросов, пересказал ему идею проведения ярмарок, подобных тем, что были когда-то в Сицюэ. Инспектор внимательно слушал, со значением кивал, проводя пальцами по усам и бороде, а затем спросил, почему бы мне во исполнение воли брата не составить петицию. Я сокрушённо ответил, что у письма на высочайшее имя шансов немного — без влиятельных ходатаев ему в лучшем случае уготовано застрять в имперском секретариате, — а нынешний яньский губернатор отнёсся к петиции прохладно.

— Увы, — вздохнул Чэнь Шоугуан, — не всякое время благоволит добрым начинаниям. Не мне, недостойному, судить о вашем начальстве, но я слышал, что почтенный губернатор Тао в принципе мало интересуется развитием вверенной ему области. Переждите эту пору, ведь и поля не засевают среди зимы. На смену господину Тао непременно придёт новый губернатор, который проявит интерес к задумке вашего брата.

Хотя в лице его читалась участливость, общий тон ответа не оставлял сомнений: помогать мне в моём предприятии самолично генеральный инспектор Чэнь не намерен. Не дожидаясь, пока в беседе повиснет неприятная пауза, я с поклоном передал ему письма господина Чхве. Мой собеседник бросил едва заметный взгляд по сторонам, тут же вскрыл конверты и пробежал их содержимое глазами, то и дело поглядывая в мою сторону. Затем убрал письма в рукав и как ни в чём не бывало поинтересовался:

— Так вы говорите, что прибыли с Дуншаня? Состоите на гражданской службе при префекте Цуй Гуанцзу?

С почтением в голосе я ответствовал, что господин префект — мой благодетель, но, увы, единственный порядочный правитель в области Янь; а потому я планирую в самом скором времени оставить службу и

поселиться на юге Ци, чтобы предаться изучению классики и созерцанию природы.

— Лучше жить в безвестности в краях, которые находятся под достойным управлением, чем занимать должность там, где потерян правильный путь, — я пристально посмотрел ему в глаза. — Говорят, окрестности великих ущелий как нельзя лучше способствуют философским рассуждениям, и потому мой выбор остановился на Цинбао.

Чэнь вскинул брови, вероятно, не одобряя такого выбора. Потом сказал:

— Что ж, это меняет дело. Покупая здесь имение, вы становитесь частью Ци и можете рассчитывать на покровительство и помощь нашего губернатора. Задумку вашего покойного брата действительно легче воплотить в жизнь при содействии кого-то из сильных мира сего. Правитель нашей области милостив и справедлив с подопечными, а с императорским двором почтителен и твёрд. Его имя открывает двери и сердца в четырёх пределах горной страны. Кто как не он способен поднять северо-восток! Если желаете, я представлю ему эту идею, и, конечно, он не откажет.

И, когда я трижды поклонился и сказал, что во всём полагаюсь на мудрость генерального инспектора, пригласил меня зайти через три дня в то же время.

Цанъюань — большой и красивый город. Возможно, по сравнению с центральными областями он смотрится блекло, но в трёх провинциях северо-востока нигде не найдёшь такого обилия архитектурных изысков и ярких зрелищ. Неподалёку от нашего постоялого двора на многие ли раскинулся Сад благородных искусств при Большой губернаторской филармонии, и я жалел, что белый траур не позволяет мне целыми днями бродить среди фонтанов под восхитительные мелодии и пение фей. Вместо этого я отправлялся к монументальному святилищу Двенадцати Печатей и прохаживался по внутреннему дворику под монотонное гудение монахов и стук колотушек.

После обеда и вечером на этих прогулках меня сопровождал Бянь — ходил он по-прежнему плохо, и я поддерживал его под руку, но зрение восстанавливалось быстро. Я непринуждённо расспрашивал его об области Цинь и его путешествии в поисках патрона, Бянь хорошо держал роль и охотно рассказывал о своей юности — во

многом, наверное, правду. Ни к чему и говорить, что он ни словом не обмолвился о службе в министерстве или тайном поручении, связанном с поисками Су Вэйчжао, а задавать вопросы в лоб я не рисковал. Но собеседником он был приятным, и мы обнаружили значительное сходство в интересах и взглядах на вещи. Когда я между прочим сказал, что тем утром мы, можно сказать, случайно и только по моей настырности вышли из Чэнъяна в метель, Бянь приложил руку к сердцу и сказал:

— Поистине судьбе было угодно спасти меня руками замечательного человека! Сударь, моей мечтою было бы стать вам названым братом, и я не смею вам этого предложить только потому, что родился раньше вас и не считаю себя достойным получать от вас поклоны как от младшего!

Вечером четвёртого дня Чэнь Шоугуан прислал за мною паланкин и сам встретил меня в воротах своего дома.

— Дела почти улажены, — произнёс он, когда мы уселись в гостиной. — Вот все необходимые бумаги для покупки земли под строительство в Цинбао с инструкциями для ваших агентов. Что же касается идей вашего покойного брата, о них я намерен говорить с правителем сегодня вечером. Он будет здесь с минуты на минуту.

— Подобает ли мне, ничтожному, присутствовать при беседе великих мужей? — спросил я. — Боюсь, смущение выйдет и мне, и вам, ведь я даже не имею чести знать господина губернатора.

— Об этом не беспокойтесь, — ответил Чэнь. — Такие вещи и впрямь лучше обсуждать с глазу на глаз, но мне хочется, чтобы вы слышали ход нашей беседы, и потому прошу вас на время пройти в боковую комнату. Что же до знакомства с губернатором, то очень скоро и при самых выгодных обстоятельствах я вас ему представлю.

Удар гонга известил о прибытии высокого гостя, и я поспешил скрыться за дверью. Я думал, что придётся сидеть, вслушиваясь через перегородку, на деле же дом генерального инспектора был устроен хитрее: в боковой комнате имелось специальное устройство, которое позволяло, не напрягая слуха, слышать всё, что произносится в гостиной.

Поклоны, приветствия, череда вступительных фраз. Начало разговора никак не походило на прелюдию к серьёзному обсуждению — скорее на обычную застольную беседу двух учёных мужей. Речь шла о земной славе, памяти потомков и великих достижениях.

— Замечателен путь государственного чиновника, — говорил генеральный инспектор Чэнь. — Знаете ли вы имя мастера, который готовил балки для этого дома? А имя губернатора Ма Чжи, по приказу которого построен храм Державных Имён, вспомнит каждый, даже если бы на улицах ему не было ни одной мемориальной арки!

— Как тяжело идти по стопам великих предшественников! — смеялся губернатор; его голос звучал молодо и бодро; я невольно представил правителя Ци своим ровесником (напрасно, он был вдвое старше). — Губернатор Ма построил храм Державных Имён, губернатор Чжан обнёс Цанъюань висячими садами, а губернатор Ли подарил области великолепное музыкальное училище! Чем же мне прославить собственное имя?

— Здания подобны украшениям и одеждам. Они могут радовать глаз, но подлинную красоту человеку даёт ритуал. И среди правителей наиболее славен тот, кто установит или возродит добрый обычай. Тот, кто устанавливает новое, может встретить недовольство тех, кто радеет о незыблемости старины. Тот же, кто возвращает утраченное старое, встречает одни похвалы.

— Вы говорите о чём-то конкретном?

И вот в который раз, теперь уже из уст Чэня, прозвучала история о замечательных ярмарках в Сицюэ, знакомых каждому по книгам Паоцзы и, увы, канувших в прошлое, — и о том, насколько нужны такие ярмарки северо-востоку. Трудно исчислить выгоды, которые получит губернатор, подавший эту мысль имперскому двору, говорил Чэнь, тем более что польза кажется очевидной.

— Очевидной, — согласился правитель Ци. — И даже странно, что до сих пор она никому не приходила в голову.

— Источники в Лияне говорят, что недавно её пытались донести до ушей Тао Ханьло, но через уши в голову она так и не попала, — усмехнулся инспектор. — В столице Чжао заботы — о «диком крае». В столице Янь — о ветхих мостах и гуйшэнях. В столице Ци — о музыке и архитектуре. Когда и думать о том, что будет для края очевидным благом? Возможно, в прошлом, когда в империи царило относительное спокойствие, шансов у подобной идеи было меньше, но мудрец чувствует веления времени: сейчас страну и имперский двор объяли волнения, и воплотить её в жизнь стало просто.

— Люблю ваши парадоксы, господин Чэнь, — рассмеялся губернатор. — Вы ждёте, что я спрошу, не стоит ли сказать наоборот. И я в очередной раз доставлю вам такое удовольствие. Чем же смута благоприятствует начинаниям?

— Спокойствие можно сравнить со временем, когда человек уверенно стоит на обеих ногах. А во время смуты он словно балансирует на одной. Когда стоишь уверенно и доволен местом, нет нужды переставлять ноги и что-то делать. Если же приходится балансировать, ищешь, куда бы поскорее поставить вторую ногу, чтобы утвердиться. На юго-западе начались возмущения. Вокруг Босоногого Ланя собралось чиновное сословие, недовольное императорским шурином, и прежде незыблемый Шэн Янь сейчас чувствует шаткость своего положения. Ему нужен повод улучшить

свою репутацию и наводнить стражей области Цинь, Ба и Шу, так что он ещё останется вам благодарен.

— Но таким образом и слава за возрождённый обычай достанется Шэну, а не мне. А я получу недовольство родов Сыма и Ляо, которые до сих пор мне благоволят. Не забывайте: Шэны — временщики. Они стоят на самой вершине, но падут в самую глубокую пропасть, как пали Чжэ. У Сына Неба — да проживёт он десять тысяч лет! — только один наследник, от Нефритовой императрицы, и слабое здоровье. Сыма и Ляо из поколения в поколение занимают вторые и третьи места. Лучше уверенно быть со вторыми и третьими, чем броситься с первыми в ущелье.

— Помните историю о мастере, которому тиран приказал построить величественную стелу и вывести на ней славословия в его адрес? Со временем непогода лишила стелу облицовки, и на голой поверхности оказались стихи, прославляющие самого мастера! Так и любых временщиков смоет непогода, оставив потомкам лишь имена истинно достойных. Что же до мнения Сыма и Ляо, нужно объяснить им, что Шэну этот путь даёт лишь призрачную возможность, на деле же проект окажется выгоден не ему.

Таким поворотом мысли я был озадачен не меньше губернатора. Но Чэнь весьма убедительно вывел, что, во-первых, Босоногий Лань бунтарь, что бы о нём ни говорили воодушевлённые интеллигенты, и избавиться от такого бунта (как и от разбойников, наводнивших горную страну) — в прямых интересах любых сил в Тайцзине; а во-вторых, министру столичной безопасности попросту не хватит ресурсов: он либо отправит почти всех своих людей в провинции и останется без прикрытия в столице, либо добьётся от государя разрешения позволить губернаторам собрать собственные войска против крамолы и разбойников — и это усилит губернаторов, бóльшая часть которых лояльна как раз семействам Сыма и Ляо.

— Если же вас так тревожат эти последние, — добавил Чэнь, — то должен вам сообщить ещё одно обстоятельство. Об упомянутой идее я задумался не сам, но с подачи яньского чиновника, который уже начал претворять её в жизнь, и весь вопрос в том, успеете ли вы его опередить. Достаточно сказать, что сейчас этот чиновник прибыл в Цанъюань в сопровождении… как вы думаете, кого?

И он шёпотом произнёс имя и фамилию, которых я не разобрал. И, кажется, именно на этом доводе губернатор сдался.

Когда разговор в гостиной завершился, хозяин дома с поклоном вошёл в боковую комнату:

— Надеюсь, вы всё слышали. Буду признателен, если это услышат и господин Цуй, и иные ваши влиятельные друзья.

Глава двадцать седьмая. Новый владелец Цинбао узнаёт судьбу предыдущих, «лотос пяти сновидений» меняет своё предназначение

В Цанъюане меня больше ничто не задерживало. За пару дней Ким уладил все бумажные дела и засобирался было домой, но я в который раз его разочаровал и сказал, что недурно бы посетить Цинбао. В другое время я и сам был бы не прочь пренебречь пожеланием дуншаньского префекта (в конце концов, оно и прозвучало тогда именно как совет, а не распоряжение), но сейчас, помимо него, был ещё чрезвычайный докладчик Бянь, насчёт которого я уже выстроил собственную схему, а она предполагала и поездку в Цинбао. Бянь достаточно быстро восстановился после поражения туманом и, хотя по-прежнему не обходился без костылей, мог исчезнуть с моего горизонта в любой момент. К моей радости, он сам изъявил желание сопроводить меня в поездке на юг Ци.

Цинбао относится к обширной, но малонаселённой префектуре Солан. При государе Триумфаторе за подвиги в сражениях с «пурпурными лотосами» имение здесь получил некто Ван Шифан, пожалованный также напоследок генеральским званием. Прошло немного лет, и генерал Ван повёл себя как отъявленный разбойник (а говорят, им он прежде и был): собрал в Цинбао шайку и с нею терроризировал округу. Поначалу никто не решался дать ему отпор, но после смены девиза правления соланский писарь Лю собрал охочих молодцев и расправился с Ваном в его собственной гостиной. Удостоверившись в том, что столичный двор не намерен карать Лю за смерть героя-злодея, тогдашний циский губернатор пожаловал ему титул искоренителя смуты и всё то же имение Цинбао.

Лю оказался честным человеком, но его сын решил не утруждаться государственной службой, а после смерти отца окружил себя лихими людьми, в числе которых оказался подручный убитого генерала Вана, Чернозубый Наньсин. До поры он подчинялся новому патрону и устраивал для него всякие мерзкие забавы, а потом убил и стал хозяином поместья. Наньсин понимал, что не может рассчитывать на терпение местных властей, и превратил Цинбао в укреплённый лагерь с каменными стенами и тремя заставами на подступах. Лет десять вольница под его началом отражала атаки служителей порядка, а погибла из-за внутренних раздоров. Подчинённые Чернозубого зарезали его во сне и отослали голову в префектуру. В два дня поместье было взято, и, поскольку законных наследников вновь не сыскалось, землю выставили на торги.

Всякий раз судьба владельцев складывалась неблагополучно. Редко какой семье доводилось владеть Цинбао в трёх поколениях. Среди них попадались отравители, брато- и отцеубийцы, но чаще — мятежники и разбойники, чему способствовало само расположение поместья. Самой природой оно было выбрано под крепость. С юга и востока — крутые обрывы и смертоносный туман. С севера и запада — неровная лесистая местность, где не проведёшь прямой дороги, зато легко устраивать засады и ловушки.

Наконец имение перешло в руки потомков Люй Дацюаня — рода почтенного и добропорядочного. Последний его представитель, Люй Баоцин, чьё имя странным образом перекликалось с названием поместья, жил нелюдимо: не то что без шумных ватаг, но почти без слуг. Престарелый подслеповатый камердинер работал и за дворецкого, и за привратника, и за садовника, его жена занималась стряпнёй и стиркой. Старикам было трудно следить за столь большим хозяйством, и оно мало-помалу пришло в запустение. Сам Люй был неженат, редким гостям рассказывал, что пишет мистическую повесть, общаясь с тенями погибших владельцев Цинбао, и сам, словно тень, бродил по-над туманом, напевая заунывные, ни на что не похожие мотивы. В одну из таких прогулок, позже рассказывала жена камердинера, из пропасти поднялся дух не то генерала Вана, не то Чернозубого — и утащил Люя к себе. Хотя скорее всего, тот просто оступился и рухнул с обрыва.

Говорят, приехавший с описью чиновник из префектуры обнаружил в столе рукопись Люй Баоцина, в которой тот-де предсказал собственную смерть и проклинал всякого, кто будет владеть поместьем после него. Но охотников уже и не было. Местность наводнили призраки, лисицы и прочая нечисть, так что даже областные ревизоры предпочитали лишний раз туда не соваться. (Впрочем, в моём распоряжении имелась копия относительно свежего отчёта по Цинбао, автор которого констатировал, что постройки разрушены почти полностью, а дороги заросли и за много лет стали непроходимы, что, однако, не представляет особой беды, поскольку урочище совершенно необитаемо — не считая всё тех же лисиц и мелкого зверья.)

Все эти страшные истории по дороге из Цанъюаня нам пересказывал Ким, который вдоволь их наслушался, пытаясь нанять коляску до Цинбао. Разумеется, самое дальнее, куда нас соглашались отвезти, — это Солан. Это, впрочем, было кстати: хотя моя покупка была улажена ещё в областной столице, нелишне было встретиться с местным префектом, приятным молодым человеком по фамилии Дэн, и подтвердить все необходимые детали. В конце концов, волею губернаторской канцелярии я становился не просто владельцем Цинбао, но получал полномочия сродни судейским — с правом разбирать гражданские тяжбы и регистрировать браки, смерти и рождения. «У лисиц, разумеется, у кого же ещё!» — смеялся Дэн, вручая мне печать на чёрном шнуре. И никого, похоже, не смущало, что я пока что живу на Дуншане и даже состою там на государственной службе.

Из Солана мы тем же днём кое-как добрались до хутора у самой границы «проклятых мест». Хозяин — человек по имени Оуян Шутай, крепко сбитый мужчина лет тридцати с открытым, жизнелюбивым лицом, — после недолгих переговоров обещал нам ужин и ночлег, а наутро — пару носилок и четверых батраков.

За столом вдобавок к вину и копчёной курице мы получили новую порцию рассказов о происках духов. И хозяин, и его жена, и слуги, приносившие и уносившие снедь, считали своим долгом высказаться по части привидений и вспомнить пару-тройку ужасных и таинственных смертей различной давности. Попутно хуторянин присматривался к нашей компании и, хотя я старался держаться

попроще, определил меня как главного, так что мои спутники получили на ночь две комнаты на всех, а я — целый флигель, пусть и небольшой, в западной части крестьянской усадьбы, куда Оуян проводил меня самолично.

— Бездельники-слуги поздно вспомнили о жаровне, — извиняющимся тоном сказал он, пропуская меня вперёд. — Боюсь, спальня ещё не прогрелась.

Но внутри было тепло. Я удовлетворённо отметил и идеальную чистоту, и при всей скромности убранства — некую претензию на вкус: репродукция картины Хань Хао, фарфоровый подголовник, бронзовая курильница-цветок на ночном столике и даже резной книжный шкаф, пусть и с дешёвым ксилографическим «народным чтением». Вероятно, здесь останавливались циские чиновники, объезжая окрестности с земельной инспекцией. За одного из них меня и принял хуторянин — и удивился, узнав, что перед ним новый владелец Цинбао.

— Вы что же, и поселиться там намерены? — спросил он, осторожно зажигая курильницу.

В комнате разлился сладкий аромат благовоний.

— Затем и е́ду.

— Недоброе это место, сударь, ох, недоброе, — протянул хуторянин в который раз за вечер. — Как-то на вас посмотрит дядюшка Ван?

(Это, надо полагать, душегуб и подлец Ван Шифан.)

Оставив мне горящий светильник и пожелав спокойной ночи, Оуян удалился, а я наугад взял с полки книгу — переложение историй о Змеином князе, — рассчитывая почитать перед сном. Но лишь в очередной раз убедился, что подобные издания, в отличие даже от чуть более дорогих, отпечатаны из рук вон плохо и уж явно не предназначены для ночного чтения. Вверху каждой страницы красовались сюжетные эстампы — тоже не лучшего качества, но всяко лучше текста, от которого просто кровоточили глаза, — и я переключился на них, благо история была мне известна. Взгляд то и дело скользил поверх листа и при слабом, неровном свете мне казалось, что на дальней стене, рядом с дверью, я вижу лицо: тёмные глаза под густыми, тяжёлыми бровями, широкий приплюснутый нос и

искривлённые в злой усмешке губы. «Как-то на вас посмотрит дядюшка Ван?»

Стало очень неуютно. Комната прогрелась уже очень хорошо, но меня пробил озноб. Я закрыл книгу и переставил светильник на другое место. Тени в комнате легли иначе, но лицо никуда не делось и даже не сменило очертаний. С тростью в руке (теперь я доверял ей больше, чем рапире) я подошёл к стене. Вблизи не было ничего похожего на очертания, которые я видел с постели. Вернувшись к кровати и вновь посмотрев на стену, я отметил, что лицо исчезло.

— Что, генерал Ван? — спросил я. — Полюбовались на меня — и будет?

Вдруг дверь неслышно сдвинулась в сторону. Мне не хватило секунды, чтобы выпустить ядовитую стрелу в дверной проём — удержала смешная сейчас мысль, что против настоящего привидения стрела едва ли поможет. И хорошо, что удержала: на пороге стоял Ким. Увидев, что я не сплю, он прошмыгнул внутрь и так же бесшумно закрыл дверь за спиной.

— Извините, что не постучал, — шёпотом сказал он.

— В чём дело? Я уж решил, что вы призрак или разбойник.

— Вы тоже это почувствовали? — спросил Ким, пристально глядя на что-то позади меня.

— Что именно? — переспросил я как можно спокойнее, твёрдо решив не оборачиваться и уж тем более не признавать, что поддался суеверному страху.

— Я сразу же понял, что с этим домом что-то нечисто, — поверенный перевёл взгляд на меня. — Как будто здесь воровской притон или разбойничье гнездо. Когда путешествуешь по торговым делам, со временем появляется нюх на такие места. В комнате я тихо поделился опасениями с господином Бянем, так вот он думает то же самое! Но мы ночуем по двое, к тому же через стенку, и в случае чего сумеем дать отпор. А вы в опасности.

— Глупости, — небрежно сказал я. — У вас от этих рассказов разыгралось воображение.

Ким подошёл к столику, провёл пальцем по курильнице, снял крышку и, взяв на кончик мизинца благовонной смеси, попробовал на язык. Потом вернул крышку на место и обернулся ко мне:

— Это, как вы знаете, «лотос пяти сновидений», часы-курильница. Такие были в моде при государе Зодчем.

Я не знал, но кивнул. На всякий случай Ким опять снял крышку и показал, как устроен этот хитроумный прибор. Каждый бронзовый лепесток — словно затейливый лабиринт канальцев. Когда курильницу зажигают, огонёк медленно идёт по этому лабиринту, лепесток за лепестком. Всего их пять, по числу ночных страж, то есть прибор рассчитан на всю ночь. Посмотрев на него, всегда можно определить, который час. Но «лотосом пяти сновидений» его называют не просто так: при позапрошлом императоре на каждый лепесток принято было насыпать своё благовоние, так что часы отличались и ароматом.

— Торговый дом Чхве, которому я служу, активно ведёт дела как раз по части ароматических смесей. Мы первые поставщики на всём северо-востоке, и я тоже кое-что знаю в этой сфере, — с достоинством сказал Ким. — Благовония могут успокаивать и будоражить, прояснять сознание и вызывать галлюцинации, вводить в сон и пробуждать от него. В работе над ними особенно преуспели чусцы. Некоторые смеси обладают настолько сильным действием, что пары минут хватает, чтобы полностью забыть о действительности и сознанием перенестись в мир чёрных демонов. Ещё при государе Взыскательном, до того как Чу отложилась, производить их запретили под страхом смерти, но производят до сих пор — и даже переправляют в Юэ при попустительстве военных. В этой курильнице, на третьей страже, заложена смесь, вызывающая сильные галлюцинации, и кто знает, чтó на уме у здешнего хозяина?

Я снова кивнул, на этот раз осмысленно — вспомнив свой визит к даосу Фань Яоцзу по прозвищу Чёрный Поток. О том, чтобы, как тогда, попросту заложить ноздри ватой, не могло быть и речи — она бы меня не спасла. Но покидать флигель или выставлять рядом охрану я тоже не желал: во всей этой истории с призраками Цинбао была какая-то загадка, и хотелось понять, какую игру со мной пытаются вести. К тому же — и об этом я сказал Киму — теперь я предупреждён, а значит, могу перехватить инициативу и из добычи стать охотником.

— Боюсь, вы потеряете такую возможность, когда огонёк доберётся до третьей стражи, — ответил поверенный. — Хотите ждать здесь — хотя бы погасите курильницу. Но и тогда ваш план рискует

обрушиться с двух углов. Чтó если, не почувствовав аромата курений, злодеи заподозрят неладное? Чтó если вы всё-таки заснёте по естественным причинам? Спящего тигра клыки не защищают.

— Ничего, я постараюсь не заснуть, — сказал я самоуверенно, совершенно не понимая, как действовать дальше.

Ким покачал головой. Потом хлопнул себя по лбу и с улыбкой снял с пояса тугой кисет:

— Как я мог забыть, сударь! Вот что значит волнение!

— Вы предлагаете насыпать в курильницу табак?

— Понимаю ваши опасения. Обычный табак легко распознать, но мой в достаточной мере сдобрен добавками, и, кстати, поначалу прекрасно бодрит. Согласны?

Я махнул рукой. Иных вариантов всё равно не было. Мы тщательно вытряхнули курильницу, высыпали в неё содержимое кисета, а старый порошок ссыпали за дверь. Ким сказал, что на всякий случай он и молодцы Чхве будут держать ухо востро и ждать моего сигнала, и так же тихо удалился. Я зажёг курильницу, и комнату наполнил новый запах. Табачного в нём и впрямь было не так много, но я улавливал именно его. Я не люблю табак и, сколько судьба ни сводила меня с курильщиками, всякий раз реагирую на него неприязненно. Впрочем, как и обещал Ким, накопленная за день усталость разом пропала, и даже чтение дурно отпечатанных книг пошло легче.

Через два часа светильник погас. Я лежал, слушал ночь, думал обо всём сразу — и ни о чём в особенности — и ждал, пока бронзовый цветок доберётся до третьей стражи. В полной тишине я услышал, как приоткрылась и вновь закрылась дверь. Снаружи кто-то прошёл вдоль стены флигеля, и вновь тишина. Через несколько минут со стороны книжного шкафа послышался шум, и я увидел, как он медленно отодвигается, открывая в стене узкий проход.

Блеснул огонёк. В комнату вошёл человек в красном головном уборе военного чиновника и плаще поверх громоздких доспехов. В руке он держал свечу, и при её свете было видно лицо, обильно покрытое белилами и краской, как у актёров оперы. Густые нахмуренные брови, тёмные впадины глаз и усмешка напомнили мне давешние очертания на стене, но первые же движения вошедшего отчего-то внушили полную уверенность в том, что это человек, а не призрак. Следом вошли две девушки с отвратительно размалёванными

лицами и в несуразных длинных белых одеяниях, играющие роль не то лис, не то упыриц.

«Военный чиновник» поставил свечу, встал перед моей постелью, и я заметил у его пояса палаш. Девушки заняли места по обе стороны у изголовья. Возможные действия, которые я мог предпринять, исчезали одно за другим. Оставалась только трость, которую я положил рядом с собой под одеяло, но и та давала мне всего один выстрел. Никто не мог поручиться, что после него мне в грудь с обеих сторон не всадят по ножу.

«Военный» кивнул своим товаркам, и те, длинными ногтями вцепившись мне в плечи, справа и слева зашипели в уши. При всём желании я не мог бы и дальше притворяться спящим, да и выражение испуга на моём лице было вполне естественным.

— Ничтожный! — прогрохотал «военный» и картинно достал из ножен клинок. — Ты вторгся в мои земли, и тебя ждёт смерть!

Зрелище было эффектным. Приправленное галлюцинациями, о которых говорил Ким, оно неизбежно сковало бы меня ужасом. Мерзкие рожи девиц то и дело мелькали передо мной, но главную партию, конечно, играл человек в доспехах. Он занёс палаш над головой, но слишком медленно и театрально, чтобы на трезвую голову поверить, что он и впрямь собрался меня убивать. Прикинув, чего от меня ожидают, я срывающимся голосом спросил, кто он такой.

Ответ бы предсказуем:

— Генерал Ван Шифан, доблестный победитель мятежников, погибший от подлой руки канцелярской крысы Лю! Я ужас и погибель всех, кто нарушает границы моих владений, и ты — один из них!

Еле лопоча, я запросил пощады, на всякий случай поудобнее перехватил трость и приготовился стрелять. Настоящие доспехи пробить бы, наверное, не получилось, но я утешал себя мыслью, что передо мной дешёвая театральная бутафория.

«Генерал Ван» опустил оружие. Передо мною вновь замелькали гримасы девиц, и одна из них царапнула мне ногтями по лицу. Сквозь это беснование рокотали слова «призрака» о том, что жалкая моя жизнь не стоит и гнутого фэня, но мне её, так и быть, сохранят, если я дам слово никогда не появляться на подступах к Цинбао.

— Это слово ты завтра должен будешь скрепить клятвой и жертвоприношением на моём алтаре в здешнем лесу. В первый и последний раз ты ступишь под сень этих деревьев безнаказанно, тебя защитит этот талисман, — «призрак» бросил мне на грудь увесистый медальон, и внезапным взмахом палаша погасил свечу, ввергая комнату в непроглядную темноту. — Бойся оступиться. Уходи навсегда. Иначе гибель твоя будет ужасна, — голос звучал теперь со стороны книжного шкафа, и я понял, что «генерал» отходит к потайному ходу.

Но и в такой темноте можно было различить белые одеяния девиц. Одна из них была рядом с «призраком» и уже заходила в потайной ход, вторая (та, что была слева, между кроватью и стеной) неспешно обходила меня, двигаясь вдоль стены и делая какие-то пассы, призванные, должно быть, напоследок произвести на меня впечатление. Повинуясь моментальному азарту, я вскочил с места, сгрёб её в охапку и, оттолкнув дверь, выбежал в хорошо освещённый внутренний двор.

Я не знал точно, где находятся комнаты моих спутников, и стал громко выкликать их по именам. Девица у меня в руках здорово перепугалась и начала вырываться, только когда я ступил под крытую галерею у здания напротив. Я заметил во дворе нескольких слуг, которые, вероятно, должны были нас сторожить, но всё произошло настолько неожиданно для них, что и они опешили и не успели ничего ни сказать, ни сделать, прежде чем навстречу ко мне выбежали Ким и оба молодца Чхве, Ёнсин и Юджин.

Поверенный, понимая всё без слов, перехватил у меня девицу и поясом скрутил ей руки за спиной. Потом, обернувшись к охранникам, по-корейски приказал им немедленно доставить хозяина хутора. В дверях моего флигеля как будто появилось и пропало чьё-то лицо. Как мне сейчас не хватало тех двух парней, оставленных в чэнъиньской больнице! Я обернулся к слугам во дворе:

— Живо туда! — я кивнул на флигель, а видя, что они не трогаются с места, добавил: — Эта девка пыталась меня убить, там её сообщники. Или хотите остаться без ушей?!

— Нет! Неправда! — вдруг подала голос девушка. — Я не пыталась никого убивать!

Ким пристально посмотрел на неё. Его заинтересовало то же, что и меня. Акцент. Речь учёного чиновника рафинирована и словно лишена родины. Столичный министр, яньский губернатор и префект на юге Шу говорят примерно одинаково. Но простолюдин, стоит ему открыть рот, выдаёт себя с головой. Школьный учитель риторики любил время от времени задавать нам загадки, ловко подражая известным обитателям гостевой слободы: вот говорит капитан Дуань, он из области Цинь и словно лает на отдельных словах; вот зазвучали вкрадчивые, медовые нотки — это речь басца, библиотекаря Го Фуфана; вот, чуть поморщившись, учитель переходит с высокой речи на свой родной чжаоский говор, и его мы тоже хорошо знаем. Напрягши память, я вспомнил, у кого слышал что-то похожее на произношение пойманной девицы — у мастера Сюй Чаньпу.

— Как тебя зовут? — спросил Ким.

Девушка молчала. Ким зашёл в свою комнату и вернулся с мокрым полотенцем. Слуги, которых я отправил во флигель, разумеется, никого не поймали и как-то сонно стояли поодаль. Но сразу оживились, когда молодцы Чхве вытащили во двор их хозяина. Оставив Кима стирать

грим с лица моей пленницы, я направился к хуторянину, на ходу рассыпая грозные речи:

— Мерзавец! Ты подослал ко мне ночью убийц! На что позарился, глупец? На деньги и бумаги? Неужели не понимаешь, что завтра же будешь сидеть в колодках, в позорной клетке на площади Солана, а через неделю твою голову выставят у городских ворот, чтоб каждый плюнул тебе в глаза, пока их не выклюют вороны?

Возможно, говори мы с ним один на один, Оуян держался бы иначе, но сейчас Ёнсин пребольно выкручивал ему руку, а Юджин держал у горла клинок. Не будь этого обстоятельства, слуги уже давно скрутили бы нас самих, а теперь переглядывались, не зная, что делать.

— Да что с вами, сударь? — простонал хуторянин. — Нешто дурной сон привиделся? О каких убийцах вы говорите?

Его взгляд бегал туда-сюда и наконец остановился на пойманной мною девушке. За всей этой суетой я не заметил, как из спальни на костылях вышел Бянь. Но сразу услышал его голос, спокойный и негромкий, но уверенный:

— Эта девушка — из юэских индийцев.

После великого бедствия индийцы расселились в горной стране двумя большими группами по обе стороны ущелья Южного Ветра. Именно они составляют основную часть населения Чу, и когда началась война, мосты через великое ущелье разрушили не столько из боязни наступления чусцев на запад, сколько опасаясь вражеских баламутов, способных поднять восстание в Ба и Шу.

Лет пятнадцать назад армия мятежной Чу за неделю захватила три пограничных крепости. Тогда ещё в столице здравствовал род Чжэ, к которому принадлежал и командующий Южной армией. Признать его виновным в поражениях было немыслимо, и в штабе придумали историю о предателях-индийцах, якобы шпионивших в пользу врага. Военный трибунал прокатился по десятку деревень. «Предателей» брали наугад, казнили целыми семьями, как и предписывает закон за такие преступления. Некоторые решали не медлить и с детьми и скудными пожитками попросту бежали — что сразу же подавалось как доказательство их вины. В Чу почти никто не стремился, шли на север, кого-то ловили и отдавали под скорый и суровый суд, кого-то укрывали сами же солдаты, понимая, какую злую и несправедливую игру ведёт их генерал. Одной из таких групп, похоже, довелось осесть в Цинбао.

— Как тебя зовут? — снова спросил Ким, совсем по-доброму.

Девушка смотрела на него с какой-то ненавистью и молчала.

— Как бы тебя ни звали, твоя судьба мне известна, — сказал я. — Ты родилась незадолго до бегства из Юэ и всю сознательную жизнь провела здесь. Жила в руинах и шалашах, питалась тем, что вырастет на скудном огородике; тем, что отец поймает в лесу; да тем, чем угостит добрый сосед-хуторянин. Тот по сердоболию вас защищал и придумывал, как избавить Цинбао от чиновничьих проверок, но вы живёте, как звери в клетке: подложные документы стоят дорого, а без них лицо и голос выносят вам смертный приговор. Хорошо ещё этот актёр к вам прибился — хоть кого-то можно отправить в город. Верно? Он, часом, не твой жених?

— Ещё чего! — сердито ответила девушка и попыталась вырваться из рук Кима.

— Жених или нет, но этой ночью он с друзьями придёт её освобождать, — сказал Бянь. — Ведь если завтра девицу увезут в Солан, пиши пропало.

Хуторянин упорно говорил, что ни в чём не виноват и знать не знает никаких беженцев из Юэ, но его уже никто не слушал. Молодцы Чхве вдвоём благополучно связали и его, и всех слуг в усадьбе. Оставив с ними Кима, я вместе с пленницей и Бянем вышел к восточным воротам хутора, глядящим на лес. Было ясно, что освободители пойдут оттуда.

— Вы затеяли какую-то ловушку? — полуутвердительно спросила индианка.

Теперь молчали уже мы. Самым забавным казалось мне то, что никакой ловушки заготовлено не было.

Глава двадцать восьмая. «Князь» и «генерал» ведут переговоры, в Уделе Драгоценного Спокойствия сотня проходит перед тройкой

В лесу заиграли огни. Я увидел, что в нашу сторону движется с десяток фигур, и просто отпустил пленницу, позволив ей бежать. Возможно, за минуту до этого освободители собирались штурмовать усадьбу, но теперь остановились на безопасном расстоянии, глядя на нас с Бянем.

Двое хромых у пустых открытых ворот. Ведь совершенно ясно, что это ловушка. У людей из леса были самодельные рогатины, палашом мог похвастать только «генерал Ван». Чуть поодаль я заметил ещё несколько фигур, с луками. Увидев, что все они готовы ретироваться, я властно поднял руку и сказал как можно громче:

— Стойте! Мы вышли к вам одни, здесь нет ни засады, ни войска, но если сейчас вы сделаете глупость, завтра из Солана в Цинбао придёт карательный отряд, и тем, кто уцелеет, опять придётся сниматься с места, как пятнадцать лет назад. Я не враг беженцам из Юэ и как законный владелец Цинбао хочу вам помочь. Я выйду вперёд один, с вашей стороны пусть выйдут двое, готовые вести переговоры.

И, нарочито тяжело опираясь на трость, пошёл навстречу. Бянь только покачал головой. Люди из леса не шевелились. Я заметил, что лучники навели на меня стрелы, но шёл вперёд, а пройдя полпути, повторил так же громко:

— Двое!

От общей группы отделились две фигуры: «Ван» и суровый седой богатырь, выше меня почти на голову.

— Вы можете меня убить или схватить и требовать выкуп, — сказал я спокойно. — Но это будет значить только, что к несправедливым обвинениям генерала Чжэ добавятся вполне

справедливые, а ваши жёны и дети в лучшем случае продолжат ютиться по глухим лесам, как дикие звери. Разве так должно быть?

Богатырь смерил меня взглядом и спросил с тем же тяжёлым южным акцентом:

— Что ты предлагаешь? И чего ты хочешь?

— Я хочу жить в покое и уединении. Цинбао — то место, где несправедливости горной страны не будут меня касаться. Отправляясь сюда из Солана, я думал взять на помощь судейских и охочих молодцев, полагая, что в лесу ошиваются разбойники, и рад, что этого не сделал. Желая отстроить поместье, я собирался нанять работников, но вижу, что честные люди уже есть в Цинбао, и лучше я заплачу вам, ведь вы возведёте стены, в которых будете жить сами.

«Генерал Ван» фыркнул и отвернулся. На нём уже не было ни шлема, ни доспехов, но грим с лица он так и не стёр, отчего смотрелся комично. Богатырь, напротив, выглядел величественно и серьёзно — даже в грязной, оборванной дерюге. Наверное, именно таким, читая «Предания низин», я представлял себе князя Чандана из «Львиного кодекса».

— Ты говоришь, что сейчас мы живём, как дикие звери, — сказал он, вымеряя каждое слово. — И предлагаешь нам стать домашней скотиной в твоём загоне.

— Завтра все те, кто явится ко мне в Цинбао, получат новые документы и новую судьбу, которой вы сможете распоряжаться по своему желанию, — я на секунду достал из-за пазухи печать. — Я вам не враг, и вы не будьте моими врагами.

Богатырь отвернулся и пошёл к своим. «Генерал Ван» последовал за ним. В этом показном пренебрежении к элементарному этикету было что-то настолько целостное и естественное, что у меня даже не возникло возмущения: не по своей воле, но эти несчастные оказались отрезаны от государства и закона, и беззвучная, злая пустота заменяла им путь и ритуал.

— Мы придём, — обернулся «князь Чандан» напоследок. — Мы согласны на твои условия и не будем чинить тебе препятствий, если ты придёшь, как сейчас.

Я молча смотрел, как все они возвращаются в лес. Освобождённая девушка, кажется, рыдала, и седой богатырь неуклюже, по-медвежьи обнимал её за плечи одной рукой.

— Вы с ума сошли, — сказал со своего места Бянь, мимо которого, конечно, не пролетело ни одного слова. — Если малознакомые люди разбойного вида условились встретиться с тобой в лесу, последнее, что нужно делать, — это идти в лес.

Ночь близилась к завершению, и я решил напоследок поспать хотя бы пару часов — конечно, не во флигеле и выставив караул, — но провалился в сон до полудня. Оуян Шутай и его слуги оставались связаны и под надзором, а Киму и моей охране хватило деликатности не тревожить меня после долгого и беспокойного дня. Разбудил меня весёлый голос того же Бяня:

— Сударь, вы так проспите своё преступление! Я со сломанной ногой уже успел побывать в Солане и вернуться, а вы всё изволите валяться!

— В Солане? — спросил я тревожно.

— Конечно. Вы, кажется, собирались сегодня раздавать государственным изменникам новые документы — уж не хотите ли выписывать их на обыкновенной бумаге?

Перед моим носом возникла внушительная стопка тиснёных бланков соланской префектуры.

— Как вы их получили? — я окончательно расстался с сонливостью и смотрел на лукавое лицо чрезвычайного докладчика.

— Что за вопрос! — рассмеялся он. — Я же не спрашиваю вас, как вы получили такие живописные шрамы на пол-лица.

— Гуйшэни, — почему-то виновато улыбнулся я, непроизвольно касаясь рукой правой щеки.

— Ну, считайте, что и здесь что-то в этом роде, — ответил Бянь и помог мне встать.

Во дворе меня встретила госпожа Оуян. Всё это время она не смыкала глаз, подыскивая возможность поговорить о судьбе мужа, и сейчас упала в ноги вместе с двумя маленькими дочерьми. Её сбивчивый, слёзный рассказ подтверждал, собственно, всё то, до чего мы успели додуматься сами в течение ночи. Вообще Шутай был славным человеком, чутким до чужого горя. Когда-то, отправившись по делам на юг, он наткнулся на этих беженцев и добровольно взвалил на себя заботу о них, хотя понимал, что рискует очень многим. Несколько лет он старался скрывать это даже от собственной семьи, но постепенно о маленькой тайне хозяина хутора узнали все до

последнего батрака. И вот удивительно — никто не отправился в префектуру с доносом!

— Успокойтесь, — сказал я, поднимая госпожу Оуян и её дочерей. — Вашему супругу ничего не грозит, но он слишком долго выстраивал игру, не решающую корня проблем, и сейчас, чтобы это решение стало возможным, мне приходится ломать возведённое им — и отчасти ломать его самого. Сегодня мы отправимся в Цинбао, и он с нами. После этого вы сможете освободить слуг и привести усадьбу в порядок. Но скажу и вам то же, что говорил другим: не делайте глупостей — они могут погубить всех вокруг.

Через час мы покинули хутор вшестером. Впереди мы с Кимом вели несчастного хуторянина. Позади молодцы Чхве несли на носилках хромоногого Бяня. Автор упомянутого мною доклада не обманывал насчёт дорог — если их ещё можно было назвать таковыми. Тот путь, которым мы продвигались, некогда был вымощен булыжником, но сейчас камни поросли мхом, тут и там между ними росли деревца, порой окрепшие настолько, что о них можно было опереться. Снега было на удивление немного. Я был готов к тому, что придётся брести в нём по колено, но он встречался лишь местами — белыми кляксами поверх грязи и мха. Человеческих следов я не заметил нигде. Похоже, у индийцев были какие-то свои потайные тропы.

Дорога делала крутые повороты, но не ветвилась, и даже в густеющих сумерках ноги сами сворачивали в нужном направлении, без обращений к карте или нашему насупленному проводнику. Склоны по обе стороны то становились более пологими, то резко набирали крутизну. В одном месте я увидел обрушившуюся постройку — вероятно, старую разбойничью дозорную башню, но может быть, и капище какого-нибудь лесного духа. Время от времени дорогу нам перебегала лисица, и тогда мои корейцы, не сговариваясь, бормотали под нос проклятия. В остальном же мы шесть часов прошагали молча, и всё это время я чувствовал, что из-за стволов и густого кустарника за нами наблюдают не только лисьи глаза.

У меня было время подумать о Яо Шаньфу и его дочери, дешифрующих таинственные послания из далёкого прошлого (мне всегда представлялось, что так же, как Мэйлинь помогала мне, она помогает и своему отцу); о седобородом Юань Мине и Вэйминьском

князе, ожидающем наставника своей юности; об У Барабанчике и верном Минхёке, которые уже давно должны были достичь Хунчоу; и о паутине бесчисленных интриг, к которым мне довелось прикоснуться. И я не знал, кто я в этой паутине: паук или муха, попавшаяся на обед.

Наконец лес расступился, открывая взгляду широкое ровное место, на котором, словно остов гигантского чудовища, покоились руины поместья. Лунный свет придавал картине какую-то особую, зловещую притягательность. То, что могло сгнить, сгнило или догнивало. В каменных стенах зияли огромные бреши. От железных ворот осталась одна створка, и та едва держалась. Снега здесь было куда больше, чем в лесу, — и теперь на нём отчётливо виднелись человеческие следы. Доклад циского чиновника оказывался верным наполовину. Да, судьба не пощадила некогда крепких старых построек, но рядом виднелись новые: крытые шкурами деревянные шалаши и кособокие домики, грубо сложенные из камней, благо их здесь было сколько угодно. Едва мы вышли из леса, раздался громкий свист, и отовсюду начали появляться люди — всё так же, с факелами и нехитрым оружием — поначалу мужчины, потом я увидел любопытствующих женщин и детей.

«Князь Чандан», с которым я беседовал минувшей ночью, с группой вооружённых людей вышел у нас из-за спины и, как тогда, без поклонов и приветствий сказал: «Вот Цинбао. Желаете пройти?» — так, будто всё это время указывал нам дорогу. Его взгляд скользнул по Оуян Шутаю, и лицо дёрнулось в какой-то презрительной ухмылке. Вероятно, он посчитал, что это хуторянин раскрыл мне их тайну и способствовал поимке той девицы.

— Непременно пройду, — ответил я, стараясь звучать холодно и сурово. — Сейчас мне нужен прежде всего сухой и ровный стол, чтобы я мог исполнить данное слово.

Индийцы зашептались. «Князь» громко сказал что-то на их языке, и они расступились, открывая мне проход к воротам. За ними тоже были кособокие хибары, но ещё больше засыпанных снегом руин. Одни постройки сохранились лучше, о других напоминали лишь прямоугольники сугробов. Вспоминались слова Пао-цзы: «Я знал, что мёртвых больше, чем живых, и в очередной раз судьба поднесла мне наглядное тому доказательство».

Поместье Цинбао было огромно. Оно ничуть не уступало размерами гостевой слободе, и я не представлял себе, сколько ещё денег уйдёт у Чхве, чтобы его отстроить. На фоне общего запустения выделялась двухъярусная часовня из тёмного камня, безусловно, корейской работы. Время над ней словно сжалилось: не только не разрушило, но оставило и невысокую ограду, и истуканов-привратников, и размашистую надпись над входом: «Удел Драгоценного Спокойствия».

«Князь Чандан» остановил нас и вошёл первым, но через минуту появился вновь и пригласил нас внутрь, в небольшой зал, натопленный и светлый от лампад. В глубине его на возвышении стоял частокол поминальных табличек. Места для идолов не было, и их заменяли ростовые портреты духов, демонов и бессмертных, развешенные по потёкшим стенам. На циновке перед одним из них — многоруким чудовищем с грузным человеческим телом и звериной головой — бормотали и щёлкали чётками два сгорбленных монаха. Столики для подношений, которые принято ставить по обе стороны от табличек, сейчас были сдвинуты на середину и друг к другу. Перед каждым стояло кресло. К нашему визиту подготовились.

Дальнейший ход действий мы с Кимом и Бянем тщательно обговорили ещё на хуторе. На тот момент число беженцев было мне неизвестно, но массовая выдача документов неизбежно вызвала бы целый ряд вопросов.

Как, когда и откуда эти люди прибыли в Цинбао? Предположим, я сам заранее пригласил их для строительства и благоустройства имения. Ким разумно отметил, что конец зимы сомнительное время для начала подобных работ; с другой стороны, покупка «проклятого места» уже снискала мне репутацию сумасброда — а одним чудачеством меньше, одним больше… Так или иначе, ещё до выхода мы составили несколько пригласительных писем и договор подряда и отвели солидную тетрадь под реестр работников.

Как они утратили прежние бумаги? Для простоты сюжета мы сошлись на том, что в Цинбао индийцы прибыли с документами и в должном порядке предъявили их мне с занесением в реестр. То есть утрата произошла здесь, лучше всего не по чьей-то вине, а в результате бедствия — например, большого пожара. Ким взял новый лист и начал составлять отчёт о пожаре. Знай мы тогда об Уделе Драгоценного Спокойствия, можно было бы сделать и проще: неудивительно хранить документы в часовне (если это к тому же единственное крепкое здание поблизости), а для бедствия хватило бы упавшей лампады, — но мы о нём ничего не знали и назначили пожар на праздник Нового года. Ким описал его вполне убедительно, и даже позже мы не стали ничего переписывать.

Итак, после пожара у меня должна была остаться полная и подробная опись виденных мною документов, на основании которой вполне можно выдать новые. Теперь нужно было продумать содержание описи. Сообщить, что это выходцы из захваченной чусцами части Юэ, и просто изменить имена? Мне это казалось слишком опасным. Если бы речь шла о паре человек или даже о паре семей, проще всего было бы написать, что прибыли они с Дуншаня — там я легко мог манипулировать архивом — или из Ю. Последний вариант представлялся мне весьма остроумным: архив судьи Цао сгорел, и можно было «добавить» к пеплу что угодно. А если индийцев не десяток и не два?

— Сколько вас живёт в Цинбао? — спросил я, садясь за стол, у «князя Чандана».

— Около ста человек, двенадцать семей.

На такой случай у нас был вариант Шу. Шуские индийцы говорят, конечно, иначе чем по другую сторону ущелья, но, по словам Кима, акцент в целом похож. Я предложил приписывать беженцев к префектуре Тулин — из расчёта, что впоследствии можно будет попробовать и там устроить манипуляцию с архивом через Барабанчика. Если, конечно, сторонники Босоногого Ланя раньше не поднимут там мятеж и не разнесут управу, разом избавляя нас от всякой головной боли.

Мы разложили на столе бланки, тетради и письменные приборы. Ким и Бянь заняли места справа и слева от меня: чрезвычайный докладчик со своей больной ногой сел в кресло, Ким примостился на каком-то чурбачке. Молодцы Чхве встали по обе стороны от столов, бедного Оуяна пристроили к монахам. Пора было начинать, но я медлил. На меня вдруг накатили сомнения, правильно ли вообще я поступаю.

Бянь заговорщицки мне подмигнул и строгим голосом сказал индийцу:

— Ваше имя?

— Желательно — не настоящее имя, а то, с которым вы собираетесь жить дальше, — добавил я.

Эти слова, кажется, ввели «князя» в замешательство. Время было позднее, работы — много, и я нетерпеливо предложил:

— Например, Лао Чандан.

В «Львином кодексе» у людей невообразимо длинные фамилии, и я запомнил только самые короткие, такие как Лэй, Лао или Сэнь.

— Сгодится, — хмуро ответил седой богатырь.

Я поднял кисть и вывел это имя на бланке. Ким и Бянь тут же проставили его в договоре и реестре. За этим последовали место и дата рождения, место и дата выдачи — и моя печать. Я утешал себя мыслью, что хотя бы пятая часть из написанного соответствует истине. Мы объяснили «князю», что к чему, и попросили запускать людей семьями, чтобы не путаться хотя бы в фамилиях.

Дрожащее пламя лампад, изображения духов на стенах, бормотание монахов в углу — и мы трое, выдающие людям новые имена и судьбы. Чем-то, наверное, это походило на канцелярию царства мёртвых. Лао Чандан (буду обозначать его так, потому что

отныне это стало его именем) стоял тут же, как мрачный адский привратник. Иногда подсказывал своим соплеменникам, но чаще просто молчал. Девушка, которую я поймал во флигеле, оказалась его внучкой и с лёгкой руки Бяня получила имя Лили. К слову, в Цинбао чрезвычайному докладчику пришлось писать больше остальных: подробный реестр несуществующих документов мы доверили именно ему, и он показал не только превосходную каллиграфию, но и фантазию: не задумываясь, сочинял серии, номера и даты выдачи прежних удостоверений, с ходу придумывал беженцам имена и род занятий.

Люди приходили, после непродолжительной беседы ставили напротив своего нового имени в реестре отпечаток большого пальца и уходили. Перед нами побывали и глубокие старики, и матери с грудными младенцами. О тех тоже составлялась необходимая запись. Я то и дело настоятельно напоминал, что в Уделе Драгоценного Спокойствия должен побывать каждый обитатель Цинбао — без исключений. Никаких скидок и послаблений делаться не будет. Даже монахи, оторвавшись от перебирания чёток, предстали передо мной, когда стали заходить их родственники.

Не знаю, достаточно ли хорошо я передал атмосферу происходившего, скажу только, что писанина растянулась далеко за полночь. Я знал, что всё это время на холоде перед часовней толпятся люди. Те, чья очередь была ещё не скоро, всё равно боялись опоздать, те, кто уже побывал у нас, боялись пропустить какое-то итоговое объявление. Ёнсин и Юджин несколько раз выходили убедить народ развести по домам хотя бы детей и немощных, но все оставались на месте.

Лао Чандан, без сомнения, знал здесь всех наперечёт. Когда последнее, двенадцатое семейство поставило свои отпечатки, он вновь предстал перед нашей тройкой и, упав на колени, трижды поклонился. Он ничего не говорил, но по щекам у него текли слёзы.

— Разве это все обитатели Цинбао? — удивлённо спросил я. — Где же тот, кто накануне приходил ко мне с мечом?

— Госю, — прошептал Чандан. И тут же крикнул стоящим у двери: — Пусть войдёт Госю!

В зал быстрыми мелкими шагами вошёл давешний «призрак» — и распластался на полу рядом с богатырём-индийцем.

— Благодарю вас! — говорил он, давясь слезами. — Благодарю, великодушный благодетель, за то, что не вспомнили худого и помогли моим друзьям!

— Что ж ты, любезный, не пришёл вместе со всеми за новыми бумагами? Почему тебя пришлось дозываться?

Он поднял голову. Без грима лицо его было весьма привлекательным: правильные черты, а главное — что-то подкупающее, располагающее к себе.

— Ничтожнейший раб недостоин благодеяний, — он ещё раз поклонился. — Фамилия вашего подлого слуги Цзюй, зовут Госю. В отличие от моих оклеветанных друзей, я терплю такую жизнь заслуженно. Пять лет назад я, ещё мальчишка, выступал с труппой мастера Си, но моей пагубной страстью было проклятое воровство. В области Лу я наконец попался, чудом избежал ареста и ударился в бега. Здесь, в Цинбао, я обрёл вторую жизнь, получив возможность помогать этим людям, но сейчас готов отправиться в Лу и дать отчёт за первую.

— Мао Цзиянь, двадцать лет, счетовод, прибыл из яньской префектуры Дуншань, — объявил я Киму и Бяню, те молча кивнули и внести соответствующие записи.

Дождавшись, пока Цзюй Госю прорыдается, я спросил у него, не найдётся ли в Цинбао ещё скромников, которые, как и он, до сих пор не вписаны в наш реестр.

— Разве что господин Оуян, — пролепетал он.

— Оуян Шутай! — грозно сказал я, едва хуторянин третьей коленопреклонённой фигурой оказался перед нами. — Ты действовал смело, когда защищал друзей от произвола развращённого рода Чжэ, но тебе следовало знать, что Сын Неба давно искоренил эту язву, и теперь твоя смелость стала преступлением. Опасаясь людей недостойных, ты действовал осмотрительно, но мороча честных чиновников, губил ткань нашего общества и сам становился язвой. Твоя вина требует наказания, но по заслугам ты на первый раз получаешь снисхождение. Горе тебе, если снова попытаешься меня обмануть.

Разумеется, он заверил, что такого не повторится и принялся горестно просить прощения, но я быстро его остановил и вышел из часовни, желая обратиться ко всем жителям Цинбао. Те словно ждали

меня в эту самую секунду, и все, кому позволяло здоровье, тут же пали ниц.

— Несправедливость прошлого не должна более омрачать ваше будущее, — сказал я. — Те документы, которые мы выписали на ваших глазах, вступят в силу на третий день после праздника Нового года. До тех пор я оставлю Оуян Шутаю, которого вы все знаете очень хорошо, средства на покупку вам всего самого необходимого. После Нового года наши пути могут разойтись навсегда, вы вольны действовать, как захотите, но я был бы рад и дальше видеть вас здесь, в Цинбао. Здесь будет востребован и оплачен ваш труд — и во время строительства, и когда поместье будет отстроено. В моём же лице вы получите честного и справедливого судью и взыскательного, но доброго хозяина, который в любое время готов заботиться о своих людях. А теперь прошу вас расходиться по домам.

Мы заночевали в часовне, а к следующему полудню вернулись на хутор и оттуда направились в Солан. По дороге я сказал Бяню:

— Вы, кажется, ищете себе место. Идите ко мне управляющим! Редко где встретишь такого толкового человека, которому к тому же можно верить.

— Боюсь, на это мне не хватит умений, — с поклоном ответил он. — Когда мы выдавали этим людям документы, я, прежде всего, помогал вам и этим несчастным. Это был азарт, а он хорош до поры. Я вот уже сейчас понимаю, что наши ночные труды, может быть, успокоят индийцев, но, стоит кому-то донести, даже после Нового года, несдобровать и им, и вам! Для управления имением нужен такой человек, как ваш поверенный, с холодной головой и выдержкой. Я же человек лёгких подвигов и быстрых побед и не сгожусь вам даже в привратники.

— В таком случае не желаете отправиться вместе со мною на Дуншань? Я представил бы вас нашему правителю.

— Полноте, да станет ли он возиться с моими просьбами!

В ответ я заверил, что префект — самый щедрый человек на свете и, уж конечно, предложит Бяню не место лакея или привратника, а нечто соответствующее его талантам.

Чрезвычайный докладчик рассмеялся:

— До чего же вы мне по сердцу, сударь! Душа ищет душу тысячу лет, и как же расстаться через пару недель! Честное слово, даже если

дуншаньский правитель и видеть меня не захочет, одно то, что туда следуете вы, достаточный повод и мне направиться в Янь!

Я не знал, говорит ли он от чистого сердца или, как и я, ведёт какую-то свою партию, но в эту минуту мне стало искренне жаль, что человек, которого я действительно хотел бы видеть своим другом, не может им стать.

Глава двадцать девятая. Свинья сменяет Собаку; губернатор Тао упускает и обретает возможности, сам о том не подозревая

Зима была на исходе. Крупных снегопадов больше не было вовсе. Дороги мало-помалу приходили в нормальное состояние, и обратный путь давался много легче. А может быть, дело не в дорогах, а во мне. Ещё в Солане я услышал, как уличный музыкант на какой-то варварский мотив исполняет попурри из классических новогодних стихов, приправляя их рубленым припевом:

Возвращение домой,
Возвращение домой!
Я спешу к отцу и братьям,
К милой матери родной!
Возвращение домой,
Возвращение домой!
Скоро, скоро буду с вами,
Ну, а вы всегда со мной!

Этот припев прицепился ко мне до самого моста Красной Птицы. Хотя, в отличие от героя песни, дома меня не ждали ни родители, ни братья, я знал, кому могу сердцем пропеть последнюю строку.

Горная страна готовилась к Празднику весны. Городские ярмарки расцветали бумажными букетами и гирляндами, веточками слив и померанцев, красными фонариками и фейерверками — и символом года, фигурками чёрных хрюшек из самых разных материалов. По улицам слонялись студенты-недоучки с охапками цветной бумаги, предлагая по сдельной цене начертать для дома благоприятное пожелание или составить убедительную петицию пузатому божку еды и домашнего очага, чей портрет полагается сжечь в самом конце зимы,

чтобы тут же купить новый в ближайшей книжной лавке или у художника с рук.

Люди побогаче в приступе неожиданной щедрости раздавали старую одежду и утварь толпам ликующих нищих — с тем же желанием сразу купить новое. Люди победнее тоже не сидели без дела. Города и сёла Циской дуги, когда мы через них проезжали, казались сплошной свадебной процессией: в последние недели до Нового года, согласно бытующим здесь народным представлениям, счастливые и несчастливые дни отменяются, и для многих из тех, кому не по карману услуги гадателя, это единственная возможность с лёгким сердцем сыграть свадьбу.

Ну и, конечно, куда без барсов! Недалеко от Сыту мы наблюдали забавную церемонию, о которой я прежде даже не читал. По улицам города в богато украшенном паланкине проносят актёра в одеждах сановника и маске барса. Встречать его принято поклонами, слезами и криками: «На кого же ты нас покидаешь?!» Ворота капищ мелких божков и духов рангом ниже губернаторского, как и ворота частных домов, на пути следования процессии должны быть закрыты. Словом, несут большого и важного начальника. Сам префект провожает его за город, аж до третьего павильона (там-то нам и довелось увидеть завершение этого обряда) — и напоследок с поклоном спрашивает, когда достопочтенный барс изволит снова пожаловать в их края. «Теперь уж меня долго не будет, ждите лет через десять», — отвечает актёр, и его уносят прочь.

Но из года в год жители Циской дуги не слишком-то верят этим прощальным обещаниям и в тот же день сметают весь ассортимент амулетов от пятнистых хищников.

На Дуншань мы прибыли как раз накануне праздника — к немалой радости Кима и охранников, которые уже и не чаяли встретить его вместе с семьями. Я оставил Бяня заботам старого Чжана, а сам поспешил в управу. Немедленно переговорить с дуншаньским префектом требовала не только субординация — я сам провёл в город опасность, и чем раньше правитель начал бы действовать, тем вероятнее было превратить проблему в преимущество. К моей досаде, господина Чхве на месте не оказалось, я оставил ему докладную записку и бросился разыскивать администратора Ли, но и того не было ни дома, ни в городе.

Всё это привело меня в некоторое замешательство, но я решил, что сколько-то дней смогу продержать Бяня в своём доме. Проходя через центр города, я заглянул в ресторан господина Муна, чтобы заказать на дом крупную партию вин и закусок — и, возможно, музыкантов и певиц. Там я случайно наткнулся на одного из соседей Су Вэйчжао, стихотворца Линь Мо. Он сидел за столиком у входа с кувшином вина и тарелкой свинины, хмельной, но на удивление серьёзный. Я с позволения подсел к нему и отпустил пару дежурных ремарок насчёт предстоящего праздника.

— Какая же суета объемлет всех и всё вокруг, — тяжело вздохнул он и выразительно кивнул на соседний, сдвоенный стол, за которым собралась весёлая компания корейцев — я узнал руководство нескольких известных торговых фирм. Отбросив всякую солидность, с шутками и смехом директора бросали жребии и передвигали камешки по квадратному полю. Остальные шумели и активно подсказывали, как распорядиться выпавшими очками.

— Что же омрачает ваш день? — спросил я.

— Я в забвении, — Линь Мо развёл руками. — Мой талант не востребован, — он отхлебнул прямо из кувшина и произнёс:

Лягушкам указует этикет
Глядеть на мир из глубины колодца,
И люди воспевают лунный свет,
Не замечая, как сияет солнце.

Наверное, в этот момент в глазах у меня блеснул охотничий огонёк, но мой насупленный собеседник его, конечно, не заметил.

— Скажите, дражайший господин Линь, как у вас с каллиграфией?

Поэт подпёр голову кулаком и наградил меня тоскливым взглядом полуприкрытых глаз. Не дожидаясь, пока он соберётся с мыслями и цитатами для новой сентенции о лягушках в колодце, я сообщил, что недавно приобрёл землю на юге Ци и хочу устроить там обитель творческой мысли; но пока что дело в самом начале, и мне нужны просвещённые сподвижники (на этом слове поэт оживился), которые помогли бы мне наладить дела управления, чтобы затем делить со мною плоды философских раздумий.

— Работа предстоит непростая и долгая. Необходим не только талант, но и решительность.

Линь за столиком весь вытянулся в струнку. Глаза округлились и теперь смотрели как-то ошарашенно. Усы топорщились, как у кота. Всё это придавало ему боевитый, но, прямо скажем, глупый вид. Я невольно рассмеялся и, чтобы его не смущать, добродушно добавил:

— Ну так как?

— Почерк у меня очень чистый и уверенный, — отрапортовал Линь.

— Как насчёт ведения учёта?

— В математике не силён. Но с цифрами дружит мой сосед, Линь Хуаши, — сказал он, явно радуясь возможности замолвить словечко и за собутыльника.

— Смотрите. Потребуются управляющий, письмоводитель, счетовод, архитектор, садовник, художник по отделке и интерьеру…

— Художник? — перебил поэт. — Отражённый Феникс! Цзандэ!

— Прекрасно, — ответил я. — В ближайшие дни получите от меня деньги, бумаги и путевые инструкции — и в путь!

На лице Линя вдруг проступило сомнение. Он протянул, что, наверное, невежливо будет вот так сбежать от господина Чхве, но я решил атаковать в лоб:

— Ещё рассчитываете, что на Дуншане вам предложат большее? Господин Линь, повторюсь: мне требуются решительные. Если, пробыв столько лет в гостевой слободе, вы уверены, что рано или поздно алмаз ваших способностей разглядят в пыли, — ваше право. Что же до нашего уважаемого префекта, в ближайшие дни я подам ему прошение предоставить мне в помощь таланты слободы, и в этом прошении может быть ваше имя — или чьё-то другое.

Стихотворец сглотнул и хрипло ответил:

— Моё.

— Как замечательно! — весело сказал я, вставая с места. — Будьте наготове и ждите моего сигнала. Прочь! Прочь от суеты!

С этими словами я подошёл к игрокам-корейцам, кого-то из них приятельски похлопал по спине, коротко поклонился Линю и вышел прочь. Этот разговор вернул мне хорошее расположение духа, и теперь нужно было как можно дольше продержать чрезвычайного докладчика у меня дома.

Предпраздничная суета достигла своего пика. Городские улицы просто кипели народом. Чуть ли не каждый считал своим долгом выйти из дома и отправиться в торговые ряды. Те, кто не успел всем обзавестись, — чтобы лихорадочно докупить нужное и ненужное. Те, кто успел, — чтобы вальяжно прогуляться вдоль лавок, хвастая перед соседями, что у него-то всё готово. Я встретил Воронёнка — тот возвращался с рынка, неся за плечами плетёный короб чуть ли не больше собственного роста, и даже с такой ношей умудрился изобразить почтительный поклон.

— Дед с этим праздником всё никак не успокоится, — сказал он, покряхтывая. — И то ему нужно, и это. За четыре года, поди, душа истосковалась.

В нашем доме никто так не любил день новолетия, как старый Чжан. Отец шутил, что встречать этот праздник стоит хотя бы ради него. Когда в небо запускали фейерверки, старое, морщинистое лицо Чжана расцветало улыбкой, а глаза лучились детской радостью. «Счастливая звезда сияет в вышине», — говорил он, обнимая меня, мальчишку, за плечи, и всё показывал в небе эту звезду. В последний раз я слышал от него эти слова в год, когда мне предстоял экзамен на чиновничью должность. Это был год Козы. Над рабочим столом в отцовском (а теперь уже — моём) кабинете все эти годы так и висел красный квадрат с изящной каллиграммой «Благополучия и гармонии» в виде козочки.

Обезьяна, Петух и Собака словно прошли мимо нас. Накануне праздника Чжан, как и прежде, смотрел в небо, словно искал глазами счастливую звезду, но когда начинали трещать фейерверки, возвращался в свою комнатку, туда, где, как я знал, на столике стоит особая поминальная табличка с именем моего отца.

— Он в этот раз столько накупил, как будто ждёт в гости весь мир, не меньше, — усмехнулся Воронёнок и тряхнул коробом. — И живых, и мёртвых.

Может быть, так и было.

— Ничего, Цю, ты хоть мал, а ешь за четверых. Будет мало — так сегодня ещё принесут заказ из ресторана Муна.

Воронёнок застонал, но было видно, что недовольство его показное. В Новый год прислуга исправно получала денежные подарки (я поддерживал эту традицию и в годы траура, разве что выдавал их не в красных конвертах), а в дополнение — недельный отпуск, так что сетовать на праздник не приходилось.

Если меня и можно упрекнуть в нарушении старых установлений, то из-за того, что при отце Праздник весны всегда был сугубо семейным, а в моём доме в этот раз были гости — и приглашённые артисты. Музыканты и певицы прибыли от Муна через минуту после того, как мы прошли в гостиную и я представил друг другу Бяня и учителя Яо.

— Ваше лицо кажется мне знакомым, — сказал Яо после церемонных поклонов.

— Вы, должно быть, обратили внимание на мои ожоги, но уверяю вас: они у меня свежие, — улыбнулся чрезвычайный докладчик. — Хотя… где бы мы могли с вами встречаться?

— Если только на востоке области Вэй. Последние десятилетия я жил в деревне Тайхо.

В тот момент я смотрел на Бяня, и мне показалось, что слова Яо Шаньфу что-то для него значили.

Заиграла музыка: цитра и флейта. Из-за ширмы, за которой сидели певицы, зазвучала песня про далёкий, неведомый перевал Ариран. Девушки пели на корейском, но никто из моих гостей не возражал.

— Вы знаете, что у этой песни есть запрещённые текст и аранжировка? — неожиданно спросил Бянь.

Яо неуверенно кивнул. Я честно сказал, что не знаю.

— Её пели «пурпурные лотосы» в годы войны. Песню могли бы запретить вообще, но вступился генерал Фань Жо, освободитель области Чжао, который сам был наполовину корейцем и очень её любил. Как-то исподволь он намекнул министру-блюстителю Чжэ, что, если запретить «Ариран», северо-восток загорится сильнее прежнего, — Бянь щёлкнул палочками для еды. — Вряд ли, конечно, из-за песни поднялся бы мятеж, но Чжэ Фацзюэ рисковать не стал.

За тот вечер было сыграно ещё немало произведений — более новогодних, лёгких и весёлых, — но всё это время, среди здравиц, вин и закусок, в сознании у меня крутилось:

Ариран, Ариран, дальний перевал,
За него уходишь ты, милый, от меня.
Гаснут в небе утреннем звёздные цветы,
Но не гаснут светлые, чистые мечты.

Жизнь-странствие. Одним уготовано оставлять и искать, не зная, найдут ли. Другим — оставаться и ждать, не зная, дождутся ли. Много ли времени пройдёт, прежде чем я снова покину Дуншань, покину тех, кто так мне дорог и с кем я стал видеться реже, чем с дорогами и мостами?

Когда мы с Бянем и Яо вышли во внутренний сад полюбоваться фейерверками и ясной ночью, я увидел на обычном, «новогоднем»

месте старого Чжана. Только смотрел он не в небо, а под ноги. Я встал рядом и сказал так, что слышали только мы двое: «Счастливая звезда сияет в вышине». Поначалу он никак не отреагировал, потом с его глаз словно сошла пелена, я увидел знакомый детский взгляд и улыбку — и стало вдруг спокойно и хорошо, как будто нет ни опасностей, ни интриг, а грядущий год и впрямь обещает быть счастливым.

Празднование весны затянулось далеко за полночь. Господин Бянь принял моё приглашение в эти дни погостить у меня дома. Разумеется, в том же, западном флигеле, который я сам тщательно проверил — всё-таки раньше там жили Су Вэйчжао и У Барабанчик, напоминания о которых были бы очень некстати. Улучив минуту, я намекнул и учителю Яо, что Бянь — непростой гость, с которым нужно держать ухо востро.

Выспаться не довелось. Рано утром привратник доложил, что прибыл паланкин и меня ожидают в городской управе. Мне показалось удивительным, что на улицах вообще довольно много паланкинов, но всё было просто: в этот самый час особо рьяных бражников разносили по домам. И только я следовал на службу.

Господин Чхве принял меня в своём кабинете. На нём был домашний халат, но по изможднному лицу было ясно: префект не ложился вовсе. Причиной нашей столь ранней беседы стала, разумеется, моя записка, составленная в самых тревожных тонах, но без подробностей. Я вкратце изложил правителю историю с Бянем, рассказал о выдаче документов юэским индийцам и о том, что сейчас чрезвычайный докладчик находится у меня.

Господин Чхве, заложив руки за спину, прошёлся взад-вперёд. Потом остановился у столика, налил себе и мне горячего чаю и спросил:

— Как думаешь, сколько таких на северо-востоке?

Было лестно, что он интересуется моим мнением, хотя меня не покидала мысль о том, что и это проверка.

— Трудно сказать, но в беседе с цискими губернатором генеральный инспектор Чэнь высказался в том смысле, что у императорского шурина не так уж много верных и толковых людей, чтобы разом контролировать и провинции, и столицу.

— Ты спас его от верной смерти. Что думаешь о его благодарности?

Болезненный вопрос. Мне хотелось верить в искренность Бяня — притом что сам я в общении с ним постоянно лукавил. Понимая, что ему поручено исследовать Ци и Янь, увлёк его в Цинбао (где он, конечно, прежде не был) и провёл перед его глазами всех жителей разрушенного имения. С индийцами мне очень повезло: теперь Бянь знал, что в Цинбао есть больши́е проблемы, и из симпатии ко мне мог постараться избавить поместье от лишнего внимания проверяющих. Если эта симпатия у него была. Сейчас, когда он оказался на Дуншане (а он ведь всё равно рано или поздно сюда бы дошёл, учитывая репутацию господина Чхве), достаточно было позволить ему обследовать префектуру, предусмотрительно отослав Су Вэйчжао и всех, кто мог помнить его лично. Лучше всего — в Цинбао.

Я ответил, что в поведении Бяня не было ничего, что бы меня насторожило; но, не питая иллюзий насчёт собственной интуиции, добавил, что полезным будет и мнение Кима, которого я находил человеком весьма проницательным.

Чхве улыбнулся и погладил усы:

— Да, у Кима я обязательно спрошу. А ты, стало быть, рисковал?

— Виноват, — сказал я с глубоким поклоном. — Если мой риск обернётся бедой, накажите меня! Но и великий небесный полководец Кунмин рисковал, когда открыл перед неприятелем городские ворота и встречал стопятидесятитысячное войско игрой на цитре. Да и наша стратагема с министром Шэном — дело небезопасное.

Префект расхохотался и смеялся достаточно долго. С него, кажется, даже сошла усталость, а взгляд посвежел.

— Кстати, спешу тебя обрадовать, — сказал он, утирая слёзы рукавом, — Шэн Янь успел рассмотреть твоё ходатайство, поданное через губернатора Ци, и во дворце уже объявили, что ярмаркам быть. Теперь яньский губернатор в возмущённом послании требует меня в Лиян для разъяснений. Негодует, подозревая, что я действовал в обход него.

— Вы, конечно, не можете нести ответственности за то, что в соседней области правитель не боится мыслить и действовать, а в нашей — страдает косноумием, да ещё и не следит за своим окружением, — ответил я, отпивая из чашки. — В Цанъюане о его беседе с И Мэнкуном знали и без нас. Разве что внимания могли не уделить. Впрочем, губернатору Тао впору радоваться, а не скрежетать

зубами. Сосед сделал за него самую сложную часть работы, добившись принципиального высочайшего согласия на проведение ярмарок. Теперь достаточно убедить Сына Неба назначить место проведения в области Янь, а не Ци — и пожать урожай.

Господин Чхве сощурил глаза — верный признак того, что мысль ему понравилась, но требует доработки.

— Сегодня, мой мальчик, всё чаще получается так, что воля Сына Неба — это воля министра Шэна, а к нему Тао Ханьло опасается даже подступиться.

— Столичный двор всё же шире, чем усадьба императорского шурина, — возразил я. — Да и окружение последнего не монолитно — к нему можно найти подход. Наконец, и губернатор Тао может действовать не лично, а полагаясь на чьё-то посредство. Например, ваше.

Чхве хлопнул по столу:

— В хорошую же историю ты меня впутываешь!

— С вашей стороны это не более чем жест доброй воли. Вы можете сразу сказать Тао, что за результат не ручаетесь, он и за это будет вам благодарен. Но подумайте, насколько было бы лучше, если бы все нужные грузы пришли не на плоскогорье, а в Лиян. Или на Дуншань.

Префект кивнул и жестом пригласил меня продолжить мысль.

— В гостевой слободе есть люди, прежде служившие в Тайцзине. Некоторые имели там такую репутацию, что и сейчас одного их слова, сказанного нужному царедворцу, достаточно, чтобы привести в действие сложный столичный механизм принятия и изменения решений. Но выбирать, с кем говорить, и собственно говорить такой человек должен лично. Я мог бы сопроводить его до предместий Тайцзина и обратно. На всё ушло бы месяца полтора.

— Ты говоришь гипотетически или о ком-то конкретном?

— Я говорю о Юань Мине, чья биография частично мне известна.

Воцарилась тишина. Господин Чхве смотрел поверх моей головы, и я всё боялся вопроса о том, чтó именно мне известно и откуда. Но он так и не прозвучал.

— Юань Мин, наверное, подойдёт, — сказал наконец префект, переводя взгляд на меня. — Подожди, я напишу ему записку.

Он взялся за кисточку. Я как можно скромнее попросил составить распоряжение и трём Линям — об их переводе в Цинбао. Кроме них

оставались ещё доктор Дяо и собственно Су, но первый был уже очень плох и страдал расстройством памяти, а с последним я не смел давать правителю рекомендаций.

— Ещё пару дней продержи Бяня у себя, потом представь его мне, — говорил господин Чхве по ходу письма. — Если он переселится в гостевую слободу, выходи с Юанем незамедлительно. Записку, пожалуйста, передай ему сам. От этого многое зависит.

Он положил её в конверт, запечатал его и передал мне. Я поклонился и вышел, решив, несмотря на раннее время, доставить конверт немедленно — чтобы после уже не оставлять без присмотра моего опасного гостя. До слободы я отправился пешком. Первое утро нового года было тихим и безлюдным. За всё время я увидел на улице только одного пешехода — высокая фигура в тёплом зимнем плаще двигалась передо мной шагах в пятидесяти, неизменно в том же направлении, что и я. Мне стало очень любопытно, кто же это. Человек шёл, не оборачиваясь. Миновал ворота, вошёл в слободу, выбрал ту же улицу, которая была нужна мне, поравнялся с домом, где жил Юань Мин, и зашёл внутрь.

Глава тридцатая. Отражённый Феникс завершает портрет, молодой чиновник получает вышитый оберег

Мне открыли не сразу. Пока я ждал, время от времени терзая дверное кольцо, пошёл снег. Наконец хмурый и заспанный слуга приотворил створку ворот. Он уже — по лицу было видно — собирался выбранить раннего визитёра, но, увидев на пороге чиновника, согнулся в поклоне. Я благожелательно поздравил его и спросил, проснулись ли уже обитатели дома.

— Старикам что праздник, что будний день, — заплетающимся языком сказал привратник. — Они до рассвета на ногах. Это я, ничтожный, прикорнул.

— А кто заходил только что, передо мной? — продолжил я уже в переднем дворике.

Привратник посмотрел на меня пустыми, недоуменными глазами:

— Да разве же кто заходил? Спал же я, говорю… От вашего стука только и проснулся. А что-то случилось? Я сейчас всё обыщу!

— Нет, не нужно, — ответил я.

На инее брусчатки взгляд выхватил три уверенных линии следов — они ещё не успели скрыться под хлопьями снега или пострадать от шаркающей походки привратника. Одна — от гостиной до ворот, поверх — две от ворот до гостиной. Кто-то ждал человека, пришедшего до меня, и только что открыл ему изнутри. Но усилием воли я отогнал от себя неприятные мысли: из-за Бянь Мэнцая восприятие обострялось, всё неизвестное казалось подозрительным, но навязывать свою мнительность другим… «Если уж очень хочется познакомиться с этим гостем, — усмехнулся я про себя, — он сейчас наверняка сидит в гостиной».

В гостиной было пусто. Из боковой комнатки выпорхнул лакей и, принимая мой плащ, прощебетал: «Счастливое предзнаменование в

новом году, благородный господин! Первый посетитель в новом году — сам помощник префекта!» Других гостей не видел и он. Вернее, не слышал их прихода. Следов на полу не было — его мыли буквально минуту назад.

Спросив о Юань Мине и получив ответ, что он уже позавтракал и читает у себя в комнате, я прошёл во внутренний двор. На «горе бессмертных», как и в мои прошлые визиты, медитировали старики, словно вовсе никуда не уходили. Их не стесняли ни холод, ни снег. Некоторых запорошило по пояс — и они сами напоминали тех истуканов, рядом с которыми сидели. В бельведере на вершине, кажется, кто-то был, но я, конечно, не стал подниматься. Я пришёл к Юань Мину.

В детстве мне попадался редкий нынче сборник остроумных новелл «Две тетради, спрятанные в рукавах». В первой истории судейский чиновник рассказывает знакомцу-даосу о поимке опасного грабителя и сетует: первое серьёзное дело в жизни ему довелось раскрыть, бесцельно шатаясь по городу — нужные улики сами попадались на глаза, нужные люди оказывались там, куда его несли ноги, и давали признательные показания, только слегка поднажми. «Неужто в этом и есть моя метода? — вопрошает сыщик, не иначе как в подпитии. — Неужто я не деятель, а лишь послушное орудие в руках судьбы?» По прошествии времени я мог удовлетворённо сказать о себе: я не орудие — по крайней мере не послушное. Судьба тыкала меня носом в улики, приводила туда, куда нужно, но я упрямо смотрел в другую сторону.

Встреча с Юань Мином длилась недолго. Он молча прочёл письмо префекта — дважды — и тяжело вздохнул:

— Как трудно бежать наперегонки с прошлым. И в глубокой старости и забвении, когда всё, чем ты можешь дорожить в жизни, — это покой, — оно является, чтобы забрать это последнее.

Фальшивые слова обжигали горло, но я деликатно сказал, что если путь до столицы вызывает у него серьёзные опасения, можно попросить дуншаньского правителя изменить решение. «Господин Белая Шляпа» только улыбнулся:

— Может ли путь вызывать опасения? Нет, опасения вызывает его отсутствие, — он посмотрел мне в глаза. — Но если ты, как пишет господин префект, станешь моим провожатым, то рискуешь упустить

областные экзамены, а такая возможность выпадает раз в три года. Подумай, в следующем году ты мог бы встретиться с Сыном Неба!

— Следует ли стремиться в девять министерств, ведь пользу государю и народу можно принести и в родном краю!

Юань Мин ещё раз улыбнулся:

— Ты совсем как твой отец, малютка шаодай. Но трудно будет остаться в норке, когда за спиной у тебя расправятся крылья.

И на этом беседа завершилась.

Когда я вновь проходил гостиную, там сидел Линь Цзандэ. Мы поприветствовали друг друга.

— Сосватал меня вам этот глупый поэт! — произнёс он с напускным недовольством. — Скажите на милость, какой из меня декоратор? Моё призвание — писать полотна, а не оформлять интерьеры!

— Но ведь и взлёт великого Ван Фу начался с росписи княжеских покоев, — возразил я.

— Взлетать мне не нужно, полёт продолжается уж давно! И разве так велик Ван Фу? И разве княжеский дворец мне предстоит? — сказал Линь, но, наверное, понял, что получается грубость, скидку на которую сложно сделать даже с учётом его скверного характера. — Но не подумайте, что такая работа мне слишком трудна. Вы заказываете орнамент, и наша встреча как нельзя к месту. Я нарисую несколько эскизов, определите, который вам ближе.

Слова о том, что я доверяю его художественному вкусу, не принимались. Отражённый Феникс тут же достал несколько листков бумаги и за минуту нарисовал с десяток различных орнаментов — то есть, несомненно, по памяти воспроизвёл виденные прежде: строгие и ажурные, геометрические и составленные из растений и фантастических существ, окаймляющие и плоскостные, часто повторяющиеся и (как он уверял) составленные уникально, без единого повторения. От такого разнообразия и настойчивости художника заболела голова. Я хотел было ткнуть наугад, но потом решил, что тогда придётся объяснять, чем не угодили остальные.

Ответ нашёлся сам собой:

— Поместье будет огромным, — сказал я. — Попробуйте каждое здание оформить в своём стиле. Так, чтобы их сочетание было удачным.

Линь задумчиво кивнул, и я решил, что удачно будет счесть это за прощальный поклон, пусть и небрежный.

— Я заканчиваю большую работу, — крикнул вдогонку Отражённый Феникс, — и пришлю вам её в подарок!

Эти слова настигли меня через пару дней, когда Бянь посетовал, что ему не хватает чтения, и я пригласил его ознакомиться с моей библиотекой. Разумеется, всё лишнее, что могло бы попасть на глаза сотруднику министерства столичной безопасности, давно убрали под замок, и даже творческий беспорядок на рабочем столе был тщательно мною выверен. Но как раз в этот день из гостевой слободы прислали тубус, и когда Бянь, отпуская восторженные комментарии, осматривал книжный шкаф, я тихо открыл тубус и развернул лежащую в нём картину. Портрет. Молодой человек — судя по обстановке, литератор, — сидит в беседке под ветвями цветущей вишни и уже занёс кисть над тетрадью. Конечно, и колонны, и цветы, и даже поза человека были взяты у других художников, и, возможно, я с удовольствием пустился бы отгадывать, у кого именно, если бы не одно обстоятельство, заслоняющее все остальные. У изображённого было лицо Су Вэйчжао. Точно такое же, как на шёлковом платке за пазухой у Бяня.

Это могло означать только одно. Линь Цзандэ видел этот самый платок. Неужели сам Бянь как-то незаметно, пока я ходил по управам и ресторанам, выскользнул из моего дома и начал свои розыски? Немыслимо! Или на Дуншане уже побывал другой чрезвычайный докладчик? А может быть, министерство столичной безопасности давно внедрило сюда своего человека, который лишь дожидался указаний?

Мозг лихорадочно воспроизводил события того утра, когда я навещал Юань Мина. Я был уверен, что дело — в том таинственном визитёре. Откуда встретивший его обитатель дома мог знать точное время, когда подойти к воротам? Наверняка заметил его ещё на подходе, ведь бельведер видно с улицы — значит, и улицу видно из бельведера. Гость не оставил в гостиной плаща. Резонно предположить, что встреча проходила во внутреннем дворе — возможно, в том же бельведере. Но кем был встретивший? Может быть, сам Линь Цзандэ? Вычурная подпись на картине гласила: «Отражённый Феникс за мгновение до того, как оставить старое

гнездо». Стало быть, три Линя уже покинули Дуншань, и расспросить их ни о чём не удастся.

— Интересный портрет, — услышал я голос за спиной и едва удержался от резких, лихорадочных действий.

Словно парализованный увиденным, я и не заметил, как Бянь оказался рядом. Немного успокаивало то, что Линь не указал ни имени, ни времени, ни места.

— Новогодний подарок от одного бэйлунского художника, — ответил я. — Мы познакомились минувшим летом, и он пообещал прислать что-нибудь из новых работ. Он чудаковат и именует себя Отражённым Фениксом. Большой оригинал.

— Большой оригинал в подражании, — усмехнулся Бянь — Я вижу здесь руку по меньшей мере четырёх мастеров прошлого. Разве что лицо не кажется знакомым. Должно быть, изобразил кого-то из своих друзей? Или ваших?

— Уж скорее первое. Спрошу непременно, если опять побываю в тех местах.

Прятать портрет теперь не имело никакого смысла, я повесил его на видном месте и сказал:

— Так вы узнали в этой картине элементы других произведений? Я тоже кое-что заметил. Давайте, развлечения ради, посостязаемся в искусствоведении. За четверть часа попробуем записать свои находки, а после сличим?

Мы сели так, чтобы каждый мог равно хорошо видеть портрет, и взяли в руки по тетрадному листку. Бянь ничем себя не выдавал. Спустя положенное время я взял его и свой листок, проставил на них наши фамилии и стал проверять совпадения. Мы немного поспорили о сомнительных моментах, но я безо всякого сожаления отдал первенство гостю. А вечером убрал портрет в тубус, положил туда же итоги нашей игры и в подарочной упаковке отослал господину Чхве, полагая, что тому хватит и такого намёка, чтобы понять, как обстоит дело. Сообщать что-то более детально я не рискнул. Мало ли кто может это прочесть…

Положив голову на подушку, я поймал себя на мысли, что совершенно не тревожусь о судьбе Су. Я думал о другом человеке. Об «Элегии Чуской поймы». И о том, что за окном сейчас тишина. И эта тишина, это спокойное молчание ночи не давало уснуть. Завтра, думал я, Бянь покинет мой дом, но и сам я вынужден буду вновь уйти из родных мест, пробыв в них меньше недели.

Я встал, оделся и вышел к беседке на заднем дворе. Мэйлинь была там. Как будто ждала меня и точно знала, что я приду, — а ведь за всё время моей побывки на Дуншане мы, если и виделись, то только вскользь и случайно, и ещё ни разу друг с другом не говорили.

Мы обменялись поклонами и новогодними поздравлениями, и я сразу же сообщил о своём скором отбытии к столице.

— Так мало пробыли с нами и снова покидаете, — сказала она.

Отчего-то она впервые говорила со мной на «вы». Но, как ни удивительно, это не создавало какой-то отчуждённости, скорее наоборот. В небе угасала Лазурная луна — от неё остался лишь тонкий обод, — «время грустить», как говорил Пао-цзы. И в лице Яо Мэйлинь читалась грусть, но я знал, что не о луне и едва ли обо мне. Хрустальную меланхоличность момента разбил пышный фейерверк.

Мэйлинь вдруг расплакалась. Бессильно, горько — такой я её прежде не видел. И не знал, чтó мне делать: броситься утешать или почтительно стоять на отдалении, не вторгаясь в чужое горе.

— Что произошло? — только и мог вымолвить я.

Мэйлинь отвернулась и стала утирать слёзы. Затем выпрямилась, опершись ладонями о перила.

— Вы постоянно подвергаетесь опасности, — слышно было, что она старается, именно старается говорить спокойно. — Мне за вас страшно. Вы, наверное, не заметили в эти дни, но мой отец за зиму очень сдал. Маме никак не становится лучше, она сутками бывает без сознания. Я боюсь, что она умрёт, а отец… отец может этого не выдержать. Если не останется и вас, кто меня защитит?

Последнее предложение прозвучало как-то излишне холодно, рассудочно. Мэйлинь опять посмотрела на меня и, кажется, собралась сказать ещё что-то, но промолчала. В её руке возник пузатый мешочек-оберег, узорчато расшитый бисером и золотой нитью:

— Пожалуйста, возьмите. Я делала его для вас. Пусть он сохранит вашу жизнь и воспоминания о близких.

Я обратил внимание (хотя раньше не замечал), что такой же мешочек — точь-в-точь — привешен и к её поясу. На это тут же указала сама Мэйлинь, добавив, что ещё в детстве, в Тайхо, сделала такие обереги себе и всем, кого любит.

— Такой же есть у отца, у матери… и был у моего Дэшэна… — её голос осёкся. — Как жаль, что его это не сберегло.

И за секунду до того, как небо потрескалось новыми фейерверками, я успел пообещать ей, что обязательно вернусь.

Утром за мной вновь прибыл паланкин — закрытый и на этот раз двухместный. В короткой записке господин Чхве писал, что ждёт в управе меня и Бянь Хэншу. Префект, несомненно, получил и просмотрел мою вечернюю посылку (по крайней мере именно так я истолковал короткий, еле заметный кивок, адресованный мне при встрече), но был совершенно спокоен и даже весел. Первую, ознакомительную беседу с Бянем провёл энергично и предсказуемо сказал, что как раз искал человека таких талантов.

— Сколько времени потребуется вам на переезд в гостевую слободу? — спросил Чхве.

— Мои вещи при мне, — ответил чрезвычайный докладчик и затем поклонился в мою сторону: — У доброго хозяина, в чьём доме я гощу, осталась лишь книга, которую я не дочитал, и та не моя.

Я понял, что подошло время для фразы, которую мысленно репетировал уже давно:

— Прошу прощения, но утром я получил письмо от друга из Чжао. Его втянули в разорительную тяжбу — боюсь, ему не обойтись без моей помощи. Едва ли потом выпадет возможность ему помочь. Прошу дозволения на ближайшее время покинуть Дуншань.

— Конечно, — ответил префект и, едва я откланялся, повёл с Бянем беседу о каких-то политических материях.

Всё тот же паланкин дожидался меня у ворот. Назвав носильщикам адрес в гостевой слободе, я задёрнул шторку и несколько минут слушал уличный шум, не думая ни о чём. Дуншань постепенно вошёл в привычный ритм. Новогодняя пора ещё не завершилась, но людей на улицах стало значительно больше. Носильщики вошли в слободу. Здесь даже шаги звучали иначе. «Где сейчас беглый архивариус?» — подумалось мне. И, словно в ответ я услышал сказанные кем-то снаружи слова: «Су. Его фамилия Су». Я открыл окно и приказал опустить паланкин на землю.

На улице было несколько праздных прохожих, но никто не вызывал каких-то особых подозрений. «Что-то не так, сударь?» — спросил кто-то из носильщиков. Мне нечего было ответить, и мы продолжили путь. Но теперь уже я чувствовал нервозность и не слушал, а судорожно вслушивался в каждый возглас, каждое обронённое слово.

Встреча с Юань Мином — а я направлялся именно к нему, — вопреки обыкновению, не вернула мне спокойствие. Мне не довелось выпить с ним чая и побеседовать о судьбе и предначертаниях. Старик ждал меня в гостиной в походной одежде, подобранный и напряжённый. Спустя некоторое время паланкин доставил нас к моему дому. Дорогой мы молчали.

В воротах меня встретил Чжан:

— Хозяин, буквально только что к вам прибыли гости.

Глава тридцать первая. Сын оружейника наносит предательский удар, мастер Диу дерётся со львами

Я настроился на худшее и был готов ко встрече хоть с областной инспекцией, хоть с приставами загробного мира, но в гостиной меня поджидал всего лишь мастер Сюй Чаньпу, который явился в сопровождении двух сыновей и принёс подарок к Новому году — огромный красный свёрток, перетянутый золотистой лентой. Вдвойне неожиданно, потому что ни я, ни мой отец близко не общались с хмурым юэским усачом, хотя пару раз он бывал в нашем доме.

— Как неловко, — сказал я, принимая свёрток. — Ваш визит для меня неожиданность, и своего подарка я не приготовил, а нанести ответный визит не успеваю: сегодня покидаю Дуншань по неотложным делам.

— Тем лучше, что я вас застал, — ответил оружейник. — О взаимной любезности не беспокойтесь, ведь и я припозднился: давно бы закончил работу, да всё спотыкался о какие-то мелочи. Однако подарок у меня непростой: иной полагается убрать в сторонку и открыть позже, а с моим временить нельзя, тем более что сегодня вы уходите, а он как раз полезен в пути.

— Вы уж подарили мне трость, мастер Сюй, — произнёс я почтительно, начиная понимать, что к чему, — и она чудо как хороша.

— Вот будет и дополнение! — поклонился Сюй Чаньпу. — Мои сыновья помогут вам разобраться, а вы уж не сердитесь на меня, глупого старика, за настырность.

И вот так легко выпроводил меня из собственной гостиной. В кабинете я раскрыл свёрток — в нём, конечно, оказался стёганый дорожный халат на плотной подкладке. Я знал, что в области торса за подкладкой находится броня — и не простая, а «доспех мертвеца», — но сработано всё было настолько добротно и искусно, что неподготовленный взгляд не мог бы ожидать подвоха.

— Защитит от любого острия и лезвия, — объяснял один из сыновей оружейника. — Но, конечно, рогатина или меч входят глубоко, так что с ними вы никого не обманете. А вот стрела или короткий нож…

Неожиданно в его руке блеснул кинжал, и, прежде чем я успел что-то сказать или сделать, вонзился мне в правый бок. Парень как ни в чём не бывало продолжал:

— Ну вот, видите! Так-то вам бы сейчас на полу валяться. Но вы уж сами себе решайте, когда падать, а когда продолжать драться. «Крови» тут более чем достаточно, куда ни ударь.

По серому боку халата расползалось багряное пятно. Предупреждая резонный вопрос о том, как мне теперь ходить в таком виде, второй сын мастера Сюя достал из-за пояса продолговатый флакон с насадкой в виде головы дракона и опрыскал бок бесцветной жидкостью с едким запахом. Не прошло и минуты, как пятно посветлело и пропало, не оставив следа. Таких флаконов к халату прилагалось два. Пессимистичный оружейник, вероятно, считал, что рубить и резать меня будут на каждом постоялом дворе.

Халат был несколько тяжелее моего привычного, но я не привередничал. В этот раз в путь до столицы предстояло отправиться без охраны и даже без слуг — только я и Юань Мин. Учитывая мои дальнейшие планы, я полагал, что так будет даже лучше.

Спустя всего час после того как Сюй Чаньпу и его сыновья ретировались, вышли и мы с «господином Белой Шляпой». Сейчас это прозвище подходило ему как нельзя лучше: со старой шляпой он в дороге не расставался и носил, низко надвинув на глаза. Учитывая возраст моего спутника, я решил по возможности как можно большие расстояния преодолевать в паланкинах и повозках, и был удивлён, когда нам впервые пришлось идти пешком: Юань Мин не отставал от меня ни на шаг. Покидая Дуншань, он был неразговорчив и, как и я, держался насторожённо, но уже второй день пути он встречал умиротворённо и в хорошем расположении духа. А узнав, что я собираюсь проложить маршрут по знакомым мне местам через Цискую дугу, и вовсе весело рассмеялся:

— Странствующий даос как-то рассказал мне древнюю историю о воине, который вошёл в каменный лабиринт восьми триграмм, чтобы победить рогатого демона. Лабиринт был опасен и сам по себе: он

постоянно менялся, и прошедший вратами смерти уже не мог из него выбраться. Воин, чтобы не заблудиться среди предательски одинаковых стен, разматывал по пути моток шерсти, по которому и вышел обратно. Так и я сейчас по старой нити прохожу прежний путь — по тем же самым местам. Кажется, присмотрись к этим камням, и увидишь мои следы двадцатилетней давности. Вот только воин из легенды нашёл и прикончил своего демона, а мой ещё где-то бродит.

В первые две недели года спрос на перевозки невелик, и извозчичьи дворы Цискоой дуги, на днях кипевшие людьми, стояли полупустыми. Но нам так или иначе удавалось взять коляску, и двигались мы почти без задержек. Небольшая заминка возникла лишь однажды, на западной окраине Сыту, при примечательных обстоятельствах. Слуги с постоялого двора сбились с ног, разыскивая нам извозчика и с горем пополам предложили какого-то босяка с подводой до Луаньху. Юань Мин никогда не участвовал в подобных обсуждениях, но тут решительно высказался против. Я с ним согласиться: крюк отнял бы у нас полдня — но позже в памяти всплыла беседа местного зеленщика с администратором Ли.

Цифры сходились. Мой спутник проходил Цискоой дугой двадцать лет назад, тогда же двое смельчаков освободили Луаньху от четвёрки барсов-людоедов. Вполне возможно, что одним из смельчаков был мастер фехтования Шангуань. Спрашивать об этом прямо было бы бессмысленно. «Господин Белая Шляпа» слишком долго молчал о прошлом, чтобы сейчас откровенничать. Именно поэтому, как подсказывала логика, сейчас он отказался посетить спасённую деревню, где могло сразу же открыться слишком многое. И, как ни подбивало меня любопытство, принуждать его к этому я не хотел — иначе мы рисковали бы встречать Праздник фонарей в Луаньху, а не в области Цзюй, куда мне хотелось попасть уже через десять дней.

Возможно, портрет Юань Мина с моих слов складывается противоречивый. В своё оправдание скажу, что и меня всю дорогу не оставляло чувство противоречия между тем, что я вижу и слышу, и тем, что, на мой взгляд, оставалось невысказанным и неизвестным. Нельзя сказать, будто мой спутник держался замкнуто — напротив, по-стариковски щедро делился воспоминаниями и занимательными историями о каждом хуторе и о каждой рощице, мимо которых мы проходили, — но непонимание его исходных установок действовало

гнетуще. В прошлом я чётко понимал, что, скажем, администратор Ли или поверенный Ким играют на стороне господина Чхве, а Бянь, как бы я к нему ни относился, — на противоположной стороне, за Шэн Яня. Даже многоликий Чэнь Айго, когда сопровождал меня, казался понятным и преданным человеком дуншаньского правителя. Но за кого играл Юань? Шёл ли он сейчас просто выполнять поручение гостеприимного хозяина или вёл какую-то свою партию?

И за кого играл я сам?

Став помощником префекта и фактически его тайным порученцем, я пытался как-то соотнести его цели с целями моего отца. Почему отец перед смертью фактически поручил мне взять из сундука тетрадь в белом бархате раньше, чем она попадётся в руки сотрудникам управы? Опасался ли он Чхве как карающей длани государства, потому что не знал, что тот и сам готов действовать в пику столичному двору? Или потому что, наоборот, знал о каких-то его секретных устремлениях? Возможно ли, что в реальности их цели совпадают? Тот и другой искали и собирали реликты прошлой эпохи. По словам Яо Шаньфу, дело «тайных учёных» выросло из студенческого интереса к истории; господин Чхве, отправляя меня в Тайцзин, говорил о великих знаниях как основе процветания грядущих поколений. Оказавшись элементом двух скрытых механизмов, я получил возможность свести их воедино — не пытаясь манипулировать, как сейчас, а открыто рассказав обо всём Чхве: усилить «тайных учёных» талантами гостевой слободы и обеспечить применение собранным ими знаниям. Но что если цели не совпадают?

Мог ли Юань Мин — человек, безусловно, мудрый и осведомлённый — знать что-то о замыслах отца или господина Чхве?

Новогодняя пора в горной стране завершается большим Праздником фонарей. Его с размахом отмечают даже в Чу, которая с началом мятежа отказалась практически от всех обычаев империи. Правда, и здесь, как на двойное полнолуние, общих традиций празднования куда меньше, чем собственно местных «изюминок». В генерал-губернаторстве Девяти областей, куда мы прибыли к концу второй недели нового года, акцент делают на «львином танце», из которого вырастают неподражаемые постановки с сочетанием сложной акробатики и театрального фехтования.

Таким зрелищем нас порадовал пригород цзюйской столицы, селение Дайча. Представление давала труппа Диу Сянвэня. На площади перед святилищем Пяти Гениев обустроили сцену: в центре две огромные серые тумбы, похожие на голые горные вершины; между ними прокинут горбатый деревянный мост без перил; на заднем плане — крутая волна из бамбуковых шестов разной высоты. Рядом со сценой, одетые в кумач с золотыми позументами, стоят музыканты. Инструменты в основном ударные, но есть и флейтист. Он-то и начинает выступление тихой и спокойной мелодией.

На сцене появляется сам мастер Диу, он в тёмно-синем дорожном халате и, судя по всему, играет человека чиновного звания. Под восторженные аплодисменты и перешёптывание зрителей он поднимается на одну из вершин и вступает на мост. В этот момент происходит первое «чудо»: из мешка, подвешенного высоко над сценой, начинают медленно падать серебристые бумажные звёзды, последний снег старого года. Путник останавливается, достаёт из-за пояса веер (самое неестественное, что можно себе представить во время зимнего путешествия; но на сцене веер скорее символизирует задумчивость и поэтический настрой) и смотрит вдаль.

Флейта звучит тревожно, внезапно её пение пресекает резкий удар тимпанов — из-под тумб выбираются главные действующие лица, огромные львы. Каждого играют по два артиста. Один, постарше и посильнее, отыгрывает туловище и задние лапы, его спину и голову покрывает вычурная попона, поэтому в движениях он часто полагается на товарища. Тот отвечает за передние лапы и управляет огромной кукольной головой. «Львы» — не более чем название, сходство с настоящими львами невелико, а морды больше похожи на лица демонов с даосских картин; но пластика у дуэтов поистине кошачья — со второй минуты забываешь, что перед тобой пёстро разодетые люди, и начинаешь видеть на сцене два четвероногих чудовища. Головы хлопают и вращают глазами, открывают и закрывают пасти — словом, ведут себя как живые. Часто львиные костюмы также красного и золотого тонов (это вообще цвета праздника), но на представлении в Дайча выбрали голубой и зелёный.

Под лязг и грохот ударных львы исполняют свой танец. Он не столь сложен, как дальнейшая акробатика, главная его красота в синхронности движений. Львы красуются перед зрителем, принимают

угрожающие позы, встают на задние лапы и запрыгивают на тумбы. Путник оказывается меж двух противников. С веером в руке он кружит на мосту, пытаясь отпугнуть хищников, но тщетно. Когда демонические чудовища уже готовы его растерзать, появляется нежданная подмога — дракон, заставляющий всех замереть.

«Танец дракона» — отдельное действо. Я видел, как его исполняют на Дуншане: участвует по крайней мере полдюжины человек, бывает и несколько десятков. Каждый несёт по длинному шесту, на первом закреплена драконья голова, на последующих — кольца, соединённые между собой блестящими лентами. Перемещаясь и двигая шестами, люди заставляют летучего змея извиваться, сворачиваться в кольцо и выполнять весьма сложные фигуры — чуть ли не завязываться узлом. У труппы Диу Сянвэня он движется куда проще, но всё это искусно вплетено в общий сюжет.

Дракон пролетает над самым мостом, обречённый путник успевает схватиться за одно из колец — и его переносит на гребень бамбуковой волны. Змей поворачивает свою усатую морду, и толпа в восторге — мастер Диу достаёт из его пасти сверкающий меч. Теперь будет, чем отбиваться ото львов. А те не дремлют: первый уже карабкается по бамбуковым шестам. Один раз он почти срывается, зрители ахают — настолько правдоподобно оступились задние лапы, — но всё идёт в соответствии со сценарием: повиснув на передних, лев подтягивается и в два прыжка добирается до своей добычи.

Начинается танец-сражение, полный опасных пируэтов на высоте. Темп становится то быстрее, то медленнее, поочерёдно вступают флейта и барабаны, но атака хищника почти отбита — когда с другой стороны на бамбук взбирается второй. Теперь флейта молчит, звучат одни барабаны. Звучат дробно, судорожно, ускоряясь. Тимпаны — раз! два! три! — пытаясь увернуться от когтистой лапы, фехтовальщик теряет равновесие и пластом падает вниз. Публика в ужасе: мастер Диу лежит в луже крови, пронзённый собственным мечом. И только проснувшаяся флейта грустной мелодией намекает на то, что и это — постановка.

Из храма Пяти Гениев к сцене медленно идёт прекрасная девушка в сверкающем золотом одеянии. «Фея! Небесная фея!» — шепчутся зрители. При виде её коварные львы, которые уже спустились полакомиться добычей, словно побитые кошки, убираются восвояси,

под тумбы. Фея подходит к погибшему и укрывает его своей накидкой. Звучит ария — я помню общий смысл и одну строфу. Красавица признаётся, что полюбила героя за его отвагу и готова пожертвовать беззаботной жизнью в свите Владычицы Запада, лишь бы её возлюбленный ожил и она могла быть с ним. Строфа же следующая:

Ты сердцем смел и умереть не вправе.
Пусть фонари разыщут путь во тьме.
Чтоб мог ты послужить своей державе,
А я могла и впредь служить тебе.

Прошение феи услышано. Золотая накидка взлетает ввысь, а храбрый чиновник возвращается к жизни. Нет ни страшной раны, ни крови — и я невольно проверил сумку у пояса: на месте ли флаконы Сюй Чаньпу. Все участники труппы, кроме музыкантов, один за другим выходят на сцену с красными фонариками — непременным атрибутом праздника. Апофеоз впечатляет. Зрители долго рукоплещут, а затем лезут за кошельками, даже те, кто изначально не собирался платить за открытое уличное представление. Кого-то, особенно неискушённых молодых франтов, ждёт неприятный сюрприз: пока они, смотрели на танцы, бои и прекрасную фею, над их кошельками успели поработать площадные воры — но кричать об этом они, конечно, не станут, чтобы их не подняли на смех за ротозейство.

Во время фехтовальных сцен я то и дело поглядывал на Юань Мина — как-то воспринимает их старый мастер меча? Новелла «Ханьский живописец» великого Пао-цзы начинается словами: «Тому, кто глубоко постиг искусство, сложно им наслаждаться». Но Диу Сянвэнь недаром назывался мастером и даже уличной постановкой умел, похоже, угодить и самым взыскательным знатокам. Во всяком случае на лице моего спутника читались одобрение и искренний интерес.

В честь праздника мы решили до конца дня задержаться в Дайча и продолжить путь на следующее утро. К тому же господин Юань хотел отправить в столицу письмо, а в тот же день этого было не сделать. Да и у меня имелась своя попутная цель. В отцовской тетради были такие примечательные стихи:

«Находка так находка!» — кричишь ты на ходу. —
Гнездо свила пичужка на дереве в саду!
Я раздобуду пику — а щит давно готов —
И встану караулить от уличных котов.
Дай полосатым волю! Но в середине дня
Часы занятий в школе… Постойте за меня!»

Примечательные тем, что слово «находка» употреблялось дважды, и, как это трактовать, я не понимал. То ли в селении Дайча имелось два нужных, почти соседних адреса, по каждому из которых нужно было получить кусочек верительной бирки, то ли отец, забывшись, употребил одно из слов в «обычном» смысле — не вкладывая в него

что-то особое. Но в таком случае какой адрес считать истинным: первый дом или всё-таки третий?

И тут, словно предлагая разрешение загадки, услужливо возник прежний вопрос. Мог ли «господин Белая Шляпа» быть в курсе дел «тайных учёных»?

Когда мы оплатили номер в гостинице и сели перекусить, я как бы между прочим спросил:

— У вас здесь, часом, нет знакомых?

— Едва ли, — ответил Юань Мин. — В этих краях я не был очень давно.

— А вот у моего отца они, похоже, были. Я разбирал его записи, и в них фигурирует некий друг его юности, живущий в Дайча. Вернее, его адрес. Коль скоро мы оказались здесь, не стоит ли его разыскать?

— Конечно! Иная дружба длится из поколения в поколение — разве это не тот случай? Зная твоего отца, могу предположить, что этот человек в Дайча — если, конечно, ещё живёт здесь — человек высоких качеств. А упускать дружбу с достойными людьми так же нелепо, как заводить её с недостойными.

— В таком случае отправлюсь прямо сейчас, — сказал я и тут же пригласил Юань Мина составить мне компанию.

Дайча не имеет городского статуса, но вдвое превосходит размерами областную столицу Цзюй. Такие парадоксы (разумеется, не областных, а префектурных масштабов) бывают и в других частях горной страны, но чаще прочего — в Девяти областях: Сюй, Тань и Чао тоже меньше своих пригородов. Чтобы добраться до места, мы попросили хозяина гостиницы вызвать для нас паланкин. Носильщики уже предвкушали щедрые чаевые по случаю праздника, но быстро сникли, едва я попросил доставить нас на северо-восточную окраину селения.

— Зачем же вам туда, сударь? — тревожно откликнулся один из них. И на мой удивлённый вопрос, что в этом такого, ответил: — Если вам в обитель Облачного Дворца, так волей батюшки-губернатора Лян Чжунли её разогнали года полтора назад.

— Есть же там дома и помимо этой обители, — нетерпеливо произнёс я. — Ваше дело нести. Если хотите, так за двойную плату!

Этого довода оказалось достаточно. Но носильщик был прав — в какой-то момент на смену торжественному убранству центральных

улиц пришли грязь и неухоженность окраины. Ближе к месту назначения казалось, что мы погрузились на самое дно. Уличный воздух заполняло зловоние, под ногами текли реки неубранных нечистот. Приличных домов не было — сплошь покосившиеся хибары, игорные дома, притоны и самые низкосортные заведения иного толка, — впрочем, даже здесь на дверных притолоках горели красные фонарики. На наш паланкин здесь глядели со смесью недоумения и какого-то хищного азарта. Иные представители сомнительных профессий, не стесняясь, заступали носильщикам путь, предлагая нам свои услуги, и я не раз пожалел, что отправился туда, тем более с Юань Мином. Но вот господин Юань, как и прежде, был благожелателен и спокоен и на местных маргиналов смотрел с тем же интересом, с которым некоторое время назад следил за театральным представлением.

На вопрос носильщиков, к какому именно дому следует нас доставить, я, не зная, как лучше объяснить, сказал о первом в первом ряду от восточной стены.

— Зачем же, сударь, говорили, что не в обитель? — сказал тот, что спорил со мною в самом начале.

— Запутал ты меня совсем! — рявкнул я. — Я, конечно, не первый дом имел в виду, а третий! Донесёте молча — получите прибавку.

Вопросов больше и впрямь не было. Доставив нас на место и дождавшись обещанных денег, носильщики тут же исчезли, оставив нас стоять посреди улицы, носящей явно незаслуженное название — Весеннего Благоухания. В отличие от других виденных мною улиц, здания здесь были непривычно ориентированы не с севера на юг, а по линии восток — запад, и это несколько выбивало из колеи.

Дом номер три смотрелся чуть лучше соседних, хоть и его фасад был побит и обшарпан. Судя по вывеске, это была аптека, хозяином значился некий «лиценциат Ван Оуба». Обладатель учёной степени, прозябающий в глуши, — как это похоже на «тайного учёного»! Фонарика перед входом не было, но я трижды постучал. Прошло некоторое время, ответа я не получил и на всякий случай дёрнул двери на себя. Они были заперты изнутри — похоже, на засов. Я постучал ещё раз, настойчивее.

Из второго дома — крохотной лапшичной — выглянул толстяк с потным небритым лицом и в засаленном халате. Несомненно, его

привлёк мой стук. Прежде чем он успел что-то сказать, я спросил его о том, бывает ли кто-нибудь в аптеке.

— Про дома на этой улице, парень, таких вопросов не задают, — заявил он развязно. — Тебя неправильно поймут, да ещё и побьют, даром что заезжий. А доктора Вана уж год как нет.

— Что с ним?

— Исчез, — бросил толстяк и высморкался в рукав.

— Помер он! — крикнула из лапшичной какая-то женщина (позже стало ясно, что это его жена).

— Как он помер, никто не видал, — ответил ей муж через плечо. — Нет его, и всё. Хороший был человек, мне однажды гнойный чирей вскрывал. Без него бы помер. Врача на наших улицах не отыщешь. Раньше к монахам ходили, а после — к доктору Вану. Теперь дохнут как мухи, особливо девки, зато и ртов меньше.

— Заткнулся бы! — осадила его жена.

Завязалась перебранка с громким выяснением достоинств и недостатков родни до пятого колена, на нас с Юань Мином уже никто не обращал внимания, и мы прошли к воротам обители Облачного Дворца. Здесь местные жители повесили пару фонарей (всё-таки на пятнадцатый день нового года принято украшать прежде всего ямыни и капища), но сразу было видно, что место это в запустении. Особенно остро это чувствовалось в сравнении с центральным храмом Пяти Гениев.

Передний дворик был завален прошлогодней листвой и кусками битой черепицы, по тёмным углам даже сейчас можно было увидеть грязные кучи последнего снега. Людей видно не было, но, несомненно, в обитель продолжали захаживать. Мы прошли вдоль сложного каменного экрана, миновали арку Духовных Драгоценностей (развёрнутую правильным образом с юга на север), за ней — декоративный каменный мостик, пруд под которым давно превратился в грязную забитую канаву, — и вышли в широкий центральный двор, всё так же заваленный листьями и черепицей. В середине двора стояла небольшая кумирня с подвешенным гонгом в виде монеты, за нею возвышался главный храм, посвящённый небесным мудрецам и героям. По бокам двор обрамляли заброшенные кельи.

Мне не хотелось верить, что проделанный путь был бесполезен. В конце концов, и после разгона обители в кельях мог скрываться кто-то

из бывших насельников, тем более связанный с «тайными учёными» — при их-то стойкости и упорстве. Мне вспомнился престарелый хранитель молельни в Лияне. Может быть, и здесь нас встретит кто-то подобный? Но даже если нет, по адресу в Дайча полагалось получить части верительной бирки, что же мешает зайти и просто поискать её! Главное — не злоупотреблять терпением Юань Мина.

— Интересное место, — сказал мой спутник, словно читая мои мысли. — Если вы обратили внимание, за восточными кельями монастырская территория продолжается. Судя по всему, там сад.

— Можно пойти и проверить, — сказал я, — но вначале заглянем в храм, если от него что-то осталось.

Мы прошли между двух массивных каменных стел и поднялись по лестнице храма. Двери были приоткрыты, и ещё снаружи я увидел, что внутри царит сущий хаос: жертвенники опрокинуты, картины сорваны, о драгоценных статуях и утвари нечего и говорить — не осталось ничего. Единственный портрет, продолжавший украшать стену, изображал не человека, не духа и не демона, а самодовольного рыжего кота.

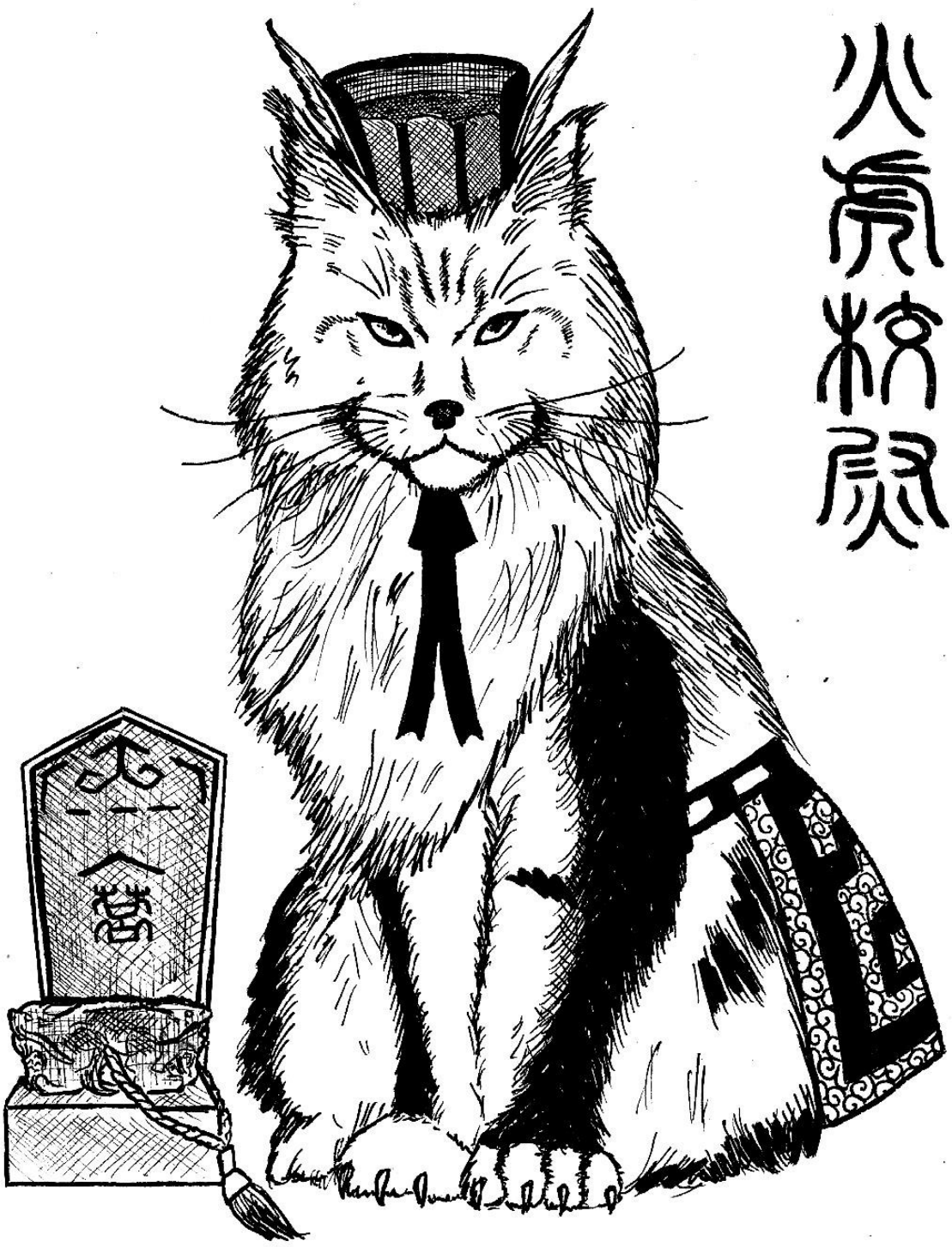
Поучительную историю о цзюйском коте я слышал ещё в школе, причём в нескольких вариантах. Если вкратце — кот оказался героем и внёс свой вклад в военную победу. Но вот каким был этот вклад и с кем, собственно, воевали, версии разнятся. Дело, разумеется, было при государе Триумфаторе. Местность, которая впоследствии стала вотчиной рода Лян, разоряли не то «пурпурные лотосы», не то пресловутый Змеиный князь. Что не успевали пожечь и забрать враги, реквизировала армия. Чудовищный голод доводил местных жителей чуть не до людоедства, а уж домашние животные были съедены поголовно. Включая кошек. И провинцию незаметно захватила третья армия — крысиная. Перед решающим боем в стане генерала Лян Шибяо произошло ужасное. Крысы не то опустошили войсковой запас зерна, не то прогрызли сигнальные барабаны — и остались только гонги, чтобы скомандовать всеобщее отступление и перегруппироваться. Каким же счастьем для императорского военачальника стало появление в его палатке странника-монаха, который подарил ему красавца-кота — настоящего охотника на крыс, обладающего тигриной свирепостью и таким же аппетитом.

Хоть и мал был кот, получил
По заслугам полковничий чин
И по мере кошачьих сил
Супостатов народа бил.

Впоследствии Лян Шибяо стал первым цзюйским губернатором, а кот — примером того, что иной раз и слабый камешек сдвигает огромную гору.

Обожествлять кота и помещать его изображение в храме было, конечно, дикостью, но после культа Бесхвостого Лиса меня уже мало что могло смутить. К тому же портрет словно перекликался со стихами моего отца. Правда, ни за картиной, ни возле неё не было никаких дополнительных подсказок.

Мои размышления о том, где и как вести поиски, прервал удар гонга, раздавшийся в главном дворе.



Глава тридцать вторая. В обители Облачного Дворца дважды звучит гонг, Юань Мин делится чужими секретами

Во дворе стояли четверо. Двое жилистых парней в потрёпанных коричневых куртках и мешковатых штанах, подвязанных у колен; бритоголовый детина не по погоде в безрукавке на голое тело, так что на него, как говорится, холодно было смотреть; и статный благообразного вида мужчина лет сорока в добротном халате торговца и с массивной костяной заколкой в волосах. Никто из них внешне не походил на даоса, и я даже не вспомню, с какой стати решил, что перед нами уцелевшая братия Облачного Дворца. Четвёрка почтительно поклонилась, и тот, что халате (несомненно, главный среди них), пожелав нам счастья и благополучия в новом году, поинтересовался, что нас привело «в это сирое место».

Юань Мин — позже я это понял — примечал гораздо больше моего, но словно предоставлял мне свободу действий. Стараясь придать своему голосу непринуждённость, я ответил, что в Дайча мы проездом, а в обитель заглянули по рекомендации — и снова как бы случайно обронил имя отца.

— Тут сейчас такое запустение… — протянул человек в халате. — Благовонную палочку — и ту не поставишь. Брат Лю, — обратился он к бритоголовому, — уважь гостей, покажи, где у нас что.

Детина неторопливо двинулся к нам. Я был уверен, что отцовское имя, как волшебный ключ, открыло мне очередную дверь, и мельком посмотрел на Юань Мина — он как будто напряжённо вглядывался в «брата Лю», и, конечно, неспроста: тот больше смахивал на кулачного бойца, чем на монаха, — бычья шея, мощный торс и мускулистые татуированные руки. Впрочем, я и в этом находил подтверждение своих мыслей, припоминая рассказы о монастырях (пусть не

даосских), обитатели которых покрывали тело вычурными татуировками и каждый день занимались боевыми искусствами.

Улыбаясь, силач поднялся по ступеням и вдруг коротким движением ударил меня в живот. Скорчившись от боли, я упал и тут же с удивлением увидел, как бритоголовый опрокинулся на спину и пластом полетел вниз. Кажется, при падении он размозжил себе затылок. Во всяком случае, больше он уже не вставал.

Юань Мин наклонился ко мне, и я прокряхтел, что со мной всё в порядке и что эти люди бандиты (хоть было ясно и так), но он меня словно не слушал.

— Разбойники! — крикнул нам главный. — Вы за это ответите!

По его кивку в нашу сторону устремились двое в коричневых куртках. Одному из них на вид было лет пятнадцать-шестнадцать, другой выглядел старше меня. В руках у них блеснули длинные ножи. Вероятно, наши противники, как и я, не поняли, как именно оказался повержен «брат Лю», — я валялся, держась за живот, а у моего старого спутника была только трость для ходьбы. Ненадолго они задержались, чтобы взглянуть на тело товарища, а потом взлетели по лестнице — уже не по средней её части, как тот, а с краёв, чтобы взять нас в клещи.

«Господин Белая Шляпа» перехватил меня, будто желая поднять, и в эту секунду тот разбойник, что помладше, оказался у него за спиной, а другой — что постарше — перед глазами. Подняв глаза на этого последнего, Юань Мин властно произнёс:

— Цзанба, подумай о дочери!

Разбойник на мгновение опешил — и в это же мгновение господин Юань выхватил у меня из ножен рапиру и, резко встав и развернувшись, ударил второго по руке. На каменных ступенях звякнул нож. Молодой разбойник взвыл от боли.

— Что ты знаешь о моей дочери, старый хрыч?! — остервенело крикнул Цзанба, ринулся на Юань Мина и тут же упал с пронзённым горлом.

— Она останется сиротой, — грустно ответил мой спутник. — А я слишком стар и не мог поступить иначе.

Молодой, позабыв обо всех на свете, стоял, опершись локтями о перила, и рыдал над изуродованной кистью. Юань посмотрел на главаря:

— Подходи теперь ты, Шестипалый, хватит прятаться за чужими спинами. Жаль, что пришлось убивать других, прежде чем я доберусь до тебя.

Лицо предводителя разбойников было красным от гнева, в глазах пылала ненависть. Он откинул полу халата и снял привешенную у пояса шипастую булаву. На левой руке действительно было шесть пальцев.

— Теперь, старик, тебе не жить! — взревел он, но с места не двинулся, ожидая, видимо, что Юань сделает первый шаг.

Боль постепенно отступала, я подтянул к себе свою трость и сейчас метил Шестипалому в грудь. Расстояние было невелико, я попадал в шляпу и с большего и сейчас бы, конечно, не промахнулся, но вдруг понял, что не могу вот так хладнокровно убить человека. В конце концов, это ведь и не нужно, думал я, наша цель просто выбраться отсюда.

Кое-как я поднялся на ноги.

Юань Мин продолжал стоять с моей рапирой в руке лицом к главарю, но теперь обратился к молодому:

— Больше, чем других, мне жаль тебя, парень. Ты ведь сегодня же думал сбежать с труппой акробатов…

— Что ты мелешь! — рявкнул Шестипалый, но молодой удивлённо смотрел на Юань Мина, и по лицу его было видно, что сказанное — правда.

— Я верну тебе руку так же легко и быстро, как отнял, если ты выведешь нас отсюда, — сказал господин Юань.

— Бессмертный… — прошептал молодой и, будто забыв о своей боли, сказал главарю: — Гэн, этот человек бессмертный! Клянусь, я думал сегодня, что хочу уйти из шайки и стать актёром, но никому не говорил, даже брату. А этот человек знает нас и знает наши мысли! Он свалил силача Лю одним взглядом. Гэн, это святой Чжунли Цюань, и он вернёт мне руку!

— Дурак, это судейская ищейка! — ответил Шестипалый. — Он убил твоего дядю!

— Несчастный Цзанба погиб из-за тебя, подлец, — веско бросил ему Юань Мин. — Проводи нас, сынок, — обернулся он к молодому, — да поддержи моего друга, а то ему тяжело.

Разбойник с готовностью подставил мне плечо, а я всё больше недоумевал, глядя на человека, которого мне выпало сопровождать до столицы. Мельком я бросил взгляд на окровавленную руку — чтобы её спасти (если это вообще было возможно), требовался опытный врач и несколько месяцев лечения. Как же Юань Мин собирался восстановить её в одну минуту? Мы начали спускаться с лестницы, я всё-таки решил, что выпущу стрелу в главаря, если он дёрнется в нашу сторону, но Шестипалый отступил назад, к кумирне, где висел гонг. Казалось, и он теперь поверил, что перед ним не просто старик, а легендарный генерал Чжунли, небесный воин и врачеватель. Когда мы достигли первой ступени, он почтительно поклонился и произнёс какие-то извинения. Затем воскликнул: «Слава святому бессмертному!» — дважды ударил в гонг и, пятясь, заторопился к кельям.

— Это сигнал, — тихо сказал держащий меня молодой разбойник. — У нас в засаде ещё трое, с арбалетами. Два удара — значит, вас перехватят в переднем дворе и просто подстрелят.

— Если обойти главный храм справа, — сказал я, — между ним и кельями будет проход в сад. Нужно идти туда.

Разбойник ужаснулся и попытался протестовать, но Юань Мин прервал его и пошёл первым. Мы поспешили следом. Когда мы уже стояли в проходе, за нашими спинами раздался крик: «Ребята, не туда! Они уходят!» Мы ускорили шаг.

За кельями на самом деле начинался обширный сад. В эту пору деревья стояли голыми, но настолько густо, что противоположного края видно не было. Снега здесь оставалось куда больше: он лежал и между стволами, и на плитках узкой дорожки, шедшей вдоль келий на юг. Молодой разбойник сообщил, что с восточной стороны сад выходит на брешь во внешней стене Дайча, но так уйти не получится: если нас не достанут стрелы, то перехватит дозор, который банда поставила у самой стены. Я решительно заявил, что идти нужно на юг — отцовские стихи давали основание полагать, что сад и дорожка продолжаются значительно дальше монастырских корпусов, минуют лапшичную и выведут нас к дому аптекаря.

Двигаться по трое, и даже по двое в ряд было неудобно, и мы пошли гуськом — насколько это возможно, быстрым шагом. Разбойник, который легко мог бы обогнать нас обоих, был замыкающим. Здоровой рукой он время от времени поддерживал меня под локоть, когда я оскальзывался на мокрой плитке. Позади то и дело слышались обрывки голосов. Дорожка вела по прямой и прекрасно простреливалась, и мы то и дело ныряли за стволы деревьев и

пытались высмотреть наших преследователей. Не знаю, чтó их так задерживало, но я не увидел их ни разу.

Моя версия подтверждалась. Кельи завершились, и справа началась высокая каменная ограда. Насколько далеко сад тянется на юг, разбойник сказать не мог. Банда обосновалась в разгромленном монастыре не так давно и успела обследовать только главные корпуса и северную часть сада, дающую пути к отступлению. Когда, по моим подсчётам, мы миновали здание лапшичной, я сказал Юань Мину:

— Теперь будем очень внимательны. В стене должен быть проход.

Мы вновь свернули с дорожки в сад и пошли медленнее (быстро бы и не получилось), стараясь найти потайную дверь, в существовании которой я был уверен: именно она должна соединять первую и третью строки, и где-то здесь тайник, оставленный «тайными учёными». «Господин Белая Шляпа» не задавал мне вопросов, но я был уверен, что многое мне придётся разъяснить впоследствии, и тешил себя мыслью, что узнаю от него не меньше.

— Смотрите! — вдруг произнёс он, бросился к стене и нажал на какой-то камень. — Слышали?

Мы не слышали ничего и подошли к нему. Разбойнику снова напомнила о себе искалеченная рука, но видно было, что он отгоняет боль, уверенный в помощи от таинственного старика, к которому проникался всё большим доверием.

— Сработал замок, и дверь открыта, — сказал Юань Мин и тростью очертил контуры двери, которые теперь казались мне совершенно явными. — Скрытый механизм должен её отворить, но где-то возникла заминка. Нужно подтолкнуть.

Голоса преследователей послышались вновь, и я понял, что они очень близко — и видят нас. Втроём мы навалились на дверь, и ударили в неё два или три раза, прежде чем она поддалась и открылась — но не настежь, а узкой щелью, в которую мог протиснуться только один человек. Юань Мин, который стоял ближе всего, прошёл сразу же, за ним проскочил я. Мы оказались на заднем дворе аптеки, заваленном всякой рухлядью. Искать сейчас верительную бирку было бы самоубийством — и я обернулся к молодому разбойнику, который отчего-то медлил и так и не прошёл за мной. Паренёк смотрел на меня стеклянными глазами и виновато улыбался.

— Вперёд, — сказал я, — да мы закроем и завалим проход!

И тут я заметил, что он не стоит, а как бы висит в проёме, упираясь в дверь и стену плечами. Его губы разжались и по подбородку потекла кровь.

— Святой Чжунли ведь спасёт меня? — спросил он. И умер. Чьи-то руки ловко отбросили его тело назад, и я вовремя отпрянул — в проём тут же полетела арбалетная стрела.

Стало тихо. Злодеи, сколько бы их ни было, боялись высунуться из-за стены, понимая, что здесь их ждут с клинком наизготовку. Но сколько мы были готовы стоять вот так и ждать? Вдруг дверь содрогнулась. Преследователи решили увеличить проём, и нам это сулило неприятности.

— Пока они шумят, попробуем сбежать, — сказал Юань Мин.

Я хотел было бросить под дверь что-нибудь тяжёлое, но отказался от этой мысли и вместе с «господином Белой Шляпой», улизнул с заднего двора. В открытом окне главного здания дома аптекаря Вана, как мне показалось, я увидел очертания человека, но времени на новые тайны не было ни минуты. Мы добрались до входных дверей, вдвоём сбросили засов и вылетели на улицу.

Там нас уже поджидал отряд стражи во главе с десятником и один из давешних носильщиков, который тут же что-то ему шепнул. Вне сомнения, мы стали объектом доноса. И немудрено: приличные люди, едва прибыв в селение (к тому же на Праздник фонарей), вряд ли устремились бы в местную клоаку. Но прежде чем стражники успели произнести хоть слово, господин Юань, приняв начальственный вид, скомандовал:

— Четырём — в аптеку. Здесь шайка Шестипалого Гэна. Если упустите, потом сами будете отвечать за собственную глупость. Ещё четырём — во двор монастыря и дальше в сад. Там могут быть остальные. В саду проход к восточной стене селения.

Десятник заморгал, не понимая, что это: беспредельная наглость или неизвестные ему особые полномочия, — и в итоге на всякий случай отправил воинов выполнять распоряжение. К тому же, как выяснилось, имя Шестипалого Гэна было ему известно. Спокойно дождавшись, пока охранники правопорядка свяжут и выведут преступников и достанут мёртвых, мы известили десятника о желании видеть окружного судью и обсудить с ним это дело.

— Кто вы такие, в конце концов?! — не выдержал десятник. — Сегодня праздник, и судья отдыхает. Этих подлецов мы запрём в тюрьме, а завтра он с ними разберётся на утреннем заседании.

— Ну, что ж, до завтра можно подождать, — важно сказал господин Юань, и мы неторопливо пошли по улице, зная, что в присутствии стражи нам ничто не грозит даже в этих кварталах.

Вопрос, которого я ждал, прозвучал в самом скором времени:

— Откуда ты знал, что в стене потайной ход?

В голову мне пришёл, как показалось, удачный ответ:

— Хозяин лапшичной ответил, что Ван Оуба больше здесь не живёт, но двери были закрыты изнутри. Я предположил, что аптекарь покинул дом через чёрный ход, ведущий в сад монастыря.

— Если он и был знакомым твоего отца, это очень любопытно, — сказал «господин Белая Шляпа». — Мне доводилось видеть двери с потайными механизмами, но встретить их здесь, в захолустье…

— Откуда вы столько знали о разбойниках? — спросил я в свою очередь.

— Ты бы знал не меньше, если бы смотрел на доски объявлений всю дорогу ещё с области Ци. Не все портреты и описания этой банды мне пригодились, но мимо Шестипалого и Цзанба я не промахнулся. Брата Лю я не знал, а младшего увидел и запомнил только сегодня на выступлении мастера Диу — он смотрел с неподдельным восторгом и даже тихонько пытался повторять некоторые движения. Возможно, из него и впрямь вышел бы хороший акробат. Мне жаль, что всё так получилось.

— Вы и вправду могли восстановить его руку?

Юань Мин покачал головой:

— Увы, нет. Но отвечать за ложь мне бы не пришлось. Я понимал, что этот юноша скоро умрёт. Знаешь, на лице некоторых людей можно увидеть так называемую печать смерти…

Последнее замечание звучало как глупое суеверие, и я считаю так до сих пор, но спорить я не стал. Во всём остальном наблюдательность господина Юаня казалась сверхъестественной, как и его навыки фехтования.

— О том, что у Цзанба есть дочь, мне рассказал вышитый оберег у пояса, — продолжал он, хотя вопроса об этом я не задавал. — Вроде

того, который носишь ты. Только твой вышит рукою влюблённой девушки, а над тем работала девочка лет шести.

Он помолчал и добавил:

— Извини, если проявил бестактность.

Я тут же с поклоном заверил его, что всё в порядке, но в моём сердце, разумеется, поднималась буря эмоций. Теперь я безусловно верил в умение «господина Белой Шляпы» делать идеально точные выводы, и его слова о Яо Мэйлинь представали передо мною истиной, меняющей всю мою жизнь. Со спины подул ветер, и я поспешил получше надвинуть капюшон плаща — мне казалось, лицо слишком меня выдаёт.

На следующее утро, отправив в столицу письмо, мы поспешили покинуть Дайча и к вечеру были уже в области Лу. Загадка покинутой аптеки и этой двери, ведущей в сад монастыря, осталась для меня неразгаданной. Впоследствии, бывая в тех местах, я порывался вернуться на улицу Весеннего Благоухания и всё же разыскать верительную бирку, но, забегая вперёд, признаюсь, что так и не смог этого сделать.

Глава тридцать третья. В Девяти областях готовят ядовитую пилюлю, «Ветер добродетели» приносит семена бури

На смену новогодней горячке и праздничной суете пришла суета будничная. И то, что я видел вокруг, служило мне напоминанием о тех возможностях, которые мне предстояло упустить. Близились областные экзамены, у молодых чиновников, желающих продолжать карьерное восхождение за пределами родной префектуры, оставались последние недели на подготовку; и если в области Вэй, куда лежал наш путь, предэкзаменационная лихорадка была не столь заметна — восходящие звёзды штудировали каноны и уложения в библиотеках и по домам, — то на «императорской псарне» Девяти областей в поле зрения были не гражданские, а больше военные экзамены, на которых, помимо знания военной классики, требовалось умение обращаться с оружием, переносить тяжести и преодолевать препятствия пешком и в седле — и будущие офицеры нередко практиковались у городских стен и на площадях. И хотя охранники правопорядка вяло покрикивали на горожан, требуя не застаиваться и не смущать благородных господ, поглазеть на стрельбу и фехтование приходили целыми кварталами — как недавно на актёров и акробатов, — да и сами благородные господа, похоже, не прочь были покрасоваться.

Мы наблюдали тренировку на площади перед губернаторским дворцом в Лу. В центре под знамёнами области — двухъярусный дощатый помост. На верхней квадратной площадке (примерно десять на десять шагов и на высоте человеческого роста) — наставник в роскошном просторном облачении небесно-голубого цвета и с длинным мечом в руках. Даже издали можно убедиться: это прекрасно сбалансированный древний клинок, настоящее фамильное сокровище. На нижней площадке, втрое больше и вполовину ниже, восемь лучших учеников в практичной тёмно-серой одежде для фехтования и со

скромными рядовыми рапирами. Внизу у помоста ещё человек тридцать, снаряжённые так же. И все как один повторяют движения мастера-наставника, словно превратившись в тридцать восемь его теней: выпады, блоки, обманные манёвры, стремительные атаки, осторожные отступления и картинные статичные позы, о которые словно разбивается время. Чуть поодаль, ближе к зданию дворца, тучный барабанщик отбивает ритм. А вокруг натянуты широкие цветные ленты с крупной надписью: «Школа огненного натиска», — огораживающие место тренировок.

Я всегда был падок на подобные зрелища — пускай оружием, как уже говорил, владел далеко не блестяще, — и в этот раз, пробившись к ограждению, смотрел на завораживающий танец с клинками. И несколько смутился, когда, обернувшись к Юань Мину, увидел на его лице не одобрение и интерес, как накануне на площади в Дайча, а грустный укор. В первом же переулке «господин Белая Шляпа» дал мне ответ на незаданный вопрос:

— Всё это как ядовитая пилюля в сладкой оболочке, и принимает её, прежде всего, государство. Подумать только! Какое мастерство преподаётся? Мастерство сдавать экзамен — не более того. Движения наставника филигранны, но там, где он выступает за очерченные рамки, разом возникают ошибки. Он словно не понимает оружия, не понимает боя. Он учит красиво открывать дверь, но не входит в комнату — и лишает других возможности туда войти. И что же мы получим в итоге? Кольчугу о тысяче изъянов.

Я обогнал его на пару шагов и, развернувшись, с двукратным поклоном попросил обучить меня фехтованию. Не знаю, на что я сам рассчитывал в этот момент: подобную науку не осилишь за короткое путешествие, а с господином Юанем я планировал расстаться у Вэйминьского князя, — но ответ моего спутника показался мне ещё более странным и непоследовательным, чем собственные мысли:

— Уволь меня вновь прикасаться к оружию, шаодай. В Дайча пришлось спасать наши жизни, но я не хочу снова дразнить чудовище.

На этом разговор оборвался, и я подавил в себе любопытство, чтобы тут же не пуститься выпытывать объяснения. Было ясно, что это обрывок некоей истории из прошлого, но вопросы в лоб скорее помешали бы что-то узнать. Вспомнив разбойничьи поэмы Пао-цзы, я поначалу предположил, что в странствиях по горной стране господин

Юань при трагическом стечении обстоятельств совершил убийство, после которого поклялся не брать в руки меча. Но в следующие несколько дней из окольных бесед и дальнейших событий удалось сложить совершенно иную картину. Доподлинно установить, насколько моя версия верна, я не смог — спросить «господина Белую Шляпу» напрямую не хватило духу, — но всё-таки изложу её здесь: кое-что так, наверное, будет проще понять.

Удивительная проницательность и рассудительность сочетались в Юань Мине со слепой верой в предначертание. Чем больше мы общались, тем увереннее я становился в том, что до бегства из Тайцзина он практиковал физиогномику. Чтением по лицам в горной стране занимаются многие, но одно дело площадные гадатели на том же Дуншане, и совсем другое — скажем, прославленный мастер Жуань Би, предсказавший возвышение пятилетнему Чжэ Фацзюэ, сыну провинциального смотрителя мостов. В жизнеописаниях великих людей то и дело видишь эпизоды встреч со знатоками лиц и характеров, чьи пророчества сбываются с завидным постоянством. При первых императорах им ещё приходилось держать оборону от скептиков, но трактат «Облики достойных людей» за авторством государя Возвышенного положил конец всякой полемике, и физиогномика заняла прочное место в системе классических учений.

Недовольство интеллигенции, впрочем, оставалось. По горной стране давно гуляет анекдот о том, что Первый Лидер внешне совершенно не соответствовал критериям «Обликов» — и после выхода трактата его скульптуру из столичного храма Державных Имён отдали на «реставрацию», которая наделила основателя династии широкими скулами, высоким лбом и огромными ушами. Какой-то острослов пустил в народ четверостишие, за которое, говорят, когда-то клеймили и лишали языка:

Где твой отец недоглядел,
Там удружил тебе сыночек:
Не знающий масштаба дел
Оценит по размеру мочек.

Впрочем, над упомянутыми площадными гадателями просвещённые мужи продолжали безнаказанно смеяться, но обвиняли их теперь не в лженауке, а в профанации. Учёные же физиогномисты

крепко обосновались в министерстве гражданских назначений (да и вообще, наверное, в каждом министерстве), и о тех, кто засиделся в нижних чинах, не то в шутку, не то всерьёз говорили: «Имел бы третий ранг, да усы подвели».

Возможно, именно неодобрительная характеристика, данная какому-нибудь отпрыску влиятельной фамилии, и послужила причиной бегства Юань Мина из столицы. Вместе с ним Тайцзин покинул его друг, также искусный фехтовальщик, собственно, предложивший искать убежища на северо-востоке, в области Янь.

В лесах близ Луаньху они вдвоём перебили барсов-людоедов и на несколько дней вопреки собственным желаниям задержались там в качестве почётных гостей. На волне ликования в деревне вспомнили о старухе-«провидице», которая за полгода до того предсказала появление двух героев, и, конечно, господин Юань не мог с ней не встретиться. Женщина, на тот момент уже слепая, произвела на него сильное впечатление. Ещё сильнее впечатлили героя слова о том, что ему уготована смерть от собственного клинка, и на первом же мосту после Циской дуги его великолепный чуский меч полетел в пропасть — вдвойне тяжёлое расставание, ведь это был подарок друга. С тех самых пор у «господина Белой Шляпы» не было своего клинка. Случайно взятая в руки моя рапира, конечно, таковым не считалась.

Касаясь в своих ответах событий того времени, Юань Мин становился пасмурным, тревожным, но это настроение быстро проходило. Облекая давние воспоминания в слова, он отпускал их на волю. Как, может быть, и я сейчас отпускаю на волю собственные тяжёлые воспоминания, записывая их ровными столбцами на тетрадных листах.

Наш путь лежал в вэйский городок Аньи, расположенный напротив северных ворот Тайцзина. Это место как нельзя лучше подходило моим дальнейшим планам, и я внутренне радовался тому, что господин Юань выбрал его сам. На время областных (и тем более столичных) экзаменов жизнь в Аньи становится особо оживлённой: здесь можно увидеть студентов и чиновников со всего севера. Тут как тут и наивные книготорговцы со сборниками «золотых сочинений» и канонами в кратком изложении, но ведь учёных господ интересует совсем другое! Гостиницы и рестораны Аньи — традиционное место встречи неприкаянных талантов и знатных столичных персон, прибывающих

инкогнито, чтобы найти отчаянных людей для негласных поручений. Подобный поиск покровителя — лотерея почище государственного отбора, но иные питают к ней большее доверие. Вот и ресторан «Ветер добродетели», куда мы с Юань Мином зашли на следующий день после прибытия в Аньи, кишел образованными юношами, которые, сдвинув столы, бражничали, заигрывали с певицами, читали друг другу стихи, возвышенные и не очень, — словом, занимались всем, кроме подготовки к экзаменам, ожидая, что с минуты на минуту в двери войдёт поверенный кого-нибудь из императорской семьи или девяти министерств и предложит им работу. Подобное, по слухам, действительно бывало, причём «на днях», но когда и с кем именно — никто не знал.

Мы отыскали в уголке крошечный столик на два места, и сели друг напротив друга. К нам тут же подскочил половой и со значительной миной спросил, чтó нам будет угодно. Полагаю, здесь в это вкладывали особый смысл: можно было попросить и жареную утку, и толкового человека, который не будет задавать лишних вопросов. И основной доход пронырливого слуги наверняка составляли как раз «чаевые» за возможную своевременную рекомендацию. Ползала тут же бросила взгляд в нашу сторону, но мы заказали всего лишь вина и блюдо закусок.

— Ну что, шаодай, — с улыбкой сказал «господин Белая Шляпа», — по-прежнему не жалеешь, что отказал себе в возможности в этом году сдать областной экзамен? Тебе бы сейчас быть поближе к Лияну, а не по соседству с этими шалопаями.

— Ничего, хороший охотник подобьёт журавля и с собственной крыши — улыбнулся я в ответ. — Может, и мне перепадёт удача.

До нас донеслись обрывки оживлённой беседы о Босоногом Лане и баламутах юго-запада. Ещё немного, подумал я, и императорский шурин, не дотерпев до ярмарки, начнёт кровавую чистку — и, возможно, по всей стране, потому что сторонники Лань Нэймяо теперь просыпались даже в центральных областях. Сетовать на беззаконие и на то, что «государство сбилось с пути», вошло у интеллигенции в хороший тон.

— Слышали? — басил кто-то из бражников. — В ханьском Уцине средь бела дня на площади зарезали чиновника четвёртого ранга, потом убийца бросил в небо верёвочную лестницу, на глазах у

изумлённой публики забрался на облако и исчез. До чего дошли! Полное презрение к законам мироздания!

Его собутыльник, статный красавец с великолепными завитыми усами, подняв кубок, провозгласил:

Тревога и тоска обвили изголовье,
Глумятся над страной лихие времена.
На улице темно, лишь в лужах свежей крови
Насмешливо блестит Лазурная луна.

Крамольные стихи утонули в рукоплесканиях, и в этот момент почти никто не заметил, как в двери прошёл толстячок лет пятидесяти в неброском светло-сером халате, который уместно смотрелся бы на сельском писаре или учителе, — и, не проходя в общий зал, сразу отправился на верхнюю галерею.

— Как ни печально оставлять тебя наедине с этим городом, — сказал мне Юань Мин, — но на несколько дней я вынужден тебя покинуть. Выпивки и шумных компаний здесь в преизбытке, по возможности воздерживайся от того и другого.

И, встав, он также направился наверх, но уже по другой лестнице.

Я проводил его взглядом. С того места, где мы сидели, хорошо просматривалась дальняя половина галереи, отведённой под отдельные кабинеты. Там, в отличие от общего зала, посетители сидели тихо и уединённо, даже двери кабинетов открывались совершенно бесшумно. Один из них, угловой, как раз был зарезервирован для встречи «господина Белой Шляпы» и толстячка в учительском халате. Я видел, как они почти одновременно, шаг в шаг, достигли галереи, и с разных сторон пошли к кабинету вдоль резной балюстрады: господин Юань — лёгким широким шагом, соответствующим его росту; толстячок — тяжело переставляя ноги и глядя в пол. Вдруг он поднял глаза и остановился, точнее сказать, остолбенел, а через мгновение, почтительно сложив руки, глубоко поклонился Юань Мину — и, наверное, упал бы ниц, если бы тот не поспешил навстречу и не удержал его. Мне показалось, что на щеках у обоих блестят слёзы, но, возможно, это дорисовало моё воображение. В любом случае, вскоре оба они исчезли за дверью.

Вино было допито, на блюде оставалась последняя пампушка, и я решил, что самое время расплатиться и покинуть «Ветер добродетели». Но в следующее мгновение передо мной возник усач-поэт, недавно читавший опус о Лазурной луне, и учтиво попросился за мой столик. Он представился как «циньский Юй Шатин», и в его речи действительно проскакивали интонации и обороты, характерные для западной области Цинь. После витиеватого вступления и речей о том, как приятно встретить хорошего человека вдали от дома, он высказал, наконец, то, ради чего подсел ко мне:

— Увы, сударь, как много значит счастливая звезда! Судьбе было угодно щедро ссудить меня любознательностью и умением проникать в суть законов и учёных трактатов, но словно в насмешку отправить в семью мелкого ремесленника. Видно ли по мне моё происхождение? Однако же ворота государственной службы остаются для меня на запоре. Но уверяю вас: в министерстве юстиции, куда вы, несомненно, устремляете свой карьерный путь, вам неизбежно понадобится толковый помощник, и во всех двадцати областях не отыскать более подходящего варианта, чем я.

Это было забавно, и я не смог не уточнить, что же навело его на мысль о моём стремлении в министерство юстиции.

— О-о-о, — произнёс Юй Шатин таинственно. — Признайте же, я угадал точно. Ключ в умении наблюдать, сопоставлять и делать выводы. Как раз это и ценится на Бирюзовых террасах, не правда ли? И чтобы вы знали, что я попал не наугад, приведу цепочку своих рассуждений. Я сразу обратил внимание на вас и вашего почтенного спутника, вы вошли вместе и, сев за столик, держались тепло и дружески, хотя вы и демонстрировали ему своё почтение. Этот величественный старик — безусловно, ваш родственник или близкий друг семьи. Вашего разговора я, конечно, не слышал, но, судя по покрою дорожной одежды, явились вы с северо-востока, а именно из области Янь, преодолев, стало быть, немалые расстояния. Внешний вид выдаёт в вас чиновника, а не торговца, а значит, и интерес ваш в Аньи не коммерческий, а карьерный. Когда же в двери вошёл сами знаете кто, всё окончательно разъяснилось.

— Кто это «сами знаете кто»? — спросил я прохладно, стараясь не показать, что мне это действительно неизвестно.

Юй усмехнулся и подкрутил ус:

— Другой бы его и не узнал, ведь высшие сановники работают в Оплоте Державного Знания, а передвигаются в закрытых каретах и паланкинах. Но первый помощник министра юстиции Дин Шоусин родом из циньской префектуры Сишань и раз в три месяца отлучается с Бирюзовых террас, чтобы посетить кумирню предков в родной деревне. Кому из нас, сишаньцев, неизвестен прославленный земляк! Вашего седобородого спутника он встречал глубоким поклоном — как человека, которому многим обязан в жизни, вы же остались внизу, предоставляя им беседовать с глазу на глаз. Из этого делаем вывод, что ваш спутник подготовит сердце и разум господина Дина, с тем чтобы представить вас в подходящее время, а далее вас ждёт подъём по соответствующей линии.

Я слушал его вполуха, готовый в любой момент прервать этот затянувшийся случайный разговор не к месту, но тут моё внимание привлекла беседа, ведущаяся за соседним столиком. Там сидели трое, чьих лиц я не видел, но голос и манера речи одного из них были как будто знакомы: подчёркнуто книжные выражения при колоритном акценте, пополам Янь и Чжао, как у многих чжаоских удальцов, пообвыкшихся в гостевой слободе на Дуншане.

— Мы вышли на небезызвестного вам господина Су, ошибки быть не может, — сказал этот человек. С этой фразы я насторожился и весь обратился в слух. — Работа проведена значительная и тончайшая. Будьте покойны, всё пройдёт безукоризненно и вы вскорости получите желаемое. Встретимся мы в означенном месте. Изволите взглянуть?

Второй голос сказал чуть тише, но я услышал:

— Юйкоу?

— Точно так, — ответствовал первый.

Третий больше молчал, а когда говорил, я не мог разобрать ни слова.

Су — не самая редкая фамилия в горной стране. В школе со мною учились два Су, даже не родственники. Но с тех пор как я побывал в Тайцзине, эта фамилия стала связана в моём сознании прежде всего с беглым архивариусом, а все разговоры, в которых она фигурировала, вызывали у меня подозрения и тревогу. После знакомства с чрезвычайным докладчиком Бянем подозрительность усилилась многократно. Разговор в «Ветре добродетели» я, конечно, не мог считать простым совпадением.

Эти трое, безусловно, обсуждают моё преступление, выследили меня, более того — знают и о дальнейших моих планах, ведь поместье Вэйминьского князя относится к префектуре Юйкоу! Я отчаянно пытался вспомнить, говорил ли хоть кому-нибудь, что собираюсь в этот раз заглянуть в Баопин, но нет, об этом не знали даже «тайные учёные». Возможно ли, что какой-то невидимый противник вычислил мой маршрут, узнав, что я вышел вместе с мастером Шангуанем? В прошлом году Лю Яньтай наверняка расспрашивал о нём обитателей гостевой слободы, то есть на Дуншане знают, что князь его ищет. А из этих троих по крайней мере один (чей голос мне знаком) прибыл из слободы, а кто-то из его собеседников служит в министерстве столичной безопасности. Но что они хотят предпринять?

Юй Шатин как раз прекратил рассказывать о своих логических изысканиях, и наша встреча вдруг показалась мне очень удачной. Из провозглашённой триады «наблюдать — сопоставлять — делать выводы» его, возможно, подводил третий элемент, но первые два впечатляли. Я напустил на себя скучающий вид и произнёс:

— Ну, допустим. А что вы могли бы сказать о людях за соседним столиком?

— Ничего, — признался усач. — Но если вы дадите мне пару часов, я узнаю о них кое-что, а к завтрашнему дню буду знать всё.

Эта самоуверенность почему-то меня убедила. Бывают люди, которые хвастают настолько густо, что им хочется безоговорочно верить, особенно если то, что они говорят, тебя устраивает.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Встретимся завтра в полдень на этом же месте, и я вас послушаю.

— Вы-то сами с ними знакомы? — на всякий случай поинтересовался Юй.

Как бы мне хотелось это знать!

— Какое это имеет значение? — ответил я всё с тем же скучающим видом. — Обещаю не вмешиваться и не нарушать чистоту вашего опыта.

На всякий случай я действительно решил не вмешиваться и не следить за этим трио самостоятельно. Что если эти люди намеренно сели так близко ко мне и вели разговор таким образом, чтобы я мог их слышать? «Бей по траве, чтобы спугнуть змею!» — советует автор древней книги стратагем. Если они хотели, чтобы, услышав их, я начал действовать, разумнее всего будет не действовать, во всяком случае самостоятельно.

Покидая в тот день «Ветер добродетели», я думал, что, даже если Юй Шатин не преуспеет в сборе данных, я в любом случае частично уже вооружён, потому что знаю о самом наличии замысла, а значит, в префектуре Юйкоу достаточно держаться начеку.

Я ошибался.

Глава тридцать четвёртая. Юная артистка экзаменует поклонников, неожиданный победитель получает тайное послание

На следующий день Юй Шатин в ресторане не объявился. Я пришёл за полчаса до полудня, сел на прежнее место и прождал его около трёх часов. Одна компания сменяла другую, гул разговоров, пение и стихи наваливались на сознание тяжёлой бесформенной грудой, я выискивал сишаньского усача взглядом, поглядывал на входную дверь и галерею, то и дело подходил к стойке и заводил ненужные разговоры с молодыми кутилами, но спросить о Юе напрямик опасался. Было ли на месте вчерашнее трио? Я этого не знал. Не желая пересекаться с этими людьми, я ведь даже не запомнил их внешнего вида, только голоса́ — но по голосам разве найдёшь…

Вдруг с галереи, словно всплеск, прозвучал короткий аккорд лютни, разговоры разом утихли. На несколько мгновений установилась тишина, потом по залу поползло тихое перешёптывание. Из приоткрытой двери грациозно и горделиво выступила девушка лет восемнадцати в открытом светло-зелёном платье, подчёркивающем её идеальную фигуру. По обилию дорогих украшений и макияжу — впрочем, ни то, ни другое нельзя было назвать кричащим и вызывающим, женственность, можно сказать, была безупречная, — я понял, что это артистка и местная властительница чувств. Двое студентов тут же взбежали по лестнице, подавая ей руку, чтобы помочь спуститься, но девушка, не удостоив их не то что словом, но даже взглядом, лишь коротко покачала головой и спустилась сама. За каждым из столиков мгновенно образовалось свободное местечко, и самые храбрые и самоуверенные из собравшихся звучно приглашали артистку к себе.

— Фея, хотя бы взгляните на нас, умоляем! — оперным басом пропел кто-то из них.

Девушку знали под творческим псевдонимом Фея Северных Созвездий.

— Все вы смутьяны и невежи, в чём я убеждалась не раз, — произнесла она, выйдя на середину зала и свысока глядя на всех и ни на кого в особенности. — Стоит ли и время тратить на вас?

— Раз вы спустились, значит, несомненно, считаете, что стоит, — заявил щёголь с заострённым, крысиным лицом, сидящий от меня в противоположном углу зала. И в тот день, и накануне я то и дело видел его в объятиях певичек. Он, конечно, считал себя великим знатоком по части обхождения с женским полом.

Однако спокойствия Феи это не смутило. Медленно прохаживаясь вдоль столиков и отклоняя возникающие перед ней кубки с вином и блюда с изысканными плодами, она продолжала:

— За те недели, что мы с вами знакомы, вы не раз успели меня разочаровать. Что ж, разочарую и я вас. Признайте, что здесь, в «Ветре добродетели», в этот день, равно как и во вчерашний и позавчерашний, вы просто пытаетесь сбежать от мысли об экзаменах, на которых вам на всех уготовано одно звание. Довольно я услаждала вас пением и танцем, теперь потешусь вашей агонией, устроив вам экзаменацию прямо здесь!

Присутствующие заулыбались, а кто-то и вовсе облегчённо вздохнул: то, что начиналось как обличительная и, в общем-то, справедливая тирада, оборачивалось новой салонной игрой, где победителю было, не иначе, уготовано особое внимание красавицы. Кто-то из бражников тут же напомнил ей, что дело предстоит непростое, ведь при государственном отборе учитывается целый ряд качеств: от внешности кандидата, его красноречия и каллиграфии до знания законов и умение писать сочинение на заданную тему.

— С этим как раз несложно, ведь вы у меня как на ладони, — откликнулась Фея. — Что до красноречия, то язык у вас у всех подвешен, а знание законов, если и есть, то лежит мёртвым грузом. — В зале раздались смешки. — Внешность вашу, поверьте, я оценю не хуже, чем почтенные академики, и тех, кому с ней повезло, останется проверить только на ясность почерка и умения сочинять.

Изящная ручка скользнула в широкий полупрозрачный рукав, и на свет появились десять разноцветных листов, которым в этой игре предстояла роль экзаменационных. Послышалось полусерьёзное

возмущение тем, что листов так мало, но шум опять затих, едва Фея начала раздавать их приглянувшимся юношам, оставляя за собою шлейф радостных восклицаний и разочарованных вздохов. Попутно объяснялись и правила «экзамена»: лист разлинован под восемь столбцов, в каждом из которых на произвольном месте проставлено по иероглифу, у каждого соискателя — разные; нужно же сложить стихотворный текст, чтобы все эти знаки оказались в нём на своём месте. Восемь листов разошлись очень быстро; оставшись с двумя, девушка задумалась и недовольно надула губки, словно прилично выглядящие мужчины закончились.

— Сударыня, неужто забыли обо мне? — весело позвал было щёголь с крысиным лицом. Но тут же лист достался его соседу.

— Эх ты, рванина! — добродушно бросил кто-то неудачливому сердцееду и, уже обращаясь к Фее, сказал: — Вы, верно, ищете глазами Юй Шатина, но он сегодня ещё не приходил. Лучше отдайте его законный листок кому-нибудь другому.

— И в самом деле, — вздохнула Фея, и так последний лист оказался передо мной.

В зале, разумеется, тут же пошли шутки насчёт моего разодранного гуйшэнями лица, но я не слушал. Моё внимание было приковано к листу. Нет, я не горел желанием бороться за благосклонность красавицы, но она, выкладывая задание на мой стол, как бы кокетливо пальчиком провела по проставленным словам, и, следуя за получившейся линией, можно было прочесть: «Ваш друг погиб, но вас я хочу спасти».

Что это? Часть игры или тайное послание? Предназначалось ли оно Юй Шатину или изначально адресовано мне? Допустим, мне, но о ком тогда речь? Кто это — погибший друг? Варианты в голове множились, но я постарался не выдавать особого смятения, хотя перед лицом Феи Северных Созвездий оно мне, наверное, полагалось.

Слуги начали расставлять перед счастливчиками письменные приборы. Один из бражников (ему не досталось листа, но он придумал, как сохранить лицо, и взял на себя роль казённого распорядителя) тягуче пропел правила поведения на государственной проверке, пообещав сурово карать за списывание и подсказки и палками выпроваживать нарушителей благообразия.

Наконец Фея трижды хлопнула в ладоши:

— Ти-ши-на!

В любом случае, чтобы получить от неё разъяснения, мне следовало дождаться окончания игры, а коль скоро я оказался участником… В сердце загорелся азарт, я растёр тушь и поудобнее взял кисть.

Фея отошла к одной из несущих опор посреди зала и стояла молча и неподвижно, как изваяние. Она, конечно, была прекрасна, а остроумие, с которым была устроена эта забава, вызывало у меня восхищение. Ухвачено всё было весьма метко, и игра балансировала на грани, не скатываясь, впрочем, в грубую насмешку над государственной процедурой. Цветной лист (мне достался розовый) благоухал тонкими духами; по кромке шло витиеватое тиснение из иероглифов «красота», «мечта», «музыка» и всё в таком роде — чем хуже официального бланка со словами канонов по канту! — а в углу красовалась красная эмблема, но не местной канцелярии, а увеселительного дома, к которому, вероятно, и принадлежала Фея Северных Созвездий.

Присутствующие добросовестно исполняли назначенные им роли. Экзаменуемые выжимали в строки остатки разума, которого в присутствии красавицы, естественно, оставалось немного; их незадачливые соседи посмеивались в кулак и зловеще потирали руки, предчувствуя чей-то позор; а самозваный распорядитель палочкой отбивал по пустому винному кувшину отведённые минуты — в нашем распоряжении было меньше четверти часа. Я уложился чуть раньше срока, и оставшееся время просто смотрел на холодное лицо Феи. Вот она коротко кивнула, и распорядитель тут же скомандовал отложить кисти.

— Итак, что же у кого получилось? — сказал, разминая плечи, один из участников испытания, которому, кажется, надоела пассивная роль. — Позволю себе начать парад шедевров.

Он встал и начал декламировать:

Я минуты разлуки не в силах стерпеть,
Жар томления душу взрывает, как плеть.
Как обнять тебя жажду и к сердцу прижать,
Орхидеей осенней тебя увенчать,
Красотою твоей напитать каждый миг,
Твоё терпкое имя пустить на язык…
Но ты так далеко, и так холоден взгляд,
Что мечты отравляют меня, словно яд.

Артистка с кроткой улыбкой выслушала эти стихи, посвящённые, безусловно, ей самой, а потом прыснула:

— Сударь, вы написали женские стихи! Тема, настроение, образы… Стало быть, экзамен выдержан, но должность полагается на женской половине.

Присутствующие расхохотались. Кто-то громко сказал:

— Что, брат Чжан, сработать из тебя евнуха? Остальное-то готово!

Чжан действительно походил на евнухов с известных гравюр: полноват, с круглым смазливым лицом без усов и бороды, холёные руки украшены крупными перстнями — и вся эта ситуация была для него страшным конфузом. Когда под общий хохот он, насупленный, занял прежнее место за столом, другие участники «экзамена» предпочли сдать свои работы молча, чтобы Фея сама отобрала те, которые придутся ей по душе. Артистка быстро просмотрела листы и, игриво улыбаясь, произнесла:

— «В кубке схлестнулись покой и тревога, что же достанется мне?» — автору этих слов достаётся третье место, звание «постигшего каноны», и приз, чаша с вином из моих рук.

Когда награда была вручена, настало время второго места. Его получил студент, написавший: «Полно таиться, фиалка над ущельем Восточного Ветра». Его призом стал белоснежный цветок с алым поцелуем артистки. Зал замер в ожидании победителя. На этот раз красавица решила прочитать работу целиком:

Солнцем пылает снег, но погоди, рассвет, алая колесница!
Нынче погиб во мне баловень прежних лет, дай же мне с ним проститься.
Неба прекрасен лик, добрых знамений час, что пожелать могу я?
Радости дней младых, горько оставить вас, выбрав стезю другую.
Горько, но всякий друг, щедро рассыпав смех, тянет меня к паденью.
Ваш покидаю круг, тени былых утех, прежних ошибок тени!
Феникс стремится ввысь, алой звездой блестит. Крылья хочу расправить!
Чтоб самому спастись, чтобы других спасти, я отсекаю память.

Это были мои стихи. Не уверен, что прочие признали их лучшими, но спорить никто не стал — видимо, капризная Фея не прощала, когда её мнение оспаривают.

— Ваш приз, — произнесла она, подходя к моему столику, — ждёт вас наверху.

Моё смущение и, пожалуй, даже испуг, наверное, были заметны невооружённым глазом. На робкие возражения о том, что здесь, внизу, у меня назначена встреча, кто-то со смехом сказал, что встреча уже состоялась.

— Вы что же, не читали собственных стихов? — вскинула брови артистка, несомненно, напоминая мне о своём послании-предупреждении.

— Хорошо! — капитулировал я. — Отсекаю память и следую за вами.

— Неужели вы нам так и не сыграете, драгоценная Фея? — спросил «распорядитель экзамена». — Не осмеливаемся даже просить вас о танце…

— Сегодня моё искусство будет принадлежать одному человеку, — ответила она, уже ступая со мною на лестницу. — Может быть, мы с вами ещё увидимся вечером. Не теряйте надежды.

Когда мы вдвоём оказались у двери в её кабинет, она шепнула:

— Подыграйте. Едва мы войдём, страстно обнимите меня, чтобы все это видели.

Хорошо, что не все видели, как краска прилила к моему лицу. Это было, наверное, потруднее экзамена. В жизни я не обнимал девушку (тот случай в Ю с Мэйлинь не в счёт — там я изображал братские объятия), тем более делать это «страстно» и по указке. Так или иначе,

когда Фея Северных Созвездий, высвобождаясь из моих неуклюжих лап, поспешно закрыла дверку, я вздохнул с облегчением.

Мираж флирта исчез немедленно. Девушка накинула на плечи плотный синий платок, лицо её стало совершенно серьёзным. Задёргивая оконные шторки, она посмотрела на улицу и сказала не то мне, не то сама себе:

— Успели едва-едва.

Я встал у неё за спиной и тоже выглянул в окно. По улице по направлению к нам шла четвёрка судебных исполнителей при всём своём пугающем параде: шлемы, панцири, у пояса — цепи, кандалы и пыточные орудия. За ними на некотором отдалении следовали зеваки. Дойдя до входа в ресторан, приставы остановились, а через минуту гул в зале стих, и люди стали один за другим выходить на улицу.

— Очень хорошо, — произнесла Фея. — Конечно, эти олухи не стали обследовать верхние кабинеты, а студенты о вас не заикнулись. Всё-таки моей обиды здесь опасаются.

— Вы не могли бы объяснить, что происходит? — спросил я, занимая место у столика.

Кабинет был обставлен изысканно. Интерьер подбирался как будто специально для моей визави. На стенах висели необычайно удачные репродукции Ло Вэйфаня, в том числе двух картин из его «Атласа северных созвездий» — ночные пейзажи Чжао, в которых неизвестный мне копировщик сумел передать даже «дыхание лунного света», изюминку работ великого Ло. У входа на подставках стояли небольшие цитра и лютня, рядом была ширма с изображениями звёзд и символикой всё того же увеселительного дома. Столик был уставлен розетками с засахаренными фруктами и иными сладостями, а вместо обычных довольно жёстких сидений справа и слева от него помещались плетёное кресло и небольшая тахта. Кресло заняла Фея, я примостился на тахте.

— Сегодня утром, — сказала девушка, глядя мне в глаза, — погиб Юй Шатин. Его тело нашли в восточной части города, где рельеф неровный, а улицы идут уступами одна по-над другой. По мнению следствия, он слишком много выпил и упал, перевалившись через ограду. Я уверена, что его убили. Последний человек, с которым он вчера здесь говорил, — вы. Скажите, о чём вы беседовали?

Как ни странно, весь смысл её слов и чувство потрясения достигли меня не сразу, и первой моей реакцией было:

— Поиграли в экзамен, а теперь играете в допрос?

— Мне не до шуток. Если бы вы знали, кем для меня был Юй Шатин, вы бы такого не говорили.

Фея отвернулась и смахнула слезу. Мне в который раз за день стало неловко. И вот именно после этого я понял, что циньский усач, который вчера удивлял меня своим умением делать выводы, погиб — и, возможно, погиб из-за меня. Я признался девушке, что вчера мы с ним действительно случайно разговорились и Юй принял меня за человека с широкими связями, способного помочь ему в карьерном продвижении. Но рассказывать ей совсем всё было совершенно ни к чему.

— Дальше мой новый знакомый заинтересовался тремя людьми за соседним столиком и, кажется, решил за ними проследить.

— Глупости, — ответила артистка. — Просто так бежать шпионить за кем-то по всему городу он бы не стал, потому что вечером у него было назначено свидание со мной! И я делаю единственный вывод. Слежку за этими тремя ему поручили — и поручили именно вы!

— В послании вы говорили, что желаете меня спасти. От чего же?

Девушка молча встала, проверила, нет ли кого за дверью, потом взяла с подставки лютню и, вернувшись на место, начала тихим перебором наигрывать «Кладезь небесный», полуофициальный гимн области Вэй. Её голос звучал ещё тише:

— Я уверена, что к гибели Юй Шатина причастны люди из министерства столичной безопасности. Если это так, то не советую и вам гулять ночью на улицах-террасах Аньи. Кто же были эти трое?

Мешая правду и ложь, я объяснил, что один из них показался мне уроженцем области Янь. А надо сказать, для яньцев землячество всегда значило чуть больше, чем для других жителей горной страны. Трудный ландшафт не благоприятствует далёким и частым путешествиям, добраться до соседней области — уже целая история; тем удивительней и слаще встретить вдали от дома земляка. В «Коллекции» Пао-цзы есть повествование о встрече двух яньцев на западе Шу. В начале истории один из них, заметив второго, решает тихонько разузнать его адрес, чтобы, нагрянув в гости, преподнести ему сюрприз. Примерно так же выглядел и мой рассказ.

— Говорите, вы кого-то из них узнали? Как он выглядел? — спросила Фея, не прекращая мелодии.

— Стыдно сказать, но лица я не разобрал, знакомым показалось только произношение.

И я, перейдя на яньский диалект, выдал какую-то банальную фразу из трактирного репертуара, что-то вроде «Кувшин вина и порцию свинины!». Наверное, с желанием изобразить «народную речь» я переусердствовал, добавив своим словам корейского звучания. Лютня внезапно умолкла.

— Вы кореец? — на лице артистки даже сквозь макияж я увидел румянец и вдруг отчётливо понял, что сама она кореянка.

Не помню, чтó именно натолкнуло меня на эту мысль, какие-то элементы туалета или детали внешности, но уверенность возникла

полная. К тому времени я уже успел несколько раз обжечься на поспешных выводах, но ещё не развил в себе привычку ставить убедительность своих версий под сомнение. И очень хотелось иметь с этой роковой красавицей какую-то, пусть призрачную, общность.

— Моя фамилия Го, — ответил я. — Десять поколений моих предков произносили её «Квак». При государе Осиянном мой прадед Квак Санын был удостоен высочайшей милости и чина смотрителя мостов Лияна. Я с рождения говорю на китайском языке, но наша семья чтит память предков, так что с семи лет меня обучали и корейскому.

И эта ложь была удачно склеена из полуправд. Основу составила фамильная история дуншаньского чиновника Го Сяоданя, вот только тот всегда стеснялся своего происхождения и, конечно, не знал языка.

— Господин Го… — осторожно начала Фея, возвращаясь к лютне.

Но я оборвал её и сказал по-корейски:

— Сестрёнка, пожалуйста, называйте меня, как и полагается: Кваком.

Она улыбнулась и словно расцвела. Синий платок соскользнул с плеч, но девушка не обратила на это внимания.

— Поистине судьба не оставляет меня без покровителя! — произнесла она также по-корейски. — Господин Квак, вы из уважаемой служилой семьи, могу ли я рассчитывать на вас в деле спасения нашей страны от того беззакония, которым сейчас пронизано всё вокруг, и особенно остро это ощущается близ столицы? Когда я сказала, что вчера ваш несчастный знакомый должен был явиться ко мне на свидание, вы, конечно, вообразили любовную встречу. Ну да, легкомысленная певичка, чего и ожидать? Знайте же, что только этот образ меня и спасает, но сделать хоть шаг в сторону я не вольна. Вы меня понимаете?

— Не вполне.

— Страна стенает, господин Квак. Проклятые выскочки словно околдовали государя и подмяли под себя власть. Но подножием всякого трона издревле была добродетель. В стране хватает сильных, смелых и честных людей, готовых низринуть узурпатора, но действовать приходится осторожно.

Фамилии не звучали, но речь, понятно, шла о Шэнах. «Кладезь небесный» дошёл до последней ноты, и в руках у артистки появился

крошечный запечатанный конверт — «плод долгих месяцев работы». Именно его и полагалось получить покойному Юй Шатину, а сегодня вечером — передать нужным людям на улице Весеннего Цветения. На той же улице, где находилась и моя гостиница. Для организации «сильных, смелых и честных» это письмо стало бы финальным сигналом, после которого императорский шурин пал бы уже через месяц, и империя была бы свободна от его тлетворного влияния. За всё это время Фея Северных Созвездий назвала прямо одного-единственного человека, который и стоял во главе этого «заговора достойных», — опора державы Вэйминьский князь, чьё поместье Баопин в последнее время стало местом сбора всех лучших людей горной страны.

Возможно, именно об этом и рассуждало вчерашнее трио? Возможно, именно поэтому прозвучало слово «Юйкоу»? Я с трудом удержался от того, чтобы тут же сказать об этом моей собеседнице, но вместо этого встал и спросил:

— Не много ли вы доверяете мне, случайному знакомцу, при первой встрече?

— Милый господин Квак, — она также поднялась, — многие таланты мне, возможно, приписывают зря. Но один у меня, несомненно, есть. Я никогда не ошибаюсь в людях. — Она вложила конверт мне в руку и обняла ладонями моё лицо. — Пообещайте мне передать это письмо сегодня же, и вы спасёте свою страну.

— Обещаю сделать всё для блага государства, — голос подвёл меня, и эти слова я произнёс шёпотом.

В это мгновение она была так невыносимо красива, что я хотел зажмуриться или отвести глаза и одновременно с этим желал смотреть, смотреть, смотреть на неё. Я был просто околдован, и как хорошо, что больше мне не пришлось ничего ей рассказывать.

Девушка притянула меня к себе и жарко поцеловала в губы.

Глава тридцать пятая. Вэйские обыватели обсуждают прелести судопроизводства, путь к Скрытым Сокровищам завершается бегством

Голова шла кругом. Шагая по улицам Аньи, словно в опьянении, я готов был сделать всё, о чём просила меня прекрасная заговорщица. Даже если на улице Весеннего Цветения меня ждёт опасность и засада — да хоть сто сыщиков Шэн Яня! — я был уверен в том, что выйду победителем. При мне клинок, потайная броня и смертоносные стрелы мастера Сюя — к тому же сама Фея Северных Созвездий завтра назначила мне рандеву, и я во что бы то ни стало явлюсь и скажу ей, что решающее задание выполнено и она может спокойно отдохнуть в моих объятьях. А сколько приходило на ум любовных сцен из всех прочитанных мною произведений! И я перебирал в памяти героев романтических историй, раздумывая, чей бы образ мне больше пригодился, чтобы завоевать сердце артистки раз и навсегда.

Неподалёку от гостиницы я купил изящный веер. В книгах то и дело дарят друг другу веера, украшая их соответствующими стихами, лучше всего — прямо при адресате, вдохновенно окуная кисть в тушь и выводя строки единым росчерком. Чтобы не терять времени в присутствии своей пассии, я решил обдумать стихи заранее и зашёл в ближайшую чайную.

Дело о гибели циньского студента успело стать главной новостью если не дня, то хотя бы пары часов, и посетители чайной со вкусом перебирали детали судебного слушания и вспоминали похожие случаи в истории Аньи и окрестностей. Контингент в чайных гораздо спокойнее и благонадёжнее, чем в ресторанах, и люди в основном хвалили судью Вана, вздыхая только, что тот, заслушав, наверное, всех, кого приставы сумели выловить в «Ветре добродетели», не удосужился запросить в ямынь певичек из уже известного мне увеселительного заведения, в котором нередко бывал погибший. Не то чтобы от этого

выиграло бы качество показаний, но зрелище всяко было бы поинтереснее.

Сам погибший — и об этом говорили с особым смаком — основательно размозжил себе голову о мостовую, и только благодаря подорожным документам удалось без лишних трудностей установить, что это Юй Шатин из префектуры Сишань.

— Предусмотрительный был, — покряхтывал упитанный старичок, по виду торговец. — В прошлом году один вот так же расшибся по весне — ещё при прошлом судье было, при Лю Дафу, так тот потом три дня по личным вещам и по родинкам на ляжках разбирался, кто это помереть сподобился. Там-то без певичек не обошлось. Столько их было, хоть не смотри! Старуха Ма, вон, своего мужа даже в ямынь не пускала. Нечего, говорит, на девок пялиться. А духами их пахло — на всю улицу! Нынешний потолковей оказался, помер при документах.

— Ну, личные вещи-то и судья Ван сегодня показывал для сверки. Чтобы исключить ошибку, — возражал ему сухонький сотрапезник.

— Тут всё должно быть чин чинарём, — важно поглаживал усы упитанный. — И дело он разобрал грамотно. Без суеты, без торопливости, но за одно слушание. Видно было — подготовился как следует. И улики на месте, и свидетелей сколько надо. Ни тебе ненужных версий, ни тебе пустых отсрочек. «Упал через перила, видели такие-то». Судья Лю в прошлом году любовную интрижку всё искал или политическую. Помните, одного свидетеля под стражу взяли, а потом он в тюрьме мёртвым оказался, с отравленным пончиком в руке? — Слушатели согласно закивали. — Оно, конечно, зевакам такое интереснее. А нынче закрыли дело так чисто, что кто-то скажет: «Скучно». Это ж понимать надо, чтоб такое оценить!

— Кто надо, понимает! — усмехнулся, не оборачиваясь, человек в чёрной шапке нотариуса. — В городе инкогнито важный чиновник с Бирюзовых террас и, говорят, земляк этого Юя! Так что судье Вану хочешь не хочешь — решай дело чисто и быстро, показывай умение.

До сих пор я старался сосредоточиться на стихосложении и досадовал, что выбрал для этого столик в чайной, а не тихую гостиничную комнату, но при словах о Дин Шоусине (о ком же ещё!) как будто проснулся, вспомнив, что в Аньи пришёл не один и не чтобы интриговать против Шэнов. Более того, если вдуматься, весь мой

детально проработанный план строился на уверенности в том, что императорский шурин пробудет во власти минимум до осени наступившего года, а уж никак не падёт в результате заговора, какими бы высокими ни были цели конспираторов. Исполнить просьбу артистки (и, может быть, Вэйминьского князя) — значит ради сомнительной пользы перечеркнуть всё путешествие к столице и встречу «господина Белой Шляпы» с сановником Дином. А не исполнить — как смотреть в глаза милой кореянке, да и князю, к которому я хотел наведаться на обратном пути?

Жизнь, в которой несколько минут назад не было трудных вопросов и безвыходных ситуаций, вдруг стала состоять из одних тупиков и неправильных ответов.

Весь вечер я проходил по улице Весеннего Цветения из конца в конец, но так и не решился постучать в указанную дверь. Вместо этого, в который раз забывая добрый совет Юань Мина, я несколько часов проторчал в винной лавке, «себя выискивая в чашах», как писал когда-то Чэнь Циэр. Эта моя глупость чудом обошлась без последствий, я даже самостоятельно добрался до гостиницы, поднялся на свой этаж, одетым рухнул на кровать и предался ночным кошмарам. Мне снился Юй Шатин с кровавым месивом вместо лица, он подсаживался за мой столик и предлагал свои услуги, если я сообщу судье обстоятельства его гибели. Я проваливался в сон из сна, а «просыпаясь», видел на своей постели Фею Северных Созвездий и слышал у самого уха её дрожащее дыхание. Мы то целовались, то вдруг оказывались на улице, перед той самой дверью, и она шептала мне: «Ещё не поздно! Ещё не поздно!» Мы проходили внутрь, где нас при дрожащем светильнике встречали не то люди, не то демоны. Я отдавал им конверт и просыпался ещё раз, в холодном поту, но тут же засыпал снова, чтобы встретиться с убитым Юем, или соблазнительной артисткой, или гневным Вэйминьским князем, которого никогда прежде не видел, но представлял себе похожим на моего отца.

Меня разбудил резкий стук. За окном было светло. Голова страшно болела. Стучали в дверь и, кажется, уже не первую минуту. Незнакомый голос позвал из коридора: «Сударь, вы здесь?» Я крикнул в ответ что-то нечленораздельное и пошатываясь пошёл открывать. В

этой гостинице комнаты закрывались на ключ и задвижку, и я даже улыбнулся, увидев, что вчера и во хмелю запер дверь на то и на другое.

В коридоре стоял жилистый паренёк с закрытой и запломбированной корзиной:

— Ваш заказ, сударь. Велели ведь доставить в полдень!

Полдень!

В корзине оказались цветы и свежие фрукты — недешёвое удовольствие для весны. Мысль купить что-то подобное в подарок Фее действительно посещала меня накануне — правда, ещё до тревожных метаний, — и я решил, что в подпитии зашёл к какому-то торговцу и сделал соответствующий заказ, о котором, проспавшись, совершенно забыл. Вчера же я его и оплатил — судя по тому, что посыльный не стал требовать с меня деньги за товар, а исчез сразу после получения чаевых.

Кое-как приведя мысли в порядок, я решил, что, конечно, не пойду к Фее в «Ветер добродетели» и тем более не отправлюсь по конспиративному адресу, даже если меня там ещё ждут. Сейчас

дурным сном казался мне весь прошлый день. Но что делать с конвертом? Вскрыть? Выбросить не вскрывая? Уничтожить? Сжечь, как будто его и не было? Но, может быть, Юй Шатин погиб не из-за моего поручения, а как раз из-за этого конверта — и люди Шэн Яня убили его как раз потому, что искали при нём послание? В таком случае это улика, которую нелишне было бы представить судье Вану. Это, впрочем, повлечёт за собой целый ряд других вопросов, расспросов, допросов. Как бы самому не окончить дни в тюремной камере, причём в самом скором времени…

Я ещё раз открыл корзину и выудил из неё какой-то подозрительный южный фрукт. Ниже виднелись яблоки, но достать их мешал букетик первоцветов, я вынул его и отложил было в сторону, и вдруг обратил внимание на прикреплённую к нему открытку-книжицу — из разряда тех, что часто добавляют в цветочных лавках, с сочинёнными впопыхах стихами. «Наверное, я и впрямь был очень пьян, раз согласился на такую безвкусицу», — подумал я брезгливо, но любопытства ради заглянул внутрь. Текст гласил:

Достаток и здравие да приумножатся,
Печали минуют, а счастье приложится.
И в час пополудни спеши, шаодай,
Цзидао у синей часовни встречай!

Сознание резко прояснилось. Эти стихи мог написать только один человек, и правильно прочитать их мог только я. Чтобы у меня не оставалось сомнений, сразу за упоминанием о шаодае следовало одно из имён даосского бессмертного Чжунли Цюаня — Цзидао, — несомненная отсылка к недавнему столкновению в обители Облачного Дворца. Понятна была и «синяя часовня». Три дня назад, подъезжая к Аньи со стороны северных ворот, я обратил внимание на необычайно пёстрое, вычурное строение на некотором отдалении от стен — Удел Скрытых Сокровищ, посвящённый одному из духов-драконов, особо почитаемых в срединных областях. Такое буйство красок призвано было символизировать минеральные богатства горной страны, но, как говорится, без боли не взглянешь. И я, конечно, запомнил рассказ Юань Мина. Он, чуть поморщившись, отвёл глаза и с улыбкой произнёс:

— Едва ли эта красота простояла бы так долго, если бы часовню — в этих самых очертаниях и цветах — не спроектировал Хунпэнский князь, брат государя Возвышенного и большой талант в архитектуре. Талант раскрылся у него чуть позже, но благоговение вызывал уже тогда. Мятежник Ло, впрочем, и здесь сумел побунтовать. У него есть малоизвестная картина «Ночная гроза над Аньи», на ней Удел Скрытых Сокровищ, прорисованный весьма детально, подан в насыщенном синем цвете. Некоторое время эта картина висела в приёмной министра-блюстителя общественных работ, но затем её убрали — каждый вошедший вполголоса, но непременно отпускал комментарий, что лучше бы часовня выглядела так и ясным днём, а не только в ночную грозу.

Остальная часть послания выглядела и того яснее. «Господин Белая Шляпа» назначал мне встречу за северными воротами Аньи меньше чем через час. Каким-то образом он знал, что в полдень я буду в гостинице и, выбрав такое время и такой метод, чтобы меня известить, недвусмысленно намекал на то, что выйти мне нужно немедленно и без долгих сборов. Ясно было, что ни прийти лично, ни известить меня явно он не считает возможным, и это дополнительно меня подгоняло.

В паре кварталов от гостиницы меня окликнули (разумеется, я не сразу сообразил, что обращаются ко мне, но как-то всё-таки это понял):

— Господин Го! Господин Го! — это был один из знакомых мне бражников, участник вчерашнего «экзамена». — Поздравляю! Сегодня наша Фея спрашивала о вас, редко кому выпадает такая удача. Узнав, что вы сегодня не приходили, она написала вам письмо, а я вызвался разыскать адресата. И тут, представляете, вижу вас на улице! Извольте принять послание!

Ещё одно послание! Не многовато ли за неполных два дня?

Он подал мне конверт, очень похожий на давешний, и удалился со словами, что нехорошо заставлять девушку тосковать. Моё сердце готово было выпрыгнуть из груди, когда я там же, на улице, раскрыл конверт и прочёл письмо артистки. В выражениях, находивших, пожалуй, самый точный отклик в моей душе, они писала, что ждёт меня, трогательно выражала тревогу и печалилась, что не может сама броситься на поиски. Если бы я уже не спешил к северным воротам, то, конечно, бросился бы к «Ветру добродетели», а возможно, даже на

улицу Весеннего Цветения, чтобы доказать возлюбленной: нет, нет, она не ошиблась во мне, во мне она не может ошибиться! Но что если Юань Мин сейчас в большой беде и ждёт меня с минуты на минуту?

Выросшему на северо-востоке трудно привыкнуть к меркам центрального плоскогорья. Середина дня в столице и её предместьях — сущий муравейник, и за воротами народа можно увидеть больше, чем на базарной площади в Лияне или Ю. Выйдя из города, я принялся искать глазами Юань Мина и в ужасе понял, что легко потеряюсь в этом вихре лиц. Моего спутника не было нигде. Я, конечно, ожидал встретить его за столиком какого-нибудь заведения на пути к часовне, но нет. В самой часовне было не так многолюдно, но и там я его не обнаружил, хотя чуть ли не в лицо заглядывал каждому, кто пришёл в тот день попросить удачи у нарисованных чудовищ. На свежий воздух я вышел совершенно растерянным.

— Подайте монетку, сударь! На удачу на экзаменах! — проблеял за моей спиной сидящий у входа сгорбленный оборванец.

Я бросил ему фэнь, и тут сморщенная рука попрошайки удивительно крепко вцепилась в мою:

— Может быть, щедрый сударь, вы меня и обедом накормите? — из-под грязной соломенной шляпы на меня смотрело перемазанное сажей и грязью лицо господина Юаня.

— Ну, что ж, пойдём, старый дармоед, — ответил я, стараясь не улыбнуться. — На удачу в экзаменах.

Задавать вопросы тут же я поостерёгся, но через некоторое время всё-таки спросил, к чему этот маскарад, зашифрованные сообщения в букетах и встреча за городскими стенами.

— Не удивляюсь, что вчера, напившись, ты ничего не заметил, — произнёс Юань Мин. — Но сегодня мог бы и протереть глаза. Ведь за тобой следят, причём весьма топорно.

— Кто?

— Судя по повадкам, ребята из министерства столичной безопасности, но ручаться бы я не стал. Скажи, в гостинице у тебя осталось много вещей?

— Ну, кое-что… Смена одежды, веер, кое-какие деньги. Ну, и ваши фрукты.

— Прекрасно. Тогда они могут решить, что ты ещё вернёшься.

— А я не вернусь?

— Конечно, нет. Наша коляска через четверть часа отбывает в Девять областей от постоялого двора «Сверчок и цитра». Места оплачены.

Неожиданный выпад под стать мастеру фехтования. В то время как я, образно выражаясь, пытался уместить на одной странице старые планы и новые обстоятельства, мой мудрый спутник (что ещё не укрылось от него, кроме слежки?) попросту перевернул страницу и представил мне девственный чистый лист, свободный от лишних обременений. Я понимал: достаточно одного шага назад — и я лишусь этого листа, и вернусь к своей Фее Северных Созвездий, утону в её объятиях, слежках и интригах, не имеющих ко мне совершенно никакого отношения…

У ворот постоялого двора мы столкнулись с отъезжающей повозкой. Я задержал возничего — хмурого крестьянина лет сорока — и спросил, куда он направляется.

— Юйкоу. И уже опаздываю, сударь! — сказал он, опасливо косясь на Юань Мина.

— Возьмёшь двух попутных? — спросил я, бросая ему связку монет.

— Ну… хорошо, — ответил крестьянин. — Но за этого бродягу, сударь, отвечаете сами. Ежели в пути что умыкнёт, спрос будет с вас.

Мы без разговоров сели и поехали действительно очень быстро. Даже если соглядатаи Шэн Яня следили за мною до сих пор, они едва ли могли бы так просто нас нагнать. Возничий, поначалу поглядывавший через плечо, в скором времени, кажется, успокоился на наш счёт и даже предложил нам рисовых лепёшек. Когда очертания города остались далеко позади, на меня вновь нахлынули невесёлые мысли. Юань Мин, напротив, был веселее обычного, и я даже услышал, как он напевает себе под нос. Это были строки со стен гостевой слободы:

Грозы весенние — гимны любви. Строками ветер зовёшь:
Пламя лампады, как розу, сорви и пронеси через дождь.

Впервые я слышал, чтобы это исполнялось как песня. «Господин Белая Шляпа» (хотя теперь его шляпа была отнюдь не белой) поймал мой взгляд и в который раз улыбнулся:

— Это поэма администратора Ли. А за основу взята известная вэйская пьеса «Огонёк над пропастью». Она, кажется, даже входит в школьную программу.

И он напевно привёл один из параллельных фрагментов «Огонька»:

Даром, что лютая буря рычит, ветер врывается в дом.
Песня родится при свете свечи, песня о друге моём.

Да, мотив был очень похож, как и образы, но по смыслу завершение звучало иначе, да и мелодия уходила не туда, хотя и казалась при этом знакомой, о чём я не преминул сказать своему учёному собеседнику.

— Ты почти не ошибся. Вот только знакома она тебе едва ли. Господин Ли сумел соединить, казалось бы, несоединимое. Завершение двустишия — из редчайшей в наше время «Элегии Чуской поймы». Когда-то с этой песней вот так же, налегке, с котомкой и в оборванном плаще, я покидал столицу.

Почувствовав, что настал мой черёд удивлять, я тут же исполнил слышанную от Мэйлинь элегию с начала до конца. Юань Мин расхохотался:

— В очередной раз ты утираешь мне нос, шаодай. Готов поспорить, до драконовых крыльев осталось совсем немного!

Кажется, лучшего момента и ждать было нечего. И, мысленно скользнув в минувший день — нет, намного дальше, в минувший год! — я подцепил старую нить, которая прочно лишала меня призрачных «крыльев» и туго привязывала к железному колесу своих и чужих стратагем.

— Очень рад, что вы опять заговорили о прошлом, — произнёс я. — Не будете возражать, если по пути в Янь мы сделаем крюк и посетим одного знакомого моего отца? Он уже давно прислал мне приглашение, и, если я не загляну сейчас, другого раза может не представиться.

— Надеюсь, на этот раз обойдётся без лишних драк, — добродушно бросил Юань Мин.

И, глядя вдаль, продолжил песню. Я и сейчас, кажется, слышу его тихий голос:

Колокол дрогнет на пике Босу — слышит его Цзяоли.
Дрогнет сердечко любимой моей — слышу на крае земли…

Глава тридцать шестая. Звёздная Цитра меняет хозяина, Вэйминьский князь сокрушается об ошибке прошлого

Не доезжая Юйкоу, мы сошли на почтовой станции и наняли коляску до Баопина. Всё это время я опасался, что мой спутник запротестует и откажется следовать со мной. Я очень хорошо помнил ответ мастера Шангуаня, о котором говорил поверенный Вэйминьского князя: учитель не хочет покидать Дуншань и ехать к ученику — и, возможно, второго не хочет больше, чем первого. Но, к моему успокоению, даже когда стало ясно, куда я намерен отправиться, господин Юань не протестовал и вообще воспринимал всё с необычайной лёгкостью и живым интересом.

Поместье Баопин, расположенное в лесистой местности в сердце Вэй, полушёпотом называли «малой столицей». Стены, башенки и въездные ворота казались точной копией столичных, так что, завидев их издалека, я начал тереть глаза и озираться по сторонам, полагая, что сплю — или, что хуже, коварный кучер подкуплен и везёт нас в Тайцзин.

— Красиво, — одобрительно произнёс Юань Мин, поглаживая бороду. На станции он как следует умылся, сменил шляпу и платье и вернул себе благообразный вид.

— Красиво, — отозвался кучер. — Вы, что же, в первый раз в этих местах? Да уж, наш князь-благодетель постарался, построил настоящую крепость. А внутри-то какое загляденье!

За прочными и высокими стенами, под стать военным укреплениям, на разных уровнях располагались сотни построек в разных стилях — и бесконечность галерей, лестниц, мостков и арок. Приглядевшись, понимаешь, что сады и дворики, не похожие один на другой, символизируют провинции горной страны, а центральная часть — так называемый «внутренний город» — не что иное, как ещё

одна, меньшая копия Тайцзина. Устрой себе такую резиденцию кто-нибудь другой, непременно поплатился бы жизнью как бунтарь, посягнувший на императорское величие. Но репутация Цзи Фэйаня и безоговорочное доверие к нему Сына Неба надёжно оберегали от всяких подозрений.

Словоохотливый кучер поведал, что раньше Баопином называлась деревушка, стоявшая на этом месте, но лет десять назад деревенские мальчишки-пастухи наткнулись здесь на целый лабиринт нерукотворных подземных туннелей, а уже через неделю Вэйминьский князь выкупил здешние земли под имение, построил усадьбу и разбил вокруг заповедники. Говорят, привлекли его именно пресловутые туннели, превращающие Баопин в идеальную крепость. От проникновения извне в них устроили ловушки, и тут уж фантазия рассказчиков постаралась, выдумывая самые жуткие и изощрённые механизмы для устрашения и убийства непрошеных гостей.

— Местное ворьё пыталось было пробраться в поместье понизу, да в живых потом никого не видели. А красные ворота, судари, хоть и гостеприимны, открываются не для всякого.

В сложившихся обстоятельствах я, разумеется, считал неуместным заранее известить князя о своём визите, опасаясь, что любое отправленное письмо непременно выйдет мне боком и будет свидетельствовать против меня. На почтовой станции я раздобыл плотный лист бумаги и кое-как состряпал треугольную визитную карточку, которую по прибытии вручил чопорному привратнику. Мы прождали у входа без малого полчаса, и мне постоянно казалось, что вот-вот с той стороны, откуда мы прибыли, поднимутся клубы пыли и покажутся всадники, посланные для нашей поимки. По дороге до Баопина нам попадались крестьянские хозяйства, но в целом места здесь были не людные. Наконец привратник появился вновь:

— Прошу вас, господа, высокородный князь вас примет.

В переднем дворике ожидали двое слуг с воинским сложением и выправкой. Вместе с ними мы миновали массивную тройную арку, украшенную горельефами столичных химер и драконов и цитатами из классических од, и через «Дворик Южного ветра» прошли к стоящему на возвышении двухэтажному гостевому павильону в «шуской» части имения. Табличка над входом гласила: «Приют талантливых единомышленников», — и в контексте брожений среди интеллигенции

юго-запада я невольно начал искать крамольные смыслы. Внутри нас встретили ещё двое слуг, всё так же напоминающие солдат, они любезно предложили нам места за невысоким квадратным столиком и налили чай, после чего вместе с провожатыми встали караулом у входа — с внешней и внутренней стороны.

Лицо Юань Мина оставалось совершенно безоблачным. Мы молча наслаждались ароматным напитком и изучали глазами внутреннее убранство. Слово «талантливый» в названии павильона уже настраивало на определённый лад, и вполне ожидаемо вдоль стен шли стеллажи с книгами, стойки с разнообразными музыкальными инструментами и великолепные полотна. Некоторые картины я помнил по истории искусств — Ядовитый Тан не скупился приносить на уроки репродукции, — а сейчас у меня возникало стойкое ощущение, что передо мной не очередные копии, а оригиналы. Павильон был спланирован и поставлен таким образом, что даже без дополнительного освещения лучи солнца в определённое время суток освещали ту или иную работу великих мастеров. Сейчас было четыре часа дня — время сказочника Ван Фу и его удивительных разноцветных птиц и зверей.

Но даже и в этой благостной обстановке что-то меня очень смущало и настораживало. И я вдруг ясно понял что. Тишина. Со слов кучера (и отчасти — Феи Северных Созвездий) в сознании поместье Баопин рисовалось мне неким подобием Дуншаня с его гостевой слободой. Такой же улей — пусть не столь торопливый, как пристоличные города, но живущий своей жизнью, кипящий звуками и людьми. Если верить заговорщице из Аньи — «лучшими людьми страны». Где они все в этот час? В других частях гостеприимного поместья? По пути до павильона мы не встретили никого.

Зазвенел гонг. Слуги-караульные почтительно встали на колени, мы же поспешили подняться из-за стола. Чей-то голос снаружи тенором пропел:

— Высокородный князь!

В дверном проёме в полосе света возникла высокая фигура. Свет скрадывал лицо и очертания. Мы с Юань Мином опустились на колени и приступили к поклонам, полагающимся при встрече с близким родственником Сына Неба.

— Прошу вас, оставьте формальности, — раздался приятный бархатный голос, когда ритуал приветственных поклонов был почти окончен. — Пожалуйста, поднимитесь.

Слуги помогли нам встать, и я увидел величественного седобородого старика в небесно-голубых одеждах. Помню свою первую, немного смешную мысль, родившуюся на фоне недавних сновидений. Я подумал о том, что, вопреки моим представлениям, настоящий Цзи Фэйань ничем не похож на моего отца. Бывает, двух на первый взгляд совершенно разных людей роднит улыбка, прищур глаз, манера речи или походка. С того дня как умер мой отец, я находил его черты у очень многих. Невысокий и полноватый господин Чхве, словно вырубленный из дерева учитель Яо, загадочный и рациональный администратор Ли, статный и чуть насмешливый Юань Мин — в каждом из них было для меня что-то от моего отца. В Вэйминьском князе не было ничего.

В то же мгновение его посетила совершенно противоположная мысль:

— Возможно ли это!? — воскликнул князь, обнимая меня за плечи и глядя мне в лицо. — Возможно ли, что годы сжалились надо мной и подарили мне облик человека, которого я любил крепче, чем кого бы то ни было!

Напор и подчёркнутая торжественность фразы оставляли неоднозначное впечатление, и я списал бы её на наигранность, но на глазах у князя стояли слёзы. О чём? О десятилетиях разлуки с дорогим другом, на которого я вдруг оказался так похож? Об осознании того, что сам он уже далеко не молод? Или о чём-то другом?

Отпустив ещё несколько фраз, приличествующих встрече императорского родича с молодым дарованием, Цзи Фэйань обернулся к Юань Мину. По пути в Баопин я пытался предугадать, на что будет похожа их встреча. Вот здесь я ждал и слёз, и объятий, и пылких слов о былом. Но князь, посмотрев на него чуть высокомерно, лишь спросил:

— А с вами мы знакомы?

— Увы, едва ли, — с поклоном ответствовал «господин Белая Шляпа». — Имя вашего ничтожного слуги — Юань Мин. Я, конечно бы, запомнил даже краткую встречу с вами.

Вот так.

По предложению владетеля Баопина мы поднялись на второй этаж, обустроенный на манер виденных мною в области Янь беседок для живописцев. Отсюда и впрямь открывался отличный вид на поместье, а на пюпитре покоился неоконченный этюд, изображающий высокую башню в дальнем, северо-западном углу. Мы втроём расселись за столиком, как по волшебству возникли вина и яства, а вскоре послышалась и лёгкая приятная музыка, снова подавая повод восхититься архитектурой павильона: играли, безусловно, внизу, но казалось, будто какие-то незримые духи устроили концерт прямо здесь, на расстоянии вытянутой руки. Безошибочно читались индийские мотивы, но я не знал не только мелодии, но и некоторых инструментов. Князю, похоже, доставляло особое удовольствие видеть некоторую растерянность на моём лице и понимать изысканность собственного вкуса. И, наверное, ни он, ни я не заметили, когда в пение инструментов вплелся негромкий человеческий голос:

Встанем же, братья, сомкнувши ряды, нынче обещан бой.
Милая, завтра вспомнишь ли ты песню, что пели с тобой?
Встанем же, братья, светел наш путь, горны пронзают твердь.
Милая, плакать по мне забудь, если я встречу смерть.

Пел Юань Мин. В его глазах горела юность, и мне в тот момент показалось, что даже былые морщины словно разгладились, сделав его лицо моложе.

— Точно ли мы с вами не встречались? — наконец спросил князь.

Юань Мин улыбнулся:

— Совершенно точно, но не удивлюсь, если вы слышали эту песню там же, где и я, в Гранатовых чертогах.

— Удивительны пути под небом! — воскликнул Цзи Фэйань. — Вы знали моего покойного брата? Возможно ли, что вы знакомы и с мастером Шангуанем?

«Господин Белая Шляпа» выдержал паузу и произнёс:

— Да, думаю, безопасно будет сказать, что в отличие от многих я хорошо с ним знаком.

— О, каким счастьем было бы увидеть его сейчас! — вздохнул князь, и я с трудом удержался, чтобы ничего не сказать.

— Время беспощадно. Сейчас вы не узнали бы его, даже будь он перед вами.

Владетель Баопина пристально посмотрел на него и промолчал. Стараясь заполнить неловкую паузу и желая сделать хозяину приятное, я отпустил несколько восторженных отзывов о красоте поместья и извинился, что мне не хватило разума и такта написать о своём визите заранее.

— Пустяки, — снисходительно ответил Вэйминьский князь. — Может, даже и лучше, что вы явились нежданно-негаданно. Я очень рад вас видеть. Кто знает, было ли более удачное время для вашего посещения, хотя мой дом всегда готов к появлению и друзей, и недругов… Ну, а эту мелодию вы сможете угадать? — спросил он вдруг довольно живо, услышав, что песня внизу сменилась. — И на чём её исполняют?

— Может быть, это играет знаменитая Звёздная Цитра? — за неимением лучшего ответа предположил я.

— Вот ещё! Конечно, нет! — добродушно рассмеялся князь. — Или это намёк на диковинку, которую я, помнится, вам обещал?

По его приказанию слуги доставили роскошную инкрустированную коробку. Внутри на жёлтой шёлковой подушке — втрое больше драгоценного содержимого — покоился лакированный инструмент, формой действительно напоминающий цитру, но существенно от неё отличный. Прежде всего, он был очень невелик — длиною всего пол-локтя и шириною с ладонь. По красному лаку «небесной деки» шли лады и параллели струн — но не настоящих, а декоративных, выполненных в золоте и серебре. Вэйминьский князь тут же пояснил: всё это — лишь красивая поздняя поделка, что-то вроде футляра. Звёздная Цитра ещё меньше, и на столе Первого Лидера лежала вверх колками и тем, что музыканты именуют «прудами и озёрами». Он осторожно перевернул инструмент и точными движениями снял с днища декоративное покрытие. Внутри обнаружилась серебристая металлическая поверхность, с несколькими рядами колков и клавиш. Тут же были два отверстия — побольше и поменьше — похожие на резонаторные отверстия обычной цитры.

На вопрос о том, как же играет этот удивительный инструмент, Цзи Фэйань развёл руками:

— Увы, уже никак. В прошлом году в столице, когда Сын Неба милостиво преподнёс мне Звёздную Цитру в подарок, при нажатии вот этой клавиши она издавала несмолкаемой стрекочущий звук, похожий

на пение цикады. Манипулируя колками, можно было сделать его выше или ниже, но этим всё и ограничивалось. Пару месяцев она продолжала играть и в Баопине, но со временем звук затих и больше уж не возвращался. Я не стал расстраивать государя, но вам скажу честно: высочайший подарок пришёл в негодность.

Разговор плавно перешёл не тему древностей и редкостей, и князь в очередной раз вспомнил о моём отце:

— Хотите верьте, хотите нет, но это был самый блистательный юноша столицы. Когда-то, прогуливаясь в саду Императорской консерватории, наша весёлая компания услышала пение Золотой Цитры, и ваш батюшка вдруг посерьёзнел и, остановившись, произнёс: «Если вдуматься, её место совсем не здесь, а в Оплоте Державного Знания». И вдохновенно пересказал историю, которой не знал и я сам, хотя она связана с моим великим предком. По преданию, переселив народы в горную страну, Первый Лидер при помощи вот этой самой Звёздной Цитры пытался разыскать других уцелевших после катастрофы и даже дозваться до небесных стран. Ходили слухи, что в первое время Цитра пела чужими голосами, но это выглядит уже совершенно фантастично. Так вот, именно ваш отец с той поры и привил мне любовь и интерес к старине.

— Он сохранил их на всю жизнь, — ответил я. — Но, конечно, подобным сокровищем наш дом похвастать не может.

— Берите! — князь сделал широкий жест. — Мне кажется, будет справедливо, если хотя бы с таким опозданием оно займёт своё законное место среди его вещей!

Я несколько раз отказывался, но хозяин был твёрд и искренен, и мне оставалось лишь с благодарностью принять драгоценный подарок.

Музыка возобновилась, разговор продолжился, князь блистал остроумием, рассказывая занимательные истории о годах гражданской и военной карьеры и о спокойствии жизни в Баопине. Не раз и не два он приглашал нас погостить здесь хотя бы месяц, чтобы увидеть все красоты поместья и, может быть, даже выехать с ним на охоту, но я, помня о встрече, назначенной Барабанчиком в Хунчоу, деликатно отказывался, ссылаясь на служебные и домашние заботы на Дуншане.

— А хотите оказаться в своей области Янь сейчас же? — спросил Цзи Фэйань с некоторым лукавством и самодовольством.

Я, понимая, к чему он клонит, подыграл ему, сказав, что это решительно невозможно. Незамедлительно были поданы носилки, и мы в сопровождении слуг-телохранителей двинулись в северо-восточную часть Баопина. Помимо красоты построек и насаждений поражала тишина и пустота. Кроме нас, людей в поместье словно не было. Вспоминался рассказ о тиране Цинь Ине, строившем дворцы и целые города для прогулок в полном одиночестве. И, где бы мы ни были, со своего места на нас строго смотрела высокая северо-западная башня — Страж Спокойствия, как её однажды назвал князь. В случае особой опасности — например, нападения на поместье — князь и его домашние могли укрыться в этой неприступной цитадели. Но кому же может прийти в голову напасть на жильё прославленного императорского дяди!

Часть, посвящённая области Янь, в чём-то копировала уже виденное мною в столице Яньское подворье. Внутренний двор не был обустроен настолько же тщательно, но мог похвастать прелестной беседкой, стоящей в центре большого искусственного пруда, и пригоршней грубых корейских кумирен. Строения здесь были приземистей и меньше, и на их фоне особенно эффектно смотрелись

мощные внешние стены. Нам тут же отвели и прогрели два флигеля, и после небольшого дополнительного экскурса в историю поместья любезный хозяин оставил нас отдыхать — очень своевременно: уже смеркалось, и на меня накатывала сонливость.

Я проснулся ближе к полуночи от неясного ощущения чьего-то присутствия. Во флигеле никого не было, и я осторожно приоткрыл дверь. В тусклом свете ламп по крытым галереям прохаживался, чуть сутулясь, высокий человек. Когда он вышел во двор и встал на мосту, ведущем к беседке, я узнал Вэйминьского князя. Из его собственного недавнего рассказа я знал, что его спальня и кабинет находятся ближе к середине, и там разбит восхитительный сад. Почему из всех, подчас куда более располагающих частей огромного поместья он выбрал для вечернего моциона именно «яньский» уголок?

Я оделся и бесшумно вышел наружу. Внезапно я понял, что мне просто необходимо поговорить с Цзи Фэйанем без свидетелей, и подумал, что, возможно, и сам он пришёл сюда из тех же побуждений. Князь стоял, опершись о перила, и смотрел на водную гладь. Но не успел я даже шагнуть на мостик, как спереди и сзади от меня словно ниоткуда возникли вооружённый слуги.

— Оставьте его, — бесстрастным голосом, не поворачивая головы, сказал Вэйминьский князь. — И можете быть свободны.

Он выпрямился и, заложив руки за спину, пошёл к беседке. Я последовал за ним. Встать вровень с членом императорской фамилии не позволял этикет, и я остановился у него за спиной, в паре шагов, как подобает подчинённому. Некоторое время князь молчал, затем, не оборачиваясь, произнёс:

— Прости меня, названый братец, ты оказался прав. А я ошибался.

— Вы обращаетесь ко мне? — спросил я.

— Нет, к твоему умершему отцу. Но, уверен, благодаря твоему присутствию он меня слышит.

Я не знал, что на это ответить. И как можно скромнее попросил хозяина Баопина рассказать об их давней размолвке.

— Уверен, твой отец поведал тебе всё правдиво, так что мой рассказ ничего не дополнит.

— Он никогда не говорил мне ни о своей жизни в столице, ни о вашем знакомстве. И если бы не ваш поверенный Лю Яньтай, я бы так о нём и не узнал.

Цзи Фэйань обернулся ко мне, на его лице вновь были улыбка и слёзы:

— Яньтай… Нашлась хоть какая-то польза от этого подлеца. Раз так, слушай, племянник, и я не стану ничего от тебя утаивать…

Услышать «племянник» от императорского дяди…

История, которую поведал Вэйминьский князь, касалась событий тридцатилетней давности, когда на престоле находился его брат, посмертно получивший титул государя Благопристойного. Власть в стране прочно находилась в руках министерской династии Чжэ, но сын императора, притом что от природы был мягок и податлив, всем сердцем ненавидел её уже тогда. В какой-то момент вокруг него начал образовываться кружок людей, выступающих за то, чтобы очистить организм государства от пагубного влияния потомков Чжэ Фацзюэ, и последних это не могло не беспокоить. Положение для них омрачалось и тем, что супруга императора Чжэ Сюэр умерла бездетной, и у государя не было не то что других сыновей, но и вообще других потомков. Наблюдая за настроениями в резиденции будущего правителя, тогда носившего титул князя Сицзи, представители других столичных родов начинали дистанцироваться от Чжэ. До открытой оппозиции ещё не доходило, но это было делом времени.

«Разумный человек разбирает завал сверху, разбирающий снизу погибнет под грудой валунов», — этой древней мудростью руководствовались неприятели старой знати, ей же решил последовать и министр-блюститель нравов Чжэ Цзяолань. В среде царедворцев был пущен слух о слабом здоровье и нетвёрдом характере князя Сицзи, и о том, что для столицы и державы было бы гораздо спокойнее, если бы наследником был объявлен не он, а брат государя Цзи Дуаньян. Нужно было, чтобы в положенный час об этом попросил и юный сын императора, оставалось найти того, кто его к этому побудит.

Разделение двора на сильную и многочисленную партию Чжэ и малочисленную, но решительную и перспективную партию князя Сицзи (в которой был и наставник Шангуань), стало чётко очерченным и ощущалось очень остро. Островком спокойствия в этом вихре вражды и напряжённости была компания молодых эрудитов, собравшихся вокруг Вэйминьского князя. Мой отец убедительно советовал другу сохранять нейтралитет и не вступать в борьбу, но тот, посещая племянника, с подачи Чжэ Цзяоланя рекомендовал ему

отказаться от тягот правления и столичных дрязг и посвятить свою жизнь искусству и философии. Уже тогда князь Сицзи относился к младшему дяде с горячей привязанностью и доверием, влияние Вэйминьского князя было так велико, что через неделю Цзи Дуаньян был провозглашён наследником и господином Гранатовых чертогов.

В те дни и произошла та самая размолвка Цзи Фэйаня с моим отцом. Увы, теперь обстоятельства побуждали его занять одну из сторон: близкого друга (к чему призывала и трезвая оценка ситуации) или дорогого наставника (и собственной совести, пожалуй), — и единственный выбор, который ему оставался, — это попросту «умереть» для столицы. Покинуть её до трагедии, которую он слишком чётко предвидел.

Нет, всё произошло не сразу, прошло ещё пять-десять лет, но события развивались уже в обратном направлении. Колебавшиеся царедворцы один за другим отпадали от князя Сицзи, уже не видя в нём будущей силы, и Чжэ Цзяолань, не встречая особого сопротивления, успешно зачистил двор от неугодных и опасных людей. И даже то, что Цзи Дуаньян так и не наследовал престол (он умер в разгар эпидемии на два месяца раньше брата), не мешало могущественному министру — рядом с новым государем уже не было практически никого, на кого всерьёз можно было бы опереться. Дольше прочих с ним оставался наставник, мастер Шангуань, но и тот был вынужден покинуть столицу, когда ему стала угрожать смерть.

Вэйминьский князь всегда и у всех был на хорошем счету, демонстрируя благонадёжность и роду Чжэ, и царственному племяннику. Но все эти годы та самая роковая беседа тяжёлым грузом лежала на его душе. Не будь её, свержение Чжэ обошлось бы, наверное, без такого кровопролития и уж точно не привело бы к возвышению Шэнов, которых Цзи Фэйань всем сердцем презирал.

— Вы и сейчас пытаетесь разбирать завал? — проговорил я.

— Что за вопросы ты задаёшь? — удивлённо посмотрел на меня князь.

Я вкратце пересказал ему беседу с артисткой в «Ветре добродетели» и показал полученное от неё письмо.

— И что же, ты передал его по адресу? — взволнованно спросил он.

И облегчённо вздохнул, когда я покачал головой.

— Ты спас меня, себя и, возможно, наследника. Послушай, Шэны, конечно, временщики, и понимают, что их благополучие связано только с правящим государем. Сын Неба очень привязан к Лазурной императрице Э и с теплотой вспоминает своего палача Цзывэя, но положение их куда более шаткое, чем было у Чжэ Цзяоланя. Против них настроен весь двор, и ясно, что со сменой правителя былые фавориты отправятся на эшафот. Некоторое время назад в столице пошли слухи о заговоре с целью погубить императора и возвести на трон его сына. Под подозрением все, от придворного врача до судомойки, но сильнее всего это вредит наследнику. Из того, что ты мне рассказал, я понимаю, что интриганы пытаются впутать в это дело ещё и меня. Моя вражда с Шэнами известна, а в линии престолонаследия я занимаю второе место… Но клянусь тебе памятью моих предков, что я никогда не участвовал в подобных интригах! Девушка, о которой ты говоришь, несомненно, работает на министерство столичной безопасности. А это письмо…

Он вскрыл протянутый мною конверт. Записка внутри выглядела совершенно бессмысленной.

— Не удивлюсь, если это оказалось бы твоим смертным приговором, если бы ты доставил её, куда велено.

В его глазах читалась тревога. Князь несколько мгновений смотрел на меня, потом дрожащим голосом спросил:

— Ты мне веришь?

— Да, — ответил я.

Но мой голос утонул в набате, зазвучавшем с барабанной башни.

Глава тридцать седьмая. Чжан Сугун требует поединка, «господин Белая Шляпа» остаётся в Баопине

Чёрная тень пересекла двор и застыла на мосту коленопреклонённой фигурой в полном воинском облачении:

— Доклад! Со стороны восточного леса заметны огни, похоже на многочисленный отряд, расстояние не более двух ли.

Цзи Фэйань преобразился. Только что передо мной стоял несчастный старик, задавленный собственным прошлым, а сейчас я увидел решительного и энергичного имперского генерала, не привыкшего терять ни секунды.

— Почему докладываете только сейчас? — грозно спросил он.

— Огни появились только что.

— Основные силы — на восточную стену, но на других тоже должен оставаться караул. Проверить надёжность ворот. Капитану Си ждать приказа. Первыми не стрелять. Подвести мне коня, — и, обратившись ко мне, добавил: — Договорим позже. Сейчас я должен быть у восточных ворот.

«Яньский дворик» опустел. Отступившее было чувство тревоги теперь нарастало вновь. Что если Вэйминьский князь не сказал мне правды — и то, что происходит сейчас, связано с тем, что я не выполнил поручения Феи Северных Созвездий? Или с тем, что люди Шэн Яня всё же за мной проследили и узнали, что я поспешно отправился в Баопин? Беспокойные мысли наслаивались одна на другую, вываривaясь в стойкое понимание того, что моя судьба самым тесным образом оказалась переплетена с судьбою князя, а значит, и сейчас моё место — рядом с ним.

Шагая поначалу на голос барабана, а дальше, в общем-то, наугад, я достаточно быстро добрался до восточных ворот, умудрившись не заплутать в ночных садах и галереях. Было на удивление тихо. Внизу, у ворот, под знаменем с изображением крылатого тигра стояло с десяток слуг — или правильнее сказать всё-таки «воинов»? — с факелами и

оружием наизготовку. Меня узнали и отконвоировали наверх, к надвратной площадке, предварительно на всякий случай обыскав. Кстати или нет, оружия при мне не было, даже любимая трость осталась во флигеле рядом с чиновничьей рапирой.

Защитники поместья выстроились у крепостных зубцов. Капитан Си (я узнал в нём давешнего телохранителя, заградившего мне путь на мосту, но теперь на нём были кольчуга и высокий шлем) что-то говорил князю. Тот стоял, опершись на стену, и, поглаживая бороду, невозмутимо пил чай. Когда ему тихо доложили о моём появлении, он неспешно повернулся в мою сторону и лишь удивлённо поднял брови.

— Отец едва ли одобрил бы, оставь я вас в беде, — с поклоном ответил я.

— Какая же это беда? — фыркнул императорский дядя, отдавая чашку кому-то из слуг. — Баопину, правда, ещё не доводилось отражать атаки, но строили его по всем правилам военной фортификации. Если и стоило бы чего-то опасаться, то предательства изнутри, но во всём поместье нет никого, в ком я не был бы уверен.

На последних словах его взгляд резанул мне по глазам, и я подумал, что он, быть может, в чём-то меня подозревает. В самом деле, внезапность моего появления, мой каверзный вопрос об интригах против Шэнов, злополучное письмо из Аньи, а теперь и эта зловещая армия — не много ли совпадений? Я бросил взгляд на восток: темнота за стеной, особенно насыщенная из-за высокого леса, цвела гроздьями рыжих факелов.

— Огней стало больше, — произнёс капитан Си. — Но передние не продвигаются ни на шаг. Разрешите вылазку или пробный выстрел?

— Ни в коем случае, — князь рубанул ладонью воздух. — Если это императорские войска, Шэн Янь припишет мне мятеж. Будем ждать.

— Они тоже могут ждать весьма долго, — парировал Си. — А до рассвета мы даже не будем знать, с кем имеем дело.

— Ну, попробуй их расспросить.

Капитан поднялся на высокий приступок у самых зубцов, так, что его хорошо было видно снаружи, и, поднеся к губам широкий жестяной рупор, возвестил:

— Земля, на которой вы находитесь, принадлежит высокородному Вэйминьскому князю. Если вы явились по неотложному делу, назовите

себя — или будете считаться разбойниками и мятежниками. У вас десять минут, чтобы объясниться или убраться отсюда.

Со стороны леса выехал всадник на огненно-рыжем скакуне, молодцеватый и на редкость хорошо сложенный. Факел в высоко поднятой левой руке высвечивал золотистый чешуйчатый доспех, инкрустированный шлем в виде рогатой драконьей головы и накинутую на плечи шкуру белого леопарда. Не доезжая шагов десяти до ворот, всадник остановился и поднял коня на дыбы.

— Красавец-богатырь, — негромко сказал князь. — Жаль, если разбойник.

— Петух одевается ярче орла, да попусту хлопает крыльями, — отозвался так же тихо капитан Си. А в рупор повторил: — Назовите себя!

— Ты, что ли, лакей душегуба Фэйаня? — крикнул всадник, гарцуя на мощёной дорожке, обрамлённой густым кустарником. — А где же он сам? Что не выйдет навстречу старому приятелю? Я Грозовой Демон Чжан из префектуры Цзые!

Императорский дядя перехватил рупор:

— Чжан Сугун, я вижу и слышу тебя хорошо! Ты здорово вырос и, надеюсь, ведёшь теперь честную жизнь. Если ты не нашёл лучшего часа, чтобы отблагодарить меня за проявленную в прошлом доброту, считай, что я принял твою благодарность, да проваливай восвояси, ворёнок, пока не получил калёную стрелу!

Всадник расхохотался:

— Фэйань, какой же ты глупец! Один выстрел со стены — и Баопин захлебнётся кровью и дымом! Твою «доброту» я помню хорошо. Помню судилища и расправы, чинимые тобою в Чжао. Мне было двенадцать лет, когда ты перебил и казнил всю нашу семью. Я чудом спасся у чужих людей и с тех пор не раз слышал о твоих злодеяниях. Сколько сирот проклинают твоё имя, мечтая лишь об одном — чтобы ты не умер в мире и спокойствии, прежде чем клинок возмездия найдёт твоё горло! И час, поверь, уже близок: небо и земля устали терпеть твои беззакония. Сосчитай всех обиженных тобою в этом мире, злодей Фэйань, и ты поймёшь, сколь велико войско, которое сегодня пришло за твоей жизнью.

Воины на стенах натянули луки, но Вэйминьский князь жестом остановил их.

— Всю эту чушь я слышал и раньше, Сугун, — сказал он. — Обычно я не веду бесед с бандитами, но считай, что тебе снова повезло. Вспомни сам, сколько невинных душ на совести твоей разбойной родни. Я добился от Сына Неба разрешения не искать и не наказывать малолетних ворят по строгости закона — видимо, зря, хотя промашку не поздно исправить и сейчас. Твои угрозы мне не страшны: большое войско попросту и не могло пройти сюда из «дикого края», не попавшись вэйским караулам; но будь вас хоть десять тысяч, Баопин неприступен.

В ответ — новая порция смеха. Старый приём, известный ещё по классическим романам: в любой непредвиденной ситуации, оказавшись перед лицом или в руках заведомо более сильного противника, самодовольно хохочи — и тебя хотя бы выслушают.

— Любая крепость не более неприступна, чем самое слабое место в её стенах! Знай, старая лиса, отнорки тебя не спасут. У каждого чёрного хода тебя поджидают с кистенями наши братья. Угадай, кто выдал нам тайную карту твоего логова? Подскажу: он же привёл к нам в руки твоих детей и внуков, когда неделю назад ты выслал их из Баопина.

— Проклятый Лю Яньтай, — прошипел Вэйминьский князь и сплюнул.

— Не знаю, видишь ли ты в моих руках этот амулетик, — между тем продолжал Чжан Сугун. — Опишу его тебе для лучшего понимания. Он сделан в виде синенькой птички с длинным клювом. Знаешь ли чей?

— Мерзавцы… — задохнулся князь. — Если я только доберусь до Яньтая…

— Не волнуйтесь, — ответил капитан Си, спускаясь с приступка. — Лю Яньтай, конечно, видел этот амулет и мог рассказать о нём разбойникам, но это не означает, что они перехватили обоз. Уверен, ваши дочери и внуки в безопасности.

— Лисица Фэйань, хочешь, я скажу, кто этой ночью откроет нам ворота? — насмешливо крикнул разбойник. — Желаешь сдохнуть, брошенный и преданный всеми? Или всё-таки напоследок сохранить иллюзию того, что тебя окружают верные люди? Если второе, сойдёмся в поединке, и я клянусь, забрав твою жизнь, не тронуть никого и ничего в Баопине!

Не знаю, что именно в этой тираде особенно задело Вэйминьского князя, но в следующую секунду он с гордым видом поднялся туда, где только что стоял капитан Си, и провозгласил:

— Да будет так, ворёнок Сугун! Посмотри же сейчас, от чьей руки тебе придётся погибнуть, потому что, когда откроются ворота, у тебя не будет на это времени!

— Замечательно! — ответил всадник и снова поднял коня на дыбы.

Вдруг из кустарника справа и слева от него поднялись четыре фигуры, и я, хотя было темно, хорошо различил у них луки и арбалеты. Уже не помню, действовал ли я, повинуясь импульсу, или разумно рассудил, что сам Цзи Фэйань по старости лет мог не заметить внезапно появившейся угрозы, — но, заступив на опасный постамент, я резко толкнул императорского дядю и неожиданно сам для себя занял его место меж зубцами. Многоголовая внешняя тьма жадно щёлкнула четвёркой языков, и через мгновение я уже был сбит с ног сильным ударом в грудь и лежал, распластавшись, на каменной площадке.

Ни один стрелок не промахнулся: три стрелы попали мне в область сердца, ещё одна — под правую ключицу. Я ошарашенно смотрел, как мою грудь заливает что-то красное, и даже патетически подумал, что

умирать за другого совсем не так больно, как кажется, — и только через несколько минут сообразил, что это не кровь, а краска из «доспеха мертвеца». Но было поздно. Князь яростно крикнул: «Стреляй!» — где-то вдали заржала подстреленная лошадь, послышались проклятия умирающих разбойников. Битва началась.

Цзи Фэйань, склонившись надо мной, сказал что-то возвышенное, поцеловал меня в лоб и распорядился унести до конца битвы в безопасное место. Когда на полпути я понял, чтó произошло, и начал доказывать, что не ранен, на мои слова попросту не обратили внимания, посчитав их предсмертным бредом. Слуги вернули меня в «яньский дворик» и передали с рук на руки Юань Мину — тот не спал и заверил их, что разбирается в медицине и осмотрит мои раны. Разумеется, ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что я цел и невредим, разве что в который раз изрядно ушиб затылок.

— Но обратно я тебя, конечно, не пущу, и не проси, — строго сказал он, расстилая циновку в моём флигеле у самого входа. — В битве от тебя пользы будет мало, а со мною ты хотя бы в безопасности.

Снаружи вновь начали бить в барабан — на этот раз сигнал шёл уже с западной стороны, — но «господин Белая Шляпа» был спокоен и, кажется, опять что-то напевал под нос. После пары примочек затылок перестал болеть, и я провалился в сон, а когда проснулся, входная дверь была открыта, на пороге стоял воин Цзи Фэйаня. Его халат был разодран, а лицо перепачкано кровью и сажей. Из двери тянуло дымом, и я понял, что в поместье большой пожар.

— …западная стена пала, — услышал я. — Капитан Си с отрядом Летающих Тигров ведёт бой в средней части поместья. Страж Спокойствия держится, но пробиться туда мы не можем.

Это не укладывалось в голове. Совсем недавно Вэйминьский князь, стоя на высокой и крепкой стене в окружении прекрасно вооружённых телохранителей, уверенно говорил о неприступности Баопина, и вдруг…

— Хозяин смертельно ранен. Меня послали к вам сказать, что нужно уходить.

— Куда? — спросил Юань Мин. Он сидел на циновке и не торопился вставать.

— Под беседкой в этом дворе — подземный ход. Это ваш единственный шанс.

Воин обернулся и тут же выскочил наружу, захлопнув за собою дверь. Когда она открылась вновь, за ней стоял небритый головорез с широким окровавленным мечом. Несчастный посыльный предупредил нас слишком поздно — разбойники уже были здесь. Головорез выглядел слишком устрашающе. Не дожидаясь, пока он шагнёт внутрь, я нащупал рядом с постелью свою трость и пустил в него ядовитую стрелу. Бандит сделал шаг назад и, споткнувшись о только что убитого им воина, полетел во внутренний двор.

— Братец Ван, ты это брось! — донеслось снаружи. — Братец Ван! Ну, это вам так не сойдёт!

Когда к нам с громким криком ворвался второй бандит, Юань Мин уже был на ногах и держал в руках мою рапиру. Я был совершенно уверен, что опасность миновала, — даже если с той стороны потайного хода нас ожидает разбойничья засада, с таким спутником мы легко её минуем. Сталь звякнула о сталь, я поднялся, чтоб лучше видеть бой и при случае помочь господину Юаню, но вдруг увидел в его глазах обречённость и ужас.

— Не может быть, — сдавленно произнёс он, опуская рапиру. — Мой клинок. Всё кончено.

И сразу рухнул, пронзённый насквозь.

— Вы все, все ответите мне за гибель Вана! — прогремел разбойник и занёс меч теперь уже надо мной.

Я тоже узнал это роковое оружие — как и его владельца. Передо мною был незадачливый юский купец Хуан Чжэлу, а в руке он держал драгоценный отцовский меч, выкупленный мной у достопочтенного Му. Был ли он тем самым клинком, который когда-то принадлежал Юань Мину и побывал в тумане, или просто оказался на него похож, я не знал. Но если бы не этот меч, в ту страшную ночь всё было бы совсем по-другому.

Откуда только нашлись во мне силы на хладнокровный и чуть презрительный тон!

— Когда-то в Ю, Хуан Чжэлу, ты клялся служить мне как старшему брату. Достойная же служба! В тот раз ты просто сбежал, теперь убил дорогого мне человека и хочешь убить меня самого — тем самым мечом, который я помог тебе вернуть!

Разбойник опешил и несколько мгновений тупо моргал. Потом бросился бить поклоны:

— Высокочтимый брат, я узнал вас только сейчас и заслуживаю сотни смертей!

Это была правда, но я слишком хорошо понимал, что происходит, чтобы так дёшево разменять его жизнь.

— Нет. Если ты хочешь искупить свою вину, ты должен вывести нас из Баопина.

Я перевёл взгляд на Юань Мина и вдруг понял, что он тихо смеётся. Это звучало особенно отчётливо в наступившей тишине.

— Не утруждайся, шаодай, меня не спасти. А тело и так сгорит…

Я сел на пол и теперь держал его голову на коленях. Что только что произошло на моих глазах? Что погубило несчастного Юань Мина: моё проклятое решение посетить Баопин или пресловутый предначертанный лабиринт, в который его поместила судьба… или он сам? Старик вложил рапиру мне в руку и прошептал:

— Бестолковое оружие… Попроси, пусть он даст тебе другое.

— Кто? — спросил я, глотая слёзы.

— Шангуань Эньвэй… — выдохнул господин Юань.

Он был мёртв.

Хуан Чжэлу молча бросил светильник на пол и, подхватив с пола мои сумки, вывел меня во двор. Собравшись с мыслями, я направился к той самой беседке, где совсем недавно слушал извинения и рассказ Вэйминьского князя. Языки пламени виднелись повсюду. Казалось, Баопин подожгли с четырёх концов. На западе мелькали какие-то фигуры, но кто это был — охрана или разбойники — я не понимал. Подняв глаза, я увидел в небе большую крылатую стаю и сразу узнал гуйшэней. Как они оказались здесь, вдали от ущелий и от тумана? Я уже писал о том, что огонь и численное превосходство пугают этих чудовищ, но сейчас мы с Хуаном представляли собой лакомую добычу. Сделав круг над нами, стая ринулась вниз.

Мы успели добежать до беседки. Хуан возвышался надо мною, защищая от гуйшэней; я склонился над декорированным полом и пытался понять, где и как открывается секретный лаз. Днём это, вероятно, было бы проще, но теперь в моём распоряжении был только фонарь. Пол представлял собой деревянную мозаику, собранную из множества раскрашенных кусочков неправильной формы, но при кажущемся хаосе можно было отыскать закономерности. Так, ближе к углам отдельные элементы образовывали небольшие розетки, которые

при определённом усилии поворачивались вокруг своей оси. Один такой поворот случайно дал мне сочетание внешних и внутренних чёрточек, соответствующее иероглифу «Шан» — «верхний». Нет, в иных условиях я, конечно, не нашёл бы правильного ключа. Но последние, странные слова Юань Мина, «яньский дворик» и проникновенная история из уст Вэйминьского князя сейчас сходились в одной точке. И когда я нащупал вторую розетку, я знал, что ищу знак «Гуань».

Пароль правой руки — «Шангуань Эньвэй». Пароль левой — имя моего отца. Ключ был собран. Но ничего не происходило.

В голову пришла мысль, что нужные инструкции мог иметь при себе убитый Ваном воин князя, но вновь бежать сейчас через двор я боялся. Повсюду бесновались чудовища, но крыша и столбы беседки служили хоть какой-то защитой: мы всё-таки были не на открытом месте, и их излюбленная тактика работала плохо. Хуан Чжэлу мастерски отбивал атаки; впрочем, несколько раз гуйшэни оказывались внутри, и мне тоже приходилось орудовать тростью и рапирой. Но больше этих, крылатых противников, я сейчас опасался бескрылых. Что если с минуты на минуту объявятся бандиты, штурмующие Баопин? Чего в таком случае мне ждать от своего разбойного побратима?

Проходя мозаику раз за разом, я вдруг заметил большой центральный диск, на который отчего-то не обращал внимания. Глаза очертили круг, и я нашёл последние, недостающие знаки: «Дуншань». Диск сделал поворот и, щёлкнув, выскочил наружу. Под ним была решётка, а ниже — чёрный провал. При свете фонаря я увидел железные скобы уходящей вниз лестницы.

— Бегите, старший брат! — проревел Хуан Чжэлу, вырывая решётку своими огромными ручищами. — Бегите и простите меня за причинённое вам горе!

— Хочешь остаться для грабежа и предоставить меня подземным ловушкам да вашим громилам на том конце? — недовольно спросил я, спускаясь вниз.

Несколько секунд паузы. Хуан с остервенением отбросил новую волну гуйшэней и крикнул мне:

— Бегите, я следую за вами!

Я бросил последний взгляд на флигель, где оставалось тело Юань Мина. Огонь лизал стены и уже облюбовывал галерею.

Глава тридцать восьмая. Подземный путь выводит к засаде, трость мастера Сюя выпускает последнюю стрелу

— Мудрость старшего брата глубока, как ущелья Трёх Ветров! — произнёс Хуан Чжэлу, когда спуск был окончен и вместо железных скоб под ногами оказался твёрдый камень. — Останься я наверху, не дожить мне до подкрепления.

Колодец, в который мы спускались, был слишком глубок и узок, и гуйшэни, конечно, сразу потеряли к нам интерес, тем более что Хуан постоянно держал над головою факел. Теперь же мы оказались в просторной пещере, где можно было идти безо всякой стеснённости в движениях.

— Вы заметили, кое-где напротив скоб в камне были отверстия? — спросил разбойник, разминая руки и ноги. — Держу пари, в них спрятаны железные шипы. При закрытом люке хватаешься за скобу — и тебе протыкают спину. Даже странно, что внизу ни одного трупа.

Примерно на этих его словах я чётко соотнёс его голос с тем, который слышал в Аньи. Конечно, это был он. Но задавать вопросы в лоб — к тому же здесь и сейчас — было немыслимо, и большей частью я просто молчал. Мы осторожно пошли вперёд.

Хуан Чжэлу вёл себя гораздо предупредительнее, чем в прошлом году, когда мы шли из Ю на Дуншань. Ещё в «яньском дворике», когда господин Юань уже понял, что на моём халате пятна краски, а не крови, я, израсходовав до конца один из флаконов мастера Сюя, сумел вывести её почти всю, но кое-где она оставалась, и Хуан, полагая, что я ранен, старался быть сразу повсюду: поддерживал меня, выискивал скрытые ловушки впереди и следил, не слышно ли сзади погони. Но при всём этом для меня, как и тогда, он был не братом, а убийцей. Убийцей, с которым приходится лукавить, чтобы вышел какой-то толк.

Проклятое лицемерие, пропитавшее теперь мою жизнь и ставшее тем сосудом, от которого гибнет содержимое — оно отравляло мою душу уже тогда, и много раньше, чем тогда. Я ввёл его в привычку и сам перестал это замечать! И когда, шагая по неровному дну пещеры, я старательно возвращал свой разум к смерти Юань Мина, полагая это благочестивым и правильным, я снова лукавил. От горьких мыслей о погибшем друге моего отца я быстро переходил к сладкому ощущению новой загадки, которую находил в его последних словах.

До сих пор полное имя мастера Шангуаня было мне неизвестно. Услышав о Шангуань Эньвэе, я решил, что это некий родственник великого фехтовальщика. Но шифр в беседке недвусмысленно указывал имена двух людей, которых Вэйминьский князь ищет на Дуншане. Стало быть, Эньвэй — личное имя пропавшего наставника Сына Неба.

Возможно, «дедушка Белая Шляпа» и не ответил на мой вопрос, а перед смертью просто назвал себя, тем более что это имя оказалось одним из нужных паролей. Я не удивился бы, узнав, что он приметил потайной замок ещё вечером, когда князь показывал нам дворик, и всё это время мысленно пытался его решить — может, даже не отдавая себе в том отчёта.

А если это всё-таки был ответ? Возможно, таким неуклюжим образом господин Юань завещал мне тот самый клинок, от которого погиб и который считал в действительности своим. «Пусть он даст тебе другое оружие». «Кто?» «Я».

А возможно… (От этой мысли становилось невыразимо горько!) Возможно, Юань Мин не был мастером Шангуанем и в последнюю секунду назвал мне имя человека, которого знали мы оба. Это было бы ужасно, ведь в таком случае визит в Баопин — устроенный мною, только чтобы познакомиться с князем и расположить его к себе, приведя к нему старого учителя и друга, — был бессмыслен. Юань Мин изначально не должен был находиться здесь и не должен был погибнуть.

Впрочем, бессмысленным теперь оказывалось всё. Поместье горело, а императорский дядя лежал при смерти. Я мог утешать себя только тем, что напоследок позволил Цзи Фэйаню в некоторой степени примириться с собой — покаянием и подарком, которые он символически адресовал моему отцу. Хорошо помню, как и в ту ночь,

и чуть позже, обещал себе, если останусь в живых, разыскать потомков князя и вернуть им Звёздную Цитру — и таким образом тоже отчасти примириться с собой. Этим обещаниям не суждено было сбыться.

Наконец (и эта мысль пришла запоздало), я понял, что сегодня впервые убил человека.

Как-то, когда мне было одиннадцать, я сбежал в гостевую слободу послушать рассказы удальцов. Бао Бревно, чуть навеселе, бойко рассказывал о какой-то заварушке в кабаке: началась из-за пустяка, а закончилась неравным боем, в котором Бао, дескать, один стоял против десяти, но вышиб дух из каждого, а в довершение спалил кабак со всеми мертвецами.

— Брат Бао, — нерешительно спросил я, когда история подошла к концу. — А не страшно человека-то убивать?

Компания расхохоталась, но Бао сделал знак молчать и дружески обнял меня за плечи:

— Братец, ты бы знал, скольких подлецов я укокошил вот этими руками. Что же мне, бояться, что теперь их призраки за мной из тумана пожалуют? Не убивать должно быть страшно, а помирать. А удальцу — и помирать не страшно. Читал, что на ноже написано? «Навстречу смерти». То-то!

Мне не было страшно убивать. Я, как мне казалось, спасал Юань Мина и просто не успел испугаться. Страшно мне стало теперь. Фонарь в моей руке погас, и Хуан Чжэлу тут же подал мне факел, предусмотрительно снятый со стены в самом начале нашего подземного маршрута. Рыжие блики на неровных каменных стенах навевали воспоминания о пещере на севере Ци, где погиб Айго, и от этого на душе становилось вдвойне тяжело.

Пещера время от времени сужалась или расширялась, превращаясь из коридора в подземный зал, из которого не всегда легко было найти выход, но выход всегда был только один — обходилось без развилок. Помню, как на одном из участков Хуан замер, глядя на меня, и приложил палец к губам. Ступая почти неслышно, я поравнялся с ним и на последнем шаге почувствовал, что под моей ногой что-то с негромким звуком сдвинулось. Пещера еле слышно загудела. Честное слово, если бы я не вслушивался, то не заметил бы этого или списал бы на какое-то природное обстоятельство.

— Что происходит?

— Тихо, — ответил разбойник одними губами. — Ловушка.

На его лице был не страх, а любопытство. Прошло несколько секунд. Гудение резко усилилось, и там, где мы прошли совсем недавно, из пола стремительно поднялось несколько рядов высоких железных пик. Хуан подошёл к ним, посветил факелом, потом вернулся ко мне и сказал:

— Подтвердилось. Мы в относительной безопасности. Подземный ход спроектирован против тех, кто идёт снаружи. А мы движемся изнутри. Наступи вы на эту плиту по пути в Баопин, непременно оказались бы на вертеле. — На этих словах пики плавно ушли вниз, и я даже не смог бы разглядеть отверстия, из которых они появились. — Ловушки, буде вам угодно знать, высокочтимый брат, бывают мгновенного и отложенного действия. И местный инженер, на наше счастье, отдавал предпочтение вторым.

По большей части действительно так и получалось. Всех ловушек мы, конечно, не собрали, а иных сомнительных мест — таких как подозрительно приветливые площадки для отдыха со столами и сидениями, вырубленными прямо в скале, — попросту избегали, но за несколько часов под землёй моя (всегда именно моя) неосторожность неоднократно приводила в действие потайные механизмы, и за спиной у нас то и дело раздавался лязг или грохот. Поначалу при малейшем хрусте под ногами я застывал и напряжённо вслушивался, но вскоре расслабился и почти перестал обращать внимание на опасности.

Тогдашнюю легкомысленность жутко вспоминать. Однажды огромное лезвие-маятник, выскочив из стены, пронеслось на расстоянии вытянутой руки от моего затылка. В другой раз Хуан Чжэлу вовремя заметил под потолком ряд железных трубок и прижал меня к полу за мгновение до того, как над нами засвистели стрелы. А ближе к выходу я чуть не упал в обыкновенную волчью яму, кое-как прикрытую тростником и серым тряпьём. Обиднее всего — что, преодолев столь опасный путь без травм и потерь, я под конец поскользнулся на каменной лестнице и вывихнул мизинец на правой ноге, хотя поначалу даже не обратил на это внимания.

Слова Чжан Сугуна о том, что все выходы перекрыты, конечно, казались мне ложью. Я был уверен, что на поверхности нас никто не встретит. Но, когда каменная плита, за которой был выход, с шумом отошла в сторону, в пещеру проникли не только внешний свет и свежий воздух — впереди послышались человеческие голоса, кто-то крикнул: «Смотрите, я же говорил, что это там!»

Подземный ход вывел нас в длинный лесной овраг, дальний конец которого терялся в утренних сумерках. Вершина оврага была завалена валунами — именно там и находился наш выход. Напротив у скромного, едва заметного костерка расположились четверо в чёрных одеждах и масках. При виде нас они вскочили на ноги. У двоих появились в руках арбалеты, ещё один схватил с земли внушительную палицу, последний — вероятно, главный — требовательно спросил:

— Кто вы такие? Ну-ка, назовите себя!

— Свои, — шепнул, оборачиваясь ко мне, Хуан. Потом, освещая своё лицо факелом, крикнул: — Куай Крысолов, снимай повязку, я тебя узнал! Это я, Чжэлу Скворец!

Крысолов сдёрнул повязку на подбородок и сделал знак товарищам:

— Шатун, опусти дубину; Нун, Цзун, вольно! Не видите, это брат Скворец! — Осклабившись, он направился к моему спутнику, и разбойники заключили друг друга в объятья. — Не тебя мы караулим! С тобой тоже кто-то из наших? Чего вам в Баопине не хватило, что вы под землю полезли?

— Не поверишь, от гуйшэней спасались, — хохотнул Хуан. — А дальше — любопытно стало, куда этот ход приведёт. Но уж, наверное, успеем назад, за добычей?

Они стояли у самой пещеры, справа. Я, прислонившись спиной к валуну, встал чуть поодаль слева, откуда были видны и Скворец с Крысоловом, и трое у костерка. Сумерки и усталость не позволяли как следует их разглядеть, но казалось, что, несмотря на команду старшего, в них остаётся какая-то напряжённость. Я понимал, что, если теперь бандиты направятся к Баопину, мне, чтобы не вызывать подозрений, придётся следовать за ними, и дело добром не кончится. Но после всех ночных передряг меня одолевала сонливость, и при всей опасности положения я не находил в себе сил придумать, как из него выпутаться. Да и не стоило, на самом деле. Ситуация разрешилась сама собой, и весьма неожиданно.

— Не успеете, — сказал Крысолов. — Час назад поместье так полыхало, что пламя было отсюда заметно, а до него на юг не меньше двадцати ли будет. Что не досталось нашим, то уж сожгли.

— Ну, при делёжке мы свою долю стребуем, — сказал Хуан.

— Кто-нибудь за вами увязался, а, Скворец? Ждать ещё кого из этой ямы?

— Нет, я всё время внимательно слушал, мы были одни. Но ты проверять не суйся, уж больно опасно.

Куай снова осклабился и похлопал его по плечу, я почему-то, несмотря на сонливость, краем глаза следил за ним и сейчас заметил, что в ладони за спиной Хуана появился кинжал. Когда рука поднялась вновь, я успел криком предупредить спутника об опасности — и тот, увернувшись, одним резким броском отправил нападавшего в провал. Помня о крутизне и высоте каменной лестницы, могу предположить, что Крысолов сразу же погиб, проломив себе голову или хребет.

— Нун, давай! — крикнул один из арбалетчиков и вскинул оружие, через секунду у меня в груди уже торчала стрела. Без подарка мастера Сюя в эту ночь я уже дважды стал бы покойником. Можно было тут же ринуться в атаку — это, наверное, было бы эффектно, — но примерно тогда же дал о себе знать вывихнутый мизинец, и я почёл за благо просто сползти по валуну и застыть на земле.

— Брат!!! — истошно закричал Хуан Чжэлу и, к счастью, бросился не ко мне, а на троих в чёрном. — Теперь мне всё с вами ясно, крысиное отродье! Солнца вы сегодня не увидите!

Сам он пострадал больше моего: стрела попала в левое плечо, но мстителя это не смущало. Шатун и один из стрелков, кажется, Цзун, который отбросил первое оружие и теперь раскручивал «верёвочное копьё» (короткий гарпун на длинном и прочном шнуре), взяли его в тиски; третий — стало быть, Нун — прянул в мою сторону, чтобы вновь взвести арбалет и попутно осмотреть мой «труп».

Мастер Сюй сделал халат на славу. Уже четвёртая стрела угодила мне в область сердца, но «кровь» била, как в первый раз. Конечно, рана была бы смертельной. Нуна, похоже, интересовало не столько моё добро, сколько моя личность. Я следил за ним из-под полуопущенных век. Не задерживаясь на содержимом кошелька, он внимательно изучил моё лицо, оберег у пояса и чиновничью рапиру и, видимо, решил поискать документы за пазухой. Когда он склонился надо мной, я резко открыл глаза, изобразил самый безумный оскал и громко прохрипел: «Сердце за сердце!» Затем, словно раздирая собственную грудь, измазал руки краской и потянул к нему: «Сердце за сердце!»

Эта жуткая сцена пришла мне в голову словно сама собой. Кажется, что-то подобное я читал в мистических новеллах, но автора не припомню. Испуганный молодчик отпрянул и, вместо того чтобы ударить меня ножом, выпустил мне в грудь ещё одну стрелу. «Сердце за сердце!» — повторил я, приподнимаясь на локтях. Встать на ноги и тем более пуститься за ним вдогонку я бы уже не смог — стопа с вывихнутым мизинцем болела нещадно, — но это и не потребовалось.

«Цзянши!» — задыхаясь, крикнул Нун, попятился и хотел было броситься наутёк, но случайно наступил на тайную ловушку, приготовленную, наверное, для нас с Хуаном — вернее, для любого, кто мог бы появиться из тайного хода. Раздался хлопок — и вот уже мой испуганный противник болтается в шести локтях от земли,

подвешенный в прочной сетке. Шатун обернулся на крик и сразу же получил смертельный удар. У Хуан Чжэлу оставался всего один противник, но тот владел своим страшным оружием блестяще, (гораздо лучше, чем арбалетом) и молниеносно менял дистанцию боя, не давая чускому клинку сделать ни одного удара.

Я подтянул к себе трость и, стараясь не привлекать внимания, установил последнюю стрелу — на этот раз обычную, без яда. Даже если мой выстрел не будет смертельным, врага достаточно отвлечь на пару секунд. Но как попасть по кружащей тени? Цзун ни мгновения не задерживался на одном месте, движения казались непредсказуемыми. Хуан, напротив, держал оборону статично, то и дело пропуская удары.

За время боя костёр успел погаснуть, а небо — посветлеть. Мой измотанный спутник едва стоял на ногах, а противник словно играл с ним в кошки-мышки: гарпун чаще проходил вскользь, нанося всё новые и новые раны, болезненные, но недостаточно тяжёлые, чтобы стать смертельными. Вот, вырванный «верёвочным копьём», звякнул о камни меч; вот шнур, как змея, обвился вокруг колена, и сам Хуан ничком упал на землю.

— Ну что, Скворушка, — Цзун сдёрнул повязку, — я легко мог бы убить тебя в бою. Но за смерть Куая заколю тебя, как свинью.

Он вынул широкий нож и подошёл к несчастному Хуану. На губах играла зловещая, какая-то бесовская улыбка. Я понял: или сейчас, или никогда.

Цзун рухнул, не успев как следует замахнуться. Я сам не ожидал от себя подобной меткости. Стрела попала молодчику в центр лба. Когда я доковылял до места боя и осмотрел убитого противника, то понял: другой выстрел был бы бесполезен, на нём оказалась кольчуга.

Хуана пришлось растормошить. Он сейчас представлял собой плачевное зрелище.

— Старший брат! Вы живы? Или это я умер? — спросил он осипшим голосом, потом перевёл взгляд на поверженного Цзуна: — Что произошло? Почему он меня не добил?

Мне совершенно не к месту вспомнились рассказы о мастерах чудесных единоборств, и почему-то захотелось шутить:

— У него возникли затруднения. Я силой воли перекрыл ему источник внутренней энергии.

Хуан уставился на меня. В груди у меня по-прежнему торчали арбалетные стрелы. Вкупе с моими словами картина складывалась фантастическая.

— Вы ранены, — сказал разбойник и кое-как сел на колени. Но если и стоило о чём-то беспокоиться, так это о его ранениях. — Я наконец понял… — сказал он, растирая руку. — Они хотели нас убить.

— Да, я тоже так решил, — усмехнулся я и, отвернувшись, всё-таки вырвал стрелы из халата.

— Они хотели нас убить с самого начала… — продолжал Хуан. — Когда мы нападали на поместье, они уже приняли решение убить нас, чтобы мы ни о чём не рассказали. Меня — точно.

— Я смотрю, в «диком краю» свои представления о братстве.

Хуан рассмеялся и тут же сплюнул кровью.

— Нет, они не из «дикого края». В прошлом году в Чжао объявились люди, желающие поквитаться с Вэйминьским князем. Знаете, у него были свои недруги, которые боялись напасть на Баопин самостоятельно и хотели объединить усилия с нами и кем-то ещё. Грозовой Демон Чжан собрал большую ватагу, но добраться сюда из Чжао не так-то просто. Нас обещали вывести на нужных людей. Стараниями учителей я умею хорошо разговаривать, в «диком краю» меня за это прозвали Скворцом. Потому и вести переговоры отправили меня. Продажные чиновники, какие-то местные бандиты, наёмные головорезы, смутные личности в масках и капюшонах — какого только сброда я не насмотрелся за это своё «посольство». Нам помогли пройти и взять поместье. Очень многое эти ребята брали на себя: путь из Чжао, да и сам штурм прошли легче, чем мы думали. Скотина Крысолов был одним из них… А я ведь даже не знаю, на кого он работал.

— Это ещё можно выяснить, — я кивнул на сетку, в которой оставался подвешен Нун.

Но когда мы перерезали верёвки и вынули обмякшего бандита, оказалось, что он уже мёртв. Что с ним произошло — умер ли он от ужаса, боясь попасться в лапы цзянши, или покончил с собой, предвидя строгий допрос, — я не знаю. Ран на его теле не было.

— Так или иначе, нам нужно поскорее отсюда уходить, — сказал Хуан. — Кто знает, не подойдёт ли подкрепление…

Нам обоим было ясно, что ни я, ни он далеко уйти не сможем. Повисла тишина.

— Вы слышите? — вдруг спросил Хуан. — Лошадь. Где-то рядом фыркнула лошадь. Или мы погибли, или мы спасены. Оставайтесь здесь. Если я крикну дважды, прячьтесь, спускайтесь в подземный ход…

Он отправился вниз по оврагу, а через некоторое время вернулся, ведя под уздцы двух осёдланных вороных коней. В седельных сумках нашлись дорожные плащи, которые хоть как-то скрасили наш внешний вид. Когда над лесом поднялось солнце, мы уже держали путь на север. Хуан Чжэлу предложил на выбор несколько «проверенных», как он говорил, гостиниц в ближайших городах, но я знал только одно место, где смогу вздохнуть с облегчением, не опасаясь подвохов, — Хунчоу.

Глава тридцать девятая. Хуан Чжэлу ищет стиль под левую ногу, Шэн Янь обещает мстить

Наш путь до хутора вдовы Кан прошёл, в общем-то, спокойно. На привалы и ночёвки мы останавливались в заброшенных часовенках и пастушьих времянках, опасаясь ненужных встреч на постоялых дворах. Впрочем, на них у нас не было и денег — последние ушли на покупку еды, а также мазей, бинтов и одежды для несчастного Хуана. Мой халат после второго флакона выводящего средства вновь выглядел сносно. Следы от стрел казались невинными прорехами, но всякий раз при взгляде на них я мысленно благодарил администратора Ли и мастера Сюя.

Любопытства ради я изучил арбалет, из которого в меня дважды стрелял Нун, — на мой неискушённый взгляд, это было очень хорошее оружие, выстрел из которого пробил бы иной панцирь, тем более с малого расстояния. «Доспех мертвеца» не только задерживал стрелу, но и распределял удар таким образом, что я обошёлся без тяжёлых повреждений и переломов. Да, первые недели подъём с постели, глубокие вдохи или смех давались мне несколько болезненно, но единственное, что действительно серьёзно досаждало, — это вывихнутый мизинец.

На фоне моих, в общем-то, незначительных травм удивление и уважение вызывал Хуан Чжэлу, от которого за всю дорогу я не услышал ни одной жалобы, а ведь, несмотря на притирания и перевязку, раны, полученные им в ночном бою, начали гноиться. На некоторые было страшно смотреть. Молодой разбойник, безусловно, отличался колоссальной выносливостью, но было ясно: без скорейшего лечения уже очень скоро он рискует умереть от заражения крови.

На третий день пути мы добрались до Хунчоу и, узнав от местных жителей, где живёт вдова Кан, подъехали к воротам богатой корейской усадьбы. После рассказов учителя Яо и У Чжайбо о покойном мастере-

реставраторе я ожидал увидеть и здесь, как в Баопине, изысканный букет стилей, представляющих разве что не разные части горной страны, а разные эпохи, — но увидел самое обычное зажиточное хозяйство, на какие вдоволь насмотрелся в родной префектуре. Однако сравнение, если подумать, было бы не в пользу Баопина. В отличие от напряжённо застывшего поместья Вэйминьского князя, здесь кипела жизнь: со двора доносились окрики управляющего, смех и перебранки, гогот гусей и протяжное коровье мычание. Даже насупленный и обрюзглый привратник, принявший мою визитку и состряпанные кое-как объяснения о нападении разбойников, казался приятнее лощёных и молчаливых слуг-телохранителей императорского дяди.

Тот же привратник проводил нас в просторный и ухоженный внутренний сад, усадил в гостевую беседку и подал ароматный чай. Я впервые за много дней ощутил подлинное спокойствие. Корейские садики вообще к этому располагают. Возле беседки лениво журчал ручей, по другую сторону возвышалась роскошная многоярусная клумба — через два-три месяца она предстала бы перед нами во всей своей красе, пока же на чёрной земле скромным украшением смотрелись белые звёздочки первоцветов, все вместе образующие иероглифы: «Счастье ожидания». Чуть поодаль суровым часовым стояла могучая древняя сосна, она выросла на редкость кривой, узловатой, но и в этом было нечто живописное и приятное глазу. Словно приветствуя гостей, в ветвях застрекотала какая-то птица, и её бесхитростное пение показалось мне приятнее редких индийских мотивов в «Приюте талантливых единомышленников».

— Так бы здесь и оставался, — словно ответил на мои мысли Хуан Чжэлу и, откинувшись на спинку кресла, закрыл глаза.

Я рассеянно кивнул и налил себе ещё чаю. А когда поднял взгляд, увидел, что по тропинкам сада к нам идут двое: дородная дама в белом трауре и широкополой шляпе с густой вуалью, полностью закрывающей её лицо, — безусловно, хозяйка дома, — и семенящий рядом с ней краснолицый старик в синем халате и чёрной газовой шляпе, какие приняты у корейцев. Мы с Хуаном поднялись с кресел и ещё издали встретили их глубоким поклоном.

— Получив вашу визитную карточку, я не знала, что и думать, — произнесла дама, когда мы после приветствий расселись за столиком вчетвером. — Но теперь вижу, что не ошиблась: вы очень похожи на

своего благородного отца. Как вы понимаете, после того как этот дом опустел, я всё время провожу на женской половине и, конечно, не принимаю гостей. Кузен Чан любезно ведёт за меня внешние дела имения, но он близкий родственник. Впрочем, и вы, можно сказать, член семьи, ведь ваш отец, Яо Шаньфу и мой благодетельный супруг в своё время принесли клятву побратимства. Нынешние молодчики разбрасываются этим словом легкомысленно, но, чтобы вы знали, в нашей семье к таким делам всегда было самое строгое отношение. Как поживает ваш батюшка?

Склонив голову, я ответил, что мой отец уже четыре года как умер, и, дабы не повисало молчание, тут же представил Хуан Чжэлу как своего названого младшего брата, после чего мы двое поднялись и вновь поклонились вдове Кан — как племянники тётушке — и Чану — как дядюшке. Старик Чан всплеснул руками:

— Как замечательно! Получается, матушка-хозяйка, здесь и вовсе все свои! Какая, однако, приятная встреча, уважаемый племянник. Мне очень давно хотелось свести знакомство с яньскими Чхве, но я всё никак не находил надёжного посредства, а вы, если верить карточке, служите у дуншаньского префекта!

— Что вы, в самом деле! — оборвала его вдова. — Будет для этого разговора и более подходящее время. Вы ведь слышали от Ходжона, что гости подверглись разбойному нападению и, наверное, нуждаются в помощи!

Нам незамедлительно определили флигель, выходящий в этот же самый сад, и сообщили, что мы можем оставаться в гостях сколько угодно долго. Я перевёл разговор на Барабанчика и сказал, что тот, навещая меня на Дуншане в прошлом году, говорил о планах посетить и Хунчоу. Полагая, что «тайный учёный», согласно нашему уговору, по-прежнему гостит у вдовы Кан, я тем не менее стеснялся спросить об этом в лоб и как можно деликатнее поинтересовался, не сильно ли я с ним разминулся.

— Господин У Чжайбо, — ответила вдова с неожиданной резкостью в голосе, — не бывал в нашей усадьбе уже более пяти лет. Надеюсь, он и дальше здесь не появится. Прошу вас, располагайтесь. Врач прибудет к вам сегодня же.

С этими словами хозяйка покинула беседку вместе с кузеном Чаном (тот имел вид несколько удивлённый и даже виноватый), мы с

Хуаном едва успели отвесить им поклоны. Через несколько минут привратник Ходжон — похоже, единственный оставшийся слуга на мужской половине, — препроводил нас во флигель и помог разместиться. Он же, когда нас посетил местный лекарь, помог с перевязками, а вечером принёс нам ужин.

Спокойствия ради врач прописал нам обоим покой и постельный режим, но уже к середине следующего дня Хуан, не привыкший лежать без дела, неожиданно предложил скоротать время за фехтованием. А когда я с досадой напомнил о больном мизинце, возразил:

— Знаменитый У Сун продолжал сражаться и после того, как зачарованный меч отрубил ему левую руку, а азартный игрок и фехтовальщик Цзотоуши родился слепым.

— Мало ли напишут в романах, — усмехнулся я.

— В романах, говорите? — Хуан ещё больше оживился. — Ну так я вам поведаю историю не из романа. Мой отец, как я, кажется, вам говорил, подвизался в разбойном ремесле, и шайка, в которой он состоял, стяжала себе настолько скверную репутацию, что высокопоставленные чиновники уже и не боролись с ней, напротив — временами обращались к её услугам, если требовалось кого-то убить или ограбить. И вот поступил заказ устранить одного человека, отбывающего из столицы. Разбойники получили его описание и узнали время, когда он покинет Тайцзин и его предместья. Человек тот, вероятно, бежал от недоброжелателей, а потому предпочитал путешествовать ночью, после закрытия ворот, что упрощало нападение. В положенный час в пустынном месте, у векового кедра в окрестностях Аньи, мой отец и трое его товарищей и решили с ним расправиться. Первым же ударом они сумели перебить ему обе ноги, так что он оказался обездвижен. Но этот человек виртуозно владел клинком и даже в таком состоянии, опираясь спиной на кедр, в течение получаса отражал нападения разбойников.

— Что же было потом?

— О, потом произошло интересное. Словно из-под земли в том месте появился ещё один путник — похоже, знакомый того беглеца и также мастер фехтования. Тремя ударами он уложил товарищей моего отца, который едва остался жив и затаился в тени. Беглец, кажется, решил, что этот второй также хочет убить его, но тот взвалил его себе

на плечи и так донёс до ближайшего жилья. Мой отец решил последовать за ними, куда бы они ни пошли. Показаться на глаза заказчику он боялся, но главное — чувствовал, что судьба свела его с необычными людьми. Как только раненый смог кое-как держаться на ногах, он со своим спасителем ни дня не упускал без фехтовальной тренировки. Отец издалека наблюдал за их поединками и жадно ловил каждое движение. Ему казалось, это небожители каким-то чудом вернулись на землю и теперь путешествуют по своим делам. Вдвоём они прошли Вэй и Девять областей и устремились на северо-восток, по дороге совершив немало подвигов. Отец не без гордости рассказывал, что и сам порой под видом местного жителя помогал в их благородных делах. Беглец, которого он должен был убить, так и остался хромым, что не мешало ему в рукопашном бою держаться увереннее любого человека со здоровыми ногами.

Хуан посмотрел на меня:

— У вас же, старший брат, всего-навсего болит правая стопа. Но ведь можно найти стиль, при котором вы почти не будете на неё опираться.

Этот разговор звучал как продолжение старого диалога с Юань Мином. «Господину Белой Шляпе» я готов был стать учеником. Хуан Чжэлу предлагал тренироваться на равных, и я бы, наверное, не согласился, если бы не пресловутый мизинец, позволяющий мне не стесняться собственного неумения и не бояться уронить авторитет «старшего брата», как я его себе представлял.

За нашим флигелем была ровная площадка, идеально подходящая для таких тренировок. Хуан дотошно выяснил, какие движение даются мне без боли, и взялся за их отработку. Не могу сказать, что за время пребывания в Хунчоу я сильно продвинулся в фехтовании или тем более «нашёл свой стиль», но сын разбойника оказался на удивление терпеливым и участливым и за все эти дни ни разу не оставил меня один на один с деревянным чурбачком, как нередко, отчаявшись, поступал мой отец.

Дядюшка Чан, похоже, был особенно рад, что на хуторе появилось мужское общество. Он ежедневно навещал нас в послеобеденные часы и развлекал беседой и свежими новостями. Именно от него мы в течение недели узнали о том, что произошло после падения Баопина. Куай Крысолов сказал правду: от княжеского поместья не осталось

камня на камне. Имущество было расхищено или сожжено, люди — перебиты все, кроме небольшой группы слуг, которых капитан Си, державший оборону до последнего, успел вывести тайным ходом и привести в Юйкоу.

Спасшиеся как один показали, что нападение — дело рук разбойников из «дикого края». Убийство члена императорской фамилии, к тому же столь славного, как Вэйминьский князь, — событие очень громкое. Сын Неба незамедлительно созвал в столице совет, на котором министр-блюститель государственной безопасности Сыма Вэньлуань был отставлен с должности с понижением на четыре ранга, а его место занял не кто иной, как императорский шурин Шэн Янь, получивший особые полномочия и высочайшее повеление покарать негодяев и всех, кто с ними связан.

На поиски преступников были брошены все силы, но картина вырисовывалась чуть ли не мистическая: огромная банда Грозового Демона Чжана возникла у стен Баопина словно ниоткуда и исчезла словно в никуда. Следственная комиссия довольно быстро пришла к заключению, что у разбойников были помощники из числа вэйских чиновников. Улики недвусмысленно указывали на служащего юйкоуской префектуры, советника Су Цзышу, арест и допрос которого был поручен не кому-нибудь, а первому помощнику министра юстиции Дин Шоусину (тому самому, с которым в Аньи беседовал Юань Мин). Но вечером того же дня, когда господин Дин прибыл в Юйкоу, его нашли убитым во дворе дома подозреваемого. Труп самого Су Цзышу обнаружили в библиотеке при ямыне — с предсмертной запиской, в которой он раскаивался в преступлениях против империи и умолял пощадить его родных.

Эту часть истории Хуан Чжэлу слушал с заметным волнением. Из более поздних разговоров с ним я понял, что гибель Дин Шоусина — отчасти и на моей совести и связана с тем поручением, которое я дал в Аньи несчастному Юй Шатину. В «Ветре добродетели» подозрительная тройка (Хуан, Куай Крысолов и с ними кто-то третий — я по-прежнему полагаю, что это был человек из министерства столичной безопасности), конечно, говорила не об архивариусе, а о советнике Су, который должен был помочь разбойникам незаметно миновать вэйские патрули. Юй попался на слежке, был жестоко допрошен, но сумел выдать только имя Дин Шоусина, иного он попросту не знал. Если устранение Цзи Фэйаня спланировал императорский шурин (что кажется мне вполне вероятным), то с этого момента он неизбежно начал подозревать министерство юстиции в попытке его разоблачить и, разумеется, постарался как можно скорее

избавиться и от Су Цзышу, и от слишком много знающего чиновника с Бирюзовых террас.

Столь трагичное развитие событий сводило на нет и всякую пользу от разговора Юань Мина с Дин Шоусином. Едва ли последний, попав под подозрение министра столичной безопасности, мог как-то помочь планам господина Чхве. Сейчас, когда я об этом пишу, меня вновь подавляет тяжёлое чувство бессмысленности происходившего тогда: ненужным оказывался весь путь до столицы, напрасно погибло столько людей, зачастую совершенно мне не знакомых. Но, побуждая себя трезво взглянуть на вещи, я признаю, что, вероятно, лишь при таком развитии событий стало возможным всё то, что произошло впоследствии.

Итак, советник Су Цзышу был найден мёртвым и объявлен одним из главных мерзавцев в этой истории. Не исключаю, однако, что в действительности он был честным человеком, который выполнял тайное поручение Шэна или и вовсе работал на Вэйминьского князя. Но следствие и обыватели верили предсмертной записке, а в ней он представал мелочным корыстолюбцем и к тому же глупцом — поскольку позволил разбойникам вернуться в «дикий край», не отдав причитавшихся ему денег. Сопоставляя известные мне обстоятельства, я прихожу к выводу, что следы ватаги Чжан Сугуна теряются после Баопина лишь потому, что вскоре после штурма уцелевшие разбойники были перебиты своими же союзниками, а тела их сгорели вместе с поместьем. Но Шэн Янь в блестящей речи провозгласил «Поход великого отмщения» и пообещал искоренить разбойничью вольницу в Чжао раз и навсегда. Правителям четырёх областей был разослан указ с требованием в самый краткий срок представить войска для наступления на «дикий край».

— Что примечательно, чжаоскому губернатору Сунь Юшую такой указ вручил прибывший имперский цензор, — попыхивая трубкой, ухмылялся дядюшка Чан. — Стало быть, по нему начнётся проверка. Чего доброго, министр-блюститель Шэн запишет его в соучастники, хоть вольница разрослась задолго до него…

Чем дальше развивалась эта история, тем беспокойнее становился Хуан Чжэлу. Я опасался, что и в этот раз он удерёт в «дикий край», но преданность «старшему брату» перевесила, и из Хунчоу мы выехали вместе. Нас хорошо снарядили в дорогу, и дядюшка Чан, провожая нас

у ворот, всё же вручил мне стопку писем и визитных карточек, предназначенных для яньских торговых домов. Со вдовой Кан я так больше и не беседовал, но не могу не рассказать ещё одну историю, связанную с этой усадьбой.

Наши тренировки с Хуаном проходили дважды в день: перед обедом и ближе к ужину. После них он ещё некоторое время оставался на площадке, отрабатывая удары в одиночку, а я возвращался во флигель, чтобы спокойно почитать. На третий день я обратил внимание на обособленно стоящую постройку, которая хорошо просматривалась через двор. От Ходжона я узнал, что в ней находятся библиотека и рабочий кабинет покойного мастера Кана. Меня смущало то, что ежедневно, утром, днём и вечером, к библиотеке приходил с подносом молодой мальчик-слуга (больше ни за какой работой я его не видел). Для ритуального риса, какой нередко ставят перед поминальной табличкой, визиты были слишком частыми. Любопытство пересилило этикет, и как-то после вечернего фехтования я подкараулил слугу у входа и напрямую спросил, не гостит ли кто-то в библиотеке.

— Ответ за ответ, идёт? — шёпотом предложил слуга, оглянувшись по сторонам, взял меня за рукав, и мы вместе вошли внутрь. — Только первый ответ будет ваш! — продолжил мой юный собеседник, зажигая лампу. — Появившись в нашей усадьбе, вы задали вопрос о человеке по имени У Чжайбо. Что вам о нём известно?

Я был огорошен.

— У Чжайбо — мой друг и товарищ.

В голове мелькнула мысль о том, что, может быть, именно Барабанчик скрывается в этой постройке и отчего-то не может или не хочет показываться наружу. Но следующий вопрос слуги дал понять, что это не так:

— Где он сейчас?

— Увы, я не знаю. Мы договаривались встретиться здесь, но он, как я понимаю, так и не появился.

— Нет, он не приходил. И если вы его увидите, скажите, что Хеён здесь нет.

— Договорились, — ответил я. — Настало время для моих вопросов. Для кого вы каждый день приносите еду?

— Для Хеён.

Только сейчас я понял, что разговариваю с девушкой. Её лицо казалось мне странно знакомым, и в нём одновременно читались грусть и какое-то лукавое веселье от того, что я полностью сбит с толку.

— Вы будете молчать, а я вам всё расскажу, — деловито сказала она, проходя в тёмный зал библиотеки. На одном из столиков стоял уже остывший обед, и девушка принялась менять блюда на горячий, дымящийся ужин. — Наш покойный батюшка души не чаял в моей сестрице Хеён и ни в чём не мог ей отказать. Конечно, кабинет и библиотека на мужской половине — совсем не место для юных девиц, но мы переодевались в мальчишек и то и дело приходили сюда. Сестрица особенно любила здесь находиться и целыми днями пропадала за чтением книг и написанием стихов. Даже после смерти батюшки библиотека и кабинет оставались её уделом. Матушка пыталась ей запретить, но куда там… Одно время к нам приходил в гости У Чжайбо. Матушке он не нравился, батюшка ценил его и называл «неогранённой яшмой», а сестрица Хеён была в него влюблена. Он тоже её любил, но всё больше шутил, чем говорил всерьёз, а потом перестал у нас появляться. Хеён его долго ждала, а однажды сбежала из дома. Наверное, решила сама его найти. С тех пор прошло уж лет пять, но матушка по-прежнему считает, что Хеён вот-вот вернётся, и хочет, чтобы, когда бы это ни произошло, дом был к этому готов. Поэтому в библиотеке всегда протёрта пыль, а на столике — свежая еда.

— Вас, стало быть, зовут Юми, — проговорил я больше для себя самого. — И что, с тех пор вы ничего не слышали о сестре?

— Отчего же? Иногда приходят письма без обратного адреса, но она в них словно молчит. А вот в стихах она до сих пор говорит гораздо больше.

Она подозвала меня к письменному столу, на котором лежала открытая тетрадь, и, поставив справа от неё светильник, сказала:

— Это последнее, что она написала ему. Запомните и передайте, когда увидите. И пусть он её найдёт.

Я склонился над тетрадью.

О, сколько мы не видели друг друга,
Опять напомнит сердцу ночь безбрежная.
Но я благодарю и за разлуку,
За право вспоминать и жить надеждою.
И красками, что подарил мне вечер,
Я снова нарисую утро раннее.
Любой, кто твёрдо верит в счастье встречи,
Благодарит за счастье ожидания.

Я читал, и теперь уже почерк казался мне странно знакомым, как несколько минут назад — лицо Юми. Говорят, у людей бывает душевное расстройство, когда вновь увиденное кажется повторением какого-то призрачного воспоминания. Хвостики иероглифов словно дразнили меня, впиваясь в сознание и как бы говоря: «Ты наконец-то сошёл с ума». В дальнем, плохо освещённом краю листа стояла подпись. Я подвинул светильник и прочёл: «Фея Северных Созвездий».

— Что с вами? — донёсся до меня голос Юми. Она была удивительно похожа на сестру и так же красива, но, конечно, выглядела гораздо скромнее. — Вы замерли, как будто увидели привидение.

Я не знал, что ответить. И отвечать ли вообще. Но девушка стояла, тревожно глядя на меня, и словно требовала ответа.

— Я передам ему, — шёпотом ответил я. — При встрече я всё ему обязательно передам.

Глава сороковая. Инчуаньский ресторатор потчует посетителей цитатами, Цзэн Фу лишается головы

О чём я думал, покидая Хунчоу? Тревожился ли о том, что не встретил там Барабанчика и Минхёка? Рассуждал ли об успехе или провале нашего плана? Или, быть может, обдумывал, каким путём безопаснее всего вернуться на Дуншань? Нет, я думал о Кан Хеён, Фее Северных Созвездий. История, услышанная в Хунчоу, словно раздула тлеющий уголёк в моей груди, и роковая артистка из Аньи вновь была для меня возлюбленной, а губы обжигало воспоминание о её поцелуях.

В её истории я очень многого не знал и не мог ручаться за истинность того, что знаю, — у каждого, с кем я говорил, могли быть свои основания говорить мне неправду. Но если Фея действительно не работала на Вэйминьского князя, она могла работать только на его противников, главным из которых, бесспорно, являлся Шэн Янь. Если моя версия насчёт третьего собеседника в «Ветре добродетели» была верна, это объясняло и удивительную осведомлённость артистки, проведшей всё утро в закрытом кабинете, об убийстве несчастного Юй Шатина и её интерес ко мне как к человеку, потенциально опасному для императорского шурина.

К последнему я, как и многие представители чиновного сословия, относился отрицательно, хотя, конечно, по большему счёту впитал эту оценку из общения с другими — теми, кто называл его не иначе как «узурпатором» и сравнивал с потомками Чжэ Фацзюэ или даже с недостойным генералом Ма Гао, поднявшим мятеж при Втором Лидере. И, хотя деятельность и господина Чхве, и тем более «тайных учёных» проходила несколько в иной плоскости, чем противостояние интеллигенции и Шэнов, я считал, что Хеён оказалась от меня на противоположной, «вражеской» стороне, но был уверен, что во имя

своей любви должен и могу склонить её на свою сторону. Но чтó именно нужно делать, я не вполне представлял.

Возможно, после увиденного и услышанного в хунчоуской библиотеке образ Хеён начал резонировать с образом Яо Мэйлинь, к которой я тоже испытывал тёплые, нежные чувства, не вполне в них разбираясь. И если ещё на Дуншане я чувствовал, что любые мои шаги в направлении строгой и кроткой Мэйлинь сковывает тень Чжуан Дэшэна, убитого героя, чью роль я не смел оспаривать, то в случае с Хеён всё представлялось проще: мой соперник, У Чжайбо, ещё жив и за пять лет вполне мог лишиться особого места в девичьем сердце. Любовная горячка побуждала немедленно распрощаться с Хуаном и во весь опор скакать в Аньи, но почерпнутые из той же «Коллекции» представления о чести не позволяли прагматично действовать за спиной у Барабанчика, предписывая вначале поговорить с ним начистоту.

В том, что с ним и с Минхёком всё в порядке, я не сомневался. Да, они должны были достичь Хунчоу ещё до Нового года, но в усадьбу их запросто бы не впустили. В таком случае У поостерёгся бы извещать меня о неудаче письмом, а какие-то заминки могли замедлить обратный путь на Дуншань и помешать им вернуться до нашего с Юань Мином выхода. Разум рисовал и иную ситуацию: возможно, У на ходу нашёл иной вариант, как изготовить карту; он даже мог оставить мне знак, который я попросту не заметил. Иными словами, я был уверен, что найду обоих у себя дома и не слишком беспокоился о судьбе своих друзей — чего не скажешь о Хуане. В каждом городе и деревне нас встречала доска объявлений с призывом идти в добровольцы, а громогласные глашатаи возвещали, что министр-блюститель Шэн уже очень скоро искоренит разбойную волость — и люди, которые желают поучаствовать в правом деле, имеют возможность отличиться перед отечеством и даже выдвинуться по государственной службе.

Молодые вэйские книжники проходили мимо объявлений с независимым видом, а иногда и посмеивались:

— Раздолье-то для Девяти провинций!

— Пошёл бандит бандита бить, да их в бою не различить!

— С честным людом постарались, за себе подобных взялись!

— Вот загадка для детей: угадайте, кто злодей!

Но всё это предпочитали говорить негромко и в рукав, чтобы даже самый зоркий осведомитель не определил шутника. Потому что знали: Шэн Янь взялся не только за дикий край, но за весь вольнодумный север.

Излюбленные чайные местной интеллигенции пустовали. На окраине области, в городке Инчуане, который годом раньше я проезжал в составе яньской делегации, мы разыскали «Дары бамбука», очень своеобразное сочетание ресторанчика, публичной библиотеки и книжного магазина, — конечно же, рассчитанное на собрания молодых талантов. Если в прошлый раз внутри было шумно и многолюдно, то теперь мы нашли лишь скучающего хозяина, господина Гуна. Удивительно, но и по прошествии стольких месяцев он меня помнил и, приветствуя, даже обратился по имени. С такой памятью и таким-то заведением он был бы идеальным сотрудником какого-нибудь охранительного ведомства, а возможно, и являлся таковым, но от такой мысли и сейчас становится неловко: этот человек располагал к себе настолько, что его невозможно было заподозрить в двоедушии.

Он лично проводил нас к лучшему столику, принял заказ, чтобы в конце произнести непременный вопрос: «Кого желаете в собеседники?» — подразумевающий авторов прошлого и настоящего. Если гость называл, скажем, Ляо Чжая, хозяин тут же приносил ему соответствующий томик, а в конце трапезы спрашивал: «Господин Ляо тоже уходит?» Желающий приобрести книгу отвечал: «Да, и я заплачу за себя и за него». Нежелающий говорил что-то вроде: «У господина Ляо здесь назначена встреча, так что я ухожу один». Бывалые яньские чиновники в прошлом году усиленно преподавали молодёжи этот ритуал иносказаний, который, безусловно, добавлял «Дарам бамбука» особый шарм. Переспросишь или ответишь прямолинейно — посмотрят косо, как на варвара, который примостил вонючие ботинки сушиться на стойке для цитры.

— Кого желаете в собеседники? — с поклоном спросил Гун.

Пользуясь тем, что рядом нет никого, кто мог бы косо посмотреть, я отважился на непредусмотренный ответ:

— Вас, господин Гун.

После секундного замешательства он расплылся в улыбке:

— Ну, что ж, можно, любезные сударь! Но сразу предупреждаю: книга самая что ни на есть посредственная.

— Мне ли о том судить? Зато знаю, что самая свежая.

Подав вино и блюдо холодных закусок, Гун расположился рядом с нами и непринуждённо спросил:

— Какими судьбами в наших краях? Едете на запад по какому-то поручению — или, напротив, возвращаетесь в Янь? Кажется, на Дуншань?

— Всё-то вы помните! — восхитился я. — Мы следуем в родную область. Я отпросился на несколько недель, чтобы по завещанию покойного отца навестить его вэйских друзей.

— Похвально, — кивнул Гун. — Сыновняя почтительность — редкое сокровище. Но если вы следуете на Дуншань, то маршрут выбрали совершенно неверный.

— Конечно, пересекать «дикий край» всегда небезопасно, — ответил я. — Но это самый короткий путь. Да и сейчас, накануне Похода великого отмщения, у разбойников, наверное, будут дела поважнее, чем грабить нас двоих.

— Возможно, что и так, — Гун пожевал губами. — Но, во-первых, граница с Чжао сейчас перекрыта. Вэйская стража получила хороший нагоняй за то, что проглядела разбойное войско, так что теперь здесь и мышь не проскочит. Во-вторых, даже если вы проберётесь в «дикий край» и на вас не позарятся ради наживы, бандиты могут принять вас за лазутчиков или курьеров, везущих секретный приказ в Ци, и тогда вам несдобровать. Ну а в-третьих, вполне возможно, что циские войска по ту сторону «дикого края» тоже вам не обрадуются и примут вас за разбойников, которые бегут от справедливого возмездия. Таких, знаете, и тут вылавливают и казнят без особых проволочек. Выбирайте, какая из трёх причин убедит вас, что дважды пересечь ущелье Восточного Ветра будет короче и безопаснее, чем рваться напрямик.

Мы помолчали.

— Для тех, кого всё это не смущает, — добавил он, — есть и четвёртая причина. В пути через Чжао возможна заминка. Сколько она продлится? А сколько ещё Шэн Янь будет стягивать войска, прежде чем скомандует наступление? Если вы только не желаете оказаться в гуще боя (а это сомнительное удовольствие), искренне советую, судари, заложить хороший крюк и добираться через Лу.

— Я слышал, Шэн стягивает войска с четырёх областей, — сказал я. — Неужели разбойники сильны так же, как когда-то «лотосы», и даже министр-блюститель государственной безопасности не может победить их своими силами?

Гун обернулся по сторонам и понизил голос:

— Мне кажется, дело тут вот в чём. Может-то он может, но, во-первых, новая должность ему пока не по зубам. Блюстительскую печать-то он получил, как и номинальный контроль над тремя министерствами, включая своё бывшее, а вот с лояльностью новых подчинённых всё гораздо хуже. Сыма Вэньлуань долго выстраивал аппарат под себя, и заменить всех его людей на своих — дело небыстрое. Между тем поход уже объявлен, и наверняка у императорского шурина, помимо открытой, есть и какие-то тайные цели. Возможно, где-то нужны будут победы, а где-то — поражения, и ему может быть проще «затыкать дыры» губернаторскими войсками, чем возиться с собственными нелояльными чиновниками. Мне кажется, по факту он остался со всё тем же министерством столичной безопасности, его силы и будет отправлять на самые щекотливые задания, а уж массы добавит за счёт областей. А массы в таком деле чем больше, тем лучше — всё-таки в этой войне он хочет победить.

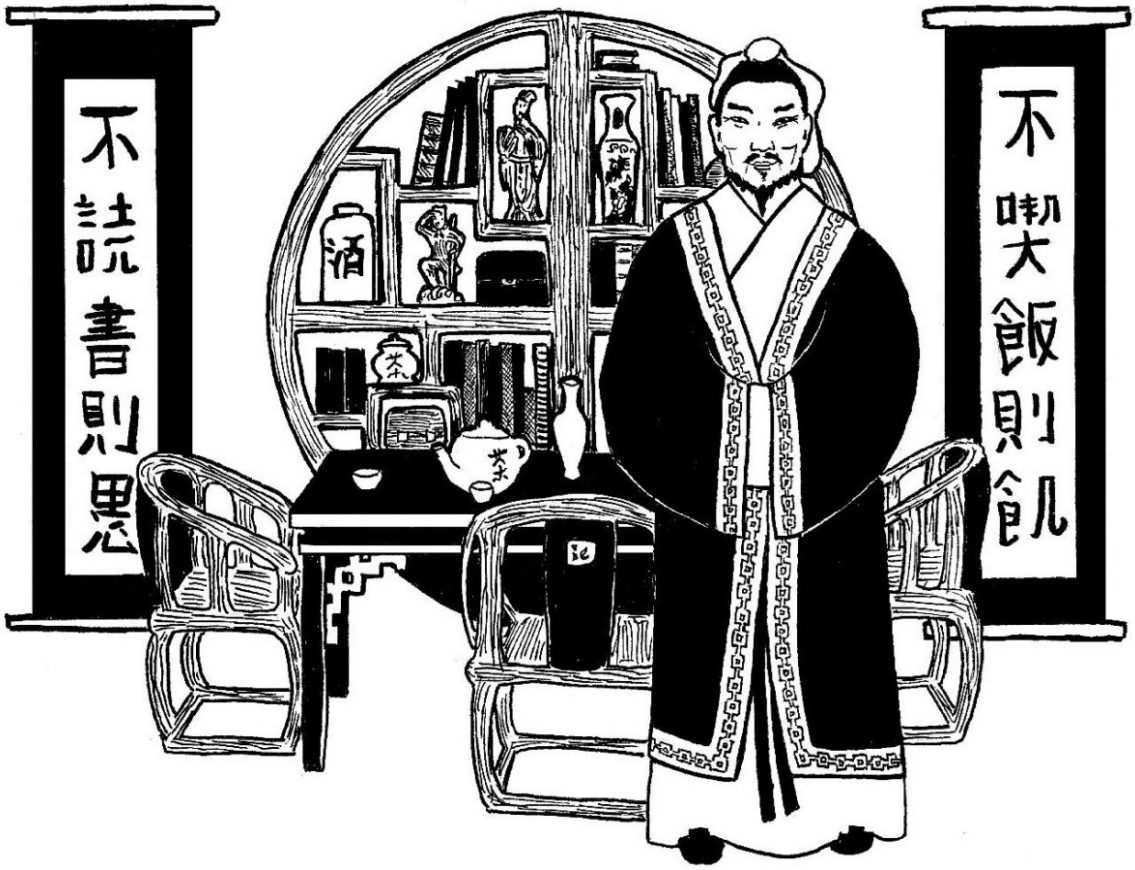
— А насколько он может полагаться на губернаторов? — подал голос Хуан.

— Наш запуган, потому что не уберёг Вэйминьского князя. Чжаоский — потому что вовремя не выжег это крысиное гнездо. У яньского с Шэном давняя ссора, но против императорского шурина он, уж простите, трусоват и дрябловат, а потому захочет выслужиться и замять прошлое. А циский — практичен и не станет перечить ему в такое время. Мороки с ними гораздо меньше, чем с благородным чиновничеством из Дворца Львиных Ступеней. Шутка ли дело — половина из них носит фамилию Сыма!

— А вы говорили, книга будет скучной! — рассмеялся я. — Сколько красочных деталей, господин Гун!

— Это всё цитаты, — с улыбкой отмахнулся он. — Благодаря таким учёным посетителям, как вы, мне удаётся, не покидая Инчуаня, бывать и в Тайцзине, и в дюжине областных столиц. Без них о чём я мог с вами поговорить? О том, что зелень дорожает, что хорошего чая не дождёшься по полгода, а хороших произведений — и того дольше. Вы

ведь не такой беседы ждёте. Вот и приходится припоминать, чтó интересно учёным мужам, корчить из себя знатока политики и стратегии.



Я заметил, что от всех этих разговоров Хуану становится не по себе. Когда мы уже собирались уходить, он спросил Гуна:

— Полагаете, императорскому шурину удастся уничтожить «дикий край»?

— При желании — разумеется, — ответил хозяин «Даров бамбука». — Оно ведь как гнойник: вскрой — само растечётся. Это только в романах разбойное братство держит строй, как звёзды на небе.

Едва мы оказались на улице, Хуан Чжэлу ожесточённо сказал:

— Я обязан быть там. Высокочтимый старший брат, вам лучше последовать совету и двигаться на юг, я же попробую пробраться в «дикий край».

— Брось! В Чжао мы отправимся вместе!

Почему я так сказал? Боялся путешествия в одиночку? Действительно хотел побыстрее добраться на Дуншань? Или

рассчитывал вразумить Хуана и сделать из него добропорядочного человека? Или человека, которого я сам впоследствии мог бы использовать?

Не знаю.

Хуан глубоко мне поклонился и сказал, что никогда не забудет моей самоотверженной доброты.

Теперь нам нужно было найти способ пересечь границу Чжао. В той же префектуре находилось крупное селение Хэлань, и уже через пару часов после беседы в «Дарах бамбука» мы стояли перед местным ломбардом, хозяином которого значился некто Цзэн Фу. С порога было становилось ясно: здесь полным ходом готовятся к переезду. У самой стойки громоздились друг на друге обвязанные бечевой тюки, корзины, ящики и свёртки, а проворные слуги то и дело подносили новые. На звон наддверного колокольчика к нам вышел сам господин Цзэн, человек на редкость некрасивого сложения: сухой, долговязый, с чрезмерно длинной шеей, которую венчала несуразно маленькая голова, при этом кисти рук выглядели какими-то огромными и походили на грабли — ни дать ни взять дух преисподней, отправленный адским ямынем на ловлю грешников. Впечатление усиливалось от того, что на лице его не было вообще никаких эмоций, а взгляд был отсутствующим, словно задёрнут пеленой.

— Я вернулся от оценщика, — сказал Хуан Чжэлу без предисловий и даже без приветствий. — Он говорит, что с вазой не всё так просто. Взгляните ещё раз.

Цзэн тут же словно очнулся от сна. Взгляд прояснился, на губах возникла угодливая улыбка:

— Скворец, вот так встреча! — пробормотал он, потом уже громче добавил: — Сударь, нижайше прошу меня простить, сейчас я занят другими делами, но подходите дня через два, утром.

Хуан мгновенно развернулся и вышел, я вместе с ним. Я и сам догадался, что всё услышанное — вроде пароля и отзыва. Мой спутник лишь подтвердил мои догадки. Закладная лавка Цзэн Фу была одним из форпостов «дикого края» в области Вэй. Нечистоплотный ростовщик охотно и умело сбывал награбленное, снабжал бандитов сведениями о планах властей и местных торговцев и при необходимости размещал разбойные партии в пустующих домах в разных частях Хэланя. Именно здесь была точка сбора молодчиков

Чжан Сугуна, и даже странно, что Цзэн так затянул с переездом (точнее — побегом), ведь кровь обитателей Баопина отчасти была и на нём.

«Через два дня, утром» означало неказистый дом в северной части селения, ближе к окраине. От ломбарда мы двигались окольным путём, и Цзэн уже поджидал нас у ворот. Лязгнул замок, мы втроём, ни говоря ни слова, прошли внутрь, в тёмную затхлую комнатушку с закрытыми окнами. Ростовщик зажёг светильник и только тогда заговорил:

— Извините, что принимаю вас здесь, другие адреса сейчас опаснее, но, если будет нужно, я что-нибудь придумаю. Много вас нужно разместить?

Хуан молча указал на меня и на себя.

— Только двое? — удивился Цзэн Фу. — А что же с Грозовым Демоном и остальными?

— Мы разминулись, и я решил, что добираться обратно следует врозь. Там уж встретимся.

— Обратно? — ростовщик засмеялся, и его маленькая голова заходила из стороны в сторону, смотреть на это было страшновато. — Признаюсь, в прошлый раз, когда мы виделись, я и подумать не мог, что всё так обернётся. А теперь хотя бы рад тому, что оказался по эту сторону границы. Она, конечно, и сейчас дырявая, но на выход дырки просматривают куда внимательнее, чем на вход. Сразу оговорюсь: ночлег ночлегом, но из баопинской добычи мне ничего не предлагайте. Мне проще и вовсе не брать с вас денег.

— Ты бы нам их ещё и подкинул, по старой дружбе-то, — Хуан небрежно скинул с плеча походную сумку и бросил на стол. — Вот и всё, что у нас при себе — как видишь, ни княжеского добра, ни дорожных припасов.

Цзэн Фу, до той поры вертевший в руках ключи, вдруг обронил их на пол и, извиняясь, полез со светильником искать их на полу. Только потом я сообразил, что в действительности его внимание привлекла сумка, из которой как-то слишком уж явно выглядывал футляр со Звёздной Цитрой. Я помнил, что футляр украшен орнаментом из фениксов, но как-то не обращал внимания на то, что каждая изображённая птица сложена из иероглифов «Цзи Фэйань».

— И что ещё ты там говорил насчёт дырявой границы? — спросил Хуан, пока ростовщик копошился внизу.

— У нас ведь как всё устроено… — вздохнул Цзэн. — Столичные власти что-нибудь объявят, а потом на местах пытаются найти способ, как примирить высочайшее распоряжение с насущными нуждами. Скажем, министр-блюститель Шэн добился того, что граница между областью Вэй и «диким краем» закрыта. Но у нас некоторые живут с соседних чжаоских гор. Носят оттуда и хворост, и еду, и чего только не носят. Что же, им теперь запретить походы в Чжао? Или, может быть, каждый день брать их под конвой? Делают для них исключение. В Чжао и обратно ходить запрещается, «кроме как».

Самым примечательным случаем, по его словам, был хутор Ляна Змееяда, расположенный всё в той же префектуре Инчуань. Чем он промышлял, можно догадаться: змеиное мясо, жир, яд в чистом виде, в настойках, в мазях и притираниях. Едва наступала весна и гады пробуждались от спячки, Лян и его домочадцы начинали походы в Чжао: уходили утром, закутанные с головы до ног, а вечером приносили полные корзины шипящей добычи. Когда границу закрыли, стража пару раз останавливала вереницу собирателей змей, чтобы досмотреть людей и грузы, но потом зареклась. Говорят, при досмотре гадюка прянула на блюстителя порядка прямо у Ляна с рукава.

— Ты спроси, Скворец, сколько народу они с тех пор вместе с собой вот так через границу перевели! — усмехнулся Цзэн. — Да только водят совсем не в том направлении. Ему бы, конечно, сдавать вашего брата властям, только что ему с того, кроме сердечной благодарности? А так, поди, доход имеет.

— Денег-то подбросишь? — напомнил Хуан.

— А что ж, можно, — подумав, ответил ростовщик. — Ты это только в свои квитанции занеси как следует. У меня перед вами есть кое-какие долги. Можно бы их списать — на случай если потом вообще останется кто-то, кому я долги отдавать буду. У тебя расписки-то при себе?

— Нет, я в тот же день отдал их Чжану, а с тех пор его не видел. Говорю же: кроме этой вот сумки, у нас ничего нет.

— Сумка-то непростая — ухмыльнулся Цзэн; и Хуан понял его ухмылку раньше меня. — Ну, что ж, располагайтесь тут. На улицу пока не выходите, опасно это. А я вам принесу из еды кое-что.

Он собирался уйти, но Хуан Чжэлу окликнул его у двери:

— Послушай, купи у меня одну вещицу.

— Из сумки-то? — кивнул Цзэн.

— Нет. Отцовский меч. Хороший, старочуский. С каменьями. Не опасайся, не из Баопина.

Заинтересованный Цзэн Фу вернулся к нам и встал поближе к светильнику, чтобы рассмотреть драгоценное оружие. Хуан вынул клинок из ножен — и неожиданно резким движением перерубил его длинную шею. Кажется, сам ростовщик перед смертью не понял, что произошло. Его тело несколько секунд стояло без головы, и кровь фонтаном била в потолок. Потом оно с шумом рухнуло на пол.

До этого люди умирали у меня на глазах и пострашнее, и я никогда не испытывал при этом приступов тошноты, но тут вдруг стало невыносимо дурно. Разбойник снова взял со стола сумку, потом обернулся ко мне и с поклоном произнёс:

— Возможно, я напугал вас, уважаемый брат. Этот человек хотел нас предать и привести сюда стражу. Я, неразумный, слишком поздно это понял и иного выхода уже не имел.

Он смочил в крови Цзэна палец и что-то написал на стене. Но читать у меня уже не было сил. Мы вышли на улицу. Солнце шло на закат.

— Если мы сейчас поспешим, то успеем к Ляну, — сказал Хуан. — Не возражаете?

Я кивнул. Мне показалось, что если сейчас я скажу что-то другое, следующей покатится уже моя голова.

Глава сорок первая. Чужие письма вознаграждаются ядом, в чжаоском селении бесчинствуют мародёры

Сколько раз я видел у разных авторов пассажи о том, как ремесло человека начинает проявляться в самой его внешности. Безымянный сочинитель романа о братьях-тиграх, описывая свинаря Гунсуня, делает его внешне похожим на его хрюкающих подопечных, а вот — стихотворный портрет Си Цинли, который, согласно распространённой версии, до восстания был кузнецом:

Суров и мрачен лик его, как чёрная руда,
И, как огнём пронизан горн, во взгляде месть пылает.
Скупы чеканные слова; как молот, речь тверда;
Из холода бросает в жар, едва он замолкает.

В Ляне Змееяде и его домочадцах было что-то змеиное. Бесстрастные лица, немигающие глаза с жёлтым отливом и жутковатая резкость, с которой сонная апатия сменялась быстрыми, порывистыми движениями, — подметив что-то одно, я сразу стал подхватывать и остальное. Хуторяне разве что не шипели и не ползали на брюхе. Кажется, кто-то из них даже воздух поминутно пробовал на язык.

Мы явились к уже закрытым воротам. Открыл нам сам хозяин в сопровождении жилистого батрака с нездоровым, отёчным лицом. Оба — в ветхой рабочей одежде и фартуках, запачканных кровью. Я тут же приметил во дворе деревянную раму, на которой сушились змеиные тушки и кожа. Едва услышав о цели нашего визита, Лян прохладно сообщил, что без лишних расспросов пустит нас переночевать и наутро проведёт в Чжао, но времена опасные, так что придётся раскошелиться. Требуемой суммы у нас не было, и я предложил коней — с ними в любом случае пришлось бы расстаться. Лян скосил глаза на батрака, и тот быстро осмотрел наших скакунов. Хозяин не обменялся с ним ни словом, словно сам видел всё его глазами.

— Клейма подозрительные, — сказал он наконец. — Ну да ладно. Саньэр, сейчас же забей их да освежуй.

Не могу сказать, что за эти дни проникся к своему вороному каким-то особым чувством, но от того, с какой лёгкостью Змееяд отдавал благородное животное под нож, меня передёрнуло.

Нас накормили скудным крестьянским ужином и положили на ночь вместе с батраками. Понятно, что с клиентами вроде нас Лян не церемонился.

— Не доверяю я ему, — пробурчал, засыпая, Хуан Чжэлу. — Попробуй эта гадюка с утра нас обмануть — живо вырву ей жало да подвешу рядом с другими!

Очень скоро он захрапел. Тут я заметил, что батраки Ляна спят совершенно бесшумно, будто мы и впрямь оказались в змеином гнезде. Проворочавшись час, я поднялся и, стараясь ступать как можно тише, вышел во двор, в прохладную и ясную ночь.

Северные созвездия были видны на небе особенно хорошо. Теперь, когда я обращал на них внимание, в мыслях всякий раз возникала Кан Хеён. То нежная и задумчивая, то жаркая и страстная, но чаще — какая-то холодная, безжалостная, в её образе сквозила опасность. Были все причины считать её коварной и неискренней, но при этом меня к ней неумолимо тянуло, и хотелось верить, что, удаляясь от Аньи, я в действительности иду ей навстречу. Сейчас удивительно и горько понимать, что так оно и было. Так — и при этом совсем иначе, чем думалось в те дни.

Незаметно рядом со мной из темноты вынырнул Лян Змееяд. На нём были всё те же роба и фартук — видно, он ещё и не ложился и продолжал работать далеко в ночь, когда все домашние уже были в постели.

— Сударю не спится? — спросил он, подходя ближе и отирая о фартук ладони. В свете небольшого фонарика, горевшего во дворе, глаза его казались теперь совсем жёлтыми. — Сударь, кажется, не здешний. Позвольте полюбопытствовать, из какой вы области?

— Янь, — ответил я, за секунду прикинув, чтó будет лучше: врать или говорить правду.

Хуторянин медленно кивнул. Потом спросил, не являюсь ли я поверенным торгового дома Чхве. Примечательно, что эту фамилию он произнёс по-корейски и с каким-то уважением. На этой развилке я

свернул к неправде (хотя это, скорее, была полуправда) и сказал, что действительно служу роду Чхве.

Змееяд кивнул ещё раз:

— Я так и подумал. — Он выудил из-под фартука три или четыре письма дядюшки Чана, надписанные разными вэйскими поставщиками и адресованные дому Чхве. — Вы это сегодня выронили. А что человек, с которым вы приехали? Он кто?

— Попутчик, — ответил я почему-то. — Ему нужно в Чжао, а я тороплюсь в Янь, и мы путешествуем вместе.

Лян схватил меня за рукав и прошипел в самое ухо:

— Он разбойник. Будьте очень осторожны. Советую вам выбрать другую дорогу и другого попутчика. Если хотите, я дам вам лошадь.

— Увы, но я, как сказал, очень тороплюсь. Менять маршрут — терять время. А с таким провожатым, будем надеяться, разбойники меня не тронут. Он кое-чем мне обязан.

— Понимаю, сударь, — вздохнул хуторянин. — Я говорю это, потому что и сам многим обязан дому Чхве. При встрече вы себя не назвали и я, барсучья голова, потребовал оплату. Теперь уж чем вернуть?.. И пара дней, как денег вовсе нет. Хотя… Есть у меня безделица одна. Примите, сударь, не побрезгуйте.

Всё так же, из-под фартука, появилась серебристая ампула в виде змейки. «Плоды десятилетий ничтожнейших раздумий», как выразился Лян, подавая её с низким поклоном. В ампуле был яд — на зависть доктору Ину и всей дуншаньской лаборатории. Три капли на кувшин воды убивали человека за полдня — незаметно, без боли, тошноты и рези в животе. Если яд попадал в кровь с глубоким порезом, то убивал или парализовал в считанные минуты. Неглубокий порез приводил к тяжёлому воспалению, которое до недели не давало человеку покоя ни днём, ни ночью. Змееяд описывал дозировки с пугающей детальностью — и лучше было не спрашивать, как он её добился.

Я несколько смущённо отклонил подношение, как мне казалось, совершенно неуместное: я ведь не наёмный убийца и не отравитель. Но Лян настойчиво предлагал свою ампулу и, наконец, попросту вложил мне её в ладонь.

— Ваш… попутчик… слишком силён, — виновато сказал он. — Если что-то пойдёт не так, он позабудет о чувстве долга, а вы с ним попросту не справитесь. Поклоны Лян Тобэя вам — и дому Чхве.

Он был прав. И эта правота не хуже иного яда отравила мне остаток ночи и добрую часть дальнейшего пути.

Нас подняли за час до рассвета. Батраки Ляна одевались в многослойные защитные одежды долго, основательно — и всё также бесшумно, разве что иногда перешёптываясь. Весной в таком облачении было ещё сносно, а каково им приходилось летом? Нам с Хуаном выдали только чёрные балахоны с иероглифами «Лян» и «Змея», лицевые повязки и плотные рукавицы с длинными раструбами. Даже кожаные бродни, как у всех, нам не полагались, и стражи порядка при досмотре легко могли бы нас вычислить, просто посмотрев на нашу обувь. Как и все, мы получили по заплечному коробу, куда перекочевали наши плащи и дорожная сумка, и вместе с остальными отправились к месту сбора у главных ворот усадьбы. Всего вместе с хозяином и его долговязым сыном нас набралось десять человек.

Колонной по двое мы двинулись на восток. Змееяд с сыном шли впереди и освещали путь большим фонарём (без него местами и впрямь было плохо видно), за ними — пара широкоплечих батраков,

потом мы с Хуаном, а за нами остальные. Схема, похоже, была хорошо отработана. Задумай мы что-нибудь выкинуть, нас быстро бы усмирили.

Я ждал, что хотя бы сейчас змееловы нарушат своё обычное безмолвие. Учителя словесности и музыки пичкали нас в школе рабочими и походными песнями разных областей горной страны — и куда как уместно было бы услышать одну из них сейчас, когда мы строем шли к месту работы. Хотя бы вполголоса — со скидкой на раннее время. Но песен не было. Прошагав минут двадцать, я вдруг понял, что люди впереди и сзади что-то синхронно шепчут — не то заклинания, не то стихи. Я напрягал слух, но по обрывкам звуков так и не смог этого разобрать. Хуан, когда я поделился с ним своей заботой, хохотнул:

— Ну, что они могут читать? Поэму о Ши Ши, не иначе!

Единственными людьми, которых мы встретили за два часа пути, были вэйские постовые у самой границы области. Капитан, окрикнув Ляна, вразвалочку подошёл к остановившейся колонне, изобразил пристальный осмотр, получил от хуторянина какую-то взятку и махнул рукой: проходите.

Солнце так и не успело на нас насмотреться — небо затянули тучи, а мы вошли в густой лес и очень скоро разделились. Змееяд распорядился, чтобы мы, сняв повязки и балахоны, оставили их в своих коробах (видимо, для новых нарушителей границы, теперь уже из «дикого края»), указал, как вернее всего дойти до ближайшего чжаоского селения, и отправился высматривать свою добычу.

— Пакостный человечишка, — сплюнул Хуан Чжэлу, когда мы уже вдвоём шли по ухабистой тропе. — Мерзостный какой-то. Смотрите-ка, досточтимый брат, на какой дрянной путь он нас вывел.

Действительно, тропа была на редкость неудобной и вышла не на другую сторону леса, а к небольшой прогалине, за которой начинался сплошной колючий кустарник.

— Вы с Чжан Сугуном разве шли не здесь? — спросил я озадаченно.

— Нет, мы шли по-другому, — Хуан снова сплюнул. — Но, если подумать, отсюда идти нужно вот так. — И рубанул воздух рукой, указывая на юго-восток.

Мы кое-как продрались через заросли и пошли дальше без тропы. В отсутствие солнца Хуан сверял путь по природным ориентирам, но было заметно, что и он в замешательстве. Трудные места то и дело заставляли нас сворачивать с выбранного направления, и вот мне уже казалось, что мы блуждаем по заколдованному кругу.

— Мерзкое местечко. — Настроение Хуана не менялось. — Заметили, уважаемый брат? Здесь даже птицы не поют.

И, словно в насмешку над ним, мы тут же услышали песню — куда приятнее птичьей. Пел человек. Слова перемежались стуком топора, и я не всегда разбирал строки, но много позже я нашёл этот текст в собрании запрещённых гимнов времён государя Триумфатора:

Жизнь человека вращается, как колесо:
Ступица, спицы, но больше всего пустоты.
Кто у подножья не встал, не достигнет высот,
Кисть бесполезна, коль скоро листы не чисты.
Ветхой одежды не сняв, не наденешь шелка,
Гнили отведав, вина не почувствуешь вкус,
Сея поверх лебеды, не дождёшься ростка
И не наполнишь себя ты, покуда не пуст.

И всё в таком духе. Возможно, эта песня и не попала бы под запрет, если бы не авторство Лай Даолиня — основателя «Течения девяти принципов», примечательной личности, о которой ещё будет лучший повод вспомнить позднее.

Распевал молодой дровосек, орудуя у векового ствола огромным топором. Наших окриков он словно не замечал, и мы бросились к нему через бурелом, но, когда добрались до порубленного дерева, парня там уже не было. Топор был воткнут тут же, но владельца и след простыл.

Вдруг та же песня зазвучала у нас за спиной. Там, откуда мы только что побежали к лесорубу, ковылял, опираясь на узловатый посох, оборванный старик в широкополой шляпе. Мы устремились к нему. Но опять напрасно. А песня звенела теперь откуда-то сверху — то с одной, то с другой стороны.

— Я про такое знаю, — произнёс Хуан, озираясь вокруг. — Это лесной дух нас дурачит.

— Всё верно, — услышали мы, — я дух этой чащи.

Из-за ствола вдалеке вышел величественный старец в белой одежде. Я кинулся было в его сторону, но он тут же исчез, и я даже не заметил как — был, и не стало. А голос спокойно продолжал чуть поодаль:

— Если вы ищете путь, то найдёте его у себя под ногами. — Я с удивлением посмотрел вниз и обнаружил, что стою на полузаросшей тропе. — А если ищете ответов, то я готов по разу ответить каждому из вас, только и вы честно ответьте на мой вопрос.

— Небось, спросит наши имена, — пробурчал, подходя ко мне, Хуан Чжэлу. — Узнает — тут нам и крышка.

Наш собеседник рассмеялся. Смех звучал, кажется, отовсюду. Потом назвал нас каждого по именам, присовокупив также, откуда мы родом. Я не на шутку обеспокоился. Не буду лгать, будто тогда голос показался мне знакомым.

— Кто это говорит? — спросил я требовательно.

— Скворец, твой спутник туговат на ухо. — У давешнего дерева опять возник лесоруб и вернулся к работе. Хуан тронул меня за плечо и сделал знак лишний раз не дёргаться. — Но раз обещал, повторю, мне не трудно. Я дух этой чащи.

— Сколько вас? — продолжил я допрос.

— Этак вы быстро израсходуете свои попытки! — Парень зашёл за ствол и пропал. Голос зазвучал у нас за спиной: — Будем считать это вторым вопросом?

— Постой! — крикнул Хуан. — Скажи лучше, проходил ли кто через этот лес в «дикий край» за последние недели?

«Дух леса» задумался.

— С тех пор как тут Грозовой Демон со своими дружками прошёл в область Вэй, обратно не проходил никто. А вот в ту сторону сейчас ходят ежедневно. Всех собрать — орава наберётся, а вешать по одному в день — к осени не управиться. Так что вэйцы их теперь казнят охапками. — Пауза. — Теперь мой вопрос. Куда вы направляетесь?

Уговор есть уговор: я признался, что иду в Янь, а Хуан Чжэлу — что следует в оплот «дикого края» на востоке Чжао.

— Держите за честность, — сказал «дух», и под ноги мне упал камень, завёрнутый в белый платок. — Отдайте эту находку Плешивому Гао с хутора Куньян, и путь ваш станет легче.

На этом разговор прекратился. Что бы мы ни говорили, нам уже не отвечали, и мы двинулись по указанной тропе. Я не знал, что и думать: после странной встречи у нас ничего не пропало, да и путь, которым мы шли, привёл не в ловушку, а к выходу из леса. Если это простые мошенники, что они делали в чаще и откуда знали наши имена? Не похоже было и на дозор «дикого края»: уж больно непочтительно голос отзывался о разбойниках, выловленных вэйцами. Обсуждать это с Хуаном было бесполезно: он твёрдо верил во встречу со сверхъестественным.

На опушке леса мы сделали привал. Мой спутник быстро разжился какими-то кореньями, и нашёл чей-то охотничий силок с мелким зверем, так что обед вышел более чем сносным. Дальнейшая дорога, говорил Хуан, пойдёт намного проще: места известные, и даже упомянутый хутор Куньян разыскать не составит труда. Подарок «духа» я успел рассмотреть ещё по дороге, но теперь достал его снова. Камень был с ладонь: широкий и плоский. Никаких отметин на нём не было, и, вероятно, ценность представлял не он сам, а платок, но и на платке я нашёл только несколько пятен неопределённой формы. Что должно символизировать подобное послание?

— Напрасно сомневаетесь, высокочтимый старший брат, — сказал Хуан, уловив мои сомнения. — Если бы дух хотел нас погубить, то сделал бы это ещё в лесу. Да и Плешивого Гао я знаю. Человек безобидный — и слабоват против нас двоих. Глядишь, и впрямь как-то нам поможет.

Я слишком устал, чтобы протестовать, и просто решил быть начеку.

— В такое неспокойное время, — продолжал Хуан, — опасностей и впрямь хоть отбавляй. На любом постоялом дворе всадят в горло кинжал по самую рукоять, даже не поморщатся. Лесной дух дело говорил. Лучше нам идти прямиком на Куньян, а до той поры жилья избегать. Времянку для ночлега я подыщу, а завтра к полудню уж будем на месте.

Трость, от которой я хотел избавиться ещё в лесу у Баопина, сослужила мне теперь отличную службу: без неё бы я не одолел и половины пути, пройдённого в тот день. Сильное утомление позволило заснуть и без ужина — я свалился бы и под открытым небом, но крыша над головой оказалась кстати: ночью прошёл ливень, зато к следующему утру на небе не осталось ни облачка.

Как я представлял себе «дикий край»? Наверное, рисовал в воображении картины из книг о разбойниках. Какие-то пустоши, засеянные человеческими костями, над которыми кружат стервятники. Поля, где снуют разбойничьи отряды и стоят шатры под знамёнами атаманов. Города-призраки, которые пустуют днём и оживают ночью, превращаясь в чёрные рынки и потайные мастерские, где куётся оружие и доспехи для братства гор и лесов. И, разумеется, ловушки, ловушки, ловушки на каждом шагу.

Всё было гораздо прозаичнее. Внешне «дикий край» был похож на многие другие префектуры горной страны: города, деревушки, хутора, земледелие, ремёсла, торговля, даже чиновники и ямыни. Не хватало только одного — закона. Его почти во всём заменяли бандитские правила, а иногда — и решения отдельных головорезов, приходящих в города и сёла «вершить свою правду». Со слов Хуан Чжэлу, бывали случаи, когда главари являлись в управы на заседания, сгоняли с кресел префектов и судей и сами вальяжно вели допросы и выносили приговоры. Но чаще разбойники позволяли местным властям сохранять видимое достоинство и просто время от времени представляли свои требования, с которыми редко кто спорил. Это, впрочем, не делает картину более благообразной: любую приглянувшуюся девушку без разговоров забирали в наложницы, любого крепкого парня угоняли на принудительные работы, и обивать пороги ямыней родственникам было бессмысленно. Хорошо, если когда-нибудь пропавший возвращался к родным. Некоторые исчезали насовсем.

Может быть, поэтому обитатели хутора Куньян нашему появлению вовсе не обрадовались. Хуана здесь и вправду знали — и опасались того, что Скворец явился требовать что-то или кого-то для нужд разбойничьей вольницы. Нас накормили и напоили, но даже Плешивый Гао — которого я безошибочно узнал среди работников — поначалу смотрел на нас косо и подобрел глазами, только когда я тихонько передал ему камень в платке. Он жестами дал нам указания уходить и ждать за воротами. Когда они уже закрывались за нашими спинами, мы услышали его вопрошающий возглас:

— Хозяин, а что бы мне на юминский базар не съездить?

— Повозка-то давно стоит, — откликнулся хозяин. — Не знаю, чего ты до сих пор не шевелишься!

Через какое-то время с хутора выехала тяжело гружёная подвода, запряжённая парой лошадей. На облучке сидел всё тот же Гао. Завидев нас, он заговорщицки махнул рукой и замедлил ход. Мы заняли место между корзинами и тюками и двинулись в Юмин — крупное селение в двух днях пути на восток. Первое время мы не подавали голоса. Потом я всё-таки задал вопрос, не дававший мне покоя:

— Гао, а что это за дух водится в лесу на вэйской границе?

— Почём мне знать, сударь? — усмехнулся Гао. — Я туда не хожу, с духами не вожусь. А что это вы спрашиваете?

— Ты вот сегодня платок от меня получил. Что это за платок?

— Мой платок, сударь. Вы его, видать, где-то разыскали. Да камень в него завернули, чтоб сызнова не улетел. На том наша вам сердечная благодарность.

— Ну отчего же ты, дурень, решил нас до Юмина подвезти?

— Вам разве в другую сторону? — Гао удивлённо поднял брови. — А раз в ту самую, то что бы мне вас, хороших, не подвезти?

И вся беседа.

Гао производил впечатление редкостного простака, даже болвана. Говорил невпопад, часто переспрашивал и много пел, немыслимо перевирая строчки и мотивы. Хуан Чжэлу пытался было завести с ним разговор о положении дел и настроениях в «диком краю», но добился ещё меньше моего.

— Как по-твоему, Плешивый, сумеет Шэн одолеть нашу вольницу?

— Сумеет! А вы-то как считаете, сударь?

— А я считаю — зубы обломает.

— То-то и я говорю. Куда ему!

Уже на подъезде к Юмину у придорожной кумирни нам повстречался нищий на костылях. Гао осадил лошадей.

— Этому парню я всегда подаю. Хороший малый. Давай-ка плошку!

Звякнули монеты. Калека поклонился.

— Вот только приехали вы зря, благодетель. Время не торговое, — сказал он нашему вознице. — Тут нынче бунт. Одни стараются урвать, другие — своё спасти. Чего доброго, ваши товары задаром от вас уйдут.

За неделю до этого, по рассказу нищего, известная в округе шайка во главе с Цзяном по прозвищу Цепной Молот наведалась к местному

судье, требуя не то денег, не то зерна из государственных запасов. И если ещё месяц назад судья бы безропотно согласился, то теперь, когда в «дикий край» со дня на день должны были войти войска Шэн Яня, ответил твёрдым отказом — да ещё и пригрозил разбойникам тюрьмой и виселицей. Цзян убрался, но обещал, что так просто этого не оставит.

Через день в ямыне объявилась юная особа, которая, заламывая руки, вчинила иск некоему господину Лю, владельцу закладных лавок, человеку богатому, но в селении нелюбимому. Судья со всем вниманием изучил обвинение, призвал и допросил ответчика, распорядился провести следствие и пять дней спустя объявил иск несостоятельным, а Лю — полностью невиновным.

В момент объявления вердикта истица разрыдалась, и тут в зал суда с криками «Доколе терпеть?» и «Сироту обижают!» вломились молодчики Цзяна. Повалив на землю приставов, они бесцеремонно выдернули судью из-за стола и бросили на место для подсудимого. Рядом с ним оказались и все служащие суда. Народ застыл в оцепенении. Бандиты провели собственное судилище, на котором постановили, что жадные чиновники обижали и обдирали простой народ, занимали сторону богатых и глумились над бедняками, а значит, виновны ни больше ни меньше в государственной измене. А потому «казнить их со всеми домочадцами, имущество забрать и раздать простому люду».

В селении пошли погромы и грабёж. Хранилища стояли нараспашку. Под горячую руку попадались и лавки, и частные дома, что побогаче. Над сознательными жителями, которые пытались мешать произволу, расправы чинили тут же. Тела вешали рядом с судьёй и судейскими.

— Второй день пошёл, как они куражатся, — закончил нищий. — Глядишь, скоро уйдут, тогда и поспокойнее станет. Но людям всяко будет не до ваших товаров.

— Цепной Молот! — радостно сказал Хуан Чжэлу и соскочил с повозки. — Это мой большой приятель! Уважаемый старший брат, пойдёмте скорей. Если успеем, глядишь, нам перепадёт по славному скакуну — уж я договорюсь!

Видя, что Гао собирается поворачивать коней, я последовал за Хуаном. До западных ворот Юмина мы дошли пешком. Ворота были

открыты настежь, стражи не было. В селении царила сумятица. Одни целыми семьями бежали из дома; другие, напротив, запирались внутри, как можно крепче подперев двери; третьи высыпали на улицу, желая поживиться на чужом горе. Над селением поднимался чёрный дым, и ясно было, что горит не только управа. Через пару кварталов Хуан сказал, что для спокойствия дальше пойдёт один, и попросил ждать его за столиком чайной, мимо которой мы только что прошли:

— Выпейте чашечку-другую, никуда не отлучайтесь, я скоро добуду коней!

От зрелища чинимого вокруг мародёрства ком подкатывал к горлу. И я оказывался не просто свидетелем, а чуть ли не сообщником в этом беззаконии. Какой уж тут чай?

Вдруг кто-то окликнул меня по имени…

Глава сорок вторая. Ван Чухань поджигает кумирню Благостного Просвещения, циские войска переходят границу

На улице, шагах в десяти, стоял и смотрел на меня чумазый паренёк-носильщик в кургузой засаленной куртке и с огромным тюком на плечах. Увидев, что я обратил на него внимание, он подозвал меня жестом и добавил как бы сам для себя: «Поистине удача оставляет дверь открытой!» Сказано это было с чистейшим классическим произношением, что поразило меня даже больше, чем то, что этому человеку откуда-то известно моё имя. Я встал из-за стола и подошёл к нему. Мы точно были знакомы, только памяти всё никак не удавалось нащупать подробности.

— Я Пэн Бо, — сглатывая слёзы, сказал паренёк.

Всё встало на свои места.

В гости к моему отцу на Дуншане хаживал секретарь Пэн, приятный, обходительный человек. Он приходил за советом по службе, за разъяснениями по трудным моментам уложений и классических текстов и время от времени просил как-нибудь походатайствовать о нём в делах карьерных. Иногда вместе с ним приходил сын, смышлёный мальчуган по имени Бо. Развлекать его, конечно, поручали мне. Я был старше лет на пять, и Бо, помню, смотрел на меня, как на героя, а вот я, признаться, тяготился такой навязанной компанией. Последний раз мы виделись, когда мне было пятнадцать. Секретарь Пэн стараниями моего отца получил приглашение в область Чжао и вместе с семьёй покинул родную префектуру. Всего через пару лет ему предложили должность юминского судьи, после которой он рассчитывал и на шапку префекта.

Позже я беседовал с теми, кто в тот же период или чуть раньше «отбывал» государственную службу в «диком краю». И все говорили: «Главное — перетерпеть и не попасться». А ещё ходила горькая шутка

о том, что облечённым властью на юге Чжао были дарованы три великих качества: честность, проницательность и долголетие — и каждому не более двух. Судья Пэн был человеком проницательным и рассчитывал на долголетие. Все эти годы он по мере сил уживался и с разбойниками, и с понимающими инспекторами из префектуры и области. Объявленный Шэн Янем Поход великого отмщения и появление в то же время шайки Цепного Молота ставили судью перед дилеммой. Обострять отношения с разбойниками было чревато неприятностями, но сотрудничество с ними грозило смертью и самому Пэну, и всей его родне. Рассчитывая на то, что бандиты не станут тратить время на сведение счетов, а если и пойдут на это, Юмин продержится до прихода войск, судья решил напоследок проявить принципиальность. Увы, он не знал, что для Цепного Молота опустошение юминских запасов тоже было делом принципиально значимым, и об этом будет сказано в свой черёд.

К сожалению, Шэн медлил, разбойники же, напротив, действовали дерзко и стремительно. Ямынь разграбили и разгромили в первый же день беспорядков. Подлецы убили всех, кого смогли отыскать — от супруги судьи до старого глухонемого садовника. Но детям Пэна удалось спастись и скрыться в заброшенной молельне в западной части города. Просидев в укрытии до вечера, Бо отважился выйти на разведку. Переодетый бедным носильщиком, он дошёл до ближайших ворот и увидел, что разбойники выставили караул — «чтобы ни одна крыса не сбежала из ловушки». Как оказалось, войти в Юмин было куда проще, чем выйти. Сколько ещё селение пробудет во власти беззаконников, он не знал и был очень рад внезапно наткнуться на меня.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, озираясь по сторонам.

— Путешествую с одним поручением. Я не собирался здесь задерживаться и сегодня же намерен продолжить путь на Дуншань.

Его глаза загорелись:

— Вы можете вывести нас из Юмина?

— Могу, — отчего-то уверенно ответил я. — Буду ждать вас с сестрой за этим же столиком. Приходите.

Пэн Бо покачал головой:

— Сюда мне лучше не возвращаться. Вас не удивляет, что чайная работает, когда вокруг творится такое? Это заведение всегда было под

покровительством бандитов. Даже сейчас каждая минута разговора для меня представляет опасность. Я расскажу вам, как пройти, а сам поспешу вперёд — предупредить старшую сестру.

Он изложил направление, загибая по пальцу на каждый новый поворот — их набралось как раз десять, — и попросил идти за ним не раньше, чем через четверть часа.

— А теперь отвесьте мне хороший подзатыльник да отругайте как следует, — сказал он. — Вы держитесь со мною слишком вежливо, и выглядит это подозрительно.

Я сделал, как он просил. И жалею об этом до сих пор.

До беседы с Пэн Бо мне отчего-то и в голову не приходило, что мирная чайная посреди подобного хаоса — это нечто странное. Теперь же вокруг мерещились сплошь подозрительные личности. Мне казалось, что все вокруг обсуждают меня и краем глаза следят за каждым моим движением. Едва досидев условленное время, я встал и отправился по указанному адресу.

Выйдя из чайной, я заметил в конце одной из соседних улиц кумирню. И, как оказалось позже, Пэн Бо говорил именно о ней, а замысловатый кружной путь должен был, видимо, отбить слежку. Не раз и не два я осторожно проверял, нет ли за мной «хвоста», и его отсутствие настораживало ещё больше: я думал, что не замечаю преследователей из-за собственной невнимательности или их потрясающей ловкости. Не внушали доверия и разгромленные улицы и переулки, которыми я проходил. Тут и там стайки негодяев ломали двери и окна или бранились и дрались за награбленное добро. Незаметно для себя я начал напевать себе под нос «Утреннее небо» — песню нашего поэта-земляка Го Сина на мотив «Походного марша области Шу», отчего её ещё называют «Янь — Шу». Яньцы заучивают «Утреннее небо» с раннего детства, с этой песней-оберегом (или, как я сказал бы сейчас, тяжеловатой, неуклюжей молитвой) путешественники пересекают опасные ущелья, воины заступают в дежурство и даже «кавалеры балок» — воры и взломщики — отправляются на свой недостойный ночной промысел. Вот её начало:

Милая высь, стылая высь,
Песней на песню мою отзовись.
Льдами-годами раздавлена даль,
Гибельной нитью простёгана близь.
Светлая твердь, несметная твердь,
В зеркале скверна и верная смерть.
Но не страшусь я за долю свою.
Ты мой союзник во всяком бою.

Наконец лабиринтами трущоб я приблизился к той самой кумирне. Не доходя шагов десяти, я увидел ужасающее зрелище. В луже крови и нечистот на пороге одного из домов лежал Пэн Бо. Я посмотрел по сторонам, наклонился к нему и осторожно проверил пульс и дыхание. Впрочем, если бы я видел его раскроенный затылок, можно было бы обойтись и без проверок — такая рана не оставляет шансов. Конечно, он был мёртв. Но почему его убили? Узнали в нём судейского сына? Или позарились на тюк, который он нёс? Нападди разбойники сейчас на меня в этом переулке с дубьём или топором, не спасут ни рапира, ни «доспех мертвеца».

Я быстро поднялся. Как будто тихо, но задерживаться нельзя. Знает ли барышня Пэн о том, что я должен прийти? Скорее всего, нет — брат, похоже, так к ней и не дошёл. Знает ли она о его гибели? Если да, то, возможно, она покинула прежнее убежище и сейчас ищет себе другое.

В самых тревожных мыслях я переступил порог ветхой молельни — табличка над входом гласила: «Благостное Просвещение», — притворил за собой дверь и позвал:

— Барышня Пэн?

Тишина.

Обращаясь в пустоту, я назвал себя, сказал, что сам с Дуншаня, что встретил на улице Бо и пришёл помочь.

Тишина.

Через худую кровлю в кумирню попадало достаточно света, чтобы увидеть, в какое безобразное состояние она пришла. У задней стены громоздились завалы какой-то утвари, скульптур и тряпья. На полу между побитыми истуканами лежали обломки черепицы, смердящие соломенные матрасы, осколки плошек и кости. Тут и там — кости.

Большей частью собачьи, но, кажется, я заметил и человеческие. Зловоние стояло невыносимое.

— Барышня Пэн, со мною вы сможете выйти из Юмина, — вновь заговорил я. — Бо прислал меня к вам, посчитав, что идти сюда вдвоём будет слишком опасно.

Тишина.

Я решил, что подожду ещё немного и уйду. Вполне возможно, девушки здесь нет. А если есть, но она мне не доверяет, то, начни я обыскивать помещение, она может тихо сбежать, а то и огреть меня куском всё той же черепицы. Чтобы как-то отмерить время, я снова стал напевать «Утреннее небо», решив про себя, что уйду, как только песня дойдёт до конца. В начале второй строфы голос подвёл меня, я осёкся на половине строки — и вдруг услышал из дальнего угла справа тихий голос, выводящий за мной:

— …и верная смерть…

Продолжая петь, я как мог тихо прокрался по завалам и обнаружил внушительную чугунную статую, в которой легко бы мог уместиться человек. И вправду — в её спине зиял огромный пролом, забитый старыми тряпками. Там легко могло быть и крысиное гнездо, но я отважно запустил туда руку, уверенный, что нашёл свою беглянку. Рука ушла в тряпки по локоть, затем по плечо. Неужели я ошибся?

Тут к моему горлу приставили что-то острое, и чьи-то цепкие пальцы схватили меня за запястье и заломили левую руку за спину.

— Стой смирно, а то поплатишься! — услышал я за спиной девичий голос. Его владелица старалась говорить сурово и угрожающе, но волнение и страх, конечно, пробивались наружу.

— Барышня Пэн… — я попытался выпрямиться, но она упёрла мне в спину колено. — Барышня Пэн, бросьте эти выкрутасы. В конце концов, вы не убийца, вы дочь порядочного чиновника и, разумеется, не собираетесь перерезать мне глотку этим черепком.

— Поговори у меня! — сказала она.

Остриё надавило на горло сильнее, но давление тут же ослабло, и я понял, что победил. Резко подавшись назад (и чуть не свалив на себя набитого тряпьём истукана) я высвободил шею и обе руки и опрокинул свою пленительницу навзничь. Здесь было темнее, чем на входе, но я увидел, что в руках у неё не черепок, а длинный широкий нож. Девушка боялась меня и считала врагом, и я опасался больше не за

себя (теперь-то, когда нож был не у моего горла), а за неё — мало ли какая глупость придёт ей в голову.

Теперь уже барышня Пэн уловила мою неуверенность.

— Слушай, мерзавец… — начала она громко. Вдруг дверь молельни открылась. Опасаясь, что это разбойники, я бросился к беглянке и зажал ей рот. Лезвие ножа проткнуло халат в области живота, но броня не подвела и в этот раз.

Внутрь, обмениваясь грязными ругательствами, зашли двое. С нашего места их было не видно. Не видели нас и они.

— И вовсе не тяжёлый, что ты ноешь! — сказал один, постарше. — А так бы и лежал у входа, не зайти, не выйти. Зачем такое счастье?

— Отбросил бы в сторону, — буркнул молодой.

— Чтобы потом спотыкаться? Вот ему и тюфячок! Укладывай!

— Может, ему ещё одеяльце принести?

— Делай, что велено! — Дверь закрылась. — А теперь давай-ка подожжём.

— Да ты совсем сдурел, дядя? Решил ему обряд устроить? Ты ещё над ним поминальные молитвы почитай! Ведь это кто, нешто не узнал? Судейский сынок, Бо-ворёнок!

— Вот ведь остолоп. Узнал, конечно. Молодой господин Пэн был учёный человек, хоть и сволота, как вся судейская порода. И в царстве мёртвых, конечно, устроится в канцелярию. Ты безусый, а я одной ногой и сам в гробу. Сударь Пэн, вы простите моего племянника, он дурак. А я, вы видите, я вас сжигаю чин по чину. Что вы померли у моего дома, к тому я не причастен, но вы и так знаете. Вспомните меня потом, зовут меня Ван Чухань. Лёгкой дороги, молодой сударь.

Чиркнуло огниво. Отсыревший с одного бока тюфяк никак не хотел гореть и больше дымил. Ван Чухань кряхтел и что-то бормотал, его племянник кашлял и бранился, но огонь таки занялся. Дверь снова открылась.

— Пожар устроишь, старый чурбан! — бросил на выходе племянник.

— За пожар нынче не накажут, — довольно ответил Ван Чухань. — Давно надо было спалить эту халупу. А до нашего двора тут далеко.

Я отпустил руку. По лицу барышни Пэн текли слёзы. Оттолкнув меня, она бросилась туда, где огонь лизал ещё тёплое тело её брата. Содрогаясь в рыданиях, она обнимала и целовала убитого, и, кажется, совсем не боялась пламени. Когда я попытался поднять её, она ответила, что останется здесь и сгорит вместе с ним.

— Послушайте, — я опустился рядом с ней на колени, — ведь так вы подведёте несчастного братца Пэна. Его последним желанием было спасти вас, ради этого он рисковал жизнью, как можно не принять такую жертву!

Пытаясь пробиться через стену страха, недоверия и истерики, я начал судорожно рассказывать всё, что помнил о её отце и брате, вспоминал какие-то давние мелкие истории, перечислял события, случившиеся на Дуншане незадолго до отбытия Пэнов и, наконец, выудил из-за пазухи вэйские письма дому Чхве. Лишь бы она поверила!

Звякнул выпавший из руки нож, и я решил было, что победил её сомнения, но оказалась, что девушка просто потеряла сознание — возможно, надышавшись дымом. Взяв её на руки, я вышел из горящей кумирни и как можно быстрее направился к чайной. Пройдя более половины пути, я вспомнил, что оставил рядом с телом Пэна свою трость. Но возвращаться было поздно.

Хуан Чжэлу ждал меня с парой гнедых жеребцов и о чём-то разговаривал с хозяином чайной.

— Уважаемый старший брат, я смотрю, тоже не без добычи?

— Эту девушку мы заберём с собой, — ответил я как можно серьёзнее.

— Само собой разумеется, — откликнулся Хуан. — Зря я только не попросил третьего коня.

Барышня Пэн пришла в себя только у восточных ворот, когда мы вновь спешились, чтобы пройти мимо разбойничьих караульных. С внешней стороны над воротами были развешены трупы чиновников и их семей. Барышня Пэн, не удержавшись, оглянулась и ударилась в слёзы.

— А ну стоять! — окликнул нас со стены какой-то негодяй в зелёной повязке и свежеукраденных капитанских доспехах. — Что это за девка? Почему не досмотрели? Покажите-ка её нам!

— Заткнись, — бросил Хуан. — Задержишь нас хоть на минуту — получишь в череп.

— А ну, ребята, остановить их!

Но Хуан и сам не торопился и, повернувшись лицом к воротам, начал разминать кулаки. Негодяй резво сбежал вниз и оказался в воротах:

— Не знаешь, с кем связался? Я Ночной Ястреб Лю! Отдавай сюда девчонку! Сдаётся мне, я её знаю.

Скворец медленно подошёл к нему и картинно смерил взглядом:

— Знаешь, и что с того? Я забираю её для главы совета, Коронованного Дракона. Или ты, Ночной Цыплёнок, уже не уважаешь братский совет? Может, у тебя теперь другие авторитеты? Ты это Шэн Яню скажи, не забудь — глядишь, и пожалеет всю вашу ватагу. Вам ещё из Чжао выбраться надо, ты это учти. Если в голове поместится. Уговор у меня был с Цепным Молотом. Минута твоя прошла.

Подсадил на коня меня и барышню Пэн, сел сам и, уже не глядя на ошарашенного Лю, ударил гнедого пятками: «Цзя! Цзя!»

Когда Юмин остался далеко позади и мы уже спокойно ехали рядом, он доверительно сказал мне:

— Цзян Цепной Молот — редкостная скотина. Тварь. Убил бы, если бы мог, как каналью Цзэн Фу, но пришлось улыбаться. Зачем он, по-вашему, разорил всё селение? Удрать хочет, барсучий выродок. Не

отстаивать нашу вольницу, не братьев спасать, а удрать из-под носа у нас и у Шэна. Но без припасов и взяток всех кордонов не пройдёшь, вот он и набивает мошну. Когда я явился, он порядком струхнул — решил, что в главной ставке о нём всё известно и я пришёл передать ему повестку от Коронованного Дракона. Я, конечно, подыграл, но намекнул, что готов сторговаться. Но вы не думайте, уважаемый брат, что прав давешний господин Гун и дело наше проиграно. Без таких слизней, как Цзян, и воевать проще.

Всю дорогу барышня Пэн не проронила ни слова, и я не пытался с ней заговаривать. Мы выбрали для ночлега какую-то лесную лачужку. Хуан с довольным видом достал из седельных сумок вяленое мясо, лепёшки и овощи — Цепной Молот расщедрился и на это. Мы хорошо поужинали и легли спать. Утром я обнаружил, что наша спутница пропала — вместе с одним из гнедых и всеми нашими припасами. Хуан бранился, но делать было нечего, и следующие дни мы питались кореньями и делили одного коня, благо тому хватало сил вынести и двоих.

По пути Скворец разливался речами о мощи и сплочённости разбойного братства и потчевал меня рассказами о временах минувших. Право, ему бы лучше подошло прозвище Соловей. «О, сколько их было, таких походов, досточтимый брат! — говорил он то и дело, больше, кажется, для себя самого. — Сколько губернаторских войск перемолол „дикий край“! И Шэн Янь — ещё не самый сильный противник. Увидите, как он обломает о нас зубы». И всё же хуторов и селений мы теперь избегали — в такое время каждый был за себя, и Хуан Чжэлу прекрасно это понимал. Единственным исключением стала «Чаша богатства» — придорожный трактир и одновременно наблюдательный пункт «дикого края» недалеко от циской границы. Именно там нам предстояло расстаться: утром я собирался отправиться на восток, Хуан — на север.

— Какие новости, почтенный Чжа? — спросил мой спутник, когда мы сидели за столиком, и хозяин заведения, безусловно, узнавший Хуана, сам принёс наш заказ.

— Какие вас интересуют? — Чжа расплылся в улыбке и подсел к нам.

Ещё на входе Хуан Чжэлу шепнул мне, что разбойники прозывают трактирщика Заморышем. Тот и впрямь казался неказистым, даже

плюгавым, и на подобное обращение не обижался, но, по слухам, был мастером тайных боевых искусств и, уж конечно, не дал бы в обиду ни себя, ни свой трактир.

— Не людно здесь нынче, — сказал он, когда мы выпили по чаше вина. Действительно, в зале, кроме нас, никого не было. — Неделю назад не продохнуть было от вольных братьев, а теперь всех как ветром сдуло. На заставах-то почти никого не осталось. Правда, на Босу ещё сидят дозорные — утром вон звонили.

Разбойничья застава на пике Босу была устроена в даосском скиту, вырубленном прямо в скале и известном как обитель Ясного Звучания. В отличие от названий многих святилищ и монастырей, уводящих в иносказания и метафизику, это воспринималось местными жителями предельно конкретно. В скиту находилась коллекция колоколов, изумительных по чистоте звука, и каждый день в положенные часы их голос разливался по всей округе. Изгнав отшельников, бандиты, разумеется, сняли бы и драгоценные колокола, если бы не суеверия и строжайший приказ братского совета: оставить их на месте и приспособить под собственные нужды. Понимать разбойничий перезвон умел не каждый, но Заморыш Чжа в нём, конечно, разбирался.

— Кажется, началось, — сказал он и со значением кивнул Хуану. — Войско у границы цисцы собрали без проволочек, постояли, поиграли с нашими в гляделки, а нынче перешли в наступление. Говорят, сами перешли, Шэна не спросившись. Под видом наших молодцов разграбили какую-то свою деревеньку, дома пожгли, а потом и заявили: «Терпение наше на исходе. Временить нельзя, надо давать отпор». Сейчас дошли до Цзяоли и встали лагерем. Ну, так говорят.

— Откуда ты ещё слухи получаешь, при пустом-то кабаке? — рассмеялся Скворец, но взгляд у него стал тревожный.

Как будто ответом на его слова послышались шаги.

— Есть у меня трое постояльцев, — шепнул Чжа и встал из-за стола. — Руку даю на отсечение — «пурпурные лотосы». Не знаю, чем они тут заняты, но не хочу и знать.

Вошедшая компания увлечённо беседовала и поначалу, кажется, вовсе не обратила на нас внимания. Их разговор я слышал обрывочно и здесь приведу лишь один кусочек — реконструируя его по мере сил и опуская то, что было мне совершенно неясно.

— И голову ломать не стоило. Конечно, это не губернаторские, — сказал один из них, подразумевая, как я понял, вошедшие в Чжао войска. — Шестой Дин сегодня был там и некоторых даже узнал в лицо. Это ребята горного деда.

— Я их видал, — присвистнув, откликнулся второй. — А ведёт их Дуань или генерал Чжан?

— Чжан, но он как будто не уверен, что делать. Во всём полагается на присланного советника, который с ним в Цзяоли. Местные зовут его Хромым Упырём. Но Шестой клянётся, что видел раньше его портрет. А Шестому, знаешь, можно верить.

— Где видел-то?

— В Луаньху, в святилище у памятной арки.

Из сказанного я заключил, что цисцы (вероятно, не без участия генерального инспектора Чэня) решили отправить авангардом не свои войска, а более готовых и кстати подоспевших удальцов из дуншаньской слободы. Личность «Хромого Упыря» вкупе с упоминанием Луаньху сомнений не оставляла — военным советником циского командующего был не кто иной, как странствующий администратор Ли. Такое известие очень меня обрадовало: заботы о том, как пересечь границу и доказать непричастность к разбойничьим бандам, отпадали сами собой, а если повезёт, я мог бы даже спасти Хуана (всё-таки я многим был ему обязан). До Цзяоли от «Чаши богатства» не так далеко. Загоняя коня, я оказался бы там в считанные часы.

И в то мгновение, когда мне пришла в голову эта мысль, громко запела Звёздная Цитра.

Глава сорок третья. Древний путь пронзает гору, колокола обители Ясного Звучания звенят в последний раз

Разговоры смолкли. Звучание Звёздной Цитры не было похожим ни на что, но если требуются сравнения, скажу, что в нём одновременно слышались стрёкот сверчков, и потрескивание огня, и рёв зимнего бурана, и писк летучей мыши — поначалу почти незаметный, но со временем обращающий на себя всё больше внимания. Как нужно было поступить? Выйти вон, а ещё лучше — тут же выехать в Цзяоли. Вместо этого я вытащил Цитру из футляра (отчего звук стал ещё отчётливее) и стал искать заветную клавишу, о которой говорил Вэйминьский князь.

Трое «лотосов» встали из-за стола и с любопытством подошли к нам. Лицо одного из них, гладко выбритого крепыша со шрамом, было знакомо. Я как будто видел его прошлым летом — в банде «Рю Тонхёка», которая спасала нас от гуйшэней, а затем эскортировала до Сяояня. Не здесь ли и остальная банда?

— Что это у вас, судари? — спросил он, чуть ли не нависая над нами, и мне почему-то показалось, что эти люди знают ответ лучше меня.

— Катитесь-ка отсюда, милейшие, — огрызнулся Хуан Чжэлу. — Не видите — сувенир из Баопина!

— Знатная вещица, — похвалил другой «лотос», высокий и тощий. — Только сбыть её трудно. Если не хотите, чтоб она у вас дома лежала, помогу пристроить.

Я нажимал на всё подряд, но Цитра не унималась.

— Вашу долю отдам хоть сейчас, сторгуемся, — продолжал предприимчивый «лотос». — А с такой-то стрекоталкой вы далеко не уйдёте.

— А нам далеко и не надо! — ответил я и, наконец, заставил инструмент замолчать.

Цитра вернулась в чехол, но непрошеные собеседники так и стояли рядом и рассуждали о том, как это некоторые упускают выгоду, даже если им её подносят на блюдечке. Только после окрика и угрожающего жеста Хуана они ретировались: двое вышли за дверь, а третий остался внутри и сверлил нас взглядом из-за дальнего столика. Я понимал уже тогда, что «лотосы» так просто от меня не отстанут, но и теперь попусту терял время, ковыряя палочками миску лапши с овощами. Наконец Хуан Чжэлу вывел меня из ступора:

— Эти проходимцы совсем выбили вас из колеи, досточтимый брат. На вас лица нет. — И значительно громче добавил: — Хотите ли, я сейчас же пойду к этому мерзавцу да вышибу из него наглость и остатки крысиного мозга?

«Лотос» подобрался, Заморыш Чжа посмотрел из-за стойки с лёгким упрёком, а я покачал головой и как можно тише ответил, что с «Течением девяти принципов» шутки плохи, а я уже несколько раз перешёл этим людям дорогу. Мы даже не знали, сколько их поблизости на самом деле, и единственным решением было немедленно бежать в расположение циских войск.

— Ты проводишь меня в Цзяоли, братец?

Разбойник с сомнением посмотрел на меня, но после долгой паузы кивнул.

— Почтенный Чжа, прибереги для меня сегодня комнату, мне надо проводить старшего брата! — сказал он трактирщику, и мы вышли в передний двор.

Наш бедный скакун, так и не успевший как следует отдохнуть, стоял ещё не рассёдланный. Хуан подсадил меня в седло и вывел его под уздцы. Место, где стояла «Чаша богатства», напоминало среднюю часть тыквы-горлянки: на юго-востоке горы и рощи тесно обступали дорогу, чтобы расступиться ближе к Цзяоли; к северу, напротив, становилось просторнее, но, как объяснил Скворец, опять же до поры — пока путь не приводил к разбойничьей заставе. Если бандиты всерьёз захотят держать оборону, войскам генерала Чжана пробиваться будет непросто.

— А ещё тут есть подземные ходы, всего расположения которых не знают даже старшие атаманы, — довольно произнёс Хуан.

Вдруг с юго-восточной стороны показались четверо или пятеро всадников. Кто это? Головорезы Коронованного Дракона или циские разведчики? Каким-то чудом я разглядел одного из них и узнал в нём того самого «инспектора путей сообщения», которого в моё первое путешествие слуги прозвали «благородным разбойником Рю». Значит, это подкрепление «лотосов», и путь отрезан.

Хуан Чжэлу лихо запрыгнул на коня и ударил его пятками:

— Скачем в Босу! Наши помогут.

Откажись я тогда же, всё могло бы сложиться совсем иначе.

Хуан торопил гнедого нещадно. Всё время этой лихорадочной скачки я боялся не удержаться и упасть — и всё же посматривал через плечо на всадников позади нас. Те, хоть и прилично от нас отставали, не ослабляли преследования. Неужели Звёздная Цитра представляла для них такую ценность? Или это просто охотничий азарт, родившийся из самой гонки? А может, они охотятся вовсе не за Цитрой, а за мной самим?

От того, что рассказывали о «Течении девяти принципов», кровь стыла в жилах. Говорили, что своих отступников «лотосы» заживо варят в котлах, а врагов опаивают наркотическим «зельем трёх зол». Вначале человек становится безвольным и податливым, и из него выуживают все сведения, какие только можно узнать, и это первое зло. Второе вступает в действие следом: жертва начинает испытывать неистовые мучения, и ей внушают, что единственный способ избавиться от боли — это сделать то, что поручат «лотосы». Боль на время утихает, позволяя исполнить предписанное, но время от времени её адское пламя пронизывает тело, напоминая человеку, зачем он теперь живёт. Наконец, когда миссия завершается — успехом или провалом, — происходит третье зло: несчастный мгновенно погибает.

От кого-то из удальцов капитана Дуаня я слышал в детстве рассказ о тайной крепости-монастыре «лотосов», где ему якобы довелось побывать, и в памяти вставало яркое описание «галереи ужасов» наподобие даосских. Изображения посмертных мучений должны напоминать нерадивым о том, сколь пагубен грех, но если даосы больше полагаются на картины, то в галерее «Течения девяти принципов» в самых неестественных позах и с ужасом на лице вперемежку стоят ростовые скульптуры и фигуры настоящих людей, сохранённые от разложения искусством врачей, достойным много

лучшего применения. Вспоминались и другие рассказы, упомянуть о которых будет уместнее позже, но именно мысль о том, что мне уготовано стать чучелом (не иначе как иллюстрацией к греху самонадеянности), пронеслась у меня в то мгновение, когда наш конь, сломав ногу, рухнул на камни — и мы вместе с ним.

До Босу оставался добрый десяток ли, и кавалькаде «Рю» нетрудно было бы нас догнать, даже сменив галоп на рысь, но Хуан, помогая мне подняться, заверил, что «всё почти хорошо», и без спешки отправился к придорожной груде валунов.

Погоня приближалась. Скворец, уперев ладони в колени, рассматривал камни, приговаривая: «Здесь главное не ошибиться». Затем сел на корточки и по локоть просунул руку между валунов. Послышался щелчок, и тут же с грохотом и скрежетом отошли в сторону две каменные глыбы, открывая колодцы подземных ходов справа и слева от нас. Разбойник выпрямился и принялся бормотать какую-то скороговорку, попеременно указывая то на один, то на другой, и в итоге остановился на правом.

Преследователи были совсем близко.

— А теперь, уважаемый брат, поторопимся!

Мы вместе нырнули в колодец, и глыба сверху вернулась на прежнее место. Темнота стояла кромешная, и Хуан для верности подал мне руку, а сам двинулся вперёд, простукивая стену и мурлыча детскую считалку:

Пара тигров, пара тигров —
Как бегут, как бегут!
Но один безухий, а другой бесхвостый —
Ну и ну, ну и ну!

— Не самое время для песен, — недовольно сказал я.

— Иначе не получится.

Вдруг рядом с нами что-то лязгнуло и с грохотом ударилось о каменную стену.

— Всё помню! — довольно произнёс Хуан.

Мы ощупью забрались в просторную металлическую клетку — и вдруг с таким же лязгом устремились куда-то вперёд и вниз, в сердце горы.

— Это удивительное приспособление! Его нужно видеть при свете, но, увы, приходится добираться вот так, — говорил мой спутник свозь шум. — Второй колодец, буде вам интересно, ведёт к верной погибели, и если ваши недоброжелатели туда сунутся, считайте вопрос решённым. И даже если они знакомы с этим маршрутом, мы всё равно впереди, а подземная тележка только одна. Пока мы едем вниз, им придётся ждать наверху. Если чего и бояться, так это того, что цепи не выдержат и мы ухнем в бездонную пропасть. Но за последние триста лет такого, говорят, не происходило.

Вот это да! Стало быть, наши предки оборудовали подземелье (и, как говорил Хуан Чжэлу — напичкали его ловушками) ещё в правление Первого Лидера, а может, и задолго до него. Как я жалел, что мы едем без фонаря или факела! Полушутливый рассказ Хуана больше раздражал: описывая шахту, разбойник то и дело говорил о ремнях, цепях и зубцах, но так, что становилось неясно, повествует ли он о виденной механике или на ходу придумывает, как должен выглядеть путь в преисподнюю.

Мы двигались вниз — теперь уже просто летели — всё быстрее. Когда-то, рассказывал Хуан, к концу пути тележка заботливо замедлялась, но эта часть механизма вышла из строя раньше прочих, и без надлежащей силы и сноровки подземные путешественники рискуют переломать кости. Следуя совету Хуана, я обхватил его за пояс, сам он продолжат держаться за прутья решётки. Остановка была действительно малоприятной — клетка со всего ходу натолкнулась на какое-то препятствие, и её отбросило назад.

— Ничего, — успокоил Скворец. — Потелепается да и встанет. Опаснее если ваши неприятели и впрямь спустились в нужный проход и вызвали тележку. Прошу вас не мешкать, выходим вместе.

Едва мы покинули клетку, как она, лязгнув на прощание, со скрипом поползла наверх. По-прежнему ничего не было видно, но Хуан, напевая «Пару тигров» и простукивая стену, уверенно вёл меня вперёд. Здесь, объяснял он, даже будь у нас факел, зажигать его было бы опасно. Через десяток шагов мы стояли уже в другой клетке.

— Сейчас будет поспокойнее, — сказал разбойник, наваливаясь на рычаг в полу. — Это подъёмник. Не сорвёмся — будем жить.

Клетка вздрогнула и пошла вертикально вверх, на этот раз значительно медленнее. Чтобы отвлечь меня от недобрых мыслей,

Скворец рассказывал о том, как сам несколько месяцев назад впервые познакомился с подземной дорогой и некоторое время старался пользоваться ей как можно чаще и запомнить всё как можно лучше:

— У меня тогда был хороший учитель, слепой Биюй, знававший ещё моего отца. Ему под землёй приятнее было, чем наверху. Где-то здесь он, говорят, и валяется: зацепился халатом — и поминай как звали. Но и то дело, что меня научил: всё не зря пожил.

Была и ещё одна шахта, она выходила по ту сторону Босу и позволяла миновать заставу низом, но пять лет назад кто-то из атаманов, желая показать удаль, на спор покорёжил железную клетку — произошло крушение, погиб и сам горе-силач, и половина его шайки. Излишне и говорить, что пользоваться шахтой стало невозможно. После того случая многие из тех, кто прежде ездил под землёй, перестали туда соваться; те же, кто продолжил, зареклись шутить с древней механикой. И просить Хуана как-то заблокировать подъёмник по прибытии я не отважился.

Не знаю, сколько времени мы пробыли в недрах горы, но когда выбрались на свежий воздух, я подумал, что снаружи, если и светлее, то не немного. Небо успело затянуть тяжёлыми тучами — ни лун, ни звёзд. Мы находились неподалёку от разбойничьей заставы. Кто бы мог подумать, что шахта выведет чуть ни не к самому пику. Как и под землёй, я не отпускал руку Хуана: слишком коварными и опасными казались уступы. Наконец, встав перед отвесной каменной стеной, он трижды по ней постучал. Скалу разрезала полоска света:

— Кто тут шляется?

Хуан расхохотался:

— Свиные утробы! Так-то вы несёте дежурство? А если бы вместо меня были губернаторские выродки?

— Скворец! — ахнул встретивший нас бандит и раскрыл дверь шире, пропуская нас на каменную лестницу, ведущую вверх. — Мы-то думали, из вашей оравы никого не осталось! Твоя правда, что-то мы тут заговорились и задумались не о том…

— Надумались — и хватит. За нами погоня, ухо теперь держите востро!

Мы прошли в просторный каменный зал. Когда-то здесь проходила вся жизнь отшельников. Надпись у входа гласила: «Приют скудости». Подходяще: небольших окошек-бойниц днём едва хватало для

освещения, а тепла жаровни — для обогрева, особенно в холодные месяцы. Сейчас здесь дежурили трое разбойников: один отсыпался под грудой одеял, двое других (включая того, который нас встретил) за скромной полночной трапезой играли в кости. Хуан представил меня как своего земляка, побратима и молодчика из какой-то шайки, полегшей под Баопином, и, наслаждаясь расспросами, принялся рассказывать о героическом штурме поместья, присовокупляя эпизоды, которых, разумеется, не видел, — в том числе колоритно описал расправу неизвестных подлецов над героическими бандитами.

— Едва ушли, — говорил Скворец. — Кто нас позвал, тот нас и предал. Помните, как мы грезили княжескими сокровищами? Так вот единственное сокровище, которое я оттуда унёс — моя собственная жизнь!

— Скоро и её может не остаться, — буркнул в ответ один из бандитов. Он тоже кутался в одеяло, но я обратил внимание, что на нём даосский халат, и ещё подумал про себя, не принадлежал ли тот кому-то из разогнанных отшельников. — Свезло вам, ребятки, необыкновенно. Мы на Босу последняя смена. Утром уходим отсюда на север, атаманы силы стягивают. Ну, стало быть, пойдём все вместе.

Хуан кивнул, но в мои планы это совершенно не входило. Скворец (и это было видно) успел снискать в «диком краю» уважение, и сейчас его поручительства мне было достаточно. Но как я наутро откажусь от предложения бандитов следовать в их ставку? И даже если смогу с ними не пойти, как останусь один, когда вокруг снуют «лотосы», а администратор Ли знать не знает, что я здесь?

— Бедолага Чжа, — бросил «даос».

— А что ему? Заморыш скучать не будет, — хохотнул его сотоварищ, встречавший нас в дверях. — Мы ему с утра потенькаем, а он уж смекнёт, как быть, пока всё не успокоится.

— А где у вас колокола-то? — спросил я хрипло, подделываясь под корейца. — Скворец рассказывал про колокола, но что-то не видать.

— Напоследок можно и показать, — усмехнулся всё тот же бандит. — Хотя обрыдли уже совершенно.

В углу зала, за тряпьём и тяжёлой железной плитой, был вход на крутую лестницу в два пролёта. Она выводила на колокольную площадку. Жаркими летними днями разбойники предпочитали дежурить именно там: обзор заметно лучше, вместо бойниц —

широкое окно чуть не во всю стену с видом на всю южную сторону, может, до самого Цзяоли. Но моё внимание, разумеется, привлекли массивные трёхъярусные стойки с колоколами. Даже после рассказа о драгоценности Босу я был потрясён — я не ожидал увидеть здесь, в пустынных горах, собрание, достойное губернаторской филармонии: сорок пять колоколов от мала до велика, каждый с обозначением тона и тончайшим литым орнаментом; к каждому ярусу — молоточек своего размера; над стойками по камню — наставления из трактата о музыке.

Видя, что зрелище произвело на меня впечатление, разбойник похлопал самый тяжёлый басовый колокол по бронзовому боку и с видом знатока сказал:

— Хороши голубчики, а? Только неподъёмные, заразы. Мелюзгу завтра снимем да унесём, тут и вы подсобите. А которые покрупнее — вон, вниз полетят, чтобы крысам не достаться.

— Как можно? — выдохнул я.

— Скворец, видать, начирикал тебе в уши, он это умеет. Что ж ты, веришь, что мы сюда ещё вернёмся? — Он конвульсивно закрякал, вроде как опять засмеялся. — В общем, хочешь любоваться —

любуйся. Фонарь я тебе оставлю. Ты только с ним перед окошком не ходи, чего доброго поскользнёшься, упадёшь, голову сломаешь.

И ушёл, посмеиваясь, как будто сказал что-то очень остроумное.

К тому моменту у меня уже созрел план. А после слов разбойника о колоколах я понял, что исполнять его нужно немедленно, с утра возможности уже не будет. Я отыскал на площадке самый пыльный угол и набросал в пыли хорошо знакомые строки:

Колокол дрогнет на пике Босу — слышит его Цзяоли.

Дрогнет сердечко любимой моей — слышу на крае земли.

Пусть начало будет правдой, а не просто поэтическим образом! Я постарался напеть это, как Юань Мин: три четверти от «Огонька над пропастью», а завершение из «Элегии Чуской поймы», — и стал записывать мелодию, вспоминая добрым словом школьного учителя музыки: ради его приключенческих рассказов мы готовы были уделять нотной практике вдвое больше времени, чем изучению классической литературы. Разве что в школе подобранную мелодию разрешалось один раз отрепетировать с ошибкой, а здесь репетиция могла стоить концерта.

Пройдясь вдоль стоек и выбрав подходящую октаву, я, наконец, сделал последнее приготовление — надломил ампулу-змейку Лян Тобэя и щедро смазал ядом свой клинок. Даже если ненужные и неблагодарные слушатели будут подходить по одному, я едва ли справлюсь с ними в равном бою…

Пора!

Я поудобнее взял молоточек и начал играть. Первые звуки шли торопливо, я боялся не успеть довести мелодию, но уже с середины строки, зачарованный акустикой, словно слился с музыкой и не мог нарушать темпа. Казалось, весь мир в этот момент становится колокольным звоном, и было жаль, что в запасе у меня не так много времени. Я исполнил мелодию дважды и даже удивился, что разбойники позволили мне это сделать. Наконец на лестнице зазвучали шаги. С оружием в руке я бросился туда, готовый нанести удар первым, но там был Хуан Чжэлу.

— Что же вы такое делаете? — спросил он ошарашенно — и, похоже, не обращая на мою рапиру никакого внимания.

Почему-то (и откуда только взялась эта мысль!) мне тогда захотелось поговорить с ним начистоту. Расставить всё по местам.

Дождавшись, пока он поднимется, я сказал, что не горю желанием ни отступать с бандитами на север, ни безвременно оставаться здесь, и в завершение высказал, чтó думаю о «диком крае» и его дальнейшей судьбе. Хуан Чжэлу слушал как будто серьёзно и внимательно. Потом произнёс:

— Я, пожалуй, останусь с вами, чтобы вы опять музицировать не начали. В противном случае вас просто выбросят из этого окна. На первый раз такую выходку можно объяснить восторгом, но во второй наши будут круты на расправу.

Но уже в следующую минуту снизу послышался шум. И очень скоро стало ясно, что это шум драки. Хуан попросил меня в его отсутствие не делать глупостей и проворно спрыгнул в лестничный проём. Через несколько секунд я услышал его крик, обращённый, должно быть, ко мне: «„Лотосы“!»

Я примостил на лестнице фонарь таким образом, чтобы хорошо видеть того, кто будет по ней подниматься, и стал ждать. Вскоре на ступенях показался крепыш из банды «Рю», лицо было закрыто платком, но я узнал его по шраму. Один выпад — и он рухнул вниз. Тот, кто пойдёт следом, едва ли будет так же беспечен, и всё-таки высота и теснота лестницы — на моей стороне.

Поначалу я ждал напряжённо, прислушиваясь к звукам внизу. Затем крики и шум затихли. Несколько минут прошли в полной тишине, и я решил, что всё уже закончилось, а мои противники и условные союзники перебили друг друга, как вдруг справа до меня донёсся лёгкий шелестящий звук. Я повернулся и увидел у окна высокую чёрную фигуру в плаще. Насколько же легкомысленно с моей стороны было считать колокольную площадку надёжным и неприступным местом, ведь этот человек, безусловно, поднялся сюда по горным уступам! Зрелище было настолько драматичным, что секунду или две я был парализован ужасом. Затем отступил в узкий проход за колокольными стойками, решив, что мне нужно нанести противнику всего одну рану, а для этого — стеснить его, насколько возможно.

— Прячешься в щель, как мокрица, — презрительно сказал он, обходя меня по широкой дуге и скидывая плащ. В руке у него оказался длинный меч. — Но я тебя всё равно раздавлю. Я раздавлю вас всех.

Он внезапно бросился вперёд и сделал выпад между колоколами. Я вовремя отскочил и тут понял, что действительно загнал себя в щель и оставил себе возможность лишь уходить от ударов, но никак не наносить их своему визави. Тот меж тем не давал мне отдыха: выпады шли один за другим, иногда сопровождаясь гудением задетого колокола, но чаще — в полной тишине. Все мои попытки выбраться из западни тут же пресекались, и потребовалось какое-то время, прежде чем мне пришло в голову варварское, но, в общем-то, простое решение. После очередной атаки я упёрся спиной в стену и ногами опрокинул стойку на противника. Возникшей заминки хватило, чтобы я вновь оказался на лестнице — если бы у него оставались союзники, они давно были бы здесь.

Оказавшись в «Приюте скудости», я хотел было вновь закрыть лестницу железной плитой, но та была слишком далеко — один из разбойников, теперь уже мёртвый, пытался использовать её в качестве щита. На этот раз мой противник не стал удивлять эффектным появлением и спустился по той же лестнице. Я приготовился нанести удар, и тут в свете фонаря заметил у него вышитый оберег — совсем как мой. Сознание пронзила неожиданная мысль.

— Чжуан Дэшэн! — громко и отчётливо сказал я.

Противник застыл. Как и убитый мною бандит «Рю Тонхёка», он был весь в чёрном, нижнюю часть лица скрывала повязка, и я, конечно, не видел его лица, но в глазах сейчас читалась растерянность. Я понял, что и он разглядел оберег у моего пояса, — и, прежде чем он сделает совсем не нужные выводы, продолжил:

— Не двигайся! Мой клинок отравлен. Один удар — и я не смогу передать Мэйлинь хорошую новость. Она жива, Дэшэн, и вы, конечно, встретитесь.

Он сдёрнул с лица повязку, и я увидел перекошенный нос и несколько шрамов на правой щеке — почти таких же, как у меня. Картина дорисовалась сама собой. Пронзённый мечом и брошенный посреди горящей деревни, Чжуан Дэшэн не погиб. Слетевшиеся на поживу стервятники «Девяти принципов» нашли умирающего на пепелище, выходили и приняли к себе. Несчастному нетрудно было принести обеты и расстаться с прежней жизнью. Единственное, что от неё осталось — это лютая ненависть к разбойникам «дикого края».

Возможно, именно из-за этой ненависти «пурпурные лотосы» сейчас решились штурмовать заставу на пике Босу.

— Кто ты такой? — спросил он и опустил свой меч.

— Мой покойный отец был названым братом учителя Яо. И древность, за которой вы охотитесь и из-за которой готовы меня убить, была завещана моему отцу, а ныне будет доставлена его побратиму. О большем тебе едва ли следует знать.

Чжуан Дэшэн медленно кивнул и тут же вновь взбежал по лестнице. Я не стал подниматься за ним. Я знал, что он исчезнет.

В каменном зале лежали восемь бездвижных тел, среди них — окровавленный Хуан. Он был ещё жив. Я перетащил его с холодного пола на одеяла и, приподняв его голову, влил в рот несколько капель терпкого вина из фляги.

— Старший брат снова спасает никчёмного Чжэлу, — слабо улыбнулся разбойник. — Так вы тогда звонили своим друзьям в Цзяоли?

— Да, — ответил я. — Я уверен, что меня услышали.

— Как хорошо, — сказал он и умер.

Больше часа, а может, и двух, я просидел рядом с его телом, вспоминая все те опасности, через которые мы прошли вместе. И очнулся, лишь услышав шаги и голоса на нижней лестнице.

— Успели! — радостно пробасил первый из нововошедших. Он нёс в руке горящий факел, и я узнал в нём «князя Чандана».

Вошедший следом бросился ко мне. И, право, я никогда не видел его таким. Передо мной был администратор Ли — в кавалерийском шлеме и латах, с алым плащом на плечах и палашом у пояса.

— Вы один? — встревоженно спросил он, помогая мне подняться. — Где господин Юань?

— Господин Юань убит разбойниками в Баопине, — ответил я и кивнул на меч, лежащий на полу: — А это оружие, от которого он погиб.

Ли смотрел на меня в оцепенении. Затем, как мне показалось, дрожащими руками взял чуский меч и поднял его, чтобы рассмотреть получше.

— Так вы были в Баопине? — наконец продолжил он.

Я вкратце рассказал ему о прошлогоднем визите Лю Яньтая, о Звёздной Цитре, которую Вэйминьский князь обещал моему отцу, о

гибели «господина Белой Шляпы» от руки Хуана, о том, как тот помог мне выбраться из поместья и пройти «диким краем» и этой ночью погиб в битве с «пурпурными лотосами».

Старый индиец, не вмешиваясь в нашу беседу, сейчас давал распоряжения другим вошедшим воинам — все они, как я понял, были его сородичами из Цинбао. Они обыскали обитель и уложили в ряд найденные тела погибших. Обойдя их вместе с администратором Ли, я невольно вскрикнул: примеченный мною на одном из разбойников даосский халат на самом деле был мне хорошо знаком. Это был походный халат У Чжайбо с его характерной вышивкой: журавли, облака и чередование триграмм и иероглифов по алой кайме. На вопросительный взгляд Ли я сходу сочинил историю о том, что видел это одеяние в баопинской коллекции, но не успел расспросить о нём князя.

— Неужели? — произнёс странствующий администратор и приказал индийцам снять халат с разбойника и отдать нам.

Рассматривая его, я незаметно прощупал то место, где должен был находиться кожаный пакет с тетрадью учителя Яо. И, судя по всему, он оставался там же.

— Взгляните сами! — я передал халат Ли. — Не исключаю, что с ним сопряжена какая-то тайна. Иначе высокородный князь не стал бы тогда обращать на него наше внимание.

И именно таким образом карты и чертежи, связанные с крепостью Антей попали к Ли и господину Чхве.

Глава сорок четвёртая. Пять воинств уничтожают разбойничью вольницу, по горной стране проходят гонения на книжников

Обратный путь шёл поверху. Господин Ли, безусловно, знал о ловушках и опасностях Босу и отрывисто раздавал команды. Мы двигались конными по двое, всего восемь человек: впереди странствующий администратор и я, за нами пятеро индийцев и кто-то из мастеров фехтования гостевой слободы. Ночь была уже на исходе, когда мы вновь подъехали к «Чаше богатства». Ли попросил меня ещё раз пересказать обстоятельства нашей встречи с «пурпурными лотосами», а затем, обернувшись к остальным, приказал перекрыть входы и выходы из трактира и обыскать здание и окрестности.

Поднятый с постели Заморыш Чжа не протестовал и сам охотно показывал пустующее сейчас заведение, где не осталось даже прислуги, и рассказывал о сомнительных постояльцах, гостивших у него до последнего дня. При этом трактирщика как будто и не смущало, что вечером он видел меня в компании Скворца, а сейчас — с губернаторскими войсками и явно не на правах пленного. Я не знал, какое место он занимает в разбойничьей иерархии и какие имеет представления о верности «дикому краю», но на всякий случай старался держаться от Заморыша подальше и не подставлять ему спину и затылок.

Сам я в обыске и допросе не участвовал, но понимал суть происходящего: господин Ли знал, что Цитра пробудилась не сама, и искал то, что вернуло ей голос. Когда мы, пройдя по комнатам, возвратились в столовый зал, там стоял Лао Чандан. Обращаясь почему-то ко мне, он по-военному доложил, что за задней оградой найден подземный ход.

— Идём! — откликнулся администратор Ли. — Ни к чему больше не прикасайтесь, это может быть смертельно опасно. Приостановите

обыск, никто не должен стоять по одному.

Шагах в пятидесяти к северу от трактира, у такой же груды валунов, как та, от которой несколько часов назад началась наша с Хуаном подземная поездка, зиял широкий провал. Лао Чандан, указывая на какие-то следы и приметы, сказал, что ходом, несомненно, пользовались совсем недавно. Ли уважительно кивал, и я склонился к земле, чтобы разглядеть, что же именно бросилось им в глаза, — и вдруг увидел то, что, похоже, ускользнуло и от моих наблюдательных спутников. У самых моих ног лежала ярко-зелёная гранула, даже при свете фонаря этот цвет нельзя было перепутать ни с каким другим. «Черепаший камень».

— Кровь Ханыля, — сказал я, поднимая находку на кончике пальца.

Глаза администратора Ли сузились:

— Вперёд, спускаемся вдвоём. Вы, — обратился он к Лао и индийцам, — ждите снаружи. Проход не должен закрываться. Будьте готовы прийти на помощь.

Искусно вырубленная в скале винтовая лестница привела нас в широкий коридор. Пройдя всё те же пятьдесят шагов, но уже на юг, мы оказались в тупике. Ли посветил на стены и в правой обнаружил три ниши-розетки: в глубине каждой на расстоянии кисти руки виднелась резная звериная голова, держащая в пасти нечто вроде кнопки. Вне сомнения, одна из них открывала потайную дверь, а две другие несли скорую смерть. Странствующий администратор вынул из-за пояса железный щуп на широком кольце и с силой вонзил его в среднюю пасть.

— Ваша подсказка очень пригодилась, — сказал он. — На клыках у этой зверушки — характерный зелёный налёт.

Тупик сразу перестал быть тупиком. Мы прошли на юг ещё шагов десять — больше, пожалуй, для порядка. Я был более чем уверен, что спугнул «лотосов» своим появлением, а тем более колоколами, и в их подземном кабинете не окажется ничего, кроме всё той же пыли «черепашьего камня», на которую мы уже перестали обращать внимание. Собственно, и не спускаясь вниз, можно было сделать всю цепочку выводов, важные звенья которой я получил ещё в конце прошлого года, в разговоре с учителем Яо и Барабанчиком о крепости Антей.

Звёздная Цитра пела в столице просто потому, что там, как и в древней крепости за туманом, есть генератор, подобие алхимической печи, раздающее эфирную энергию сложным устройствам вокруг. Какие ещё устройства наших предков продолжают работать в Тайцзине? Возможно, к ним относятся и каменные хранители у столичных ворот, и остаётся только гадать, почему и как неподвижные стражи (бодрствуй они в тот момент, когда мимо проходили я и Су Вэйчжао), беспрепятственно пропустив меня, погубили бы архивариуса. Но если тогда «Течение девяти принципов» узнало, как усыпить устройство, лишив его энергии, то теперь, не иначе, сумело раздобыть или даже воспроизвести и удачно опробовать сам генератор. И топливо для него получают из пресловутого «черепашьего камня».

Коридор привёл нас в пустую комнатку, наскоро подметённую незадолго до нашего появления. Впрочем, и сейчас можно было судить о том, что в средней её части до недавнего времени стояло нечто с квадратным основанием стороной в четыре локтя. Более — ничего. Комнатка находилась под самым трактиром. Неужели почтенный Чжа всё это время не слышал, как внизу работают «лотосы»? Мы вернулись в «Чашу богатства», чтобы задать её владельцу ещё несколько вопросов, но он словно испарился.

При своей осведомлённости Ли понял гораздо больше моего, но на слова был скуп. Делиться своими мыслями не стал и я, сейчас это могло бы вызвать лишние подозрения, тем более что в записях об Антее, зашитых в халат Барабанчика, как раз содержались рассуждения об энергиях и генераторах.

Бурлящая смесь чувств — опасности, спешки и азартного любопытства — схлынула, оставив мне мысли о судьбе Минхёка и У Чжайбо. С ними произошло что-то ужасное, но мне до последнего хотелось верить в лучшее, в то, что мы найдём их где-то в «диком краю», — и я, разумеется, отверг предложение Ли немедленно вернуться домой, твёрдо решив остаться с циской армией. В конце концов, как владелец Цинбао, пусть даже и номинальный, я был связан с областью Ци не меньше, чем мои индийцы и тем более администратор Ли.

Как вообще они все оказались сейчас в Цзяоли? Из более поздних разговоров мне удалось восстановить картину событий. После нашей последней встречи в Сыту администратор Ли так и не возвращался на

Дуншань. Не сомневаюсь, что ещё тогда он знал о готовящемся нападении на поместье императорского дяди, и мог предположить, кто за этим стоит и какие будут последствия. В «диком краю» работали лучшие сыщики слободы, в том числе Цзани, эффектно разыгравшие нас при той встрече в змеином лесу на границе с Вэй. В новогодние праздники в Цинбао прибыла первая партия слободских — среди прочего, лучшие удальцы Дуаня, несколько учителей фехтования и администратор Ли. Он уже получил известие о том, что в имении находятся две сотни беглых индийцев, и успел включить их в свой план. Началась подготовка новой «добровольной стражи» — теперь уже не для борьбы с гуйшэнями, а для сведения счётов с разбойниками, — и вчерашние «преступники», не очень-то полагаясь на новые документы, были более чем готовы доказать свою чистоту перед законом с оружием в руках.

В дальнейшей истории не могло обойтись без генерального инспектора Чэнь Шоугуана. Кто, как не он, представил цискому губернатору вполне боеготовых добровольцев и посоветовал, покуда мешкают остальные (включая Шэн Яня), найти предлог выступить первым, а может, и наголову разбить разбойников, присвоив себе славу и те сокровища, которых в «диком краю» наверняка немало. Все они, разумеется, прошли бы через руки администратора Ли, которому было интересно то же, что и «тайным учёным» — утраченные изобретения древности. На юго-восток Чжао уводили и следы утраченной партии «черепашьего камня», и, конечно, разыскивать её было безопаснее под прикрытием циских войск.

Итак, я остался в лагере генерала Чжана. Сам он, обрюзгший и неповоротливый, был совершенно не похож на вояку, а в присутствии господина Ли не походил и на командующего — говорил с ним не иначе как в полупоклоне и с обращением «драгоценнейший стратег». Ли приходилось постоянно кланяться в ответ и изображать ещё больше почтительности, чтобы у присутствующих при беседе не сложилось ненужных впечатлений. Он отрекомендовал меня как талантливого и исполнительного человека, но таким образом, что Чжан, решивший было поставить меня во главе цинбаоского отряда, отказался от этой мысли и бесповоротно определил меня в тыл, на бессмысленную заместительскую должность.

С администратором Ли я более не виделся до окончания кампании и лишь успел попросить его об одолжении — направлять ко мне всех освобождённых пленников из разрушенной деревни Тайхо. Их, однако, за всё покорение «дикого края» набралось не так много: десятка два-три, больше женщины — существа, несчастнее которых я не видел в своей жизни. Из чувства долга перед Мэйлинь я, пользуясь положением, выписывал им подорожные в Цинбао, предлагая обрести там новый дом.

Линия фронта двигалась на север, а я оставался в Цзяоли. Шэн Янь и вэйцы начали наступление с запада, чжаоские и яньские войска двинулись навстречу цисцам, зажимая разбойников в кольцо. Всё, что мне оставалось, помимо бесед с освобождёнными, это сидеть в штабе и читать реляции и письма с Дуншаня: на каждое своё я получал по два ответа, от Яо Шаньфу и его дочери. Я порывался написать ей о встрече с Чжуан Дэшэном и всякий раз откладывал это на потом.

После очередного отступления бандитов ко мне в штаб доставили Ван Минхёка — измученного, в синяках и отёках, но всё так же невозмутимого.

— Герой, — отозвался о нём конвоир. — Спас себя и полсотни других. Разбойники собрали рабов в шахте и перед уходом собирались

завалить их всех вместе. Не у каждого хватило бы смелости броситься на этих мерзавцев с голыми руками и верёвкой на шее!

Минхёку, конечно, хватило. Драгоценная жизнь давно сузилась для него до выполнения последнего обещания, данного брату. Спасшись, он получал возможность и дальше служить мне; но и честно погибнув, обретал не меньше. Минхёку, конечно, хватило смелости. Я взялся лично за ним ухаживать, приносил бульон, накладывал бинты, но уже на следующий день он встал с постели и сам прислуживал мне, не обращая внимания на возражения.

От него же я узнал, как погиб У Чжайбо. В ту печальную зиму, покинув Дуншань, он в нарушение обещаний решил заглянуть на пепелище Тайхо и поискать в тумане сгинувшие вещи учителя Яо. Туман в той части ущелья Восточного Ветра держался низко, и они с Минхёком пару дней просидели в пещерке на склоне ущелья, прощупывая его когтистыми баграми. Улов был невелик, но Барабанчик сумел-таки выудить того самого серебристого истукана, о котором говорил с Яо Шаньфу. Довольный собой, он первым поднялся наверх, оставив Минхёка паковать вещи, — и наткнулся на тройку головорезов, злых от недавней неудачи на большой дороге. Мой слуга даже не успел прийти на помощь — несчастного У убили, а его самого повторно угнали в рабство и, конечно, обнаружив у него рабское клеймо, обращались с ним вдвойне жестоко. Но об этом Минхёк не говорил.

— Ваш друг добрый человек, хороший. Я виноват, зря отпустил, — только и повторял он. — Но ведь знаете, у него осталось письмо. Будет хорошо, если вы его найдёте, потом же доставите.

— Какое письмо? Где?

— В той сумке, в пещере.

— Да ведь прошло с полгода!

— Сумка крепкая, пещера маленькая, никто же не найдёт.

Отлучившись на неделю из штаба, мы вместе добрались до того злосчастного места, и Минхёк, несмотря на все свои травмы, проворно спустился по отвесной стене ущелья, а вернулся, победно держа над головой сумку. Перебирая её содержимое, хотелось плакать. Полупустая фляга, пара «индийских гранатов», серебристый цилиндр с вытравленным изображением человеческого лица и вязью заклинаний и кожаный конверт с письмом «Моей поэтессе». В этот момент мне

отчего представилась не Фея Северных Созвездий, а её сестра со своим строгим наказом: «Запомните и передайте, когда увидите. И пусть он её найдёт».

Я поднёс конверт к губам и шёпотом прочёл стихи, увиденные в библиотеке мастера Кана.

На Дуншань мы возвратились только к концу лета. Победу приписали, разумеется, дальновидности Сына Неба и немножко его шурина, но крамольные оды книжников прославляли циского губернатора. И когда министр-блюститель Шэн решил всё-таки объявить о месте проведения большой северо-восточной ярмарки (тем более необходимой, но уже в будущем году), свой выбор он остановил на области Янь. В ряду неприятных ему правителей северо-востока губернатор Тао казался наиболее благонадёжным, его войско (в значительной степени тоже из нашей слободы) было исполнительным и покладистым — и поголовно с иероглифами «верность долгу» на красно-чёрных лицах. Те удальцы, которые всё это время пробыли на Дуншане, ещё долго подтрунивали над собратьями, воевавшими в раскраске, но последних это не смущало — их распирало от гордости.

Мне было нечем гордиться. За это своё путешествие я потерял значительно больше, чем приобрёл.

Я вернулся домой, пораженьем увенчанный,
Перехвачен бедой, как паучьими нитями.
Не тревожьте мне сердце красивыми встречами
И, прошу, не ищите во мне победителя.
Кровью дышит закат, стонет поле цикадами,
В небесах две луны выплывают мишенями…
Если б мы в этот вечер не встретились взглядами,
Кто бы сбросил венец моего поражения?

Первый и последний ночной разговор с Мэйлинь был коротким. Когда я вышел к беседке на заднем дворе, она не пела песен и была в белом трауре. Из переписки я знал, что ещё в самом начале года умерла её мать; отец старался держаться, но было видно, что эта потеря его подломила.

— Как я рада, что ты жив! — сказала Мэйлинь вместо приветствия. Мы снова были на «ты». Губы тронула лёгкая улыбка: — Это мой оберег тебя защитил.

— Не только меня. — Я выдержал паузу и продолжил, стараясь не смотреть на неё: — Чжуан Дэшэн, твой жених… он выжил… Я повстречал его в «диком краю». Он будет искать тебя в Цинбао.

Молчание.

— Вы об этом… договорились? — спросила наконец Мэйлинь.

— Не совсем. Но если у него есть голова на плечах, он придёт именно туда. И твоих подруг, кого смог, я тоже туда направил. Ты ведь знаешь, теперь я помещик, а дома у них нет…

— Спасибо, — сказала она и тут же удалилась. Кажется, в слезах. Или мне хотелось так думать.

Примерно в это же время господин Чхве отправлял в Цинбао несколько слободских семей, и в беседе с Яо Шаньфу я спросил, не хочет ли он присоединиться к этой группе и повидать спасённых из рабства земляков.

— Сам я вряд ли осилю дорогу, — ответил он. — Но Мэйлинь пускай идёт, я за неё не тревожусь. Покажите-ка лучше Звёздную Цитру! Я много о ней слышал, но никогда не слышал её саму.

Мы вместе сели в моём кабинете, я достал Цитру из футляра и рассказал историю её пробуждения. Учитель Яо кивал и вдруг нажал на клавишу-выключатель. Цитра запела вновь, манипуляции делали звук выше и ниже, тише и громче, но вскоре он снова пропал.

— Не хватило заряда, — резюмировал Яо. — А ведь я читал об этом приспособлении. Один из «гранатов» содержит его полное описание. Хотите, я переведу его и составлю для вас трактат?

Всего остального как будто и не было. «Тайный учёный» остался наедине с тайной наукой. Когда он подолгу не покидал флигель, я заходил к нему, желая развлечь беседой, но Яо Шаньфу всякий раз выпроваживал меня: работы-де много и не стоит тратиться на разговоры, пока она не окончена. В середине осени он так и умер — за письменным столом, уронив кисть на середине столбца. Незадолго до этого я получил весточку от Мэйлинь: она благодарила меня за доброту и внимательность и просила не писать в ответ, сообщая, что покидает Цинбао вместе с Дэшэном и они поженятся сразу же по окончании положенного траура.

Мой дом снова опустел. Зажигая новую свечу в храме памяти предков, я встретился с администратором Ли. Он стоял, закрыв глаза, перед безымянной табличкой, но я знал, что она посвящена Юань

Мину. Он не хотел вписывать поддельное имя, но не рискнул проставить настоящее. Я тихо подошёл и, встав рядом, произнёс:

— Простите меня, в смерти господина Юаня виноват я. Вы так им дорожили и даже одели его досье в зелёное, а я, подлец, увёл его на погибель.

— Какими были его последние слова?

— «Шангуань Эньвэй». Ведь именно это имя должно сейчас быть на табличке…

— Именно оно, — с какой-то признательностью в голосе сказал Ли. — Не казните себя. Вы желали ему добра и хотели распутать узел двадцатилетней давности. Не ваша вина, что всё сложилось иначе.

Выделенная мне тетрадь подходит к концу, и, прежде чем начинать новую, уместно будет рассказать о следующем эпизоде.

Когда учитель Яо был ещё жив, в моём доме побывал совсем уж неожиданный визитёр — галантерейщик Чжу Лифань из Шанши. Неожиданный потому, что из рассказов Яо я вывел, что «тайные учёные» не должны надолго покидать свой город или деревню и даже менять заранее условленный адрес. Но в этот раз причина была самая убедительная.

События начались далеко от Шанши и Дуншаня — в противоположной части горной страны. Осенью об этом перешёптывались уже все. Выискав подходящий повод на небе (говорили о метеоритном дожде) и словно не замечая положения дел на земле, непокорная интеллигенция юго-запада начала выступления против императорского шурина. Знаменем протеста стал, конечно же, Босоногий Лань. Столица отозвалась проскрипциями, по стране пошли аресты и даже казни. Чжаоский губернатор Сунь Юшуй, дотоле сидевший как на иголках, добровольно подал в отставку, но это не спасло его от нескольких месяцев тюрьмы и дальнейшей ссылки. В числе «подозрительных смутьянов» оказался и некий Лу Мин, библиотекарь и «тайный учёный» из области Ба.

— К нему явились с обыском, — рассказывал Чжу Лифань, — и, представляете, нашли незашифрованный список наших адресов с именами.

Можно себе представить, как рассуждали во Дворце Львиных Ступеней. Пахло целой сетью заговорщиков, раскинутой по всей

стране — и со связями в Чу, что делало ситуацию особенно пикантной. Пошла новая волна арестов, допросов, пыток.

— Какие именно адреса и имена значились в списке Лу, никто не знает, — говорил Чжу, — но все наши на всякий случай снимаются с места и бегут. Советую и вам обоим.

— Едва ли, — отчего-то беззаботно ответил я. Теперь Дуншань казался мне совершенно непроницаемым и безопасным местом. — Оставайтесь лучше у нас. Или возвращайтесь, когда всё успокоится.

— Может быть, может быть, — с двойным поклоном сказал сухопарый галантерейщик. — Но сейчас я должен предупредить остальных. Прощайте.

Наши пути больше не пересекались.

Сообщество «тайных учёных» перестало для меня существовать. Наскоро посвящённый в этот орден, я так с ним и не познакомился, а теперь не мог разыскать никого и по адресам. Тетрадь в белом бархате, моё большое сокровище, вновь стала тем, чем была в самом начале. Сборником стихов любящего отца любимому сыну. Стихов, в которых не нужно ничего выискивать и просчитывать. Оставшись один, я остался с ним наедине. Но и исполнение его замыслов ложилось теперь на меня одного — без единомышленников и помощников.

Подходящие слова, чтобы завершить на них первую тетрадь воспоминаний. И я буду признателен, если тот, кому она достанется, обернёт её в белый бархат. Это было бы справедливо.

Указатель некоторых персоналий и мест

Айго — *см.* Чэнь Айго.

Бао Бревно — удалец из дуншаньской «добровольной стражи», побратим главного героя; подарил ему нож «Навстречу смерти».

Барабанчик — *см.* У Чжайбо.

Благопристойный, государь — отец Сына Неба.

Бусянь, атаман — герой приключенческого романа «Братья-тигры и атаман Бусянь»; такое прозвище главный герой также дал Симэнь Фу *(см.)*.

Бянь Мэнцай, чрезвычайный докладчик — сотрудник министерства столичной безопасности, путешествующий по северо-востоку под именем Бянь Хэншу.

Ван Минхёк — искатель «индийских гранатов»; стал слугой главного героя после смерти своего старшего брата.

Ван Минчхоль — старший брат Ван Минхёка; умер в Лияне.

Ван Оуба — хозяин аптеки неподалёку от обители Облачного Дворца в селении Дайча (область Цзюй).

Ван Шифан, генерал — первый владелец имения Цинбао; такое прозвище главный герой также дал Цзюй Госю *(см.)*.

Второй Лидер — *см.* Цзи Гочжи.

Вэйминьский князь — *см.* Цзи Фэйань.

Грозовой Демон Чжан — см. Чжан Сугун.

Гун — владелец инчуаньского ресторана «Дары бамбука».

Дин Шоусин — первый помощник министра юстиции, знакомый Юань Мина.

Диу Сянвэнь — мастер фехтования, руководитель труппы в области Цзюй.

Доу Ифу — второй помощник губернатора области Янь, глава яньской делегации на большой дворцовой ассамблее.

Дуань, капитан — начальник дуншаньской «добровольной стражи».

Дяо, доктор — врач-иридодиагност из гостевой слободы.

Ёнсин — *см.* Чхве Ёнсин.

Жаожан, косоглазый — глава гильдии нищих в Ю.

Змеиный князь — легендарный предводитель бандитов; согласно популярным историям, убит призраком Си Цинли.

Зодчий, государь — император, отец государя Благопристойного, Цзи Дуаньяна и Цзи Фэйаня.

И Мэнкун — ревизор в области Янь, член яньской делегации на большой дворцовой ассамблее.

Ин Юэу, доктор — химик, руководитель лаборатории в гостевой слободе.

Кан, госпожа — вдова «тайного учёного» Кана, талантливый реставратор, мать девиц Хеён и Юми, владелица хутора Хунчоу.

Кан Хеён — старшая дочь госпожи Кан.

Кан Юми — младшая дочь госпожи Кан.

Кён — *см.* «матушка Кён».

Ким, поверенный — служащий торгового дома Чхве.

Коронованный Дракон — верховод разбойников «дикого края».

Куай Крысолов — начальник бандитской засады у потайного хода из Баопина.

Лань Нэймяо (Босоногий Лань) — лидер протеста интеллигенции юго-запада.

Лай Даолинь — основатель «Течения девяти принципов».

Лао Чандан — старый индиец богатырского сложения, беженец из Юэ, нашедший убежище в Цинбао.

Ли Цю (Воронёнок) — слуга главного героя, ловкий пострел.

Ли, администратор — советник Чхве Гванджо.

Линь Жуян — командующий Южной армией, ведущей войну с Чу.

Линь Мо — поэт из гостевой слободы, один из «трёх Линей».

Линь Хуаши — музыкант из гостевой слободы, один из «трёх Линей».

Линь Цзандэ (Отражённый Феникс) — художник из гостевой слободы, один из «трёх Линей».

Ло Вэйфань — великий художник-пейзажист прошлого.

Лунвэй — старик из погибшей деревни Лаоту; рассказывал об универсальном оружии против гуйшэней.

Лю Эрфань — бэйлунский коллекционер музыкальных инструментов.

Лю Яньтай — поверенный Цзи Фэйаня.

Люй Дацюань (Люй-цзы) — автор старинного трактата «О верности долгу».

Лян — род наследственных губернаторов области Цзюй.

Лян Тобэй (Змееяд) — хуторянин-змеелов из вэйской префектуры Инчуань.

Лян Чжунли — губернатор области Цзюй, разогнавший даосскую обитель Облачного Дворца.

Лян Шибяо, генерал — первый губернатор области Цзюй.

Ляо — род столичных вельмож.

Мао Цзиянь — новое имя, полученное Цзюй Госю *(см.)*.

«Матушка Кён» — глава яньской секты почитателей Люй Дацюаня.

Минхёк — *см.* Ван Минхёк.

Му, достопочтенный — юский ростовщик, скупающий «индийские гранаты».

Мэйлинь — *см.* Яо Мэйлинь.

Нун — участник бандитской засады у потайного хода из Баопина.

Оуян Шутай — владелец хутора близ Цинбао.

Пак Симон — кореец из древней крепости Антей к северо-востоку от горной страны.

Пао Лисан (Пао-цзы) — крупнейший литератор прошлого, автор «Коллекции».

Первый Лидер — *см.* Цзи Далун.

Пэк — один из двух шатоских родов.

Пэк Кванмин — дядя убитого Пэк Ханыля.

Пэк Ханыль — погибший в Ю рудокоп, лидер шатоских протестов.

Пэн, барышня — дочь судьи Пэна.

Пэн, судья — правитель в селении Юмин.

Пэн Бо — сын судьи Пэна, детский товарищ главного героя.

Рю Тонхёк — «благородный разбойник» северо-востока.

Си, капитан — начальник телохранителей Цзи Фэйаня.

Си Цинли — легендарный предводитель бандитов; согласно популярным историям, предательски убит Змеиным князем.

Симэнь Фу («атаман Бусянь») — тайный агент, убивший Чэнь Айго.

Сицзи, князь — титул Сына Неба до воцарения.

Скворец — *см.* Хуан Чжэлу.

Су Вэйчжао — архивариус из Тайцзина; переписал секретные чертежи из столичной библиотеки.

Су Цзышу, советник — служащий префектуры Юйкоу.

Сунь Юшуй — губернатор Цинь, впоследствии Чжао, участник скандала с участием Лань Нэймяо.

Сыма — род столичных вельмож.

Сыма Вэньлуань — министр-блюститель государственной безопасности.

Сюй Чаньпу — руководитель оружейной мастерской на Дуншане.

Тан (Ядовитый) — школьный учитель главного героя.

Тао Ханьло — губернатор области Янь, в ссоре с губернатором области Ци и Шэн Янем.

Триумфатор, государь — император, при котором в стране расцвели преступные общества.

Тын — один из двух шатоских родов.

Тын Тэхён — житель Шато, знакомый Ван Минхёка, рассказавший ему о ритуале последней беседы.

Тын Ынхо — староста Шато.

Тянь Чуанфэй — глава цензората в период скандала с участием Лань Нэймяо.

У Чжайбо (Барабанчик) — «тайный учёный» из Тулина (область Шу), балагур, весельчак и путешественник.

Фань Яоцзу (Чёрный Поток) — слепой даос в Ю, хозяин Удела Великой Пустоты.

Фея Северных Созвездий — артистка, выступающая в ресторане «Ветер добродетели» в Аньи.

Ханыль — *см.* Пэк Ханыль.

Хань Болин (Генерал-Единорог, Державный Распорядитель Небесной Казны) — возможный убийца Пэк Ханыля.

Хань Хао — видный художник прошлого.

Хванбо Санджун — *см.* Хуанфу Сяньцзюнь.

Хеён — *см.* Кан Хеён.

Ходжон — привратник вдовы Кан.

Хуан Чжэлу (Скворец) — сын разбойника, неудачливый купец из Ю; получил от главного героя меч отца.

Хуанфу Сяньцзюнь — герой народной поэмы «Сожжённое имя»; потерял любимых, пока гонялся за славой.

Цао, судья — расследовал дело об убийстве Пэк Ханыля.

Цзань Старый и **Цзань Малый** — шпионы Чхве Гванджо, мастера переодевания.

Цзи Гочжи (Второй Лидер) — сын Цзи Далуна; установил в горной стране империю и традиционный уклад.

Цзи Далун (Первый Лидер) — первый руководитель горной страны; в период великого бедствия организовал массовую эвакуацию из низин в горы.

Цзи Дуаньян — средний сын государя Зодчего, дядя Сына Неба.

Цзи Фэйань (Вэйминьский князь) — младший сын государя Зодчего, выдающийся государственный деятель, владелец поместья Баопин.

Цзи Цзысин — император, сын Цзи Гочжи.

Цзун — участник бандитской засады у потайного хода из Баопина.

Цзэн Фу — хэланьский ростовщик, подельник разбойников «дикого края».

Цзюй Госю (Мао Цзиянь) — актёр, один из обитателей имения Цинбао.

Цзян Цепной Молот — главарь разбойников, разоривших селение Юмин.

Цуй Гуанцзу — китайское имя префекта Чхве Гванджо.

Цуй Шиянь — приёмный отец Чхве Гванджо.

Чан — кузен вдовы Кан, ведущий дела её имения.

Чандан, князь — древний правитель одного из равнинных индийских государств; такое прозвище, а затем и имя главный герой также одному из обитателей имения Цинбао (*см.* Лао Чандан).

Чжа (Заморыш) — хозяин трактира «Чаша богатства» на юго-востоке «дикого края».

Чжан, генерал — командующий войсками Ци в Походе великого отмщения.

Чжан, старый слуга — дворецкий главного героя.

Чжан Фоу — умерший «тайный учёный» из Тулина (область Шу), дядя У Чжайбо.

Чжан Сугун (Грозовой Демон) — разбойник, начавший штурм Баопина.

Чжу Лифань — «тайный учёный» из Шанши, галантерейщик; передал главному герою устройство с синим лучом.

Чжуан Дэшэн — жених Яо Мэйлинь из разрушенной деревни Тайхо.

Чжэ — уничтоженный род столичных вельмож.

Чжэ Фацзюэ — выдающийся министр прошлого, разгромил «Течение девяти принципов».

Чжэн Тоуто — любитель мистических рассказов из Ю; принадлежит к секте «матушки Кён».

Чхве — торговый корейский клан северо-востока.

Чхве Гванджо — префект Дуншаня, покровитель гостевой слободы.

Чхве Ёнсин — охранник торгового дома Чхве.

Чхве Юджин — охранник торгового дома Чхве.

Чэнь Айго — сопровождающий главного героя в путешествии до Тайцзина и обратно.

Чэнь Циэр — поэт прошлого.

Чэнь Шоугуан — генеральный инспектор в Ци, глава циской делегации на большой дворцовой ассамблее.

Шангуань, мастер — таинственный мастер философии и фехтования; учил Цзи Фэйаня и отца главного героя.

Шатун — участник бандитской засады у потайного хода из Баопина.

Шэ Ин — комендант древней крепости Антей к северо-востоку от горной страны.

Шэн Цзывэй — наперсник императора; искоренил род Чжэ, выдал сестру замуж за императора.

Шэн Э — вторая (Лазурная) императрица.

Шэн Янь — императорский шурин, глава министерства столичной безопасности, впоследствии — министр-блюститель государственной безопасности, самый влиятельный чиновник при дворе.

Юань Мин (Белая Шляпа) — давний друг отца главного героя, знаток людей.

Юджин — *см.* Чхве Юджин.

Юй Шатин — наблюдательный молодой человек; познакомился с главным героем в Аньи.

Юми — *см.* Кан Юми.

Яо Мэйлинь — дочь учителя Яо Шаньфу; старается помогать главному герою, но делает это тайно или без спроса.

Яо Шаньфу, учитель — основатель общества «тайных учёных»; поселился в доме главного героя, бежав из разрушенной деревни Тайхо.

*** * ***

Антей — древняя крепость к востоку от горной страны.

Барсов Хвост — длинный мост, соединяющий Цискую дугу с плоскогорьем.

Бирюзовые террасы — метонимическое обозначение министерства юстиции.

«Ветер добродетели» — ресторан в Аньи.

«Дары бамбука» — ресторан-библиотека в Инчуане.

Дворец Львиных Ступеней — метонимическое обозначение аппарата министра-блюстителя государственной безопасности.

Зал Державной Справедливости — главный зал приёмов губернаторского дворца в Лияне, метонимическое обозначение правителя области Янь.

Запретный город — центральная часть Тайцзина, где расположен императорский дворец.

«Золотая звезда» — гостиница за городскими стенами Лияна.

Журавлиный мост — северный мост Люйшаня.

Ланхуа — древняя равнинная держава, погибшая в междуусобицах.

«Литературные таланты» — юский ресторан, где умер Пэк Ханыль.

Мост Белого Тигра — восточный мост Дуншаня.

Мост Небесного Спокойствия — церемониальный мост Дуншаня.

Мост Красной Птицы — южный мост Дуншаня.

Обитель Облачного Дворца — даосский монастырь в Дайча.

Оплот Державного Знания — средняя часть Тайцзина, где находятся особо значимые учреждения столицы.

Площадь Высочайшего Благоволения — главная площадь Дуншаня.

«Семеро Безымянных» — семь высоких зданий в Оплоте Державного Знания, включая имперскую библиотеку.

Столп Срединного Покоя — естественная каменная колонна, на которой построен Тайцзин.

Сыгунфэн — пик горы Юцзюэшань, где расположена кумирня четырёх князей Ю.

Удел Великой Пустоты — чёрный павильон даоса Фань Яоцзу.

Улица Тысячекратного Благополучия — улица в Ю, где расположена закладная лавка достопочтенного Му.

Улица Яшмовой Луны — улица в Ю, где был ранен Пэк Ханыль.

«Цветы востока» — гостиница на Дуншане.

Цзао — древнее равнинное государство к юго-востоку от горной страны.

Циская дуга — хребет в северо-западной части области Ци; обыкновенно отделён от плоскогорья туманом, но соединяется с ним во время отливов.

Часовня Первоначал — строение за городскими стенами Дуншаня, место проведения дуэли художников.

«Чаша богатства» — разбойничий трактир на юго-востоке Чжао, между Босу и Цзяоли.

Юцзюэшань — гора, на которой находится значительная часть префектуры Ю.

Яньское подворье — городская усадьба в Тайцзине; во внутреннем дворе в миниатюре воспроизводятся ландшафт и строения области Янь.